

Л1 (АНО)
Г-201

ТОМАС
ГАРДИ

ТЭСС
ИЗ РОДА
Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ

ТОМАС
ГАРДИ

ТЭСС
ИЗ РОДА
Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ

ЧИСТАЯ
ЖЕНЩИНА,
ПРАВДИВО
ИЗОБРАЖЁННАЯ

Ташкент
Издательско-полиграфическое объединение
имени Ибн Сины
1993

И (Англ)
И (Англ)

ОПИСАНО

Перевод с английского
А. В. КРИВЦОВОЙ

Печатается с издания 1955 года, подготовленного
Государственным издательством художественной литературы (Москва)

Гарди Томас.

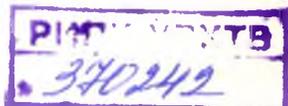
Г 20 Тэсс из рода д' Эрбервиллей: Чистая женщина, правдиво изображенная // Пер. с англ. А. В. Кривцовой; Послесл. М. Урнова /. — Т.: Изд.-полигр. об-ние им. Ибн Сины, 1993. — 352 с.

И (Англ)

4763000000 — 052
М 354 (04) — 93 доп.

© Издательско-полиграфическое
объединение имени Ибн Сины,
1993 г. (оформление).

ISBN 5-638-01044-0

...Бедное поруганное имя!
Сердце мое, как дожде, приоттит тебя

В. ШЕКСПИР

Фаза первая

ДЕВУШКА

I

Однажды вечером во второй половине мая человек средних лет шел домой из Шестона в деревню Марлот, находящуюся неподалеку, в долине Блекмор, или Блекмур. Походка его была нетвердой, и он то и дело сворачивал влево с прямого пути. Иногда он энергично кивал головой, словно в подтверждение какой-то мысли, хотя в сущности ни о чем определенном не думал. Пустая корзинка из-под яиц висела у него на руке; ворс на шляпе был взъерошен, а поля протерты в том месте, где их касался большой палец, когда человек снимал шляпу. Вскоре повстречался с ним пожилой священник, который ехал на серой кобыле и мурлыкал какую-то песенку.

— Добрый вечер, — сказал человек с корзинкой.

— Добрый вечер, сэр Джон, — отозвался священник.

Пешеход, сделав еще два-три шага, приостановился и оглянулся.

— Прошу прощения, сэр, в прошлый базарный день мы с вами встретились в это же время, на этой же дороге, и я сказал: «Добрый вечер», а вы, как и сейчас, ответили: «Добрый вечер, сэр Джон».

— Совершенно верно; ответил, — сказал священник.

— И еще раз это было — почти месяц назад.

— Возможно.

— Ну а почему вы меня несколько раз называли «сэр Джон», когда я просто Джек Дарбейфилд, разносчик?

Священник подъехал к нему ближе шага на два.

— Так мне захотелось, — сказал он и, секунду поколебавшись, добавил: — Объясняется это тем, что не так давно я ра-

явскивал родословные для новой истории графства и сделал одно открытие. Я — священник Трингхэм, антикварий из Стэгфут Лейна. Неужели вы не знаете, Дарбейфилд, что вы приходите по прямой линии от древней и рыцарской семьи д'Эрбервиллей, которые ведут свой род от сэра Пэгана д'Эрбервилля, того знаменитого рыцаря, что приехал из Нормандии с Вильгельмом Завоевателем, как это видно из родословных записей, хранящихся в аббатстве Бэттл¹?

— Никогда об этом не слыхивал, сэр.

— Но это так. Приподнимите-ка голову, чтобы я мог лучше разглядеть ваш профиль. Да, это нос и подбородок д'Эрбервилля, слегка огрубевшие. Предок ваш был одним из тех двенадцати рыцарей, которые помогали лорду Эстремавилля в Нормандии при завоевании Глеморганшира. Ветви вашего рода владели поместьями в этой части Англии; имена их появляются в списках королевского казначея во времена короля Стефана². При короле Иоанне один из них был настолько богат, что мог подарить поместье рыцарям-госпитальерам, а при Эдуарде Втором ваш предок Брайан вызван был в Вестминстер для участия в Великом Совете. Ваш род начал приходить в упадок во времена Оливера Кромвеля, а при Карле Втором ваши предки за верность королю были посвящены в рыцари Королевского Дуба. В каждом поколении вашего рода был сэр Джон, и будь рыцарское звание, подобно баронетству, наследственным, каковым оно на деле и являлось в былые времена, когда переходило от отца к сыну, — вы были бы теперь сэр Джон.

— Да что вы говорите!

— Короче, — заключил священник, внушительно похлопывая себя хлыстом по ноге, — вряд ли найдется второй такой же род в Англии.

— Лопни мои глаза! Да неужто в самом деле? — сказал Дарбейфилд. — А я-то тут болтаюсь год за годом, как неприкаянный, словно самый что ни на есть простецкий парень в приходе!.. И давно это было обо мне известно, пастор Трингхэм?

Священник объяснил, что, насколько он знает, сведения эти давно затерялись и вряд ли кто-нибудь помнит сейчас об этом. Сам он начал расследование прошлой весной, когда, занимаясь изучением судьбы рода д'Эрбервиллей, заметил однажды на его повозке фамилию Дарбейфилд, что побудило его наводить справки о его родословной, пока не рассеялись все его сомнения.

¹ Так называлось аббатство, построенное Вильгельмом Завоевателем в память битвы (battle — битва) при Гастинге (1066 г.), закончившейся победой нормандцев над англосаксами.

² Стефан, граф Блуа (ок. 1097 — 1154) — король Англии.

— Сначала я решил не тревожить вас такими бесполезными сообщениями, — сказал он. — Однако разум наш иногда не может справиться с нашими побуждениями. Я подумал: пожалуй, вам всегда было кое-что об этом известно.

— Да, я слышал разок-другой, что семья моя знавала лучшие дни до той поры, как приехала в Блекмур. Но я не обратил внимания, думал — речь идет о том, что когда-то мы имели двух лошадей, а теперь держим только одну. Есть у меня дома старая серебряная ложка и старая резная печать; но, господи помилуй, велика штука — резная печать!.. И подумать только, что я и эти благородные д'Эрбервилли — одна плоть и кровь! Люди толковали, что у прадеда моего была какая-то тайна и он не любил говорить о том, откуда пришел... А осмелюсь спросить вас, пастор, где поднимается теперь дым над нашим очагом, — я хочу спросить, где мы, д'Эрбервилли, живем?

— Вы нигде не живете. Ваш род угас.

— Плохо дело.

— Да... как говорят лживые семейные хроники, род пресекается по мужской линии — иными словами, зачах, угас.

— Так где же мы лежим?

— В Кингсбир-суб-Гринхилле; многие из вас лежат в склепах; и ваши изваяния покоятся под сводами из пурбекского мрамора.

— А где же наши дома и поместья?

— У вас их нет.

— О? И земли нет?

— Никакой; хотя земли, как я уже сказал, у вас когда-то было много, ибо ваш род состоял из многочисленных ветвей. В этом графстве было у вас поместье в Кингсбуре и еще одно в Шертоне, а также в Милпоиде, в Лулстеде и Уэллбридже.

— А вернется ли к нам когда-нибудь наша собственность?

— Ну, этого я не могу сказать.

— Так что же вы мне посоветуете делать, сэр? — помолчал, спросил Дарбейфилд.

— Ничего; а впрочем, постарайтесь сосредоточиться на мысли о том, как происходит «падение сильных мира сего». Этот факт представляет некоторый интерес для местного историка и человека, занимающегося генеалогией, — но и только. В этом графстве есть среди поселян несколько семейств, почти не уступающих вам в знатности происхождения. Ну, до свиданья!

— А не согласитесь ли вы, пастор Трингхэм, повернуть по этому случаю назад и распить со мною кружку пива? Есть очень хорошее пиво в бочках в трактире «Чистая Капля», — хотя, конечно, оно будет похуже, чем у Ролливера.

— Нет, благодарю вас, Дарбейфилд,— не сегодня: вы уже достаточно выпили.

С этими словами священник поехал своей дорогой, сомневаясь, благо разумно ли он поступил, сообщив эти любопытные сведения.

Когда он уехал, Дарбейфилд прошел несколько шагов, погруженный в глубокие размышления, а затем присел на поросшую травой придорожную насыпь и поставил перед собой корзинку. Спустя несколько минут показался вдали юноша, который шел в этом же направлении, что и Дарбейфилд. Последний, заметив его, поднял руку; юноша ускорил шаги и подошел ближе.

— А ну, парень, возьми эту корзинку! Я хочу дать тебе поручение.

Долговязый юноша нахмурился.

— А вы кто такой будете, Джон Дарбейфилд, чтобы приказывать мне и называть меня «парень»? Вы мое имя знаете не хуже, чем я ваше.

— Да ты-то знаешь ли? Вот в чем секрет, вот в чем секрет! А теперь слушайся меня и исполни поручение, которое я намерен тебе дать... Ну, Фред, я, уж так и быть, скажу тебе: секрет в том, что я происхожу из благородной семьи,— я это открыл только что, не раньше, чем сегодня вечером.

И, объявляя эту новость, Дарбейфилд, сидевший на насыпи, небрежно растянулся на траве среди маргариток. Юноша стоял перед Дарбейфилдом и осматривал его с ног до головы.

— Сэр Джон д'Эрбервилль — вот кто я такой,— продолжал тот лежать.— То есть был бы им, будь теперь рыцари баронетами,— а раньше ведь так-то и было... Все сведения обо мне занесены в историю. Известно ли тебе, парень, такое место, как Китсбир-суб-Гринхилл?

— Да. Я был там на гринхиллской ярмарке.

— Так вот под церковью в этом городе лежат...

— Какой же это город — то местечко, о котором я говорю? Во всяком случае, когда я там был, оно городом не было, — так себе, маленькое глухое местечко.

— Неважно, парень, какое это место, не о том идет речь. Под церковью этого прихода лежат мои предки; их сотни — в колычугах и драгоценностях, в огромных свинцовых гробах, которые весят много тонн. В графстве Саут-Уэссекс нет ни одного человека, который имел бы в своем роду более знатные и благородные скелеты, чем имею я.

— Ну?

— Теперь бери эту корзинку и ступай в Марлот, а когда придешь в харчевню «Чистая Капля», скажи, чтобы немедленно

прислали за мной лошадь и экипаж отвезти меня домой. А в экипаж пусть положат бутылочку рому и запишут на мой счет. А когда ты это сделаешь, ступай с корзинкой ко мне домой и скажи моей жене, чтобы она отложила с ирку, потому что ей незачем ее кончать, и пусть ждет, когда я приду, — есть у меня для нее новости.

Так как юноша стоял в нерешительности, Дарбейфилд засунул руку в карман и извлек шиллинг — один из немногих, какие у него имелись.

— Вот тебе за труды, паренек.

После этого юноша по-иному стал расценивать создавшееся положение.

— Да, сэр Джон. Благодарю вас. Чем еще могу вам служить, сэр Джон?

— Скажи им там, дома, что я бы хотел на ужин жареного барашка, если они могут его раздобыть; а если не могут — кровяную колбасу; а если и этого не могут, — ну, тогда я обойдусь рубцами.

— Хорошо, сэр Джон.

Подросток взял корзинку и тронулся было в путь, как вдруг с той стороны, где находилась деревня, донеслись звуки духового оркестра.

— Что это? — спросил Дарбейфилд. — Уж не в мою ли честь?

— Это гулянье женского клуба, сэр Джон. Да ведь ваша дочь — один из членов.

— Верно, я совсем об этом забыл, размышлял о более высоких предметах. Ну, отправляйся в Марлот и закажи экипаж, а я, может быть, поеду погляжу на этот клуб.

Юноша ушел, а Дарбейфилд стал ждать, лежа на траве и маргаритках в лучах заходящего солнца. Долго не проходил здесь ни один человек, и только слабые звуки оркестра возвещали о присутствии людей в этой долине, окаймленной синими холмами.

II

Деревня Марлот расположена среди возвышенностей, на северо-западе красивой долины, которая, как сказано выше, называется Блекмор, или Блекмур, — уединенной долины, опоясанной грядою гор и в большей своей части еще неизвестной туристам и пейзажистам, хотя находится она в четырех часах езды от Лондона.

Лучше всего можно с ней познакомиться, обозревая ее с вершины холмов, которые ее окружают, — неблагоприятным для этого временем является, пожалуй, летняя пора засухи. Блуждание без проводника по уединенным этим местам в плохую по-

году может породить недовольство узкими извилистыми и грязными ее тропами.

Эта плодородная и защищенная область, где поля никогда не бывают сожжены солнцем, а источники никогда не высыхают, ограничена с юга крутым меловым хребтом, который окаймляет возвышенности Хэмблдон-Хилл, Балбэрроу, Нетлком-Таут, Догбери, Хай Стой и Баб Даун. Путник с побережья, пройдя десятка два миль на север по известковым холмам и пашиям и достигнув одного из этих плоскогорий, с изумлением и восторгом созерцает раскинувшуюся у его ног, словно жарта, страну, резко отличающуюся от той, которую он миновал. Позади остались открытые холмы, поля, залитые солнцем, такие большие, что пейзаж кажется ничем не обрамленным; дороги там белы, живые изгороди низки и переплетаются ветвями, а воздух бесцветен. А здесь, в долине, мир словно построен по-иному — меньшему и более изящному — масштабу; поля невелики, как загоны, и так удалены они от этой вершины, что живые изгороди кажутся сгущением темнозеленых нитей, протянутых на светлозеленом фоне травы. Воздух внизу дремлет и так густо окрашен лазурью, что среднее расстояние, как называют это художники, также принимает синеватый оттенок, а дальше, на горизонте, темнеют глубокие ультрамариновые тона. Пахотной земли мало, и почти везде раскинулась широкая пышная мантия из травы и деревьев, одевающая более низкие холмы и долины, замкнутые высокими холмами. Такова долина Блекмур.

Местность эта представляет не только топографический, но и исторический интерес. В былые времена долина была известна как Лес Белого Оленя, ибо с ней связана любопытная легенда, повествующая о том, как в царствование короля Генриха III был убит неким Томасом де ла Линдом великодушный белый олень, которого загнал, но затем и пощадил король, и событие это привело к взысканию высокого денежного штрафа. В ту пору и до недавнего сравнительно времени здесь были дремучие леса. И по сей день сохранились еще следы их: дубняк в кое-где заросли строевого леса одевают склоны долины, а длинные деревья бросают тень на пастбища.

Леса исчезли, но сохранились некоторые древние обычаи, возникшие в тени деревьев; многие из них, однако, влачат существование в видоизмененной либо замаскированной форме. Пляску Майского дня, например, можно было наблюдать после полудня, угадывая ее под маской клубного праздника, или «клубного гулянья», как называлась она в тех краях.

Событие это интересовало жителей Марлота — тех, кто был помоложе, — хотя подлинный его смысл ускользал от наб-

людения участников церемонии. Особенность его заключалась не столько в сохранении обычая ежегодно устраивать гулянья и пляски, сколько в том, что в процессии участвовали одни женщины. В мужских клубах такие празднества устраивались чаще, хотя и выходили из моды; но природная ли робость слабого пола, или саркастическое отношение родственников мужчин лишило те женские клубы, какие еще существовали (если имелись таковые, кроме клуба марлотского), блеска их и веселья. Один только клуб в Марлоте существовал и организовывал празднества в честь местной Цереры. В течение столетий он устраивал шествия и продолжает устраивать их и по сей день.

Все участницы процессии были одеты в белые платья — веселый пережиток далеких дней, когда беззаботность и май были синонимами, — дней, предшествовавших тому времени, когда привычка заглядывать далеко вперед стерла яркость эмоций. Сначала процессия обошла пара за парой вокруг прихода. Идеал и реальность слегка повздорили, когда солнце осветило шествие и фигуры вырисовывались на фоне зеленых изгородей и домов, обвитых ползучими растениями, ибо, хотя все участницы процессии одеты были в белые платья, не было здесь двух одинаковых белых тонов. Иные платья по цвету приближались к идеально белому, другие отличались какой-то свинцовой белизной; были и такие, облакавшие особ постарше (и, быть может, пролежавшие сложенными много лет), которые приняли мертвенный оттенок и сшиты были по моде времен Георгов.

Отличительным признаком было белое платье; кроме того, каждая женщина и девушка несла в правой руке ивовый жезл, с которого была содрана кора, а в левой букет белых цветов. И каждая должна была сама снять кору с прута и выбрать цветы для букета.

В процессии участвовало несколько женщин средних лет и даже пожилых, — их серебряные жесткие волосы и морщинистые лица, исхлестанные временем и невзгодами, имели едва ли не гротескный и во всяком случае патетический вид во время этого веселого шествия. В сущности больше, чем о молодых их товарках, можно было бы узнать и рассказать о каждой из этих женщин, отягченных заботами и опытом, — о каждой женщине, чьи годы приближали ее к возрасту, о котором она скажет: «Он не дает мне радости». Но пройдем мимо пожилых во имя тех, в чьих жилах кровь пульсирует быстро и жарко.

Действительно, молодые девушки были здесь в большинстве, и роскошные их волосы отливали в лучах солнца золотыми, черными и каштановыми тонами. У одних были красивые глаза, у других — красивый нос или красивый рот и фигура; но вряд ли кто-нибудь из них обладал всем этим одновременно.

Ясно было, что, выставляя себя напоказ, они нарочно сжимают сурово губы, не умеют нести невозмутимо голову и не могут стерпеть с лица сознание того, что на них смотрят; — это была истая деревенские девушки, непривычные к тому, что на них глазают.

Их всех равно пригревало солнце, но у каждой было и свое маленькое солнышко, в лучах которого грелась душа: какая-нибудь мечта, привязанность, фантазия или хотя бы туманная слабая надежда, которая, не получая пищи, чахла, быть может, но продолжала жить, как живут надежды. И потому все были беззаботны, а многие веселы.

Они обошли трактир «Чистая Капля» и уже сворачивали с большой дороги к воротам, чтобы выйти на луг, когда одна из женщин воскликнула:

— Господи помилуй! Смотри-ка, Тэсс Дарбейфилд, уж не твой ли это отец едет домой в экипаже?!

Услышав это восклицание, одна молоденькая участница процессии повернула голову. Это была красивая девушка, быть может не более красивая, чем некоторые другие, но нервный рот ее, красный, как пирн, и большие невинные глаза подчеркивали ее миловидность. Волосы она украсила красной лентой и среди женщин, одетых в белое, была единственной, которая могла похвастаться таким ярким украшением. Когда она оглянулась, Дарбейфилд ехал по дороге в фаэтоне, принадлежащем «Чистой Капле», которым правила кудрявая мускулистая девица с засученными выше локтя рукавами. Девица эта была веселой служанкой трактира и, исполняя свою роль фактотума, превращалась иногда в конюха и грума. Дарбейфилд, откинувшись на спинку сидения и блаженно закрыв глаза, помахивал рукой и медленно тянул речитативом:

— У — меня — в Кингсбуре — есть — большой — семейный — склеп — и — рыцари — предки — лежат — там — в свинцовых — гробах!

Члены клуба захихикали — все, кроме Тэсс, которую, казалось, в жар бросило оттого, что отец ее является в их глазах посмешищем.

— Он устал, вот и все, — поспешно сказала она, — и его довезут до дому, потому что наша лошадь должна сегодня отдыхать.

— Ну и простушка же ты, Тэсс! — отозвались ее товарки. — Он хлебнул сегодня на базаре. Ха-ха!

— Слушайте, я ни шагу не ступлю дальше, если вы будете над ним подшучивать! — крикнула Тэсс, и румянец, горевший на ее щеках, разлился по лицу и шее; на глаза у нее павернулись слезы. Товарки, заметив, что причинили ей боль, не сказа-

ли больше ни слова и утихомирились. Гордость не позволила Тэсс оглянуться еще раз, узнать, что имел в виду ее отец, если в его словах вообще был какой-то смысл; и она шла вместе с процессией к изгороди, за которой предполагалось танцевать на траве. Когда пришли они к этому месту, она обрела утраченное душевное равновесие и, похлопывая свою соседку железом, болтала, как всегда.

В эту пору жизни Тэсс Дарбейфилд была лишь сосудом эмоций, не окрашенных опытом. Хоть она и училась в сельской школе, но не совсем отделалась от местного произношения, — а для диалекта этой области характерным являлось злоупотребление звуком «э» — звуком, не менее выразительным, чем всякий другой в человеческой речи. Пухлые алые губы, с которых столь часто срывался этот звук, еще не были твердо очерчены; когда девушка, умолкая, сжимала губы, нижняя губа чуть-чуть приподымала верхнюю.

В лице ее все еще таилось что-то детское. Когда шла она сегодня — веселая, красная, женственная, — щеки ее иной раз вызвали воспоминание о двенадцатилетней девочке, сверкающие глаза — о девятилетней, а изгиб рта — о пятилетней крошке.

Однако мало кто об этом знал и почти никто не думал. Незнакомцы — их было немного — долго смотрели на нее при встрече и, зачарованные ее свежестью, задумывались над тем, увидят ли они ее еще когда-нибудь. Но почти для всех она была красной деревенской девушкой — и только.

Больше не видно и не слышно было Дарбейфилда в триумфальной его колеснице, управляемой кошоном женского пола, а когда процессия достигла огороженного места, начались танцы. Так как мужчин в этой компании не было, то сначала девушки танцевали друг с другом, но к концу трудового дня мужское население деревни вместе с зеваками и пешеходами собралось у изгороди и, казалось, не прочь было пригласить их на танец.

Среди зрителей находились трое молодых людей, занимавших более высокую ступень на социальной лестнице; маленькие сумки висели у них за спиной, в руках они держали крепкие палки. Сходство их и возраст почти подсказывали, кем могут они быть и кем в действительности были, — а именно братьями. Старший носил костюм викария¹ — белый галетук, высокий жилет, шляпу с узкими полями; второй был студентом; внешность младшего вряд ли позволяла дать его характеристику, — было

¹ В и к а р и й — младший приходский священник.

в его глазах и в костюме что-то вольное, не стесненное рамками, подсказывающее, что вряд ли он нашел уже профессиональную свою колесу; оставалось лишь предположить, что он готов был взяться за изучение любого дела, какое привлекло бы его внимание.

Эти три брата сообщили случайным своим знакомым, что они проводят каникулы — троицу, — совершая прогулку по долине Блекмур, и путь их лежит из города Шестона, с северо-востока на юго-запад.

Они прислонились к калитке у дороги и осведомились, по какому случаю эта пляска и почему девушки одеты в белые платья. Два старших брата явно не намерены были мешкать здесь, но третьего, казалось, забавляла эта стайка девушек, танцующих без кавалеров, и он не спешил продолжать путь. Сняв дорожную сумку, он положил ее вместе с палкой на придорожные кусты и открыл калитку.

— Что ты задумал, Энджел? — спросил старший.

— Я не прочь пойти и поплясать с ними. А почему бы нам всем не остаться здесь на минутку, — нас это задержит ненадолго?

— Вздор! — отозвался первый. — Танцевать на людях с толпой деревенских дикарков! А что, если нас увидят? Идем, а не то стемнеет раньше, чем мы доберемся до Стоуркэстла, а ближе негде нам переночевать; да кроме того, перед сном мы должны прочесть еще главу из «Отпора агностицизму», раз уж я потрудился взять эту книгу.

— Хорошо, я догоню тебя и Катберта через пять минут. Не останавливайтесь; даю слово, что я вас догоню, Феликс.

Двое старших неохотно расстались с ним и пошли дальше, захватив дорожную сумку брата, чтобы тому легче было за ними следовать, а младший вышел на луг.

— Какая жалость, мои милые! — галантно обратился он во время перерыва в танцах к двум или трем девушкам, стоявшим поблизости. — Где же ваши кавалеры?

— Они еще не пришли с работы, — ответила та, что была побойчессе. — Скоро будут здесь. А пока не хотите ли быть нашим кавалером, сэр?

— Разумеется. Но я-то один, а вас так много.

— Лучше, чем ничего. Очень уж скучно топтаться друг против друга... Никто тебя не обнимет, не прижмет. Ну-ка, выберите?

— Шш... не приставай! — сказала одна из более застенчивых девушек.

Получив приглашение, молодой человек окинул их взглядом и попытался сделать выбор; но так как этих девушек он видел впервые, то дело это оказалось нелегким. Он пригласил чуть ли не первую, какая ему попала на глаза,— это была не та, которая с ним говорила, хотя она и питала надежды, и не Тэсс Дарбейфилд. В битве жизни родословное древо, предки-скелеты, монументальный архив, характерные черты д'Эрбервиллей не помогали пока Тэсс и даже не привлекали к ней кавалеров в ущерб простым крестьянкам. Немного стоит нормандская кровь, если нет викторианского богатства.

Имя девушки, затмившей остальных, не сохранилось для потомства, но ей завидовали все, потому что в тот вечер она первая имела счастье заполучить кавалера. Впрочем, столь разлителен бывает пример, что деревенская молодежь мужского пола, не спешившая на луг, пока никто не стоял ей на пути, ринулась теперь туда, и вскоре составилось много пар из девушек и деревенских парней. Скоро даже последняя дурнушка в клубе уже не отплясывала за кавалера.

Пробили церковные часы, когда студент внезапно заявил, что придется ему уйти... он совсем забыл... он должен догнать своих спутников... Когда он уже отошел от танцующих, взгляд его упал на Тэсс Дарбейфилд,— а уж если говорить правду, в ее больших глазах таился легкий упрек: почему не ее он выбрал? Тогда и он также пожалел, что не заметил ее, чему виной была ее застенчивость; и с этой мыслью он ушел с пастбища.

Чтобы наверстать потерянное время, он пустился бегом по тропинке на запад, быстро миновал ложбину и поднялся на холм. Братьев он еще не догнал, но приостановился, чтобы перевести дыхание, и оглянулся. На зеленом лугу он мог разглядеть белые фигуры девушек, кружившихся так же, как кружились они, когда он был среди них. Казалось, они уже совсем его забыли.

Все — за исключением, быть может, одной. Это белая фигура стояла в стороне, у изгороди. В ней он узнал хорошенькую девушку, с которой не танцевал. Хотя это был пустяк, но инстинктивно он почувствовал, что она обижена его небрежностью. Он пожалел о том, что не пригласил ее, пожалел, что не узнал ее имени. Она была так скромна, так мила, такой нежной казалась в своем тонком белом платье, и он почувствовал, что поступил глупо.

Однако помочь этому было нельзя, и, повернувшись, он заставлял себя идти скорым шагом и отогнал мысль о ней.

Не скоро перестала Тэсс Дарбейфилд размышлять об этом эпизоде. Долго не хотелось ей снова принять участие в танцах; хотя кавалеров могло быть у нее много, но — увы! — они не вели таких приятных разговоров, какие вел этот незнакомый молодой человек. И лишь тогда, когда лучи солнца поглотили удаляющуюся фигуру незнакомца на холме, стряхнула она с себя мимолетную печаль и ответила согласием приглашавшему ее кавалеру.

Она оставалась со своими товарками до сумерек и находила удовольствие в танцах, но движениями в такт музыке она наслаждалась ради них самих, так как еще никем не было затронуто ее сердце; видя «сладкие муки, горькие радости, нежные страдания и приятное отчаяние» тех девушек, за кем ухаживали и кого завоевывали, она вряд ли догадывалась, на что способна была сама. Борьба и ссоры парней из-за ее руки во время джигги были для нее только развлечением, а когда молодые люди начинали горячиться, она их журнула.

Быть может, осталась бы она и дольше, если бы не вспомнила с тревогой о странном поведении отца; не понимая, что с ним случилось, она покинула танцующих и пошла в конец деревни, где стоял родительский дом.

Не дойдя до коттеджа нескольких десятков шагов, она услышала пные ритмические звуки — не те, от которых она ушла, — звуки, знакомые ей хорошо, очень хорошо. Это было постукивание, доносившееся из дома и вызванное энергичным раскачиванием колыбели, стоявшей на каменном полу; и под такой аккомпанемент женский голос пел в галопирующем темпе любимый стишок из «Пестрой коровы»:

Я видел, как она лежит вон в той зеленой роще;
Идем со мной, любовь моя, и ты ее отыщешь.

На секунду стихали одновременно и постукивание колыбели и песня; мелодия уступала место высокому женскому голосу, воскалывавшему:

— Бог да благословит твои бриллиантовые глазки! И нежные щечки! И вишневый ротик! И миленькие ножки! И каждый кусочек тельца!

После этого призыва стук и пение возобновлялись, и «Пестрая корова» снова появлялась на сцене. Так обстояло дело, когда Тэсс открыла дверь, вошла и застыла на циновке, обозревая представившуюся ее глазам картину.

Несмотря на пение, от этой комнаты повеяло на девушку невыразимой тоской. После веселого праздничного дня — белых

платьев, букетов, ивовых жезлов, пляски на зеленом лугу, вспышки нежного чувства к незнакомцу — эта желтая тоска; одна зажженная свеча в комнате... какой резкий переход! Не только резкий контраст, но и леденящий укол совести почувствовала она оттого, что не вернулась раньше, чтобы помочь матери в домашних делах, а вместо того наслаждалась прогулкой.

Здесь стояла ее мать, окруженная детьми, как оставила ее Тэсс, — стояла, склонившись над лоханью, занятая стиркой, которую откладывала, но обыкновенно, с понедельника до конца недели. Из этой лохани извлечено было накануне, — Тэсс почувствовала мучительные угрызения совести, — то самое белое платье, которое она так небрежно запачкала зеленью у подола, гуляя по росистой траве, — платье, выжатое и выглаженное руками ее матери.

По обыкновенно, м-с Дарбейфилд балансировала на одной ноге перед лоханью, а другой ногой покачивала колыбель младшего ребенка. Качалке, на которой стояла колыбель, тяжело приходилось на каменном полу на протяжении стольких лет и под тяжестью стольких детей, и полозья ее стали почти плоскими; в результате колыбель, качаясь, резко подпрыгивала и, как челнок у ткача, швыряла младенца из стороны в сторону. А м-с Дарбейфилд, возбужденная собственным пением, раскачивала ногой колыбель со всем тем пылом, какой сохранила после длинного дня возни с мыльной пеной.

Тук-тук, тук-тук — стучала колыбель; пламя свечи вытянулось и начало подпрыгивать и приседать; вода капала с локтей матери, пенье галопом мчалось к концу стиха, а м-с Дарбейфилд смотрела на свою дочь. Даже теперь, обремененная детьми, Джоан Дарбейфилд оставалась страстной любительницей песен. Какая бы песенка ни проникла из внешнего мира в долину Блекмур, мать Тэсс запоминала ее в течение недели.

До сих пор еще можно было уловить в лице женщины свежесть и даже миловидность молодости, и было ясно, что очарование, каким могла похвастаться Тэсс, является преимущественным даром матери и, следовательно, наследием не рыцарским, не историческим.

— Я покачаю колыбель за тебя, мама, — мягко сказала дочь. — Или, может, мне снять мое лучшее платье и помочь тебе выжать белье? Я думала, ты давным-давно кончила.

Мать нимало не сердилась на Тэсс за то, что та ушла надолго и предоставила ей одной заниматься домашними делами; да и редко попрекала она ее за это, почти не нуждаясь в помощи Тэсс, ибо ее инстинктивной заботой было облегчить себе дневной труд, откладывая его на будущее. А сегодня вечером она

была в настроении еще более радужном, чем обычно. Девушка не могла понять, почему мать смотрит на нее мечтательно, озабоченно, восторженно.

— Ну, я рада, что ты пришла, — сказала мать, как только пропела последнюю ноту. — Я хочу пойти за твоим отцом, а еще хочется мне рассказать тебе, что случилось. Ты, милочка моя, глаза вытаращишь, когда узнаешь! (М-с Дарбейфилд обычно говорила на местном наречии; дочь ее, пройдя под руководством лондонской учительницы шестиклассную национальную школу, говорила на двух языках: дома большей частью на местном диалекте, а за пределами деревни и с людьми более высокого социального положения — на английском языке.)

— Случилось, когда меня не было дома? — спросила Тэсс.

— Да!

— Уж не потому ли отец ехал сегодня таким баринком в экипаже? Зачем он это сделал? Я готова была сквозь землю провалиться от стыда!

— И это тоже было недаром! Оказывается, мы самые что ни на есть знатные люди в целом графстве... наши предки жили задолго до Оливера Кромвеля; еще при турках-язычишках, — и у нас есть намятники, склены, щиты, гербы и бог его знает что еще. При Карле мы были сделаны рыцарями Королевского Дуба, а настоящая наша фамилия д'Эрбервилль!.. Ну что, забилось сердечко? Вот потому-то твой отец и ехал домой в экипаже, а вовсе не потому, что был пьян, как подумали иные.

— Очень рада. А будет нам от этого какой-нибудь прок, мама?

— О да! Нужно думать, что произойдут великие события. И как только это станет известно, люди, такие же знатные, как и мы, приедут сюда в экипажах. Отец узнал об этом, когда шел домой из Шестона, и рассказал мне всю подноготную.

— А где сейчас отец? — спросила вдруг Тэсс.

Мать ответила не относящимся к делу сообщением:

— Сегодня он зашел к доктору в Шестоне. Оказывается, у него вовсе не чахотка. Он говорит, что это просто жир вокруг сердца. Вот оно как получается. — С этими словами Джоан Дарбейфилд согнула большой и указательный пальцы, покрытые мыльной пеной, изобразив букву С, а указательным пальцем другой руки воспользовалась как указкой. — «В настоящий момент, — сказал он твоему отцу, — ваше сердце затянато жиром вот тут и вот тут; а это место еще свободно. Как только и оно затянется, — м-с Дарбейфилд соединила концы пальцев, — уйдете вы отсюда, как тень, мистер Дарбейфилд. Вы можете, говорит, протянуть десять лет, а можете умереть через десять месяцев или десять дней».

Тэсс встревожилась. Отец ее внезапно достиг величия и, несмотря на это, может так скоро уйти в вечность!

— Но где же отец? — снова спросила она.

Мать посмотрела на нее умоляюще.

— Только ты уж не сердись! Бедняга, он так ослабел после этих новостей, что пошел на полчаса к Ролливеру. Хочет набраться сил, потому что завтра он должен отвезти эти улы,— хоть мы и происходим из знатного рода, а это нужно сделать. Ему придется выехать сейчас же после полуночи,— путь дальний.

— Хочет набраться сил! — вспыхнула Тэсс, и слезы затуманили ей глаза.— О господи! И для этого идти в трактир! А ты готакаешь ему, мать?

Ее негодование, казалось, заполнило всю комнату, действовало устрашающе на мебель, свечу, на игравших детей и на мать.

— Нет,— обиженно сказала последняя,— я не потакаю. Я ждала тебя, чтобы ты присмотрела за домом, а я пойду приведу его.

— Я пойду.

— Нет, Тэсс. Ты знаешь — от этого толку не будет.

Тэсс спорить не стала. Она поняла, почему возражает ей мать. Жакет и шляпа м-с Дарбейфилд уже висели на стуле, приготовленные для этой заранее задуманной прогулки, о необходимости которой матрона сожалела меньше, чем о поводе к ней.

— А «Полный предсказатель судьбы» отнеси в сарай,— продолжала она, быстро вытирая руки и одеваясь.

«Полный предсказатель судьбы», старая толстая книга, лежал подле нее на стуле; так часто носили его в кармане, что от полей не осталось и следа и шрифт доходил до края страниц. Тэсс взяла книгу, а мать отправилась в путь.

Этот поход в трактир в поисках беспутного супруга являлся для м-с Дарбейфилд развлечением после скучной возни с детьми. Отыскать мужа у Ролливера, посидеть там подле него часок-другой и отбросить на это время мысли и заботы о детях — вот что делало ее счастливой. И тогда, словно сиянием, предзакатным блеском озарялась жизнь. Невзгоды и другие реальные события обретали метафизическую неосязаемость, переставали быть настойчивыми конкретными фактами, раздражающими тело и душу, и превращались в менее важные умозрительные явления, которые можно созерцать спокойно. Дети, когда они не находились тут же на глазах, казались скорее приятными и желанными атрибутами; эпизоды повседневной жизни представлялись, пожалуй, в освещении забытом и ра-

дством. В слабой степени она переживала то же ощущение, какое было ей некогда знакомо, когда она сидела подле своего супруга, ныне законного, а в то время ухаживавшего за ней, и, закрывая глаза на его недостатки, видела в нем только идеального возлюбленного.

Тэсс, оставшись с младшими детьми, прежде всего отнесла в сарай книгу для гадания и засунула ее в солому. Станный суеверный страх испытывала мать к этой грязной книге и никогда не позволяла, чтобы она оставалась на ночь в доме; поэтому с книгой совещались, а затем относили ее обратно в сарай. Между матерью, с ее быстро таявшей глыбой суеверий, фольклора, местного наречия, изустно передаваемых баллад, и дочерью, обучавшейся по новым программам в шести классах национальной школы, пропасть была, как принято считать, в двести лет. Когда они бывали вместе, век Иакова и эпоха Виктории соприкасались.

Возвращаясь по дорожке сада, Тэсс размышляла о том, чего ждала ее мать от этой книги именно сегодня. Она догадывалась о связи с недавним открытием, но не подозревала, что это касается ее одной. Отогнав эти мысли, она начала обрызгивать высохшее за день белье, а помощниками ее были девятилетний брат Абрэхэм и сестра Элиза-Луиза двенадцати лет, которую звали в семье Луиза-Лу; младших детей уложили спать. Между Тэсс и следующим членом семьи был промежуток в четыре года, так как двое ребят (заполнивших его) умерли в раннем детстве, и потому Тэсс, оставаясь одна с младшими детьми, как бы замещала мать. За Абрэхэмом шли еще две девочки, Хоп и Модести¹, затем трехлетний мальчик и, наконец, малютка, которому недавно исполнился год.

Все эти юные создания были пассажирами на дарбейфилдском корабле, всецело зависевшими от суждения двух взрослых Дарбейфилдов об их развлечениях, потребностях, здоровье, даже жизни. Если бы эти двое, возглавлявшие дарбейфилдский дом, вздумали вести судно навстречу трудностям, катастрофе, голоду, унижению, смерти — туда вынуждены были бы плыть вместе с ними шесть маленьких пленников, заключенных в трюм, шесть беспомощных созданий, которых никто не спросил о том, хотят ли они вообще жить, и тем более жить в таких тяжелых условиях, какие неизбежны были в безалаберном доме Дарбейфилдов. Хотелось бы знать, откуда почерпнул поэт право говорить о «священном плане Природы», — поэт, чья философия почитается в наши дни глубокой, а стихи — легкими и прозрачными.

¹ Надежда и скромность (англ.).

Время шло, но ни отец, ни мать не возвращались. Тэсс взглянула за дверь и мысленно совершила прогулку по Марлоту. Деревня смыкала глаза. Всюду тушили свечи и лампы; Тэсс представила себе протянутую руку и колпачок, которым гасят свет.

Раз мать пошла за отцом, значит нужно было идти отыскивать обоих. Тэсс понимала, что человеку со слабым здоровьем, предполагающему отправиться в путь после полуночи, не следует засиживаться до позднего часа в трактире и ниврать в честь древнего своего происхождения.

— Абрэхэм,— сказала она своему маленькому брату,— надень-ка шапку и ступай к Ролливеру. Ты не боишься? Узнай, что случилось с отцом и матерью.

Мальчик быстро вскочил, открыл дверь, и ночь поглотила его. Прошло еще полчаса; мужчина, женщина и ребенок не возвращались. Казалось, Абрэхэма, как и его родителей, трактир поймал в свои сети.

— Придется пойти мне самой,— сказала Тэсс.

Лиза-Лу легла спать, а Тэсс, заперев их всех в доме, побрела по темной извилистой дороге, или улице, непригодной для быстрого хождения,— улице, проложенной в те времена, когда еще не ценился каждый дюйм земли, и часов с одной стрелкой было достаточно для деления дня.

IV

Трактир Ролливера, единственное шитейное заведение в этом конце длинной деревни с беспорядочно разбросанными домами, мог похвастаться только разрешением продавать спиртные напитки навывнос: так как никто не мог открыто пить в доме, то для удобства потребителей сделана была доска шириной дюймов в шесть и длиной в два ярда, прикрепленная проволокой к садовой ограде и служившая полкой,— этим ограничивались все приспособления. Жаждающие путники ставили на эту доску свои кружки, опивки выплескивали на пыльную землю, оставляя на ней полинезийские узоры, и жалели, что не могут по сидеть и отдохнуть в доме.

Так обстояло дело с прохожими. Но тут же потребность испытывали и местные клиенты, а воля, как известно, рушит препятствия.

В просторной спальне на верхнем этаже, окно которой было занавешено большой плотной шерстяной шалью, не так давно служившей м-с Ролливер, хозяйке трактира, собралось в тот вечер человек двенадцать, жаждущих радости; все это были старые обитатели ближайшей окраины Марлота и посетители сего

убежища. Отдаленность «Чистой Капли», полноправной таверны, расположенной в дальнем конце широко раскинувшейся деревни, делало ее в сущности недоступной для жителей этой окраины; вдобавок имелось и более серьезное осложнение — качество напитков: мнение большинства было таково, что лучше пить с Ролливером в углу на чердаке, чем в просторном доме с хозяином другого трактира.

Жалкая кровать с четырьмя столбиками, стоявшая в комнате, служила диваном для нескольких человек, расположившихся с трех ее сторон; еще двое взобрались на комод, один восседал на резном дубовом сундуке, двое других на умывальнике, один на табурете, и, таким образом, все разместились более или менее удобно. К этому часу они достигли той стадии духовной удовлетворенности, когда души их расцвели и, не стесняемые телесной оболочкой, согрели комнату. Благодаря этому процессу и комната и мебель облагораживались, становились все более и более роскошными; шаль, завешивавшая окно, могла показаться гобеленом; медные ручки комода не отличались от золотых колец, а резные столбики кровати, казалось, состояли в родстве с великолепными колоннами Соломонова храма.

Расставшись с Тэсс, м-с Дарбейфилд быстро дошла до трактира, открыла парадную дверь, пересекла комнату нижнего этажа, погруженную в глубокий мрак, а затем привычной рукой, хорошо знакомой со щекотками, отперла дверь, ведущую на лестницу. По кривой лестнице она поднималась медленнее, и когда ее лицо показалось над освещенной верхней площадкой лестницы, к ней обратились взгляды всей компании, собравшейся в спальне.

— ...близких друзей я угощаю за свой счет по случаю клубного праздника, — заслышав шаги, заговорила хозяйка бойко, как ребенок, отвечающий катехизис, и с этими словами выглянула на лестницу. — Ах, это вы, миссис Дарбейфилд! Господи, ну и перепугали же вы меня! Я думала, это кто-нибудь, присланный властями.

Остальные члены конклава приветствовали м-с Дарбейфилд взглядами и кивками, после чего она повернулась к тому месту, где сидел ее супруг. Он рассеянно мурлыкал себе под нос:

— Я не хуже, чем кое-кто из здешних мест! У меня есть большой семейный склеп в Кенгсбир-суб-Гринхилле, и во всем Уэссексе ни у кого нет скелетов лучше, чем у меня!

— Я должна тебе сказать, что мне пришла по этому случаю в голову замечательная мысль! — прошептала его веселая жена. — Послушай, Джон, ты что, не видишь меня?

Она подтолкнула его, а он, глядя сквозь нее, словно сквозь оконное стекло, не прерывал своего речитатива.

— Ш-ш! Не пойте так громко, дружище,— сказала хозяйка.— Чего доброго, услышит кто-нибудь из властей и отберет у меня патент.

— Должно быть, он вам рассказал, что у нас случилось? — спросила м-с Дарбейфилд.

— Да, вроде как бы рассказал. Как вы думаете, выгода от этого будет?

— Кто его знает! — благоразумно ответила Джоан Дарбейфилд. — Все же неплохо быть в родстве с каретой, даже если в ней и не ездишь.

Она говорила во всеулышание, но затем понизила голос и снова обратилась к своему супругу:

— Когда ты принес эти новости, я припомнила, что в Трэнтридже, на опушке Заповедника, живет одна знатная и богатая леди по фамилии д'Эрбервилль.

— А? Что? — сказал сэр Джон.

Она повторила:

— Должно быть, эта леди — наша родственница. Вот я и надумала послать к ней Тэсс и объявить о родстве.

— А ведь вправду есть леди с такой фамилией, раз уж ты об этом заговорила,— сказал Дарбейфилд. — Пастор Трингхэм о ней не подумал. Но она — ничто по сравнению с нами, — должно быть, младшая ветвь, из тех, что появились гораздо позже короля-норманна.

Пока обсуждался этот вопрос, озабоченная пара не заметила, что маленький Абрэхэм пробрался в комнату и ждал случая заговорить и увести родителей домой.

— Она богата и, конечно, позаботится о девушке, — продолжала м-с Дарбейфилд, — а это будет чудесно. Не понимаю, почему бы членам одного рода не бывать друг у друга в гостях.

— Да, и мы все будем родственниками! — раздался из-под кровати веселый голос Абрэхэма. — И мы все пойдем к ней в гости, когда Тэсс туда переедет; будем кататься в ее карете и носить черные костюмы!

— Как ты очутился здесь, малыш? И что за глупости ты болтаешь! Ступай поиграй на лестнице, пока отец и мать заняты!.. Да, Тэсс следует пойти к этому члену нашей семьи. И уж Тэсс наверняка ей понравится; а потом — кто знает? — какой-нибудь благородный джентльмен может на ней жениться. Да что говорить! Я это знаю.

— Откуда ты знаешь?

— Я гадала по «Предсказателю судьбы», и так оно все и

выходит... Ты бы поглядел, какая она была сегодня хорошенькая; кожа у нее нежная, как у герцогини.

— А что говорит она сама? Пойдет она туда?

— Я ее не спрашивала. Она еще не знает, что есть у нас такая рождественка — леди. Но, конечно, это поможет ей найти благородного мужа, и она не откажется пойти.

— Тэсс — чудачка.

— Но с ней можно справиться... Предоставь это мне.

Хотя разговор этот не был предназначен для слушателей, но кое-что дошло до слуха окружающих, которые узнали, что у Дарбейфилдов имеются теперь темы для разговора более серьезные, чем у простых смертных, а перед Тэсс — их хорошенькой старшей дочерью — открываются блестящие перспективы.

— Тэсс — славная девчурка, я так и сказал себе сегодня, когда увидел, как она разгуливает вместе с остальными по деревне, — вполголоса заметил один из старых пьяниц. — Но Джон Дарбейфилд пусть поостережется, — как бы она не подложила зеленого солода в муку.

Это была местная поговорка, которая имела особый смысл, и ответа на нее не последовало.

Разговор сделался общим, а вскоре в комнате нижнего этажа послышались шаги.

— ...близких друзей я угощаю сегодня за свой счет по случаю клубного праздника.

Хозяйка быстро повторила формулу, заготовленную для незваных гостей, после чего узнала во вновь прибывшей Тэсс.

Даже глаза матери усмотрели, что девушке с ее юным личиком не место здесь — в комнате, насыщенной винными парами, являвшимся подходящей атмосферой разве что для старых, морщинистых особ; и вряд ли нужен был укоризненный взгляд темных глаз Тэсс для того, чтобы отец ее и мать поднялись с места, торопливо допили эль и спустились вслед за ней по лестнице, напутствуемые предостережением м-с Ролливер:

— Пожалуйста, не шумите, дорогие мои, прошу вас; а не то я лишусь патента, вызовут меня в суд, — и неизвестно, что еще будет! Доброй ночи!

Вместе пошли они домой; Тэсс держала отца за одну руку, а м-с Дарбейфилд за другую. В сущности выпил он очень мало — меньше четверти той порции, с какой привычный пьяница может явиться в воскресное утро в церковь не пошатываясь и легко преклонять колени, но для сэра Джона, отличавшегося слабым здоровьем, маленькие его грешки вырастали в гору. На свежем воздухе он столь нетвердо держался на ногах, что по его инициативе все трое брали направление то на Лондон, то на Бат, — зрелище комичное, и в ночную пору можно наблюдать

его частенько, когда семья возвращается домой; но, подобно многим комичным зрелищам, было оно в конце концов не так уж комично. Обе женщины мужественно скрывали эти выужденные уклонения и конгрмарши и от Дарбейфилда — их виновника — и от Абрэхэма, и от самих себя; так добрались они помаленьку до своей двери, а глава семьи, подойдя ближе, внезапно затянул старый припев, словно хотел укрепить свой дух, увидя неприглядное нынешнее свое жилище.

— У меня есть семе-е-ейный склеп в Кингсбуре!

— Шш... не глупи, Джеки,— сказала жена.— В старые времена не одна только твоя семья была знатной. Посмотри на Энгтеллей, Хорси, да и на Трингхэмов,— они обнищали почти, как и ты, хотя твой род познатнее, это верно. Слава богу, я ни из какого рода не происходила, и теперь мне стыдиться не приходится.

— Что-то очень уж ты в этом уверена. А мне, глядя на тебя, кажется, что ты себя унизила больше, чем любой из нас, и были у тебя когда-то в роду и короли и королевы.

Тэсс переменяла тему разговора, упомянув о том, что в данный момент занимало ее значительно больше, чем мысли о предках.

— Боюсь, что завтра отец не сможет ехать так рано с ульями.

— Я? Через часок-другой я буду молодцом,— сказал Дарбейфилд.

Был двенадцатый час, когда все улеглись спать, а в два часа утра, не позже, следовало отправиться в путь, отвезти ульи торговцам в Кэстербридж до начала субботнего базара; дороги на протяжении двадцати — тридцати миль были плохие, а лошадь и повозка не приспособлены для быстрой езды. В половине второго м-с Дарбейфилд вошла в большую спальню, где спала Тэсс и все ее маленькие братья и сестры.

— Бедняга не может ехать,— сказала она старшей дочери, которая открыла свои большие глаза, как только рука матери коснулась двери.

Тэсс села в постели, еще не совсем очнувшись от сна.

— Но кто-то должен ехать,— отозвалась она.— Мы и так уж запоздали с ульями. Роение скоро кончится. Если мы это дело отложим до следующего базарного дня, на них не будет спроса и они останутся у нас на руках.

М-с Дарбейфилд, по-видимому, растерялась.

— Может, какой-нибудь парень поедет? Один из тех, что хотели плясать с тобой вчера? — предложила она вдруг.

— О нет, ни за что на свете! — гордо заявила Тэсс. — Что-

Принц требовал лишь незначительного внимания, ибо у него не хватало энергии для каких бы то ни было особых усилий. Лишенная собеседника, который ее развлекал, Тэсс еще глубже погрузилась в грезы, прислонившись спиной к ульям. Тянувшиеся немой процессией мимо нее кусты и деревья участвовали в фантастических сценах, разыгрывавшихся за пределами реальности, а случайные вздохи ветра были вздохами какой-то необъятной и скорбной души, граничившей в пространстве со вселенной и с историей во времени.

Затем, созерцая сплетение событий своей жизни, она словно увидела тщету опцовской гордыни — брак с джентльменом (ожидающий ее в мечтах матери), — увидела его, корчащего гримасы, смеющегося над ее бедностью и рыцарями-предками, облеченными в саван. Все представлялось ей теперь таким нелепым, и она не замечала, как шло время. Внезапный толчок подбросил и разбудил Тэсс, которая тоже заснула.

Они успели отъехать далеко от того места, где она погрузилась в сон, когда повозка остановилась. Глухой стон, какого она никогда еще не слыхивала, раздался впереди, за ним последовал оклик:

— Эй, вы там!

Фонарь, висевший на их повозке, погас, но другой светил ей в лицо — более яркий, чем ее фонарь. Случилось что-то ужасное. Сбруя запуталась в чем-то, преграждавшем дорогу.

В ужасе Тэсс спрыгнула на землю и узнала страшную истину: стонела бедная лошадь отца — Принц. Почтовая двуколка с утренней почтой, бесшумно катившаяся на своих двух колесах, неслась, по обыкновению, как стрела, по этим дорогам и налетела на медленно двигавшуюся и неосвещенную повозку. Острая оглобля воцпилась, словно меч, в грудь несчастного Принца, из раны струей била кровь и с шипеньем лилась на дорогу.

В отчаянии Тэсс рванулась вперед и рукой зажала рану, но добилась только того, что алые капли забрызгали ее с головы до ног. Теперь ей оставалось только стоять и беспомощно смотреть на него. Принц тоже стоял, стоял твердо и неподвижно, пока хватало у него сил, потом внезапно рухнул на землю.

Тогда к ней присоединился почтальон и начал оттаскивать в сторону и распрягать еще теплого Принца; тот был уже мертв, и почтальон, видя, что ничего сейчас уже не поделаешь, вернулся к своей лошади, которая не пострадала.

— Вы ехали не с той стороны, с какой полагается, — сказал он. — Я должен везти дальше почту, а вам лучше остаться здесь со своей поклажей. Как только смогу, я пришлю кого-нибудь на помощь. Скоро рассветет, и бояться вам нечего.

Он помчался дальше, а Тэсс все стояла и ждала. Воздух стал прозрачным; птицы закопошились в кустах, проснулись и защелкали; белела проселочная дорога, но еще белее было лицо Тэсс. Огромная лужа крови перед ней затягивалась радужной пленкой, так как кровь уже свертывалась; а когда взошло солнце, она заиграла всеми красками.

Принц лежал подле, неподвижный и окоченевший; глаза его были полузакрыты, а отверстие в груди казалось не настолько велико, чтобы из него могла выйти вся кровь, дававшая ему жизнь.

— Это я все наделала, я! — крикнула девушка, не спуская глаз с этой картины. — Я одна кругом виновата! Чем будут жить теперь отец с матерью? Эби, Эби!

Она начала трясти ребенка, который спал крепким сном, когда разразилась катастрофа.

— Мы не можем ехать с поклажей! Принц убит!

Когда Абрэхэм сообразил, что случилось, на его детском лице появились морщины пятидесятилетнего человека.

— А ведь я вчера только плясала и смеялась! — говорила сама себе Тэсс. — Как могла я быть такой дурой!

— Это случилось потому, что мы живем не на хорошей, а на подгнившей звезде! Правда, Тэсс? — сквозь слезы прошептал Абрэхэм.

Молча они ждали, и ожидание казалось бесконечным. Наконец, услышав шум и увидев приближающуюся фигуру, они убедились, что почтальон сдержал слово: явился баграк с фермы в окрестностях Стоуркэстла и привел крепкого жеребца. Его впрягли вместо Принца в повозку с ульями, и груз повезли в Кэстербридж.

Вечером того же дня пустая повозка снова прибыла к месту происшествия. Принц с утра лежал в канаве; но проезжавшие экипажи еще не стерли следов крови, видневшихся посреди дороги. Все, что осталось от Принца, взвалили на повозку, которую он так недавно тащил еще сам; он лежал, и заходящее солнце отражалось на его подковах. Так проехали они двенадцать миль до Марлота.

Тэсс вернулась домой раньше. Как сообщить новость — она не в силах была придумать, и почувствовала облегчение, когда по лицам родителей убедилась, что они уже знают о потере; однако она не переставала упрекать себя за свою небрежность.

Но именно благодаря безалаберности Дарбейфилдов это несчастье оказалось для них менее устрашающим, чем для семьи, способной к борьбе, хотя для такой семьи потеря лошади создала бы только трудности, а семью Тэсс вела к разорению. Лица Дарбейфилдов не отражали гнева, который об-

рушился бы на девушку, если бы родители больше заботились о ее благополучии. Никто не бранил Тэсс так, как она сама себя бранила.

Когда обнаружилось, что живодер и сыромятник дают всего несколько шиллингов за остов Принца вследствие дряхлости его, Дарбейфилад оказался на высоте положения.

— Нет,— сказал он стончески,— я не продам его старый труп. Когда мы, д'Эрбервилли, были рыцарями в поместьях, мы не продавали наших старых коней на мясо кошкам. Пусть их шиллинги останутся при них! Он хорошо служил мне при жизни, и теперь я с ним не расстанусь.

На следующий день, копая в саду могилу для Принца, он работал усерднее, чем случалось ему работать в течение месяцев для прокормления семьи. Когда яма была вырыта, Дарбейфилад и его жена обвязали лошадь веревкой и потащили ее по дорожке, а за ними следовали в похоронной процессии дети. Абрэхэм и Лиза-Лу всхлипывали, Хоп и Модести выражали свое горе громким ревом,— его повторяло эхо,— а когда Принца столкнули в яму, все окружили могилу. Кормилец был у них отнят. Что им делать?

— Он пошел на небо? — всхлипывая, спросил Абрэхэм.

Дарбейфилад начал засыпать яму землей, и дети заплакали снова. Все, кроме Тэсс. Глаза у нее были сухие, лицо бледное,— словно она считала себя убийцей.

V

Торговля, которая зависела главным образом от лошади, тотчас же пошла под гору. Вдали маячила настоящая бедность, если не нищета. Дарбейфилад был мямлей, как говорилось в тех краях. Здоровье иногда позволяло ему работать, но нельзя было полагаться на то, что эти периоды совпадут с моментом спроса на работу. Вдобавок он не привык к регулярному труду поденщика и не слишком усердствовал, когда случалось такое совпадение.

Между тем Тэсс, как человек, толкнувший их в эту трясиину, молча размышляла о том, чем может она помочь им, чтобы их оттуда вытащить. Вот тогда-то ее мать и открыла свой план.

— Приходится принимать и радость и беду, Тэсс,— сказала она,— а о своем высоком происхождении мы узнали в самую что ни на есть нужную минуту. Ты должна обратиться к своим друзьям. Знаешь ли ты, что неподалеку от Заповедника живет некая миссис д'Эрбервилль, очень богатая и наверняка наша родственница? Ты должна к ней пойти, рассказать о родстве и попросить, чтобы она помогла нам в беде.

— Не хотелось бы мне это делать, — отозвалась Тэсс. — Раз уж есть такая леди — хорошо, если она отнесется к нам дружелюбно, а помош и нечего от нее ждать.

— Ты можешь ей понравиться и добиться от нее чего угодно, моя милая. И, быть может, толку от этого будет больше, чем ты думаешь. Я кое-что слыхала.

При других обстоятельствах Тэсс, пожалуй, отнеслась бы к материнскому желанию менее почтительно, но сейчас ее угнетало сознание, что она навлекла беду на свое семейство; однако она не могла понять, почему ее мать с таким удовольствием лелеет этот замысел, выгоды которого представлялись Тэсс весьма сомнительными. Быть может, мать навела справки и обнаружила, что эта м-с д'Эрбервилль — леди, наделенная непревзойденными добродетелями и милосердием? Но гордой Тэсс роль бедной родственницы внушала крайнее отвращение.

— Я лучше попытаюсь поискать работу, — прошептала она.

— Дарбейфилд, тебе решать, — сказала м-с Дарбейфилд, обращаясь к мужу, державшемуся на заднем плане. — Если ты скажешь, что она должна идти, она пойдет.

— Не нравится мне, чтобы мои дети ходили на показ к незнакомой родне, — пробормотал он. — Я представитель благороднейшей ветви нашей фамилии и должен высоко держать голову.

Довод отца в пользу того, чтобы не идти, был для Тэсс еще более необидителен, чем ее собственные возражения.

— Хорошо, мама! Пожалуй, я должна что-нибудь сделать, раз я убила лошадь, — горестно сказала она. — Я пойду и повидаю ее, но уж сама решу, как просить ее о помощи. А ты не думай больше о том, что она устроит мою свадьбу, — это глупо.

— Хорошо сказано, Тэсс! — поучительно заметил ее отец.

— А кто говорит, что я об этом думала? — спросила Джоан.

— Мне кажется, это у тебя на уме, мать. Все равно я к ней пойду.

На следующий день она встала рано и пошла в Шестон, город на холме, где села в фургон, который два раза в неделю ездил из Шестона на восток, в Чэзборо. Фургон проезжал мимо Трэнтриджа, а в трэнтриджском приходе находилась резиденция неведомой и таинственной м-с д'Эрбервилль.

В это памятное утро путь Тэсс Дарбейфилд лежал среди северо-восточных возвышенностей долины, где она родилась и где протекала ее жизнь. Долина Блекмур была для нее миром, а местные жители — народом, населяющим этот мир. Из ворот и из-за плетней Марлота смотрела она в пору недоуменного детства на эту долину, и то, что тогда было для нее тайной, оставалось тайной и теперь. Ежедневно видела она из окна своей

комнаты башни, деревни, туманные белые здания; над ними величественно высился на холме город Шестон, окна его домов светились, словно лампы, в лучах вечернего солнца. В городе она почти никогда не бывала, лишь маленький клочок долины и ее окрестностей были знакомы Тэсс. Еще реже бывала она за пределами долины. Очертания замыкающих ее холмов были ей известны так же, как лица родных; но о том, что лежит за пределами этих холмов, она могла лишь судить по сведениям, полученным в сельской школе, где занимала первое место, когда год или два назад кончала учение.

В годы детства ее очень любили товарки и сверстницы, и в деревне, когда она возвращалась домой из школы, ее обычно видели с двумя подругами, — все трое были почти одних лет; Тэсс шла посредине — в розовом ситцевом переднике с красивым сетчатым узором, закрывавшем шерстяное платье, изменившее первоначальную свою окраску на какой-то неопишуемый цвет; она шла на длинных крепких ножках в туго натянутых чулках, которые на коленках были продраны; дырки напоминали маленькие лесенки, образовавшиеся оттого, что часто посреди дороги и у насыпей она опускалась на колени в поисках растительных и минеральных сокровищ; пряди волос — тогда они были пепельного цвета — загибались, как крючки, на которых подвешивают чайник над огнем; руки девочек, шедших сбоку, обвивали талию Тэсс, ее руки лежали на плечах подруг.

Когда Тэсс подросла и начала вникать в положение дел, она почувствовала мальтузианское раздражение против матери за то, что та беззаботно дарит ей столько сестриц и братьев, хотя несомненно выигрывает и тех, что уже были налицо. Мать ее не отличалась по уму от счастливого младенца: Джоан Дарбейфилд была тоже ребенком, и вдобавок не самым старшим в этой семье, уповавшей на помощь providения.

Однако Тэсс была добра к малышам, и для того чтобы помогать им по мере сил, она, как только ушла из школы, стала заниматься на соседней ферме во время сенокоса и жатвы, либо доила коров и сбывала масло, чему научилась еще, когда ее отец сам держал коров; и так как пальцы у нее были ловкие, она справлялась с этой работой мастерски.

С каждым днем, казалось, новые семейные тяготы опускались на юные ее плечи, и вполне естественно было то, что в поместье д'Эрбервиллей Тэсс отправилась как представительница Дарбейфилдов. Следует признать кстати, что в данном случае Дарбейфилды показывали себя с наилучшей стороны.

На перекрестке Трэнтридж она вышла из фургона и пешком поднялась на холм, направляясь к так называемому Заповеднику, на границе которого находилась, как сообщили ей,

резиденция м-с д'Эрбервилль — поместье «Косогор». Это не было поместье в обычном смысле слова — с полями, пастбищами и ворчливым фермером, из которого владелец и его семья всеми правдами и неправдами вытягивают средства на жизнь. Это было нечто более значительное: загородный дом, построенный исключительно для отдыха; а к нему не примыкало ни одного акра земли, которую приходится возделывать, — ни одного, кроме тех, какие нужны были для усадьбы и маленькой фермы, находившейся под присмотром владельца и на попечении управляющего.

Сначала показалась кирпичная сторожка — красная, заросшая до самой крыши густыми вечнозелеными ползучими растениями. Тэсс подумала, что это и есть усадьба, но, пройдя с трепетом в боковую калитку и дальше, до поворота аллеи, она увидела, наконец, дом. Построенный недавно — в сущности почти новый, — он был того же густо красного цвета, который являл такой же контраст по сравнению с вечнозелеными растениями сторожки. Далеко позади, за углом дома, вздымавшегося, словно красная герань, на фоне тусклых красок, раскинулся мягкий лазурный пейзаж — Заповедник, поистине замечательный уголок одного из немногих сохранившихся в Англии первобытных лесов, где все еще можно найти на вековых дубах друидическую омелу и где гигантские тисовые деревья, не рукой человека посаженные, растут так, как росли они, когда их ветви срезали для луков. Однако этот древний лес, хотя его и видно было из усадьбы «Косогор», находился за ее пределами.

Все было ярко в этом уютном поместье, все содержалось в полном порядке; вниз по склону тянулись к рощам парники. Все здесь напоминало новенькую монету, только что выпущенную монетным двором. Коношники, видневшиеся за австрийскими соснами и вечнозелеными дубами и оборудованные новейшими приспособлениями, были величественны, как часовни. На широкой лужайке раскинулась изящная палатка, дверь которой обращена была к Тэсс.

Простодушная Тэсс Дарбейфилд стояла, охваченная волнением, у края усыпанной гравием дорожки и смотрела. Сама того не замечая, дошла она до этого места; все здесь было не так, как она предполагала.

— Я думала, наш род древний, а здесь все новое! — сказала она наивно. Она пожалела, что с такой готовностью приняла план матери — согласилась «заявить о родстве» и не попыталась искать поддержку поближе к дому.

Семейство д'Эрбервиллей — или Сток-д'Эрбервиллей, как называли они себя сначала, — владевшее этой усадьбой, было

необычным в таком старомодном уголке страны. Священник Трингхэм был прав, говоря, что наш неуклюжий Джон Дарбофилд являлся в графстве и его окрестностях единственным подлинным прямым потомком древнего рода д'Эрбервиллей; он мог бы добавить то, что было ему очень хорошо известно, а именно: Сток-д'Эрбервилли имели не больше отношения к подлинному родословному дереву д'Эрбервиллей, чем он сам. Однако следовало признать, что семья эта являлась прекрасным деревом для прививки фамилии, чрезвычайно нуждавшейся в таком обновлении.

Когда старый м-р Саймон Сток, недавно умерший, будучи честным купцом (иные говорили — ростовщиком), сколотил себе состояние на севере, он решил стать помещиком на юге Англии, подалее от тех мест, где он вел свои торговые дела; при этом он возымел желание, начиная жизнь заново, обозвестись именем, которое не было столь тесно связано с удачливым торговцем прошлых лет и было менее заурядным, чем собственное его весьма вульгарное имя. В течение часа изучая в Британском музее труды, посвященные вымершим, полувывмершим, забытым и разорившимся родам той части Англии, где намерен был поселиться, он решил, что д'Эрбервилль звучит не хуже любой другой фамилии; и фамилия д'Эрбервилль была присоединена к собственной его фамилии как для него самого, так и для его наследников на веки вечные. Однако в этом отношении он не был сумасбродом и, созидавая свою родословную на новой основе, проявил благоразумие, измышляя аристократические родственные связи, и не ввел ни одного титула, нарушающего правила строжайшей умеренности.

Об этой фантазии бедная Тэсс и ее родители, естественно, не имели понятия, на свою беду. В сущности даже возможность подобных заимствований фамилии была неизвестна им, полагавшим, что — если благосостояние и может быть даром судьбы — фамилию получаешь при рождении.

Тэсс все еще стояла в нерешительности, словно пловец, собирающийся броситься в воду, и не знала, отступить ей или идти вперед, как вдруг из темной треугольной двери палатки выступила фигура мужчины. Это был высокий молодой человек; он курил.

Он был смуглый, с полными губами, плохо очерченными, но красивыми и мягкими; над верхней губой темнели черные подвитые усы, хотя он был не старше двадцати трех — двадцати четырех лет. Несмотря на грубоватую внешность, была в лице джентльмена и в дерзких, беспокойных глазах своеобразная сила.

— Скажите, красотка моя, чем могу вам служить? — спросил он, приближаясь к ней.

Заметив, что она стоит в полном смятении, он добавил:

— Не смущайтесь. Я мистер д'Эрбервилль. Вы пришли ко мне или к моей матери?

Этот представитель д'Эрбервиллей и однофамилец еще резче, чем дом и поместье, отличался от того, что ждала Тэсс. В мечтах ей рисовалось немолодое и благородное лицо, отражающее все отличительные д'Эрбервилльские черты, — лицо в морщинах, воплотивших воспоминания, представляющие в пероглифических письменах многовековую историю ее рода и Англии. Но, не видя иного выхода, она овладела собой и ответила:

— Я пришла к вашей матери, сэр.

— Боюсь, что вам не удастся ее повидать, она больной человек, — ответил нынешний представитель поддельного рода, м-р Алек, единственный сын недавно почившего джентльмена — Не могу ли я заменить ее? Вы пришли к ней по какому-нибудь делу?

— Это не дело... это... не знаю, как сказать!

— Для развлечения?

— О нет! Видите ли, сэр, если я вам скажу, это покажется...

В этот момент Тэсс так остро почувствовала забавную сторону своей миссии, что, несмотря на ее благоговейный страх перед ним и смущение, вызванное пребыванием здесь, улыбка тронула розовые ее губы, что весьма понравилось смуглому Александру.

— Это так нелепо... — пробормотала она. — Боюсь, что я вам не скажу!

— Ничего, мне нравятся нелепые вещи. Попробуйте еще разок, моя милая, — ласково сказал он.

— Мать просила меня пойти, — продолжала Тэсс, — да и я сама хотела это сделать. Но я не думала, что оно так выйдет. Сэр, я пришла вам сказать, что мы происходим из того же рода, из какого происходите вы.

— Хо! Бедные родственники?

— Да.

— Сток?

— Нет, д'Эрбервилль.

— Да, да... я хотел сказать д'Эрбервилль.

— Наша фамилия была искажена и стала Дарбейфилд, но у нас есть много доказательств, что мы — д'Эрбервилли. Знаюки старины говорят, что это так... И... у нас есть старая печать, а на ней щит со стоящим на задних лапах львом, а над ним — замок, и очень старая серебряная ложка — круглая, как

новщик, и с таким же замком. Но она такая старая, что мать разменивает его гороховую похлебку.

— Замок, несомненно, есть в моем гербе,— вежливо заметил он,— и лев, стоящий на задних лапах.

— Вот мать и сказала, что мы должны познакомиться с вами... так как мы по несчастной случайности лишились лошади... наша ветвь — старейшая.

— Право же, это очень мило со стороны вашей матери, и я лично не жалею о сделанном ею шаге.— С этими словами Алек посмотрел на Тэсс так, что заставил ее слегка покраснеть.— Значит вы, красавица, пришли с дружеским визитом к нам, как к родственникам?

— Кажется, да,— пролепетала Тэсс, снова смутившись.

— Ну что ж, беды в этом нет. Где вы живете? Кто вы такие?

Она рассказала ему вкратце о своей семье и в ответ на дальнейшие вопросы сказала, что намерена ехать обратно с тем же возницей, который доставил ее сюда.

— Он еще не скоро будет проезжать мимо перекрестка Трэнтридж. А не пройти ли нам по усадьбе, моя хорошенькая кузина?

Тэсс хотела сократить свой визит, но молодой человек настаивал, и она согласилась его сопровождать. Он повел ее мимо лужаек, клумб и оранжерей и дальше, к фруктовому саду и к паринкам, где спросил ее, любит ли она клубнику.

— Да,— сказала Тэсс,— когда она поспевает.

— Здесь она уже поспела.

Д'Эрбервилль начал собирать для нее ягоды, наклоняясь и протягивая ей; затем, выбрав исключительно крупную ягоду сорта «Британская королева», он выпрямился и, держа ягоду за стебелек, поднес к ее губам.

— Нет, нет! — быстро сказала она, заслоняя пальцами губы.— Я лучше возьму ее рукой.

— Вздор! — наставлял он.

С легким смущением она приоткрыла рот и взяла ягоду губами.

Так бродили они некоторое время бесцельно, и Тэсс с удовольствием, а вместе с тем с неохотой, ела все, что предлагал ей д'Эрбервилль. Когда она насытилась клубничкой, он наполнил ягодами ее корзиночку; затем вдвоем они подошли к розовым кустам, где он нарвал цветов и дал ей, чтобы она приколотла их себе на грудь. Словно во сне, она повиновалась, а когда уже большая некуда было прикреплять, он сам прицепил один-два бутона к ее шляпке и проявил удивительную щедрость, наполнив доверху ее корзинку. Наконец, взглянув на часы, он сказал:

— Теперь вам нужно закусить, а затем вы должны отправляться в путь, если не хотите пропустить возницу в Шестом. Идите, я попытаюсь достать вам чего-нибудь поесть.

Сток-д'Эрбервилль повел ее назад на лужайку и оставил одну в палатке, но вскоре вернулся и принес корзинку с легким завтраком, который подал ей сам. Было ясно; джентльмен не желал, чтобы слуги нарушили этот приятный *l'été-à-l'été*.

— Вы ничего не имеете против того, чтобы я курил? — спросил он.

— О нет, сэр.

Сквозь клубы дыма, протянувшиеся в палатке, он наблюдал, как она мило и непринужденно ест, а Тэсс Дарбейфилд, наивно поглядывая вниз, на розы у своей груди, не догадывалась, что там, за синей наркотической дымкой, восседает «трагический злодей» ее драмы — тот, кому суждено стать кроваво-красным лучом в спектре ее молодой жизни. Была у нее одна характерная черта, которая в ту пору не сулила добра, и она-то и заставляла Алека д'Эрбервилля не спускать с нее глаз. У Тэсс была прекрасная фигура; она переживала пору полного расцвета и скорее походила на женщину, чем на девушку. Она унаследовала эту особенность от матери. Иногда это ее смущало, пока подруги не сказали ей, что придет время, когда она не будет об этом жалеть.

Вскоре завтрак был съеден.

— Ну, теперь я пойду домой, сэр, — сказала она, вставая.

— А как вас зовут? — спросил он, когда они шли по аллее и дом уже скрылся из виду.

— Тэсс Дарбейфилд из Марлота.

— Вы говорили, что ваши родители потеряли лошадь?

— Я убила ее! — ответила она, и глаза ее наполнились слезами, когда она рассказала о смерти Принца. — Я не знаю, как помочь теперь отцу.

— Нужно подумать, не могу ли я что-нибудь для вас сделать. Моя мать должна найти для вас место. Но только, Тэсс, никаких глупостей по поводу «д'Эрбервилль»... Дарбейфилд — это совсем другая фамилия.

— Лучшей я и не хочу, сэр, — ответила она с достоинством.

На секунду, только на секунду, когда они находились у поворота аллеи между высокими рододендронами и хвойными деревьями и вдали еще не показалась сторожка, он наклонился к ней, словно... Но нет! Он передумал и отпустил ее.

Так это началось. Осознай она значение этой встречи, она могла бы спросить, почему суждено ей было в тот день быть замеченной и избранной случайным встречным, — не тем, другим — желанным и суженым, поскольку человек может быть

суженым и желанным; однако для него она была в ту пору лишь преходящим полубытым воспоминанием.

Быть может, план и хорошо задуман, но выполнение — плохо: редко человек приходит на зов, и тот, кого можно полюбить, является слишком поздно. Природа не часто говорит «Смотри!» бедному своему созданию в час, когда видение может привести к поступку, сулящему счастье; и не часто отвечает «Здесь!» на крик плоти «Где?» пока игра в прятки не станет скучной, надоевшей забавой.

Мы можем задавать вопрос, будут ли на высшей ступени человеческого прогресса стерты эти анахронизмы благодаря более тонкой интуиции, более совершенному взаимодействию социального механизма, который швыряет нас ныне из стороны в сторону, — но такое совершенство нельзя ни предсказывать, ни даже мыслить как возможное. Достаточно того, что в данном случае, как и в миллионах других, две половины совершенного целого не встретились в должный момент, — одна половина самым глупейшим образом блуждала некоторое время по земле, пока не стало слишком поздно. В результате этого досадного промедления возникли потрясения, тревога, разочарование, катастрофы и странно сложились человеческие судьбы.

Вернувшись в палатку, д'Эрбервилль в раздумье уселся верхом на стул, лицо его сияло от удовольствия; потом он громко расхохотался.

— Черт побери! Ну и потеха! Ха-ха-ха! А девушка премиленькая!

VI

Тэсс спустилась с холма к перекрестку Трэнтридж и, ни на что не обращая внимания, ожидала фургон, возвращающийся из Чэзборо в Шестон. Войдя в фургон, она не поняла, что сказали ей другие пассажиры, хотя и ответила им; а когда они снова тронулись в путь, она углубилась в себя, не видя ничего вокруг.

Один из попутчиков заговорил с ней более настойчиво, чем другие:

— Э, да вы лучше любого букета! А какие розы для начала июня!

Тогда Тэсс сообразила, какое зрелище представляет она для этих изумленных людей: розы на груди, розы на шляпе, розы и клубника до краев наполняют корзинку. Она вспыхнула и сказала смущенно, что цветы были ей подарены. Когда пассажиры перестали обращать на нее внимание, она украдкой сняла со шляпы те цветы, которые особенно бросались в глаза, и, положив их в корзинку, прикрыла носовым платком; потом сно-

ва задумалась и опустила голову, а шипы розы, оставшейся на ее груди, случайно укололи ей подбородок. Как и все жители долины Блекмур, Тэсс была предрасположена к фантастическим бредням и суевериям; она сочла это дурным предзнаменованием — первым, замеченным ею за день.

Фургон доходил только до Шестона, а оттуда нужно было пройти несколько миль пешком до Марлота, спускаясь с горы, на которой расположен был город, в долину. Мать советовала ей переночевать там у одной знакомой, если она почувствует себя слишком усталой, чтобы идти дальше; Тэсс так и сделала и домой вернулась лишь на следующий день после полудня.

Войдя в дом, она тотчас же заметила торжествующий вид матери и догадалась, что за это время что-то произошло.

— Я все знаю! Я тебе говорила, что все обойдется прекрасно, и так оно и вышло!

— С тех пор как я ушла? Что такое? — устало спросила Тэсс.

Мать одобрительно окинула ее взглядом с ног до головы и продолжала шутливо:

— Значит, ты их обкрутила!

— Почему ты знаешь, мама?

— Я получила письмо.

Тэсс сообразила, что за это время письмо могло быть получено.

— Они говорят... миссис д'Эрбервилль говорит, что хочет поручить тебе присмотр за маленьким птичником, — это ее конек. Но это только уловка, чтобы заманить тебя туда, не разжигая никаких надежд. Она хочет признать тебя своей родственницей — вот в чем тут дело.

— Но я ее не видела.

— Должно быть, кого-нибудь ты видела?

— Я видела ее сына.

— И он тебя признал?

— Ну... он называл меня кузницей.

— Так я и знала! Джеки, он называл ее кузиной! — крикнула Джоан своему мужу. — Ну конечно, он поговорил со своей матерью, и она зовет тебя туда.

— Но я не знаю, могу ли я ходить за курами, — неуверенно сказала Тэсс.

— А я не знаю, кто может, если не ты! Чуть ли не с рождения ты этим делом занималась и приучена к нему. Тот, кто знает что-нибудь с рождения, всегда смыслит в этом лучше других. И вдобавок ты только для виду должна что-то делать, чтобы не чувствовать себя в зависимости.

— Не очень-то я уверена, что мне следует туда идти, — за-

думчиво сказала Тэсс.— Кто написал письмо? Дай-ка мне посмотреть.

— Написала миссис д'Эрбервилль. Вот оно.

Письмо было написано в третьем лице и кратко уведомляло м-с Дарбейфилд, что леди нуждается в услугах ее дочери для присмотра за птичником, что ей предоставят удобную комнату, когда она придет, и платить ей будут щедро, если она им понравится.

— И это все? — воскликнула Тэсс.

— Уж не думала ли ты, что она сразу бросится тебе на шею, будет целовать и миловать?

Тэсс посмотрела в окно.

— Я бы больше хотела остаться здесь, с отцом и с тобой, — сказала она.

— А почему?

— Мне не хочется говорить тебе, мать... Да я и сама хорошо не знаю.

Спустя неделю она пришла вечером домой после безуспешных поисков какой-нибудь легкой работы по соседству. Ее мечтой было заработать за лето денег, чтобы купить другую лодку. Не успела она переступить порог, как один из ребят заглянул по комнате, восклицая:

— Здесь был джентльмен!

Мать — каждый дюйм ее лица расплывался в улыбку — повелела выступить с объяснениями. Сын м-с д'Эрбервилль явился сюда верхом, проезжая случайно мимо Марлота. Говоря от имени своей матери, он пожелал окончательно узнать, может ли Тэсс взять на себя заведование птичьей фермой старой леди: парень, который до сего времени ведал птичником, оказался ненадежным.

— Мистер д'Эрбервилль говорит, что ты должна быть хорошей девушкой, если ты такова, какой кажешься; он уверен, что тебя нужно ценить на вес золота. Сказать по правде, он очень интересуется тобой.

На секунду Тэсс обрадовалась, узнав, что произвела такое хорошее впечатление на чужого человека, когда она чувствовала себя такой униженной.

— Хорошо с его стороны, если он так думает, — прошептала она. — И если бы я знала, каково мне будет жить там, я бы сейчас же пошла.

— Он очень красивый мужчина!

— Я этого не нахожу, — холодно сказала Тэсс.

— Ну, теперь решай — идти или не идти. А я тебя уверяю — у него на пальце прекрасное бриллиантовое кольцо!

— Верно! — весело сказал маленький Абрэхэм, сидевший на

лавке под окном. — И я его видел — оно сверкало, когда он подносил руку к усам. Мама, почему наш благородный родственник все время подносил руку к усам?

— Вы только послушайте, что говорит этот ребенок! — в порыве материнского восторга воскликнула м-с Дарбейфилд.

— Может быть, хотел показать свое бриллиантовое кольцо, — задумчиво отозвался сэр Джон.

— Я об этом подумаю, — сказала Тэсс, выходя из комнаты.

— Да, она сразу победила младшую ветвь нашей семьи, — продолжала матрона, обращаясь к супругу. — И будет дурой, если бросит это дело.

— Не очень-то мне хочется, чтобы мои дети уходили из дому, — сказал разносчик. — Я глава рода, остальные родственники должны приходить ко мне.

— Но ты ее отпусти, Джеки, — приставала его бедная неразумная жена. — Он голову потерял из-за нее, это сразу видно. Он называл ее кузницей. Очень возможно, что он на ней женится и сделает ее леди, а тогда она будет тем, чем были ее предки.

У Джона Дарбейфилда тщеславия было больше, чем энергии или здоровья, и это предположение пришлось ему по вкусу.

— Да, пожалуй, молодой мистер д'Эрбервилль именно это и имеет в виду, — согласился он, — и, быть может, он серьезно подумывает о том, чтобы облагородить свою кровь, соединившись со старой ветвью. Тэсс, маленькая плутовка! Неужели она и в самом деле поехала к ним с этой целью?

В это время Тэсс задумчиво бродила по саду, меж кустов крыжовника и у могилы Принца. Когда она вошла в дом, мать снова затянула свою песню.

— Ну, что же ты думаешь делать? — спросила она.

— Жаль, что я не видела миссис д'Эрбервилль, — сказала Тэсс.

— Мне кажется, ты бы могла решиться. А тогда ты скоро ее увидишь.

Отец кашлянул.

— Я не знаю, что сказать! — волнуясь, ответила девушка. — Решайте вы. Я убила старую лошадь и, вероятно, должна что-то сделать, чтобы раздобыть для вас новую. Но... мне не очень нравится что-то мистер д'Эрбервилль.

Дети, которые привыкли смотреть на уход Тэсс к богатым родственникам (а они воображали, будто эти люди — их родня) как на своеобразное возмещение за смерть старой лошади, начали хныкать, узнав о колебаниях Тэсс, и дразнить и упрекать ее за нерешительность.

— Тэсс не хо-о-чет идти и быть ле-е-ди! Она говорит, что не по-о-ойдет! — тянули они, разинув рты. — А у нас не будет хо-

рошей новой лошади и золотых монеток на игрушки! И Тэсс уже не будет такой хорошенькой в новом платье!

Мать говорила в том же духе; она имела обыкновенные загибать до бесконечности свою работу по дому, отчего работа эта казалась много труднее, чем была на самом деле,— и тяготы домашнего хозяйства она выдвинула как аргумент. Один только отец соблюдал нейтралитет.

— Я пойду,— сказала, наконец, Тэсс.

Мать не могла умолчать о своих надеждах на свадьбу, пробужденных согласием девушки.

— Ну вот и прекрасно! Для такой хорошенькой девушки — это счастливый случай!

Тэсс сердито усмехнулась.

— Я надеюсь, что это — случай заработать деньги. И никаких других возможностей тут нет. Ты бы лучше не говорила таких глупостей соседям.

Миссис Дарбейфилд ничего не обещала. Она не совсем была уверена в том, что не начнет болтать, так как слова гостя исполнили ее гордостью.

Итак, вопрос был решен: девушка написала, что готова явиться в любой день, как только понадобятся ее услуги. Своевременно ее уведомили о том, что м-с д'Эрбервилль рада ее решению и вышлет за ней и ее пожитками двуколку на вершину холма послезавтра, и к этому дню она должна быть готова. Почерк м-с д'Эрбервилль очень напоминал мужской.

— Двуколку? — недоверчиво прошептала Джоан Дарбейфилд. — За своей родственницей она могла бы прислать коляску!

Приняв, наконец, решение, Тэсс стала менее тревожной и рассеянной и исполняла свои обязанности, обретая уверенность при мысли, что, занимаясь нетрудным делом, добудет для отца лошадь. Она надеялась получить место школьной учительницы, но судьба решила иначе. Духовно она была более зрелой, чем ее мать, и ни на секунду не принимала всерьез matrimониальных надежд м-с Дарбейфилд. Легкомысленная женщина подыскивала блестящие партии для своей дочери чуть ли не с первого года ее жизни.

VII

В день отъезда Тэсс проснулась до рассвета — в те последние мгновения ночи, когда леса еще безмолвствуют и только одна пророческая птица поет звонко, — в твердом убеждении, что она-то уж во всяком случае знает час рассвета, тогда как все остальные хранят молчание, словно в равной мере убеждены в ее ошибке. До завтрака Тэсс оставалась наверху, уклады-

вая вещи, а потом спустилась вниз в своем обычном будничном платье,— воскресный ее наряд был заботливо уложен в сундук.

Мать запротестовала:

— Неужели ты не хочешь одеться понаряднее, когда отправляешься в гости к своим родным?

— Но я еду работать! — сказала Тэсс.

— Так-то оно так, — отозвалась мать и конфиденциальным тоном добавила: — Пожалуй, сначала тебе дадут для виду какую-нибудь работу... Но, мне кажется, разумнее будет, если ты приоденешься, чтобы показать себя с лучшей стороны,— добавила она.

— Хорошо, тебе лучше знать, — с невозмутимой покорностью ответила Тэсс.

И, чтобы угодить матери, девушка отдала себя в руки Джона, сказав спокойно:

— Делай со мной, что хочешь, мать.

Миссис Дарбейфилд была в восторге от такого смирения. Первым делом она принесла большой таз и столь тщательно вымыла волосы Тэсс, что, высушенные и расчесанные, они стали вдвое пышнее, чем обычно. Перевязала она их широкой розовой лентой, затем надела на Тэсс то самое белое платье, какое было на ней в день клубного гулянья, — воздушное широкое платье, придававшее ее развивающейся фигуре полноту, которая не соответствовала ее возрасту; благодаря этому платье и прическе ее могли принять за женщину, хотя она была почти ребенком.

— У меня дырка на пятке! — объявила Тэсс.

— Ну, что там думать о дырявых чулках! Их не видно. Когда я была девушкой, никому и на ум не взбрело бы смотреть на мои пятки, если на мне была хорошенькая шляпка.

Мать, гордясь внешностью девушки, отступила, словно художник от мольберта, на шаг назад, созерцая свое произведение.

— Ты должна на себя поглядеть! — воскликнула она. — Сегодня ты куда лучше, чем в тот раз.

Так как зеркальце было настолько мало, что могло отражать лишь часть лица Тэсс, м-с Дарбейфилд завесила окно снаружи черным плащом и, следуя обычаю наряжающихся поселян, превратила оконное стекло в большой рефлектор. Затем она спустилась к мужу, который сидел внизу.

— Вот что я тебе скажу, Дарбейфилд, — восторженно заговорила она, — ему не устоять, он ее полюбит. Но только поменьше говори с Тэсс о его любви, а уж она его победит. Она такая странная девушка, что это может восстановить ее против него... да как бы она и теперь не отказалась туда ехать! Если обой-

дется благополучно, я непременно отблагодарю этого пастора из Стэгфут Лейна за то, что он нам сказал. Хороший он человек!

Однако, когда приблизился момент прощания, когда улеглось первое возбуждение, вызванное заботой о наряде, в душу Джоан Дарбейфилд проникли легкие опасения,— вот почему матрона выразила желание немпожко пройти до того места, где дорога, ведущая из долины во внешний мир, начинала круто подниматься в гору. На вершине холма Тэсс должна была встретить двуколку, высланную Сток-д'Эрбервиллями, и мальчишка уже повез на тачке ее сундучок на холм, чтобы все было заранее готово.

Видя, что мать надевает чепец, младшие дети захотели идти с нею:

— Мы хотим пройтись немного вместе с сестрицей, потому что она выйдет замуж за нашего двоюродного брата-джентльмена и будет носить красивые платья!

— Чтобы я этого больше не слышала! — сказала Тэсс, краснея и быстро оборачиваясь.— Мать, зачем ты им вбиваешь в голову такой вздор?

— Она идет работать, мои милые, к нашим богатым родственникам и поможет добыть денег на покупку новой лошади,— умиротворяюще отозвалась м-с Дарбейфилд.

— Прощай, отец,— сказала Тэсс, чувствуя, как у нее сжимается горло.

— Прощай, дочка,— отозвался сэр Джон, приподнимая голову, поинкинуя на грудь; он клевал носом, так как по случаю торжественного дня хлебнул лишнего.— Надеюсь, юному моему другу понравится такая миловидная представительница его рода. И скажи ему, Тэсс, что, обеднев после былого величия, я продам ему титул,— да, продам, и за умеренную цену.

— Не меньше, чем за тысячу фунтов! — воскликнула леди Дарбейфилд.

— Скажи ему, что я возьму тысячу фунтов. Ну, уж коли на то пошло, возьму меньше. Он его украсит лучше, чем может это сделать такой жалкий бедняк, как я. Скажи ему, что он его получит за сотню. Но я не буду торговаться из-за пустяков,— скажи, что я отдам за пятьдесят, за двадцать фунтов! Да, двадцать фунтов — это последняя цена. Черт возьми, фамильная честь есть фамильная честь, и я не возьму ни на пени меньше!

У Тэсс глаза были полны слез, а горло сдавлено, и она не могла выразить овладевшие ею горькие чувства. Она быстро повернулась и вышла.

Мать и дети вместе отправились в путь; девочки держали

за руки Тэсс и время от времени задумчиво поглядывали на нее, как на человека, которому предстоит совершить великие подвиги; мать шла сзади; грувля эта напоминала картину: в центре целомудренная красота, по бокам невинность, на заднем плане простодушное тщеславие. Они шли по дороге, пока не начался подъем, а на вершине холма предстояла встреча с повозкой из Трэнтриджа,— место это было выбрано для того, чтобы избавить лошадь от последнего трудного подъема. Далеко за первыми холмами вставали на фоне холмистой гряды дома Шестона, похожие на утесы. На дороге, опоясывающей холм, не видно было никого, кроме подростка, посланного вперед и восседавшего на точке, на которой уместилось все имущество Тэсс.

— Подождем здесь, двуколка должна скоро приехать,— сказала м-с Дарбейфилд. — Да вот она!

Двуколка неожиданно появилась из-за ближайшего холмика и остановилась возле мальчика с тачкой. Мать и дети решили не идти дальше, и, торопливо попрощавшись с ними, Тэсс стала подниматься на холм.

Они видели, как белая ее фигура приблизилась к двуколке, на которой уже стоял ее сундучок. Но не успела она поровняться с двуколкой, как из-за кучи деревьев на вершине показался другой экипаж, миновал поворот, двуколку с багажом и остановился возле Тэсс, которая с изумлением повернулась.

Тогда мать заметила, что второй экипаж не похож на жалкую двуколку,— это был новенький щегольской гит, покрытый лаком. Лошадью правил молодой человек лет двадцати трех — двадцати четырех, с сигарой в зубах; на нем было щегольское кепи, темная куртка, такие же темные короткие штаны, белый галстук, стоячий воротничок и коричневые перчатки,— короче, это был тот самый красивый молодой щеголь, который недели две назад приезжал верхом к Джоан узнать ее решение относительно Тэсс.

Миссис Дарбейфилд, как ребенок, захлопала в ладоши, опустила глаза, потом снова стала всматриваться. Могла ли ее обмануть значение этой встречи?

— Это и есть джентльмен-родственник, который делает сестрицу леди? — спросил младший из ребят.

Между тем видно было, что Тэсс в своем муслиновом платье все еще стоит неподвижно и в нерешительности перед этим экипажем, владелец которого разговаривал с ней. В сущности кажущаяся нерешительность была кое-чем более серьезным: у нее возникли опасения; она предпочла бы ехать в жалкой двуколке. Молодой человек вышел из экипажа и, по-видимому, уговаривал ее сесть. Она повернулась в ту сторону, где остались ее родные, и посмотрела на маленькую группу. Казалось,

что-то подтолкнуло ее принять решение: быть может, мысль о том, что она убила Принца. Быстро она села в гиг, он занял место рядом с ней и тотчас же хлестнул лошадь. Через секунду они обогнали медленно тащившуюся двуколку с сундуком и скрылись за выступом холма.

Как только Тэсс скрылась из виду и угас интерес к драматическому действию, глаза малышей наполнились слезами. Младший сказал: «Я не хочу, чтобы бедная Тэсс уезжала и делалась леди!»; опустив уголки рта, он расплакался. Это оказалось заразительным: второй ребенок последовал примеру первого, и, наконец, разревелась все трое.

Слезы были и на глазах Джоан Дарбейфилд, когда она повернулась, чтобы идти домой. Но на обратном пути она снова пассивно уверовала в милость случая. Однако, лежа ночью в постели, она вздохнула, а муж спросил, что с ней.

— Я сама хорошенько не знаю,— сказала она.— Я подумала сейчас, что было бы, пожалуй, лучше, если бы Тэсс не уехала.

— Ты должна была думать об этом раньше.

— Но девушке выпал случай... А все-таки, если бы начинать все сначала, я бы ее не отпустила, не разузнав заранее, действительно ли этот джентльмен добропорядочный молодой человек и интересуется ею как родственницей.

— Да, пожалуй, следовало бы это сделать,— проворчал сэр Джон.

Джоан Дарбейфилд всегда ухитрялась найти какое-нибудь утешение.

— Ну что ж, она из древнего рода и должна с ними сойтись, если пустит в ход свой козырь. А если он теперь на ней не женится, то женится после. Всякому видно, что он от нее без ума.

— А какой у нее козырь? Кровь д'Эрбервиллей?

— Нет, дурачок, — ее лицо; и у меня было такое же

VIII

Усевшись рядом с ней Алек д'Эрбервилль быстро поехал вдоль гребня холма, нашептывая Тэсс комплименты; двуколка с ее сундуком осталась далеко позади. Подъем еще продолжался, и по обе стороны от них открывался простор: сзади — зеленая долина, где она родилась, впереди — серая страна, о которой она знала лишь то, что успела увидеть во время первого кратковременного пребывания в Трентридже. Они добрались до того места, где начинался спуск; отсюда почти на протяжении миль прямая дорога шла под уклон.

С того дня, как погибла лошадь ее отца, Тэсс Дарбейфилд, хотя и смелая от природы, стала бояться езды; даже легкие толчки ее пугали. Сейчас она с беспокойством заметила, как неосторожно правит лошадью ее спутник.

— Я думаю, спускаться вы будете медленно, сэр? — сказала она с напускной беззаботностью.

Д'Эрбервилль повернулся к ней, прикусил сигару крупными белыми зубами, и губы его расплылись в улыбку.

— Что же это, Тэсс? — сказал он, затянувшись сигарой. — Как можете вы, смелая девушка, задавать такой вопрос? Конечно, я всегда пускаю лошадь в галоп. Это лучший способ поднять настроение.

— Но, быть может, сейчас вам не нужно этого делать?

— Увы! — отозвался он, покачивая головой. — Считается приходится с двумя. Я не один. Нельзя забывать о Тиб, а у нее капризный нрав.

— Кто это?

— Да кобыла. Мне показалось, что она только что оглянулась и посмотрела на меня очень хмуро. Вы не заметили?

— Не пытайтесь запугать меня, сэр, — сдержанно сказала Тэсс.

— Я вас не пугаю. Если есть на свете человек, который мог бы справиться с этой лошадью, то человек этот — я. Я не утверждаю, что это вообще, возможно, но если кто-нибудь имеет над ней власть, то это я.

— Зачем вы держите такую лошадь?

— Вот об этом стоит спросить. Должно быть, такая моя судьба. Тиб убила одного парня; а как только я ее купил, она едва не убила меня. Затем — можете мне поверить — я едва не убил ее. Но она все-таки капризна; иногда с нею вряд ли можно считать себя в безопасности.

Они только что начали спускаться, и ясно было, что лошадь сама, или повинаясь его воле (последнее было более вероятно), прекрасно понимала, какого безрассудства от нее ждут, и не нуждалась в понукании.

Вниз, вниз мчались они! Колеса жужжали, как волчок, гик кренился то вправо, то влево, — он летел слегка наклонно, — круп лошади перед ними поднимался и опускался, как волна. Колесо приподнималось над землей, казалось, на много ярдов, камни, кружась, перелетали через изгородь, из-под копыт лошади вырывались искры, видимые при дневном свете. Впереди прямая дорога расширялась, две насыпи раздвигались, как концы расщепленной палки и, пронеслись мимо.

Ветер проиикал сквозь белое муслиновое платье Тэсс, а вы-

жытые ее волосы развевались за спиной. Она решила скрыть испуг, но схватила д'Эрбервилля за руку, державшую вожжи.

— Отпустите руку! Нас вышвырнет, если вы будете это делать! Держитесь за меня крепче!

Она обхватила его за талию, и так они спустились к подножью холма.

— Слава богу, целы, несмотря на вашу глупость! — сказала она; лицо ее пылало.

— Тэсс, фи! Какой у вас характер! — отозвался д'Эрбервилль.

— Я правду говорю.

— А как вы неблагодарны — перестали за меня держаться, как только почувствовали себя в безопасности!

Она не думала о том, что делает, когда, помимо своей воли, уцепилась за него; ей было все равно, мужчина это или женщина, палка или камень. Опомнившись, она сидела молча, пока они не поднялись на вершину следующего холма.

— Ну вот, еще разок! — сказал д'Эрбервилль.

— Нет! — воскликнула Тэсс. — Прошу вас, будьте благодарным.

— Но когда люди находятся на вершине одного из высочайших холмов в графстве, они должны спуститься вниз, — возразил Алек.

Он ослабил поводья, и снова они понеслись. Д'Эрбервилль повернулся к ней, когда их швыряло из стороны в сторону, и сказал с шуточной насмешкой:

— Ну-ка, красотка моя, обнимите меня за талию, как вы это раньше делали.

— Ни за что! — с независимым видом отозвалась Тэсс и старалась удержаться, не прикасаясь к нему.

— Позвольте мне хоть разок поцеловать вас в губки, Тэсс, или хотя бы в эту разгоревшуюся щеку, и я остановлю лошадь, честное слово остановлю!

Тэсс в безграничном удивлении отодвинулась как можно дальше. Тогда он снова погнал лошадь, и гиг еще сильнее стал раскачиваться.

— Неужели мне ничего не остается, как согласиться? — в отчаянии крикнула она наконец, глядя на него своими большими глазами, напоминавшими глаза дикого зверька. По-видимому, мать напрасно ее наряжала, — это привело к печальным последствиям.

— Ничего, дорогая Тэсс, — ответил он.

— О, я не знаю... Ну, хорошо, мне все равно! — тоскливо выговорила она.

Он натянул вожжи и, когда лошадь замедлила шаг, хотел

было запечатлеть поцелуй, но она, словно сама не сознавая своего целомудрия, отстранилась. В руках он держал вожжи и, следовательно, не имел возможности предупредить этот маневр.

— Черт возьми, теперь мы оба сломаем шею! — выругался ее капризный и пылкий спутник. — Так вот как вы держите слово, маленькая колдунья!

— Ну, хорошо, — сказала Тэсс. — Я не пошевелинусь, раз вы на этом настаиваете! Но... я думала, вы будете добры ко мне, защитите меня... как родственник.

— К черту родственника! Ну!..

— Но я не хочу, чтобы меня целовали, сэр! — взмолилась она; крупная слеза скатилась у нее по щеке, уголки рта подергивались, — она старалась не расплакаться. — Я бы не пришла, если бы знала!

Он был неумолим, и она притихла, а д'Эрбервилль поцеловал ее, пользуясь преимуществом своего положения. Едва он это сделал, как она всхлынула от стыда, вынула носовой платок и вытерла то место на щеке, которого коснулись его губы. Движение это было бессознательное, и д'Эрбервилль почувствовал себя задетым.

— Очень уж вы чувствительны для деревенской девушки! — сказал молодой человек.

Тэсс ничего не ответила на это замечание, смысл которого был ей не совсем понятен, так как она не подозревала, что оскорбила его, вытерев инстинктивно щеку. В сущности она стерла поцелуй, поскольку это было физически возможно. Смутно сознавая, что он рассержен, она упорно смотрела вперед, пока они ехали рысью в течение получаса, и вдруг с ужасом заметила, что им предстает еще один спуск.

— Вы пожалейте об этом! — заговорил он все тем же обиженным тоном, снова заноса хлыст. — Если только не согласитесь добровольно на повторение... Но на этот раз без носовых платков.

Она вздохнула.

— Хорошо, сэр... О, позвольте я подниму шляпу!

В этот момент ветер сорвал с нее шляпу, так как они и в гору ехали отнюдь не медленно. Д'Эрбервилль остановил лошадь и сказал, что поднимет шляпу, но Тэсс уже выпрыгнула из экипажа.

Пройдя назад по дороге, она подняла шляпу.

— Клянусь, без шляпы вы еще лучше, если это только возможно! — сказал он, глядя на нее поверх спинки гига. — Ну, садитесь! В чем дело?

Шляпа была надета, и ленты завязаны, но Тэсс не двигалась.

— Нет, сэр— сказала она с торжеством и вызывающе улыбнулась, сверкнув зубами.— Теперь уж я не сяду!

— Как? Вы не хотите сесть рядом со мной?

— Да, я пойду пешком.

— До Трэнтриджа остается еще пять или шесть миль.

— А хоть бы и сто! К тому же за нами едет двуколка.

— Ах вы хитрая девчонка! А ну-ка, скажите, уж не нарочно ли вы устроили так, чтобы с вас сорвало шляпу? Готов поклясться, что нарочно!

Ее неосторожное молчание подтвердило его подозрения.

Тогда д'Эрбервилль, не жалея бранимых слов, стал ругать и проклипать ее за эту хитрость. Неожиданно дернув вожжами, он направил лошадь на Тэсс, чтобы загнать ее между изгородью и гном. Но этого оп'че мог сделать, не рискуя ее искалечить.

— Стыдно вам говорить такие нехорошие слова!— сердито крикнула Тэсс с верхушки изгороди, на которую взобралась.— Вы мне совсем не нравитесь! Я вас ненавижу! Я вас терпеть не могу! Я вернусь домой, к матери!

Ее гнев рассеял дурное настроение д'Эрбервилля, и он от души расхохотался.

— Ну, а вы мне еще больше нравитесь,— сказал он.— Давайте заключим мир. Больше я никогда не буду этого делать против вашей воли. Клянусь честью!

Но Тэсс не пошла на уговоры. Однако она не возражала против того, чтобы он ехал бок о бок с ней; и так, шагком, приближались они к деревне Трэнтридж; время от времени д'Эрбервилль бурно выражал отчаяние, видя, что своим поведением принудил ее идти пешком. Теперь она действительно могла бы ему довериться, но один раз он обманул ее— и сейчас она упорствовала и задумчиво шла вперед, словно размышляя о том, не более разумнее ли вернуться домой. Однако решение было принято и отступать от него теперь казалось чуть ли не ребячеством, раз не было более веских причин. Могла ли она, руководствуясь такими сентиментальными соображениями, забрать свой сундук, вернуться к родителям и разрушить план возрождения семьи?

Несколько минут спустя показались трубы усадьбы «Косогор», а направо, в уютном уголке,— птичий двор и домик, предназначенный для Тэсс.

IX

Община птиц, для которых Тэсс должна была стать надзирательницей, поставщиком, нянькой, врачом и другом, имела свою штаб-квартиру в старом, крытом соломой домике, нахо-

дившемся за оградой, где когда-то был сад, а теперь утоптанная песчаная площадка. Дом зарос плющом, и дымовая труба, оплетенная вьющимися растениями, производила впечатление разрушенной башни. Нижний этаж целиком был отдан птицам, которые с видом собственников разгуливали по комнатам, словно дом был построен ими, а не какими-то арендаторами, ныне покоящимися на кладбище. Потомки этих прежних владельцев почувствовали, что им нанесено чуть ли не оскорбление, когда дом, к которому они были привязаны, дом, поглотивший столько дедовских состояний и принадлежавший им в течение нескольких поколений, — до той поры, когда появились и начали здесь строиться д'Эрбервилли, — был безжалостно превращен м-с Сток-д'Эрбервилль в курятник, как только участок перешел по закону в ее руки. «В дедовские времена дом был достаточно хорош и для христиан», — говорили они.

В комнатах, где когда-то пищали десятки младенцев, слышалось теперь постукивание вылупливающих из яиц цыплят. Одуревшие куры в клетках помещались там, где некогда стояли ступня степенных земледельцев. Камни, в котором прежде пылал огонь, был заполнен перевернутыми ульями — в них неслись куры; а перед домом, где поколения арендаторов заботливо вскапывали участок лопатой, земля была отчаянно изрыта нутрами.

Сад вокруг коттеджа опоясывался стеной, и попасть сюда можно было только через калитку.

На следующее утро, когда Тэсс в течение часа занималась изменениями и улучшениями своего хозяйства, руководствуясь, словно дочь куровода, своим опытом, калитка в стене распахнулась, и служанка в белом чепце и переднике вошла во двор. Явилась она из помещичьего дома.

— Миссис д'Эрбервилль хочет, чтобы к ней, как всегда, принесли кур, — сказала она; но, видя, что Тэсс не совсем поняла ее, пояснила: — Хозяйка — старая леди и слепая.

— Слепая! — повторила Тэсс.

Не успев осознать, какие опасения вселила в нее эта новость, Тэсс, по указанию служанки, взяла на руки двух самых красивых птиц породы «Гамбург» и последовала за девушкой, тоже захватившей двух птиц, в помещичий дом, красиво отделанный и внушительный, но свидетельствующий о том, что кто-то из его обитателей питает любовь к домашней птице: перед домом летали перья, на траве стояли клетки.

В гостиной нижнего этажа сидела, глубоко уйдя в кресло и повернувшись спиной к свету, владелица и хозяйка усадьбы — седая женщина в большом чепце; ей было под шестьдесят, не

больше. У нее было подвижное лицо человека, которому зрение изменяло постепенно, и он пытался его сохранить,— тогда как у людей, давно ослепших или слепых от рождения, лицо бывает застывшее. Тэсс со своей пернатой пошей подошла к этой леди; птицы сидели на обеих ее руках.

— А, вы та самая молодая женщина, которая будет смотреть за моими птицами? — сказала м-с д'Эрбервилль, услышав незнакомые шаги. — Надеюсь, вы будете ласковы с ними. Мой управляющий говорит, что вы вполне подходите. Ну, где же они? А, это Гордец! Но сегодня он, кажется, не так весел, как всегда? Должно быть, испугался, попав в чужие руки. И Финна тоже... да, они немножко испуганы. Правда, мои миленькие? Но они скоро к вам привыкнут.

В то время как старуха говорила, Тэсс и другая девушка, повинаясь ее жестам, посадили птиц к ней на колени, и она отлаживала их с головы до хвоста, ощупывая клювы, гребешки, хохолки у петухов, крылья их и лапки. Прикасаясь к ним, она тотчас же их узнавала и могла обнаружить каждое сломанное или запачканное перышко. Она цувала их зоб и знала, что они ели и не слишком ли мало, или много; на лице ее отражались мелькавшие в голове мысли.

Птицы, принесенные двумя девушками, были затем водворены обратно на птичий двор; и процедура осмотра продолжалась до тех пор, пока не были предъявлены старухе все любимые петухи и куры — гамбургцы, бэнгэмы, кохихиши, брамы, доркинги и другие породы, бывшие тогда в моде; и когда птицу сажали к ней на колени, старуха, опознавая ее, редко ошибалась.

Тэсс это напомнило конфирмацию: м-с д'Эрбервилль была епископом, куры — конфирмантами, а она сама и служанка — священником и vicarием приходской церкви, приводящими конфирмантов. По окончании церемонии м-с д'Эрбервилль, сморщив лицо, вдруг спросила Тэсс:

— Вы умеете свистеть?

— Свистеть, сударыня?

— Да, напевать мелодии.

Тэсс, как и большинство деревенских девушек, умела свистеть, но считала, что это искусство не полагается демонстрировать в приличном обществе. Однако она вежливо ответила, что свистеть умеет.

— В таком случае вам придется заниматься этим каждый день. У меня был мальчик, который очень хорошо свистел, но он ушел. Я хочу, чтобы вы свистели моим снегирям; видеть их я не могу, но мне приятно их слушать, вот мы и учим их петь. Покажите ей, где находятся клетки, Элизабет. Вы должны на-

чать завтра, а то они снова будут попискивать. Эти дни они были заброшены.

— Мистер д'Эрбервилль свистел им сегодня утром, сударыня,— сказала Элизабет.

— Он? Вот еще!

Лицо старой леди собралось в складки, выражающие отвращение, и больше она не сказала ни слова.

Так закончилось свидание Тэсс с ее воображаемой родственницей, и птицы были отнесены назад в их убежище. Девушка не очень была удивлена отношением м-с д'Эрбервилль; она и не ждала другого приема с тех пор, как увидела, сколь велика усадьба. Однако она понятия не имела о том, что старой леди ни слова не сказано было об их так называемом родстве. Она решила, что слепая женщина и ее сын отнюдь не связаны крепкими узами любви. Но и в этом она также ошиблась. М-с д'Эрбервилль была не единственной матерью, которой суждено питать к своему отпрыску любовь, окрашенную обидой и горечью.

Несмотря на неприятные впечатления первого дня, Тэсс порадовалась свободе и новизне своего положения, когда утром засияло солнце и она почувствовала себя обосновавшейся здесь; ей любопытно было испытовать свои силы в искусстве, которое столь неожиданно она должна была проявить, так как этим путем она надеялась закрепить за собой место. Как только оставили ее одну в саду, обнесенном стеной, она уселась на клетку для кур и с самым серьезным видом вынятила губы, намереваясь заняться давно заброшенным искусством. Она обнаружила, что былая ее способность утрачена: выдувая воздух, она могла издавать только глухие замогильные звуки и не в силах была извлечь ни одной чистой ноты.

Тщетно продолжала она дуть, удивляясь, как могла она утратить способность, которая была прирожденной, и вдруг заметила, что задвигались ветви плюща, обвинявшего ограду так же, как и коттедж. Взглянув в ту сторону, она увидела, что кто-то спрыгнул со стены на землю. Это был Алек д'Эрбервилль, которого она не видела со вчерашнего дня, когда он привел ее к дому садовника, где ей было отведено помещение.

— Клянусь честью,— воскликнул он,— не было еще ни в природе, ни в искусстве ничего прекраснее, чем вы, «кузина» Тэсс (Слово «кузина» звучало слегка иронически.) Я следил за вами со стены. Вы, словно статуя Нетерпения, восседаете на пьедестале, надуваете прелестные розовые губки, дуете, дуете,

ругаетесь про себя — и не можете извлечь ни одной ноты. Вы злитесь, потому что это вам не удается.

— Может быть, я и злюсь, но я не ругалась.

— А! Я понимаю, почему вы это делаете! Снегири! Моя мать хочет, чтобы вы продолжили их музыкальное образование! Как это эгоистично с ее стороны. Словно мало у девушки работы — ухаживать за этими проклятыми петухами и курами! Будь я на вашем месте, я бы наотрез отказался.

— Но она особенно на этом настаивает и хочет, чтобы я приготовилась к завтрашнему утру.

— Вот как? Ну, в таком случае я дам вам один-два урока.

— О нет, не надо! — сказала Тэсс, отступая к двери.

— Не бойтесь! Я не намерен вас трогать. Смотрите, я буду стоять по эту сторону проволочной решетки, а вы можете оставаться по другую; тогда вы будете себя чувствовать в полной безопасности. Ну, глядите: вы слишком выпячиваете губы, надо вот так.

Он показал, как нужно складывать губы, и начал насвистывать песенку: «Не подставляй мне эти губки!» Но Тэсс не поняла намека.

— Попробуйте-ка теперь, — сказал д'Эрбервилль.

Она пробовала сохранить невозмутимый вид, лицо ее было сурово, как у статуи; но он настаивал, и, наконец, чтобы отделаться от него, она, следуя его указаниям, вытянула трубочкой губы, но ей не удалось извлечь чистую ноту, и она смущенно рассмеялась, а потом покраснела от досады на себя за то, что рассмеялась.

Он подбадривал ее:

— Попробуйте еще раз.

Теперь Тэсс была серьезна, ужасно серьезна и сделала еще одну попытку, — наконец, она неожиданно ухитрилась издать чистый, приятный звук. Мимолетная радость, вызванная удачей, одержала верх; глаза ее расширились, невольно она улыбнулась ему в лицо.

— Вот так! Теперь я вам дал толчок, и дело пойдет на лад. Я сказал, что не подойду к вам, и, хотя ни одному смертному не выпадал на долю такой соблазн, я сдержу слово... Тэсс, моя мать показала вам странной старухой?

— Я еще мало ее знаю, сэр.

— Она вам покажется странной; должно быть, такова она и есть, если заставляет вас свистеть для ее снегирей. В данный момент я у нее в немилости, но вы завоюете ее благосклонность, если будете хорошо обращаться с ее птицами. До свидания. Если встретитесь с какими-нибудь затруднениями и вам пона-

добится помощь, не ходите к управляющему, обращайтесь ко мне.

В такой обстановке Тэсс Дарбейфилд приступила к своей работе. Многие последующие дни подтвердили впечатления первого дня. Привычка быть в обществе Алека д'Эрбервилля, которую этот молодой человек старательно в ней развивал, заводя веселый разговор и шутиливо называя ее своей кузиной, когда они оставались вдвоем,— привычка эта почти избавила ее от прежней застенчивости, не вселив, однако, того чувства, какое может породить застенчивость ниую и более нежную. Но более податливой сделало ее не одно только общение с ним, а неизбежная зависимость от его матери и — вследствие относительной беспомощности ее — от него.

Вскоре она убедилась, что насвистывание мелодий снегирам в комнате м-с д'Эрбервилль было не таким уж трудным делом, когда она овладела этим искусством, так как благодаря матери, обладавшей музыкальным слухом, она знала много песенок, подходящих для этих певцов. Насвистывание по утрам у клеток удовлетворяло ее значительно больше, чем упражнения в саду. Не стесненная присутствием молодого человека, она вытягивала губы, приближала их к прутьям решетки и распевала для своих внимательных слушателей.

Миссис д'Эрбервилль спала на широкой кровати с шелковым пологом, а снегири помещались в той же комнате, где иногда порхали на свободе, оставляя белые пятнышки на мебели и драпировке. Однажды, когда Тэсс стояла у окна, где находились клетки, и давала, как обычно, урок, ей послышался шорох, доносившийся из-за кровати. Старой леди в комнате не было. Девушка оглянулась, и ей показалось, что из-под бахромы занавесей высунулись носки башмаков. После этого она хотя и продолжала свистеть, но с паузами, и слушатель, если таковой имелся, должен был угадать, что она подозревает о его присутствии. С тех пор она каждое утро заглядывала за занавеси, но никого там не находила. По-видимому, Алек д'Эрбервилль решил не пугать ее и отказался от засады.

Х

Каждая деревня имеет свои особенности, свою конституцию, свой собственный кодекс морали. В Трэнтридже и в его окрестностях некоторые молодые женщины известны были своим легкомыслием, что являлось, пожалуй, характерным для «Косогора», находившегося по соседству. Местность эта отмечена была

еще одним, более серьезным, пороком: здесь много пили. На окрестных фермах все разговоры обычно сводились к тому, что делать сбережения бесполезно; математки в рабочих блузах, опираясь на плуг и кирку, производили блестящие вычисления, доказывая, что пособие, выдаваемое приходом, лучше может обеспечить человека на старости лет, чем какие бы то ни было сбережения, сделанные в течение целой жизни.

Эти философы पुще всего любили отпрапляться каждый субботний вечер, по окончании работ, в Чэзборо — городок, находящийся на расстоянии двух-трех миль и ныне пришедший в упадок. Возвращаясь на рассвете, они все воскресенье спали, исцеляя сном расстройство пищеварения, вызванное странной смесью, какую продавали им под видом пива монополисты, снабжавшие этим напитком трактиры, которые раньше от них не зависели.

В течение долгого времени Тэсс не принимала участия в этом еженедельном паломничестве. Но, по настоянию замужних женщин, которые были немногим старше, чем она, — ибо здесь, как повсюду, процветали ранние браки, — Тэсс, наконец, согласилась пойти. Первая прогулка доставила ей удовольствия больше, чем она ожидала, — смелливість товаров оказалась заразителной после монотонной недели, проведенной на птичьей ферме. Она пошла еще и еще раз. Изящная и привлекательная, переживающая пору расцвета, она притягивала лукавые взгляды гуляк на улицах Чэзборо; поэтому, нередко отпрапляясь в город одна, она с наступлением сумерек всегда искала общества своих товаров, чтобы под их защитой вернуться домой.

Так продолжалось в течение одного-двух месяцев; наконец, в начале сентября субботний базарный день совпал с ярмаркой, и по этому случаю паломники из Трэнтриджа сгубо веселились в трактирах.

Работа задержала Тэсс, она вышла поздно, и ее товарки добрались до города задолго до нее. Был чудесный сентябрьский вечер — тот час, когда перед заходом солнца желтые, тонкие, как волос, лучи борются с спиеватыми тенями и воздух — только он — рождает перспективу, не нуждаясь для этого в предметах более осязаемых, чем бесчисленные кружащиеся в нем крылатые насекомые. В этой дымке, слабо освещенной, не спеша шла Тэсс.

Только дойдя до городка, она узнала о том, что базарный день совпал с ярмаркой, а к тому времени уже спустились сумерки. Она быстро покончила со своими немногочисленными покупками и потом, по обыкновению, начала искать кого-нибудь из обитателей Трэнтриджа.

Сначала она не могла их найти, и ей сказали, что почти все отправились к дому вязальщика снопов, торговавшего торфом и имевшего дела с их фермой, чтобы там, в укромном месте, как выражались они, «немножко поплясать джигу». Человек этот жил в городке где-то на отлете, и Тэсс, отыскивая дорогу, вдруг увидела на углу одной из улиц мистера д'Эрбервилля.

— Как! Вы здесь, моя красотка? Так поздно? — сказал он.

Она объяснила ему, что поджидала своих спутников, чтобы вместе идти домой.

— Мы еще увидимся, — бросил он ей вслед, когда она шла по глухому переулку.

Подходя к дому вязальщика, она уловила скрипичную мелодию джиги, доносившуюся из какого-то строения позади дома; но пляшущих не было слышно — явление необычное в этих краях, где, как правило, топот заглушает музыку. Дверь дома была открыта, и через коридор и заднюю дверь она разглядела уголок сада, еще не окутанный ночною тенью, никто не ответил на ее стук, и она, пройдя коридор, вышла на тропинку, ведущую к сараю, куда ее влекли звуки.

Это было строение без окон, служившее складом, и оттуда, из открытых дверей, плыл во тьму яркий желтый туман, который Тэсс сначала приняла за светящийся дым. Но, подойдя ближе, она разглядела, что это было облако пыли, освещенное свечами, горевшими в сарае; лучи их вырывались через раскрытую дверь в ночной простор сада.

Заглянув в сарай, она увидела неясные силуэты, метавшиеся в пляске, причем топота не было слышно, потому что ноги «обувала пыль» — то есть измельчившиеся в порошок остатки торфа и всякая труха; когда ноги разворошили эту труху, возникло туманное облако, заполнившее весь сарай. Эта плавающая в воздухе затхлая торфяная и соломенная пыль, смешиваясь с горячими испарениями танцоров, образовала нечто вроде растительно-человеческой пыльцы, и сквозь нее слабо пробивались приглушенные звуки скрипок, отнюдь не отвечавшие той страсти, какая пронизывала танец. Люди плясали, кашляли и, кашляя, смеялись. Еле-еле можно было разглядеть проносившиеся пары, — во мгле казалось, будто сатиры обнимают нимф, с флейтами кружатся множество Панов и Лотис тщетно пытаются ускользнуть от Приапа.

То и дело какая-нибудь пара подходила к двери подышать воздухом, — туман уже не заволакивал лиц, и полубоги превращались в простых людей, близких соседей Тэсс. Что за сумасшедшая перемена произошла за два часа с Трэйтриджем?

У стены, на скамьях и снопах, восседало несколько Силенов, и один из них узнал ее.

— Девицы считают неприятным плясать в «Лилли», — сказал он. — Не очень-то им хочется, чтобы все узнали, кто их миленький. А к тому же трактир иной раз закрывают, когда они только-только распляшутся. Вот мы и собираемся здесь и посылаем за выпивкой.

— Но когда же кто-нибудь из вас пойдет домой? — с беспокойством спросила Тэсс.

— Теперь уж скоро. Это последняя джигга.

Она осталась ждать. Пляска окончилась, и кое-кто подумывал пуститься в обратный путь, но другие возражали; и начался новый танец. «Это уже наверняка последний», — решила Тэсс. Однако за ним последовал еще один. Она встревожилась; по раз уже ждала так долго, пришлось ждать еще: по случаю ярмарки дороги кишели бродягами, и бог весть, что у них на уме. Тэсс не боялась реальной опасности, — она боялась неведомого. Находись она близ Марлота, ей было бы не так страшно.

— Ну чего беспокоиться, милочка? — увещевал ее между припадками кашля молодой парень с лицом, мокрым от пота; его соломенная шляпа так далеко съехала на затылок, что поля обрамляли голову, как нимб у святого. — Куда спешить? Слава богу, завтра воскресенье, можно отоснаться во время церковной службы. Потанцуем?

Нельзя сказать, чтобы она не любила танцы, но здесь ей не хотелось плясать. А пляска становилась все более страстной; скрипачи, заслоненные светящимся облаком, то и дело пиликали за кобылкой или тыльной стороной смычка. Но это не имело значения: танцующие задыхались, но продолжали кружиться.

Парочки не разлучались, если им этого не хотелось. Менять кавалера или даму принято было в том случае, когда не сразу сделан удачный выбор, а теперь все пары были уже подобраны по вкусу. И вот начался экстаз, началось сновидение, в котором сущность вселенной — чувство, а реальность — только случайная помеха, останавливающая вихрь, в котором хочется кружиться.

Вдруг раздался глухой удар: одна из парочек упала и осталась лежать. Следующая пара налетела на нее и навалилась сверху. Над распростертыми фигурами поднялся столб пыли посреди пыльного облака, заполнявшего комнату, и в нем можно было разглядеть дергающиеся сплетенные руки и ноги.

— Дома вам за это влетит, любезный джентльмен! — вырвался из кучи тел женский голос — голос злополучной дамы того неуклюжего парня, по чьей вине произошло несчастье. Она оказалась его молоденькой женой, а в Трэнтридже принято бы-

ло, чтобы молодожены танцевали вместе, пока их связывают нежные чувства; да и в последующие годы семейные избегают выбирать холостых и незамужних, которые, быть может, уже договорились между собой.

В тени сада, за спиной Тэсс, раздался громкий смех, слившийся с хихиканием в сарае. Она оглянулась и увидела красный огонек сигары. Там, в одиночестве, стоял Алек д'Эрбервилль. Он поманил ее, и она неохотно подошла к нему.

— Что вы здесь делаете, моя красавица, в такой поздний час?

Она так устала после долгого дня и ходьбы, что поделилась с ним своими заботами:

— Я очень долго ждала их, сэр, чтобы вместе с ними идти домой. Ночью я не хочу возвращаться одна по мало знакомой дороге. Но, кажется, больше я не буду ждать.

— Не ждите; сегодня я приехал сюда верхом, но если вы дойдете со мной до «Геральдической Лилии», я найму двуколку и отвезу вас домой.

Тэсс была польщена, но она до сих пор не могла преодолеть прежнее свое недоверие к нему и предпочитала вернуться домой с работниками и работницами, хотя они и замешкались. Поэтому она ответила, что очень благодарит его, но не хочет его беспокоить.

— Я им сказала, что буду их ждать, и они это знают.

— Ладно, глупышка, как хотите.

Когда он снова закурил сигару и отошел от нее, жители Трэнтриджа, сидевшие в трактире, вспомнили, что час поздний, и всей компанией приготовились идти восвояси. Они собрали свои узелки и корзинки и через полчаса, когда куранты пробили четверть двенадцатого, поплелись по проселочной дороге, которая поднималась на холм и вела домой.

Нужно было пройти три мили по сухой белой дороге; ночью, при лунном свете, она казалась еще белее.

Тэсс шла в толпе, переходя от одного к другому, и вскоре заметила, что на свежем ночном воздухе мужчины, хлебнувшие лишнего, покачиваются и идут зигзагами; некоторые из наиболее легкомысленных женщины тоже нетвердо держались на ногах: например, смуглая Кар Дарч — бой-баба, прозванная «Пиковой Дамой» и до последнего времени бывшая фавориткой д'Эрбервилля, — ее сестра Нэнси, посившая прозвище «Бубиновая Дама», и одна молодая замужняя женщина, которая разок уже шлепнулась. Хотя трезвому человеку они могли в этот момент показаться грубыми и неуклюжими, но сами смотрели

на дело иначе. Шли они по дороге, но им казалось, будто они парят в воздухе, отдаются мыслям оригинальным и глубоким и вместе с окружающей природой составляют некий организм, все части которого гармонично взаимодействуют. Они были не менее величественны, чем луна и звезды над ними, а луна и звезды были так же пламенны, как они.

Тэсе в доме отца навидалась подобных неприглядных сцен, и это открытие испортило ей прогулку при лунном свете, которой она начала было наслаждаться, но, по причинам упомянутым, она не отставала от толпы.

По дороге они шли вразброд; дальше путь их лежал через поле, обнесенное изгородью, и так как шедшая впереди не сразу могла открыть калитку, то за это время остальные ее догнали.

Вожаком группы была Кар — «Пиковая Дама», которая несла плетеную корзинку с бакалейными и галантерейными товарами — покупками, сделанными матерью и ею на целую неделю. Корзинка была большая и тяжелая; Кар для удобства поставила ее себе на голову и шла подбоченившись, удерживая ее в равновесии.

— Послушай, Кар Дарч, что это ползет у тебя по спине? — спросил вдруг кто-то из толпы.

Все посмотрели на Кар. На ней было светлое ситцевое платье, а от затылка ее спускалась ниже талии какая-то веревка, напоминавшая косицу китайца.

— У нее волосы распустились, — отозвался другой.

Нет, это были не волосы: это была черная струйка, просачивающаяся из ее корзинки, и в холодных недвижных лучах луны она сверкала, как скользкая змея.

— Это патока, — сказала одна наблюдательная матрона.

Да, это была патока. Бедная старая бабушка Кар питала слабость к этому приторному лакомству; меду у нее было сколько угодно из ее собственных ульев, но она хотела патоки, — и Кар намеревалась устроить ей сюрприз. Быстро сняв с головы корзинку, смуглая девушка обнаружила, что сосуд с патокой разбился.

Все хохотали, созерцая спину Кар, и раздосадованная смуглая «Пиковая Дама» пожелала поскорее избавиться от такого уродливого украшения, пользуясь любым способом и не прибегая к помощи насмешников. Выбежав на поле, которое им предстояло пересечь, она легла на спину и, стараясь вытереть платье, начала вертеться на траве, приподнимаясь на локтях.

Хохот стал громче; зрители цеплялись за калитку и столбы, опирались на палки и смеялись до колик, созерцая Кар. Наша

геронния, которая до сей поры молчала, в этот момент не выдержала и стала хохотать вместе с остальными.

Об этом ей пришлось пожалеть. Как только смуглая «Пиковая Дама» услышала смех Тэсс, сдержанный, но более звучный, чем смех остальной компании, долго тлевшее чувство соперничества вспыхнуло в ней и довело до безумия. Она вскочила и подошла вплотную к той, кого ненавидела.

— Как ты смеешь смеяться надо мной, девка? — крикнула она.

— Право же, я не могла удержаться, когда все смеялись, — извиняющимся тоном сказала Тэсс, все еще смеясь.

— А ты думаешь, что ты лучше всех, да? Потому что теперь ты у него первая любовница? Ну, подождите, миледи, подождите! Я стою двух таких, как ты! Сейчас я тебе покажу!

К ужасу Тэсс, смуглая «Пиковая Дама» начала расшуровывать корсаж, — в сущности она рада была от него избавиться, так как он делал ее смешной, — и обнажила свою полную шею, плечи и руки, которые при лунном свете казались сияющими и прекрасными, словно созданные Праксителем; у этой деревенской красотки они были безупречной формы. Она сжала кулаки и двинулась на Тэсс.

— Не буду я драться! — величественно сказала Тэсс. — И если бы знала я, какова ты есть, никогда бы не унизились и не шла с такой потаскухой!

Эта энергичная реплика привела к тому, что на злополучную голову красивой Тэсс посыпались ругательства, срывавшиеся и с других уст, в особенности с уст «Бубновой Дамы», которая, находясь с д'Эрбервиллем в тех отношениях, в каких подозревали также и Кар, объединилась с последней против общего врага. К ним присоединились и другие женщины, проявив пристрастие, какое у каждой хватило бы ума скрыть, не проведи они веселого вечера. Считая Тэсс незаслуженно оскорбленной, мужья и любовники попытались восстановить мир, выступив на защиту девушки, но эта попытка только подлила масла в огонь.

Тэсс была возмущена и пристыжена. Теперь она уже не боялась ни позднего времени, ни возвращения домой в одиночестве; единственным ее желанием было избавиться от этой компании. Она прекрасно знала, что порядочные женщины пожалеют на следующий день об этой вспышке. Сейчас все они собралась на поле, и Тэсс испятилась, чтобы убежать, как вдруг из-за угла изгороди, окаймлявшей дорогу, показался приближавшийся неслышно всадник.

Алек д'Эрбервилль появился перед толпой.

— Ребята, какого черта шумите? — спросил он.

Объяснение заставило себя ждать, да он в сущности и не нуждался в нем. Еще издали, услышав голоса, он потихоньку подъехал ближе и узнал достаточно, чтобы удовлетворить любопытство.

Тэсс стояла в стороне, недалеко от калитки. Он наклонился к ней.

— Прыгайте в седло, и мы удерем от этих визгливых конек! — шепнул он.

Она была близка к обмороку, потрясенная тем, что произошло. При всяких других обстоятельствах она отказалась бы от его помощи, как отказывалась уже не раз, и даже чувство одиночества не принудило бы ее поступить иначе. Но приглашение последовало в тот момент, когда страх и негодование, внушенные врагами, могли мгновенно уступить место торжеству над ними, и Тэсс, действуя импульсивно, влезла на калитку, занесла погу в стремя и очутилась за его спиной.

Они умчались раньше, чем пьяные забияки сообразили, в чем дело.

«Пиковая Дама», забыв о пятне на своем корсаже, стояла рядом с «Бубновой Дамой» и подвыпившей молодой женщиной, недавно вышедшей замуж, — они упорно смотрели в ту сторону, откуда все глуше доносился тонот.

— Куда вы смотрите? — спросил один работник, не заметивший, что произошло.

— Хо-хо-хо! — захотела смуглая Кар.

— Хи-хи-хи! — захихикала подвыпившая молодка, опираясь на руку любящего мужа.

— Ха-ха-ха! — вторила мать смуглой Кар и, поглаживая свои усики, дала краткое пояснение: — Из огня да в полымя!

А затем эти дети природы, которым даже чрезмерное количество алкоголя не причиняло большого вреда, побрели по тропинке, пересекающей поле, и вместе с ними двигались их тени, а головы теней обведены были опаловым кругом — лунным сиянием на сверкающей росе. Каждый видел только свой ореол, который не покидал его головы, как бы вульгарно она ни раскачивалась из стороны в сторону; но ореол был словно связан с ней и преображал ее, а нелепые движения, казалось, усиливали сияние, и пар от дыхания людей сливался с ночным туманом. Дух лунного света и природы как бы растворялся в алкогольных парах.

XI

Сначала нарочка скакала легким галопом, храня молчанье. Тэсс, цепляясь за него, все еще переживала свой триумф, но у

нее были и некоторые опасения. Она заметила, что ехали они не на той горячей лошади, на которой он иногда ездил, и, следовательно, не волновалась по этому поводу, но ей трудно было усидеть в седле, хотя она крепко держалась за Алека. Она попросила его пустить лошадь шагом, на что Алек согласился.

— Чисто сделано, не правда ли, милая Тэсс? — спросил он вскользь.

— Да! — ответила она. — Вероятно, я должна быть очень благодарна вам.

— А вы благодарны?

Она молчала.

— Тэсс, почему вам так неприятно, когда я вас целую?

— Я думаю, потому... что я вас не люблю.

— Вы уверены?

— Иногда я сержусь на вас.

— А! Я этого опасался. — Однако Алек не возражал против такого признания: что угодно — только не холодность. — Почему вы мне не сказали, когда я вас рассердил?

— Вы прекрасно знаете почему. Потому что здесь я не чувствую себя свободной.

— Я не часто обижал вас ухаживанием.

— Иногда обижали.

— Сколько раз?

— Вы знаете не хуже, чем я, — слишком часто.

— И каждый раз вы обижались?

Она промолчала. Довольно долго лошадь шла иноходью, пока не окутала их слабый светящийся туман, весь вечер таившийся в ложбинах. И в этом тумане лунный свет казался еще ярче, чем ясной ночью. По этой ли причине, а может быть по рассеянности или потому, что у нее глаза слепались, но она не заметила, как они давно уже миновали то место, где от главной дороги ответвлялась проселочная дорога, ведущая к Трэнтриджу, — спутник ее не свернул на эту дорогу.

Она невыразимо устала. Каждое утро вставала она в пять часов, весь день была на ногах, сегодня вечером прошла вдобавок три мили пешком до Чэзборо, ждала три часа своих товаров и ничего не ела и не пила, охваченная нетерпением поскорее идти домой. На обратном пути она прошла еще милю пешком и испугалась завязавшейся ссоры, а теперь лошадь шла медленно и было уже около часу ночи. Но задремала она один только раз и в забытии на секунду прислонилась к нему.

Д'Эрбервилль остановил лошадь, вынул ноги из стремени, повернулся в седле и, желая поддержать ее, обнял рукой за талию.

Тэсс мгновенно перешла в оборонительное положение и, действуя импульсивно, что было ей свойственно, слегка оттолкнула его. Он с трудом сохранил равновесие и не упал только потому, что лошадь, на которой ехал, была хотя и сильная, но очень смиренная.

— Это чертовски несправедливо! — воскликнул он. — Я ничего дурного не думал, хотел только поддержать вас.

Недоверчиво она взвешивала его слова; наконец, решив, что это похоже на правду, смягчилась и сказала смиренно:

— Простите меня, сэр.

— Не прощу, если вы не будете хоть сколько-нибудь мне доверять. О господи! — не выдержал он. — Кто я такой, что меня отталкивает такая крошка, как вы? Вот уже скоро три месяца, как вы смеетесь над моими чувствами, избегаете меня, браштите. Я этого не потерплю!

— Завтра я уйду от вас, сэр.

— Нет, завтра вы от меня не уйдете! Я вас спрашиваю еще раз: докажите, что доверяете мне, и позвольте обнять вас за талию! Послушайте, сейчас мы одни. Друг друга мы знаем хорошо, и вы знаете, что я вас люблю и считаю самой хорошенькой девушкой в мире. Да это так и есть! Могу я ухаживать за вами, как влюбленный?

Она тревожно перевела дыхание, смущенно заерзала в седле и, глядя вдаль, прошептала:

— Не знаю... я бы хотела... как могу я сказать да или нет, когда...

Он разрешил вопрос, обняв ее, как ему хотелось, и Тэсс больше не протестовала. Так сидели они бок о бок, пока ей не пришло в голову, что едут они бесконечно долго, значительно дольше, чем полагается ехать из Чэзборо, и едут не по шоссе, а по проселочной дороге.

— Да где же это мы? — воскликнула она.

— Едем лесом.

— Лесом... каким лесом? Да ведь это совсем не по дороге. Это Заповедник — самый старый лес в Англии. Ночь чудесная, и почему бы нам не продлить нашей прогулки?

— Как могли вы меня так обмануть? — сказала Тэсс не то шуточно, не то испуганно; она попыталась освободиться от его руки, отгибая пальцы его один за другим и рискуя соскользнуть с лошади. — И как раз теперь, когда я вам доверилась и не стала с вами спорить, чтобы доставить вам удовольствие! Я думала, вы обиделись, что я вас оттолкнула. Пожалуйста, дайте мне сойти с лошади, я пойду домой пешком.

— Вы не могли бы идти пешком, милочка, даже если бы ночь была ясная. Дайте же вам сказать, что мы находимся за

много миль от Трэнтриджа, туман сгущается, вы будете блуждать несколько часов по лесу.

— Ничего! Прошу вас, спустите меня,— упрашивала она. — Мне все равно, где бы мы ни находились; только, прошу вас, сэр, дайте мне сойти с лошади!

— Хорошо, согласен, но при одном условии. Я вас завез в эти глухие места, и, что бы вы об этом ни думали, на мне лежит ответственность за ваше благополучное возвращение домой. Идти вам одной в Трэнтридж немислимо, потому что, говоря правду, дорогая моя, я и сам хорошенько не знаю, где мы находимся,— этот туман сбивает с толку. Я охотно дам вам здесь сойти, если вы обещаете подождать возле лошади, а я пойду бродить по лесу, пока не найду дороги или какого-нибудь дома и не узнаю точно, где мы находимся. Когда я вернусь и укажу вам направление, вы можете поступить, как угодно: хотите идти пешком — идите, хотите ехать — поедем.

Она приняла эти условия и соскользнула с лошади, но он успел ее поцеловать. Он спрыгнул с другой стороны.

— Я должна держать лошадь? — спросила она.

— О нет, в этом нет необходимости,— ответил Алек, поглаживая тяжело дышавшее животное.— Сегодня она достаточно поработала.

Он повернул лошадь головой в кусты и привязал к ветке; потом устроил для Тэсс гнездышко из опавших листьев.

— Садитесь сюда,— сказал он.— Листья еще не отсырели. Посматривайте изредка на лошадь — этого вполне достаточно.

Он отошел от нее на несколько шагов, потом вернулся и сказал:

— Кстати, Тэсс, сегодня ваш отец получил нового жеребца. Кто-то сделал ему этот подарок.

— Кто-то? Вы!

Д'Эрбервилль кивнул.

— О, какой вы добрый — воскликнула она, мучительно сожывая, как некстати случилось, что благодарить его она приуждена имсано теперь.

— А у детей есть игрушки.

— Я не знала... что вы им хоть что-нибудь посылали,— прошептала она, растроганная.— И почти жалею, что вы это сделали... да, почти жалею.

— Почему, дорогая?

— Это меня очень... стесняет.

— Тэсси, неужели вы не любите меня хоть чуточку?

— Я благодарна вам,— неохотно призналась она,— но боюсь, что не...

Внезапно поняв, что он действовал под влиянием страсти, она

онечалилась; слезинка медленно скатилась у нее по щеке, за первой последовала вторая, и Тэсс расплакалась.

— Не плачьте, милая, дорогая! Ну, сядьте здесь и подождите, пока я приду.

Безвольно она села на листья, собранные им в кучу, и слегка вздрогнула.

— Вам холодно?

— Не очень... чуть-чуть.

Он коснулся ее пальцами, которые погрузились словно в пену.

— На вас только это воздушное муслиновое платье... как же так?

— Это мое лучшее летнее платье. Когда я вышла из дому, было очень тепло, и я не знала, что мне придется ехать, да еще ночью.

— Ночи в сентябре холодные. Подождите-ка...

Он снял легкое пальто и нежно накинул ей на плечи.

— Вот так, теперь вы согретесь, — сказал он. — Отдыхайте, моя красавица, я скоро вернусь.

Он натянул ей на плечи пальто и погрузился в паутину тумана, который к тому времени замуштровал просветы меж деревьев. Она слышала, как шуршали ветки, когда он взбирался на холм, потом шум стал глуше, напоминая шорох птицы, и, наконец, замер. Луна заходила, бледный свет тускнел, и Тэсс, погруженную в мечты, нельзя было разглядеть на ковре из листьев, где он ее оставил.

Алек д'Эрбервилль поднимался по склону, так как он действительно не был уверен, в какой части Заповедника они находятся. В сущности он больше часу ехал куда глаза глядят, сворачивая наобум, только чтобы затянуть прогулку, и обращал больше внимания на залитую лунным светом Тэсс, чем на придорожные вехи. Теперь, отыскивая дорогу, он не спешил, так как измученная лошадь нуждалась в отдыхе. Спустившись с холма в прилегающую долину, он увидел изгородь вдоль дороги, которую узнал, и вопрос об их местопребывании был решен. Д'Эрбервилль повернул назад. Но к тому времени луна закатилась, туман был густой и Заповедник погрузился в глубокую тьму, хотя утро было не за горами. Вынужденный идти с протянутыми вперед руками, чтобы раздвигать ветви, он вскоре обнаружил, что не так-то легко найти место, откуда он начал поиски. Бродя вокруг, то взбираясь на холм, то спускаясь, он услышал, наконец, шорох — лошадь была от него в двух шагах — и неожиданно задел ногой за рукав пальто.

— Тэсс! — окликнул д'Эрбервилль.

Ответа не было. Тьма сгустилась, и он не видел абсолютно ничего, кроме бледного облачка у ног — белой муслиновой те-

ни, оставленной им на сухих листьях, а вокруг все было черно. Д'Эрбервилль наклонился и услышал тихое, ровное дыхание. Он опустился на колени, склонился ниже, почувствовал на своем лице ее теплое дыхание, и через секунду его щека коснулась ее щеки. Она крепко спала, а на ресницах ее еще не высохли слезинки.

Тьма и молчание правили этим мирком. Над ними вставали вековые тисы и дубы Заповедника, в ветвях которых приютились птицы, досыпая последний предутренний сон, а вокруг прыгали кролики и зайцы.

Но, быть может, кто-нибудь спросит, где же был ангел-хранитель Тэсс? Где было провидение, в которое она простодушно верила? Или, подобно другому богу, о котором иронически говорит Тиббайт, оно развлекалось беседой с кем-нибудь, кого-нибудь преследовало, либо просто путешествовало? А может быть, оно спало и не желало просыпаться?

Почему случилось так, что эта прекрасная женская душа, чувствительная, как паутинка, и в сущности чистая, как снег, обречена была носить клеймо? В течение тысячелетий умозрительная философия не могла нам, жаждущим гармонии, объяснить: почему хорошей женщиной овладевает недостойный мужчина, а недостойная женщина — хорошим мужчиной. Остается, конечно, допустить возможность возмездия, тающего в этой катастрофе. Несомненно, в былые времена кто-нибудь из одетых в кольчугу предков Тэсс д'Эрбервилль, возвращаясь навеселе домой после драки, причинял деревенским девушкам то же зло, если не с большей жестокостью. Но если возмездие, карающее детей за грехи отцов, и может, с точки зрения морали, удовлетворить богов, — заурядный человек такую мораль презирает, и потому она не исправит дела.

Земляки Тэсс в своих уединенных домах не устают со свойственным им фатализмом твердить друг другу: «Так было суждено». А это печально. Отныне неизмеримая пропасть должна отделять нашу героиню от той девушки, которая ушла из дома матери, чтобы попытаться счастья на птичьей ферме в Трэнтридже.

Фаза вторая

БОЛЬШЕ НЕ ДЕВУШКА

XII

Корзинка была тяжелая, а узел большой, но она тащила их как человек, который не обращает особого внимания на материальную пошу. Иногда, чтобы отдохнуть, она машинально останавливалась у каких-нибудь ворот или столба, потом, подхватив вещи полной, круглой рукой, снова шла вперед.

Было воскресное утро в конце октября; около четырех месяцев прошло с тех пор, как Тэсс Дарбейфилд приехала в Трэнтридж, и всего несколько недель после ночной поездки в Заповедник. Недавно рассвело, и желтое сияние на горизонте за ее спиной освещало гряду холмов, к которой обращено было ее лицо,— барьер, замыкающий долину, где недавно жила она среди чужих; и этот барьер предстояло ей преодолеть, чтобы вернуться туда, где она родилась. С этой стороны подъем был некрутой, а пейзаж и почва в этой местности резко отличались от пейзажа и почвы Блекморской долины. Даже нравы и наречие людей, разделенных холмистой грядой, носили следы различия, несмотря на связывающую их железную дорогу; поэтому родная деревня Тэсс, находившаяся только в двадцати милях от Трэнтриджа, казалась местом отдаленным. Крестьяне, запертые там, в долине, вели торговлю на севере и западе, ездили к северу и западу, там же ухаживали и женились, и мысли их устремлены были на север и запад; тогда как жившие по эту сторону гряды направили свое внимание и энергию на восток и юг.

Холм был тот самый, с которого д'Эрбервилль так бешено мчал ее в тот нюньский день. Не останавливаясь, Тэсс поднялась на вершину его и, дойдя до края откоса, посмотрела вдаль, на знакомый зеленый мир, слегка завуалированный дымкой.

Отсюда он всегда был прекрасен; но сегодня он казался Тэсс особенно прекрасным, ибо она познала с тех пор, как видела его в последний раз, что змея шипит там, где нежно поют птицы, — и после этого урока взгляд ее на жизнь стал совсем иным. Поистине другой девушкой — не той, что жила в родном доме, — была она теперь, когда стояла здесь, склонившись под бременем мыслей. Потом она оглянулась и посмотрела назад. Не могла она смотреть вперед, на долину.

На длинной белой дороге, по которой она только что прошла, Тэсс увидела двухколесный экипаж и шедшего подле него человека, который поднял руку, чтобы привлечь ее внимание.

Повинуясь знаку, она с бездумным спокойствием ждала его, и через несколько минут человек и лошадь остановились подле нее.

— Зачем ты улизнула тайком? — с упреком спросил занявшийся д'Эрбервилль. — Да еще в воскресное утро, когда все снят. Я узнал об этом случайно и скакал, как черт, чтобы догнать тебя. Ты только взгляни на кобылу! Зачем было удирать? Ты знала — никто не помешал бы тебе уйти. И незачем было тебе плестись пешком и тащить такую тяжесть. Я скакал как сумасшедший только для того, чтобы подвезти тебя, если ты не хочешь вернуться.

— Я не вернусь, — отозвалась она.

— Так я и думал. Ну, клади свои узлы, и дай я подсажу тебя.

Она небрежно бросила корзину и узел в двуколку, влезла в нее, и они сели рядом. Теперь она нисколько его не боялась, а причина такого доверия к нему и делала ее несчастной.

Д'Эрбервилль машинально закурил сигару, и они продолжали путь; вялый отрывистый разговор вертелся вокруг банальных тем, связанных с дорогой. Он совсем забыл о своих прежних попытках насильно поцеловать ее, когда они ехали ранним летом по той же дороге, но в противоположную сторону. Зато она не забыла и теперь сидела, как марионетка, односложно отвечая на его замечания. Вдали показалась группа деревьев, за которыми находилась деревня Марлот. И только тогда волнение отразилось на ее неподвижном лице и две слезы скатились по щекам.

— О чем ты плачешь? — холодно спросил он.

— Я подумала, что там я родилась, — прошептала Тэсс.

— Ну что ж, все мы должны были где-нибудь родиться.

— Хорошо, если бы я совсем не родилась... ни там, ни в другом месте!

— Ну, тогда прощай, моя кузина... четыре месяца ты была ею... до свидания!

Он легко вскочил в экипаж, взял вожжи и поехал по дороге, окаймленной высокой живой изгородью с красными ягодами.

Тэсс не смотрела ему вслед; она медленно брела по извилистой дороге. Было еще рано, и хотя солнце уже поднялось над холмом, лучи его, невеселые и пытливые, были только видимы глазу и не грели. Ни одного человека не было вблизи. Печальный октябрь и печальная Тэсс, казалось, были единственными теньями на этой проселочной дороге.

Но вот чьи-то шаги послышались за ее спиной — шаги мужчины; а так как шел он быстро, то догнал ее и сказал «доброе утро», едва она успела заметить, что за ней идут. Он походил на ремесленника и нес оловянный горшок с красной краской. Девловым тоном он спросил, не позволит ли она донести ее корзинку, на что Тэсс согласилась и пошла рядом с ним.

— Раненько встали для воскресного утра,— весело сказал он.

— Да,— отозвалась Тэсс.

— Народ еще спит после трудовой недели.

Она и с этим согласилась.

— Хотя я настоящее дело делаю сегодня, а не в будни.

— Вот как?

— Целую неделю я работаю во славу людей, а по воскресеньям — во славу божию. Это стоит большего, а? Вот здесь, у этого перелаза, мне нужно поработать.

С этими словами он остановился у перелаза в изгороди, окружавшей настижку.

— Подождите минутку, я вас не задержу.

Так как корзинка ее была у него, то ей ничего иного не оставалось. Она ждала и смотрела на него. Он поставил на землю ее корзинку и оловянный горшок, размещал краску кистью, торчавшей в горшке, и стал выводить большие квадратные буквы на средней из трех досок перелаза, ставя после каждого слова запятую, словно желая дать передышку, чтобы слово прошило в сердце читающего:

ПОГИБЕЛЬ, ТВОЯ, НЕ, ДРЕМЛЕТ.

2-е посл. ап. Петра, 11, 3.

На фоне мирного пейзажа, бледных, блеклых тонов роши, голубого неба и замшелых досок перелаза эти яркие алые слова бросались в глаза. Казалось, они сами себя выкрикивали и звенели в воздухе. Быть может, кто-нибудь мог бы воскликнуть: «Увы, бедное богословие!» — при виде этого отвратительного искажения последней великой фазы религии, которая в свое вре-

мя сыграла роль в истории человечества, — но Тэсс в этих словах почувствовала ужас обвинения. Казалось, этот человек знает недавнюю ее историю; однако она видела его впервые.

Дописав текст, он подхватил ее корзинку, и Тэсс машинально последовала за ним.

— Вы верите в то, что написали? — тихо спросила она.

— В этот текст? Верю ли я в то, что живу?

— Но, допустим, — с дрожью в голосе продолжала она, — человек не стремился к греху?

Он покачал головой.

— Дело это такое важное, что я не могу вдаваться в тонкости. Этим летом я прошел сотню миль, исколесил вдоль и поперек всю округу и на всех стенах, каютках и перелазах писал тексты. А толкование я предоставляю сердцам людей, которые их читают.

— По-моему, они ужасны, — сказала Тэсс. — Жестоки! Убийственны!

— Такими они и должны быть! — ответил он тоном профессионала. — А вот почитали бы вы самые мои горяченькие тексты, — я их приберегаю для трущоб и морских портов. Прямо в дрожь бросает! Ну, а это очень хороший текст для сельской местности... А... вон там, у амбара, чистый кусок стены пропадает зря. Напишу-ка я текст — такой, чтобы на него стоило взглянуть соблазнительным молодым женщинам вроде вас. Вы подождете, мисс?

— Нет, — сказала она.

И, взяв свою корзинку, Тэсс пошла дальше. Отойдя на несколько шагов, она оглянулась. Старая серая стена начала покрываться огненными письменами, и вид у нее был странный, непривычный, словно ее в отчаяние приводили те новые обязанности, каких никогда доселе ее не заставляли исполнять. Тэсс вспыхнула внезапно, когда прочла и поняла, какова будет надпись, дописанная им до половины:

ТЫ, НЕ, СВЕРШИШЬ...

Ее веселый приятель, видя, что она смотрит, придержал свою кисть и крикнул:

— Если захотите порасспросить о тех вещах, о каких мы с вами толковали, то сегодня в том приходе, куда вы идете, будет говорить проповедь один очень ревностный и хороший человек, мистер Клэр из Эмминстера. Я теперь расхожусь с ним в убеждениях, но человек он хороший и объяснит все не хуже любого священника. Он-то и заронил в меня искру.

благодаря чему положение Тэсс, казавшееся опасным, всех очень интересовало, — а этого бы не было, если бы ей ничто не угрожало.

Они были так глубоко заинтересованы, что девушки помоложе шептали за ее спиной:

— Какая она хорошенькая! И как ей идет это нарядное платье! Должно быть, оно стоит очень дорого, и это подарок от него.

Тэсс, достававшая из буфета чайную посуду, не слышала этих замечаний, а если бы услышала, то могла бы быстро разубедить своих подруг. Но мать ее слышала, и тщеславие простодушной Джоан, потерявшей надежду на блестящий брак, упивалось сенсацией, вызванной блестящим флиртом. В общем она почувствовала удовлетворение, даже если бы столь ограниченный и показной триумф повредил репутации ее дочери, — в конце концов дело еще может кончиться браком; и в благодарность за их восхищение она пригласила гостей остаться к чаю.

Их болтовня, смех, добродушные намеки, а главное — мимолетные вспышки зависти оживили также и Тэсс, к концу вечера возбуждение их заразило ее, и она почти развеселилась. С лица сбегала мраморная суровость; к ней вернулась прежняя легкость походки, и, казалось, красота ее была в полном расцвете.

Иногда, вопреки рассудку, она отвечала тоном превосходства на их вопросы, словно признавая, что в области ухаживания опыт ее может действительно быть достойным легкой зависти. Но так мало была она, говоря словами Роберта Соути, «влюблена в собственную гибель», что иллюзия оказалась мимолетной, как молния, — вернулся холодный рассудок, издевающийся над минутной слабостью; отвращение к суетной своей гордости было ей приговором и вернуло ее к замкнутости и апатии.

А уныние на рассвете следующего дня! Вот миновало воскресенье и настал понедельник, — и не было больше праздничной одежды, ушли смеющиеся гости, и проснулась она одна на своей старой кровати, а вокруг слышалось ровное дыхание младших детей! Вместо волнующего возвращения и вызванного им интереса она увидела перед собой длинную и каменистую дорогу, по которой должна была идти без чьей-либо помощи, почти ни у кого не находя сочувствия. Тогда уныние стало невыносимым, и она готова была укрыться в могиле.

Прошло несколько недель, и Тэсс ожила настолько, что могла показаться на людях, поскольку это было необходимо, чтобы пойти воскресным утром в церковь. Она любила слушать неню, какое бы оно ни было, любила старые псалмы и петь вместе с хором утренний гимн. Эта врожденная любовь к мело-

дни, унаследованная от матери, распевавшей баллады, приводила к тому, что даже незатейливая музыка имела власть над нею и иногда надрывала ей сердце.

У нее были основания поменьше попадаться людям на глаза и избегать ухаживания молодых парней, а потому она вышла из дому еще до колокольного звона и заняла место на задней скамье под навесом галереи, куда заглядывали только старики да старухи и где среди церковной утвари и всякого хлама стоял в конце церкви катафалк.

Прихожане входили по двое и по трое, усаживались перед ней рядами, сидели минуту с опущенной головой, словно погруженные в молитву, хотя в действительности не молились, потом, выпрямившись, осматривались по сторонам. Когда началось пение, случайно был выбран один из ее любимых гимнов — старая песня на два голоса, «Лэнгдон», — но она не знала, как он называется, хотя и очень хотела бы знать. Она думала, не облекая свои мысли в слова, о том, как необычайна и божественна власть композитора, который из своей могилы может провести сквозь ряд эмоций, им одним впервые пережитых, девушку, подобную ей, — девушку, которая никогда не слышала его имени и никогда не узнает, что это был за человек.

Люди, оглядывавшиеся вначале, смотрели по сторонам и теперь, во время службы, и, наконец, заметив ее, стали перешептываться. Она знала, о чем идет речь, сердце у нее заныло, и она почувствовала, что дорога в церковь для нее закрыта.

Спальня, которую она разделяла с детьми, служила ей убежищем больше, чем когда бы то ни было. Здесь, под несколькими квадратными ярами соломенной крыши, следила она за ветром, снегопадом и дождем, великолепными солнечными закатами и луной в период полнолуния. Жила она уединенно, и в конце концов почти все решило, что она уехала.

В эту пору своей жизни Тэсс гуляла только в сумерки и, уйдя в лес, меньше ощущала свое одиночество. Она умела угадывать тот сумеречный час, когда свет и тьма столь гармонично уравновешены, что связанность дневная и напряженность ночная погашают друг друга, даруя абсолютную духовную свободу. И тогда-то тяжесть существования уменьшается до ничтожных размеров. Она не боялась теней; казалось, единственной ее мечтой было избегать людей — или, вернее, той холодной накипи, именуемой обществом, которая, столь грозная в массе, не страшна и даже достойна жалости в лице отдельных своих представителей.

На этих уединенных холмах и в долинах ее тихая скользящая походка гармонировала с окружающей местностью. Ее гибкая фигура становилась неотъемлемой частью пейзажа. Иногда

причудливая ее фантазия углубляла явления природы, и они как бы ~~платили~~ вли в ее жизнь; вернее — они действительно в нее входили, ибо мир есть лишь психологический феномен, и явления были таковы, какими казались. Полночные вздохи и порывы зимнего ветра, стонущего среди ветвей, покрытых тепло укутанными почками, звучали горькой-укоризной. Дождливый день говорил о неспасимой скорби, вызванной ее слабостью — о скорби, охватившей душу какого-то неведомого существа, которое она не могла назвать богом своих детских дней и не могла постигнуть как нечто иное.

Но этот мир, возникший на основе разрозненных и условных представлений, населенный враждебными ей фантомами и голосами, был мрачным и ошибочным порождением фантазии Тэсс, скончившем химер, терзающих ее ложными страхами. Не она, а они дисгармонировали с реальным миром. Глядя на птиц, спящих в кустах, следя за кроликами, прыгающими на залитой лунным светом поляне, или стоя под деревом, на ветвях которого дремлют фазаны, она смотрела на себя как на олицетворение Вины, вторгшейся в царство Невинности. Но различие усматривала она там, где никакой разницы не было. Чувствуя себя во вражде с природой, она была с ней заодно. Ее заставили нарушить социальный закон, но не закон природы, в рамках которой она воображала себя такой аномальной.

XIV

Туманный восход августовского солнца. Густые ночные пары, атакованные теплыми лучами, рассеивались и отдельными хлопьями забивались в ложбинки и укромные уголки, ожидая того момента, когда будут обращены в ничто.

В тумане солнце имело страшный вид существа мыслящего, одухотворенного, а для адекватного своего выражения требовало местоимения мужского рода. И вид этот — в особенности если принять во внимание отсутствие людей — мгновенно объяснял происхождение древнего сабензма¹. Казалось, никогда еще не существовало под небом более разумной религии. Светило было златокудрым богоподобным существом с лучистым ликом и кроткими глазами, напряженно взирающими с юным пылом на землю, которая до края была переполнена вниманием к нему.

Немного позднее свет его проник сквозь щели ставней в коттеджи, отбрасывая полосы, подобные докрасна раскаленной

¹ Сабензм — поклонение небесным светилам.

кочерге, на буфеты, комоды и другую мебель и разбудил жнецов, которые еще не вставали.

Все было румяно в то утро, но ярче всего разрумянились две широкие деревянные выкрашенные лопасти, которые поднимались у края желтой нивы, примыкающей к деревне Марлот. Эти две лопасти и две другие, нижние, образовали вращающийся мальтийский крест жнейки, которую накануне вечером привезли на поле, чтобы все было готово к сегодняшнему дню. В солнечном свете цвет краски, покрывающей их, стал гуще, словно их окунули в жидкий огонь.

Поле было уже «открыто», то есть вокруг всего поля обегала тропа шириной в несколько футов для лошадей и машины; здесь пшеница сжата была серпами.

Две группы — одна состояла из мужчин и подростков, другая из женщин — спустились по дороге в тот час, когда тень, отбрасываемая живой изгородью с восточной стороны дороги, коснулась кустов с западной стороны, так что головы людей встречали восход солнца, а ноги все еще окутаны были предрассветными тенями. Они свернули с дороги на поле, пройдя между двумя каменными столбами ближайших ворот.

Вскоре послышалось тиканье, напоминающее любовную песенку кузнечика. Жнейка была пущена в ход, и за воротами показались она и три лошади; погонщик сидел на одной из лошадей, тащивших жнейку, другой работник — на сиденье машины. Вдоль края поля проехала жнейка, медленно вращая лопастями, пока не скрылась за холмом; через минуту она выехала с другой стороны поля, двигаясь тем же ровным ходом; над жнивьем сверкнула медная звезда на лбу передней лошади, затем показалась яркая лопасть и, наконец, вся машина.

Узкая полоса жнивья, охватывающая поле, становилась шире после каждого объезда, и по мере того как проходили утренние часы, уменьшалась площадь, где еще не сжата была пшеница. Кролики, зайцы, змеи, крысы, мыши отступали дальше в хлеба, словно в крепость, не подозревая, сколь эфемерно их убежище и какая судьба ждет их к концу дня, когда до ужаса маленьким будет оставленный им уголок и они собьются в кучу — друзья и враги; а потом ляжет под зубцами неумолимой жнейки пшеница, еще покрывающая последние несколько ярдов, и жнецы перебьют всех зверьков палками и камнями.

Маленькими кучками ложилась позади жнейки пшеница, и каждой кучки достаточно было, чтобы связать из нее сноп; этим и занимались энергичные визальщики, шедшие сзади, — главным образом женщины, но были среди них и мужчины в ситцевых рубашках и штанах, стянутых кожаным ремнем, так что можно было свободно обойтись без двух задних пуговиц; при каж-

дом движения вязальщика они поблескивали в солнечных лучах, словно два глаза на поясище.

Но значительно интереснее в этой компании вязальщиков были представительницы другого пола, ибо женщина приобретает особое очарование, когда становится неотъемлемой частью природы, а не является, как в обычное время, лишь случайным предметом, в нее вравленным. Работник на поле остается индивидом; работница есть часть поля,— каким-то образом она теряет грани своей личности, впитывает в себя окружающее и с ним ассимилируется.

Женщины — вернее, девушки, ибо почти все они были молоды,— надели чепцы с длинными развевающимися оборками, защищающими от солнца, и перчатки, чтобы жнивье не изранило им рук. Одна была в бледнорозовой кофте, другая в кремовом платье с узкими рукавами, третья в юбке, красной, как лопасти жнейки. Женщины постарше надели коричневые грубые «робы», или халаты,— привычный и наиболее удобный костюм для работницы, от которого отказывались молодые. В это утро взгляд невольно возвращается к девушке в розовой ситцевой кофте, так как фигура у нее более гибкая и изящная, чем у других. Но она так низко надвинула на глаза чепец, что лица не видно, когда она вяжет снопы, хотя о цвете лица можно догадываться по темнокаштановой пряди волос, выбившейся из-под оборки чепчика. Быть может, она обращает на себя внимание отчасти потому, что совсем к этому не стремится, а другие женщины частенько поглядывают по сторонам.

Работает она монотонно, как часовой механизм; из последнего связанного снопа выдергивает пучок колосьев и приглаживает их ладонью левой руки, чтобы верхушки торчали на одном уровне, потом, низко наклонившись, идет вперед, обнимая руками подбирая пшеницу и прижимая ее к коленям; левую руку в перчатке она подсовывает под сноп и переплетает с правой рукой, держа пшеницу в объятиях, словно возлюбленного, затем соединяет концы выдернутого пучка колосьев и, придавливая коленями сноп, связывает его, время от времени опираясь юбку, которую приподнимает ветер. Полоска голой руки видна между кожаной перчаткой и рукавом платья, а к концу дня женская нежная кожа будет исцарапана и начнет кровоточить.

Иногда она встает, чтобы отдохнуть, перевязать передник и поправить сбившийся чепец. И тогда видно ее лицо — овальное лицо красивой молодой женщины, с глубокими темными глазами и длинными тяжелыми косами, которые словно цепляются умоляюще за все, к чему прикасаются. Щеки у нее бледнее, зубы ровнее, а красные губы тоньше, чем у большинства деревенских девушек.

Это Тэсс Дарбейфилд, или д'Эрбервилль, слегка изменившаяся — та же да не та; в эту пору своей жизни она чувствует себя здесь чужой, пришлой, хотя живет не на чужой стороне. После долгого затворничества она приняла, наконец, на этой неделе решение заняться полевыми работами в родной деревне, ибо для земледельцев настала самая горячая пора года, и, чтобы ни делала Тэсс по дому, ее труд не вознаграждался бы так, как уборка хлеба в полях.

Движения других женщины мало чем отличались от движений Тэсс, и вся группа двигалась, словно танцоры в кадрили, переходя от снопа к снопу; каждая женщина прислоняла свой сноп к другим, пока не образовалась копна из десяти — двенадцати снопов.

Они поели, и работа продолжалась. Часам к одиннадцати можно было заметить, что время от времени Тэсс задумчиво поглядывает на вершину холма, хотя и не перестает вязать снопы. В одиннадцать часов из-за холма, на котором пшеница была уже сжата, показались головки детей в возрасте от шести до четырнадцати лет.

Лицо Тэсс слегка зарумянилось, но она не прервала работы.

Старшая в группе ребят девочка в сложенной углом шали, которая волочилась по живью, несла на руках что-то, напоминающее с первого взгляда куклу, — это был ребенок в длинной рубашке; другая девочка принесла завтрак. Жнецы прервали работу, взяли принесенную еду и расположились вокруг копны. Они принялись за завтрак, и мужчины щедро наливали эль из каменного кувшина, передавая друг другу кружку.

Одной из последних, прервавших работу, была Тэсс Дарбейфилд. Она присела у копны, слегка отвернувшись от своих товарищей. Когда она уселась, работник в кроличьей шапке и с красным платком за поясом протянул ей через копну кружку эля. Но она отклонила предложение. Разложив завтрак, она подозвала рослую девочку, свою сестру, и взяла у нее ребенка; та рада была освободиться от ноши и, перейдя к следующей копне, стала играть с другими детьми. Покраснев еще сильнее, Тэсс украдкой и в то же время смело расстегнула кофту и начала кормить младенца грудью.

Мужчины, сидевшие поблизости, вежливо отвернулись к другому концу, поля; кое-кто закурил, один рассеянно и любовно поглаживал кувшин, сожалея, что он осушен. Все женщины, кроме Тэсс, завязали оживленный разговор, время от времени приглаживая скрученные узлом волосы.

Когда младенец поел досыта, молодая мать посадила его себе на конени и, глядя вдаль, начала его укачивать с мрачным равнодушием, которое граничило с неприязнью. Потом вдрус,

стала обсыпаться его поцелуями и словно не могла насытиться, а ребенок расслакался, неугаиваемый этим пенстовым порывом, в котором страсть смешивалась с непаивостью.

— Как бы она там ни притворялась, а все-таки ребенка она любит, хотя и говорит, что лучше бы им обонм лежать на кладбище, — заметила женщина в красной юбке.

— Скоро она перестанет это твердить, — отозвалась другая, в коричневой юбке. — Господи, и к чему только не привыкаешь со временем!

— Похоже на то, что нелегко было кое-чего от нее добить-ся. В прошлом году слышали как-то ночью в Заповеднике чьи-то рыдания, и кое-кому пришлось бы плохо, если бы подоспели люди.

— Очень уж жалко, что случилась такая история с ней, а не с кем другим. Ну, да это уж всегда бывает с самыми красивыми. Безобразные — те в полной безопасности, все равно что церковь... Верно, Дженин?

Говорившая повернулась к одной из женщин, которая, несомненно, подходила под это определение.

Действительно, девушка вызывает глубокую жалость; даже враг и тот почувствовал бы сострадание, глядя на сидевшую здесь Тэсс с ее ртом, напоминающим цветок, с ее большими печальными глазами, не черными и не голубыми, не серыми и не фиалковыми, но, пожалуй, сочетающими все эти цвета и сотни других, которые можно было увидеть, всматриваясь в радужную оболочку, где вокруг бездонного зрачка ложились один на другой различные цвета и оттенки. — Тэсс, эту почти безупречную женщину, если не считать слегка неуравновешенного характера, унаследованного от предков.

Решение, неожиданное для самой Тэсс, впервые за много месяцев привело ее на поля. Сначала она терзала и томилла свое трепещущее сердце всеми муками сожаления, какие может придумать одинокое и неопытное существо, затем здравый смысл озарил ее: она почувствовала, что поступит хорошо, если снова будет полезной, снова вкусит прелесть независимости, чего бы это ни стоило. Прошлое есть прошлое; каково бы ни было оно, его больше нет. Каковы бы ни были последствия, время над ними сомкнется, — пройдут года, и наступит день, когда для всех они исчезнут навсегда, а она сама будет погребена и забыта. Меж тем деревья были так же зелены, как и раньше, так же пели птицы и так же ярко светило солнце. Знакомый пейзаж не омрачился ее скорбью, не заразился ее болью.

Ей следовало понять одно: то, что заставило ее так низко склонить голову — мысль о заинтересованности окружающих ее положением, — основано было на любви. Никому не было де-

ла ни до ее жизни, ни до ее опыта, страсти, эмоций. У людей лишь изредка мелькала мысль о ней, друзья вспоминали ее не намного чаще. Сделай она себя несчастной на всю жизнь, они бы сказали только: «Ах, она делает себя несчастной». Если бы старалась она быть веселой, отогнать все заботы, радоваться дневному свету, цветам, ребенку — они бы подумали: «А она держится молодцом». Одна, на необитаемом острове, сокрушалась ли бы она о том, что с ней случилось? Не очень. Если бы она только что вышла из рук творца и увидела себя безмужней женой, ничего не ведающей о жизни и являющейся лишь матерью безыменного ребенка, могло ли бы такое положение довести ее до отчаяния? Нет, она бы приняла его спокойно и пошла бы в нем радость. Скорбь не родилась из глубины ее существа, а порождена была социальными условностями.

Как бы ни рассуждала Тэсс, что-то побудило ее одеться опрятно, как одевалась она раньше, и выйти на полевые работы, так как на рабочие руки был теперь большой спрос. Вот почему она держала себя с достоинством и спокойно смотрела людям в глаза, даже когда прижимала к груди ребенка.

Работники встали со снопов, потянулись, и потонули трубки. Лошадей, которые были выпряжены и накормлены, снова впрягли в алую машину. Тэсс, быстро доев завтрак, подозвала сестру и, отдав ей ребенка, застегнула платье, надела кожаные перчатки и, наклонившись снова, выдернула пучок колосьев из последнего связанного снопа, чтобы перевязать следующий.

После полудня и вечером работа продолжалась. Тэсс оставалась до сумерек с вязальщицами снопов. Потом все поехали домой на одной из самых больших телег, сопутствуемые круглой тусклой луной, которая поднялась на востоке и походила на потертый позолоченный венчик какого-то подточенного червями тосканского святого. Товарки Тэсс пели песни, проявляли большое участие к ней и радовались концу ее затворничества, — хотя они не могли удержаться, чтобы лукаво не вставить несколько стихов из баллады о девушке, которая пошла в веселый зеленый лес и вернулась оттуда другим человеком. Таковы противоядия и вознаграждение, даруемые жизнью. Событие, в котором окружающие видели как бы предостережение привело также к тому, что на некоторое время многие считали ее интереснейшей особой в деревне. Дружелюбное их отношение еще дальше увело ее от мыслей о себе, живость их была заразительна, и она почти развеселилась.

Но теперь, когда ее горести нравственного порядка рассеивались, возникла новая беда, затронувшая инстинкт, который не знал никаких социальных законов. Придя домой, она взволновалась, узнав, что днем ребенок внезапно заболел. Этого сле-

довало ждать — такой он был хрупкий и слабый, и тем не менее событие потрясло ее.

Девушка-мать забыла о том, что ребенок, явившись в мир, нанес оскорбление обществу; сграстным ее желанием было не смыгать этого оскорбления, сохраняя жизнь ребенка. Однако выяснилось очень скоро, что час освобождения маленького пленика плоти пробьет раньше, чем подсказывали ей панхудные опасения; и, убедившись в этом, она погрузилась в тоску, вызванную не только близкой потерей ребенка: малютка не был крещен.

Тэсс дошла до того состояния, когда пассивно примирилась с тем, что если суждено ей за совершенный ею поступок гореть в аду, то пусть она горит, и конец делу. Подобно всем деревенским девушкам, она была хорошо знакома с библией, добросовестно выучила историю Аголы и Аголбы и знала, какой урок следовало из нее извлечь. Но когда тот же вопрос коснулся ее ребенка — окраску он принял совершенно иную. Ее непагубное дитя умирало и ему было отказано в вечном блаженстве.

Час был поздний, но она сбежала с лестницы и спросила, можно ли послать за священником. Это совпало с тем моментом, когда отец ее особенно остро ощущал древнее происхождение своего рода и с болезненной чувствительностью относился к тому пятну, какое наложила Тэсс на сей древний род, ибо отец только что вернулся после выпивки в трактире Ролливера, повгорявшей каждую неделю. Нет, ни один пастор не войдет в его дом, заявил он, и не посмеет совать нос в его дела; теперь по ее вине необходимо все скрывать больше, чем когда бы то ни было. Он запер дверь и положил ключ в карман.

Домашние улеглись спать, и Тэсс в беспредельном отчаянии ушла к себе. Она ежеминутно просыпалась, а среди ночи убедилась, что ребенку стало хуже. Он умирал — тихо и безболезненно, но умирал.

В тоске она раскачивалась, сидя на кровати. Пробыло час ночи; в этот торжественный час мысль скользит за пределами рассудка и зловещие возможности приобретают несокрушимость фактов. Ей казалось, что ребенок обречен на самые страшные муки ада, ибо осужден вдвойне — как некрещенный и незаконнорожденный; она видела, как сатана подбрасывает его на вилах с тремя зубцами, — такими вилами в дни выпечки хлеба они подбрасывали топливо в печь; эту картину дополнила она другими страшными и нелепыми деталями пытки, каким обучают молодежь в сей христианской стране. В тишине спящего дома мрачное предчувствие с такой силой овладело ее воображением, что ночная сорочка стала влажной от пота, а кровать вздрагивала от ударов ее сердца.

Дыхание младенца стало все более затрудненным, и усиливалось душевное напряжение матери. Бессмысленно было осыпать малышку поцелуями; больше не могла она оставаться в постели и начала лихорадочно ходить по комнате.

— О боже милостивый, сжался, сжался над моим невинным младенцем! — воскликнула она. — Молю тебя, обрушь гнев свой на меня, но пожалей ребенка!

Она прислонилась к комоду и долго лепетала несвязанные мольбы, потом встрепенулась:

— А что, если малышку можно спасти? Может быть, нет никакой разницы?..

Голос прозвучал так радостно, что, казалось, лицо ее должно было светиться в полумраке.

Она зажгла свечу и, подойдя ко второй и третьей кровати у стены, разбудила своих маленьких сестер и братьев, которые спали в той же комнате. Отодвинув умывальник, чтобы можно было обойти его кругом, она налила воды из кувшина и заставила детей опуститься на колени и сложить поднятые руки. Пока дети, еще не совсем проснувшись, испуганные ее поведением, все шире открывая глаза, оставались на коленях, она взяла с кровати младенца — ребенка, рожденного матерью-ребенком. Это был такой крошка, что, казалось, нельзя было применить слово «мать» к той, которая его родила. Тэсс с младенцем на руках стояла, выпрямившись, перед тазом, а сестра держала перед ней раскрытый молитвенник, как держит его служка в церкви перед священником: девушка собиралась окрестить свое дитя.

Она казалась очень высокой и величественной, когда стояла в своей длинной белой сорочке, а темные волосы, заплетенные в косу, спускались прямым толстым канатом вдоль спины к талии. Мягкий тусклый свет жалкой свечи стирал с ее лица и фигуры те мелкие дефекты, какие можно было обнаружить при солнечном свете, — ссадины от жнивья на кистях рук, усталость, затуманившую глаза, — восторг преобразил лицо, которое привело ее к гибели, сделал его безгрешно прекрасным, наложил печать достоинства, чуть ли не царственного. Ребята, стоявшие вокруг на коленях, мигали покрасневшими, заспанными глазами и с напряженным удивлением следили за ее приготовлениями; физическое утомление в этот поздний час мешало им быть активными.

Самый любопытный из них спросил:

— Ты и в самом деле хочешь окрестить его, Тэсс?

Девушка-мать задумчиво кивнула.

— Как его будут звать?

Об этом она не подумала, но имя, подсказанное фразой из

книги Бытия, приняло ей в голову, когда она приступила к обряду крещения, и теперь она произнесла его:

— Сороу¹, я крещу тебя во имя отца и сына и святого духа...

Она окропила его водой. Опустилось молчание.

— Дети, скажите: «Аминь».

Тонкие голоса пискнули послушно:

— Аминь!

Тэсс продолжала:

— Мы принимаем этого младенца... — и так далее —... в кладу на него крестное знамение...

Она окунула руку в таз и указательным пальцем начертила на младенце большой крест, продолжая с жаром произносить обрядовые фразы: он будет мужественно бороться с грехом, миром и дьяволом и останется верным воином и слугой до конца своей жизни... Она исправно прочла «Отче наш», а дети тоненькими, как комариный писк, голосами повторяли за ней слова молитвы и в заключение, словно служки, пискнули снова в тишине: «Аминь!»

Тогда их сестра, сугубо уверовав в действительную силу этого таинства, вознесла из глубины души благодарственную молитву. Смело и торжественно произнося она слова, голос ее стал звучным, ибо говорила она от всего сердца, — и этого голоса до конца жизни не забудут те, кто ее знал. Экстаз веры словно просветил ее: лицо ее озарилось, на щеках выступили красные пятна, крохотное пламя свечи сверкало в ее зрачках, как алмаз. Дети смотрели на нее с возрастающим благоговением, и больные не было у них желания задавать вопросы. Теперь она не походила на их «сестрицу», она стала большой, величественной и грозной — божественным существом, с которым у них не было ничего общего.

Борьбе бедного Сороу с грехом, миром и дьяволом не суждено было развернуться во всем блеске, — к счастью, быть может, для него, если принять во внимание первые его шаги в жизни. В срочный час утра этот хрупкий воин и слуга вздохнул в последний раз, а когда проснулись дети, они горько заплакали и повзрослели сестрицу достать еще одного хорошенького малютку.

Сиюминутное, которое охватило Тэсс после крещения, не покидало ее и при кончине младенца. Когда рассвело, она почувствовала даже, что опасения ее за его душу были немножко преувеличены; как бы там ни было, она не испытывала теперь никакой тревоги, рассуждая так: если провидение не утвердит обряда, она, Тэсс, ни во что не ценит райское блаженство, ут-

¹ Печаль, горе (англ.).

раченное из-за такой погрешности в обряде,— оно не нужно ни ей, ни ее младенцу.

Так ушло из жизни нежеланное Горе, Сороу — это незванное существо, незаконнорожденный дар бесстыдной Природы, не уважающей социальных законов; заблудившееся существо, для которого вечное Время сводилось к дням и которому неведомы были ни годы, ни столетия; для него коттедж был вселенной, погода в течение недели — климатом, младенчество — человеческой жизнью, а инстинкт сосать — человеческим знанием.

Тэсс, не мало размышлявшая о крещении, не знала: достаточно ли было, с точки зрения догмы, совершить этот обряд, чтобы обеспечить ребенку христианское погребение? Никто не мог на это ответить, кроме приходского священника, а он приехал сюда недавно и был очень замкнутым человеком.

В сумерках она пошла к нему и остановилась у калитки, но у нее не хватило мужества войти в дом. Она отказалась бы от своей загни, если бы на обратном пути не встретила его, когда он возвращался домой. В темноте она могла говорить свободно: — Я бы хотела кое о чем спросить вас, сэр.

Он выразил готовность слушать, и она рассказала ему о болезни ребенка и импровизированном обряде.

— А теперь, сэр,— добавила она серьезно,— скажите мне, для него это будет все равно как если бы вы его окрестили?

Испытывая вполне естественное чувство профессионала, узнавшего, что работу, которую он призван исполнять, взяли на себя его неискусные клиенты, он склонен был ответить отрицательно. Однако достоинство, с каким говорила эта девушка, и странная нежность, звучащая в ее голосе, подействовали на его более благородные побуждения — вернее, на те, какие у него остались после десятилетних усилий привить формальную веру скептицизму. Человек и священнослужитель боролись в нем — и победа досталась человеку.

— Милая моя,— сказал он,— это все равно.

— Значит, вы не откажете ему в христианском погребении? — быстро спросила она.

Викарий почувствовал, что его загнали в тупик.

Услышав о болезни ребенка, он, как человек добросовестный, явился вечером, чтобы совершить обряд; отказ принять его исходил не от Тэсс, а от ее отца, но он этого не знал и потому не мог — или не хотел — оправдать неправильное совершение обряда необходимостью.

— А... это другое дело,— сказал он.

— Другое дело... почему? — с жаром спросила Тэсс.

— Я бы охотно это сделал, будь только мы двое замешаны. Но теперь не могу... по некоторым основаниям.

— Ну в виде исключения, сэръ!

— Право же, не могу.

— О сэръ, сжальтесь! — И с этими словами она схватила его за руку.

Он отнял руку и покачал головой.

— Ну, тогда я вас не люблю! — вспыхнула она. — И никогда больше не пойду в вашу церковь!

— Не говорите так опрометчиво, Тэсс.

— Быть может, для него это все равно, если вы не дадите ему погребения?.. Может быть, это все равно? Только, ради бога, не разговаривайте со мной, как святой с грешницей, а говорите, как человек с человеком, с несчастным человеком!

Как примирил викарий свой ответ со строгими понятиями о сем предмете, которых он якобы придерживался, мирянин объяснить не может, хотя и может оправдать. Священник, слегка растроганный, сказал снова:

— Это все равно.

В тот вечер младенца отнесли на кладбище в маленьком еловом ящике, прикрытом шалью древней старухи, и при свете фонаря похоронили — за шиллинг и пшиту пива, плата могильщику — в том жалком уголке божьего сада, где с божьего соизволения растет крапива и где хоронят всех некрещенных младенцев, известных пьяниц, самоубийц и других людей, обреченных на гибель. Несмотря на неприветливую обстановку, Тэсс храбро сделала крестик из двух брусков, обвитых цветами, и обрывка веревки, и однажды вечером воткнула его в изголовье могилы, когда смогла никак не замеченная пройти на кладбище; в ногах могилы она поставила букет таких же цветов в банке с водой, чтобы они не завяли. Не важно, что глаз постороннего наблюдателя мог заметить на банке слова: «Мармелад Кнудла». Глаз материнской любви, провидящий нечто более возвышенное, их не видел.

XV

«Путем опыта, — говорит Роджер Эшем, — находим мы кратчайший путь после долгих скитаний». Передко случается, что эти долгие скитания лишают нас возможности продолжать путешествие, — а тогда какой толк от нашего опыта? Опыт Тэсс Дарбейфилд был именно такого рода — бесполезный. Наконец, узнала она, что нужно делать; но кому были нужны теперь ее дела?

Если бы до ухода к д'Эрбервиллям она ревностно следовала в жизни поучениям, содержащимся в различных текстах, знакомых с детства и ей и всему миру, — несомненно, ее никогда не удалось бы обмануть. Но не в ее власти — было почувство-

вать всю правду драгоценных заречений, пока возможно ими пользоваться. Вместе со святым Августинном она — и сколько других! — могла бы проницательно сказать богу: «Ты посоветовал избрать дорогу лучшую, чем та, которой ты позволил идти».

Зимние месяцы она провела в доме отца, ошипывала птиц, откармливала индюков и гусей, шила братьям и сестрам платья из нарядов, которые дал ей д'Эрбервилль, а она с презрением отложила в сторону. Тэсс не хотела обращаться к нему за помощью. Но часто закидывала она руки за голову и глубоко задумывалась, когда предполагали, что она усердно работает.

По мере того как шло время, с философским спокойствием отмечала она даты: ночь катастрофы в Трэнтридже на темном фоне Заповедника; день рождения и день смерти ребенка; свой день рождения и другие дни, отмеченные событиями, в которых она принимала участие. Как-то, глядя в зеркало на свое красивое лицо, она подумала о том, что есть еще одна дата, которая имеет для нее большее значение, чем те, другие: день ее смерти, когда исчезнет все ее очарование; день, который лукаво притаился, невидимый среди других дней года, ни слухом ни духом не давая о себе знать, когда она ежегодно с ним сталкивалась; и, тем не менее, он где-то был. Какое число ему соответствовало? Почему не чувствовала она озноба при ежегодных встречах с таким холодным родственником? Мысль Джерини Тэйлора пришла ей в голову: когда-нибудь в будущем те, кто знали ее, скажут: «Сегодня такое-то число, день, когда умерла бедная Тэсс Дарбейфилд»; и в этих словах ничто не покажется им странным. Она не знала, на какой месяц, неделю, время года упадет этот день, которому суждено стать для нее днем, когда времени больше не будет.

Таким образом, Тэсс чуть ли не мгновенно превратилась из наивной девушки в сложную женщину. Рефлексия отражалась по временам на ее лице, трагическая нотка звучала иногда в голосе. Глаза стали больше и выразительнее; ее можно было назвать красивой; она была обаятельна; у нее была душа женщины, которую бурные испытания последнего года или двух не могли деморализовать. Не будь общественного мнения, эти испытания могли бы воспитать ее в свободном духе, и только.

Последнее время она жила столь уединенно, что несчастье ее, не получившее широкой огласки, было почти забыто в Марлоте. Но она поняла, что никогда не почувствует себя легко там, где люди видели крушение плана, задуманного ее семьей с целью «заявить о родстве» и через нее вступить в еще более тесный союз с богатыми д'Эрбервиллями. Во всяком случае, ей не могло быть легко здесь, пока долгие годы не сотрут этого из ее памяти. Но даже теперь Тэсс чувствовала, как пульсиру-

ет в ней жизнь, согретая надеждами; она могла бы жить счастливо в каком-нибудь уголке, где нет воспоминаний. Бежать от прошлого и от всего, что к нему относилось, значило его уничтожить, а для этого она должна была уехать.

«Утрачено ли навсегда подлинное целомудрие, однажды потерянное?» — спрашивала она себя. Она доказала бы, что это неперенно, если бы могла набросить покрывало на прошлое. В силе возрождения, которая правит органической природой, несомненно, не могло быть отказано и девственности.

Долго и тосчно ждала она случая снова уехать. Настала на редкость славная весна; казалось, можно было услышать, как набухали и раскрывались почки; и процесс этот гнал ее, как гнал он диких животных, пробуждая в ней страстное желание уехать. Наконец, в начале мая она получила письмо от одного старого приятеля своей матери, у которого давно уже наводила справки о работе, хотя никогда его не видела; он писал, что на молочной ферме далеко на юге требуется опытная доильница и что фермер охотно наймет ее на летние месяцы.

Было это не так далеко, как хотелось бы ей; но, пожалуй, достаточно далеко от Марлота, если принять во внимание, сколько мал был радиус того круга, в котором она жила и где ходила о ней молва. Для людей замкнутых в узких границах, мли равны географическим градусам, приходы — графствам, и графства — провинциям и государствам.

У нее было одно твердое решение: в мечтах и делах новой ее жизни не будет больше никаких д'Эрбервилльских воздушных замков. Она — доильница Тэсс, и только. Хотя ни слова не было об этом сказано, но мать прекрасно понимала чувства Тэсс и больше не заикалась о предках-рыцарях.

Однако такова человеческая непоследовательность: новое место представляло для нее интерес отчасти и потому, что оно находилось близ родной земли ее предков (ибо они не были уроженцами Блекмора, тогда как мать ее была родом из Блекмора). Мыза Тэлботейс, куда она ехала, была расположена неподалеку от одного из бывших поместий д'Эрбервиллей, по соседству с большими фамильными склепами ее прабабок и их могущественных супругов. Она получит возможность поглядеть на них и подумать о том, что не только д'Эрбервилль пал, подобно Вавилону, но и невинность смиренного потомка может пасть столь же неслучайно. Все время размышляла она о том, не ждет ли ее какая-нибудь страшная удача в стране ее предков. Настроение ее поднималось, как поднимается сок в дереве. Это юность ее, нестраченная, вновь воспрянула после временной задержки, неся с собой надежду и непобедимый инстинкт, влекущий к радости.

Фаза третья

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

XVI

Вблагоухающее тмным майское утро, когда птицы высжи-
вают птенцов, через два-три года по возвращении из Трэн-
триджа, — в эти два-три года неслучайно восстанавливались ду-
шевные силы Тэсс Дарбейфилд, — она вторично покинула род-
ной дом.

Уложив свои вещи, чтобы отослать их позднее, она выехала
в наемной двуколке в маленький городок Стоуркэстл, которого
не могла миновать на своем пути, увозящем ее в сторону, почти
противоположную той, куда поехала она в первый раз. На скло-
не первого холма она оглянулась и с сожалением посмотрела
на Марлот и родительский дом, хотя велико было ее стрем-
ление уехать.

Вероятно, родные ее, проживающие там, будут жить так же,
как жили до сих пор, не замечая, что радости у них стало мень-
ше, хотя Тэсс теперь далеко и они лишены ее улыбки. Пройд-
дет несколько дней, и дети будут играть так же весело, как и
раньше, не чувствуя после ее отъезда, что им чего-то не хвата-
ет. По ее мнению, эта разлука с младшими детьми должна бы-
ла пойти им на пользу: останься она — и, пожалуй, не столь-
ко ее наставления могли бы принести им добро, сколько ее
пример послужить во зло.

Через Стоуркэстл она прошла не останавливаясь и направ-
илась к перекрестку шоссеиных дорог, где хотела дожидаться
грузового фургона, ходившего на юго-запад, ибо железная до-
рога, опоясывавшая эту область, еще не пересекла ее. Пока она
ждала, оказался какой-то фермер в рессорной двуколке, ехав-
ший как будто в ту же сторону, куда направлялась и она; хотя
он и был ей незнаком, она приняла его предложение занять ме-

сто рядом с ним, не ведая, что он отдавал лишь дань ее красоте. Он ехал в Уэтербери, а оттуда она могла пройти пешком, вместо того чтобы ехать в фургоне через Кэстербридж.

После этого долгого переезда Тэсс остановилась в Уэтербери только для того, чтобы в полдень слегка закусить в котлежке, который указал ей фермер. Неся корзинку, она пошла дальше, к широкому плоскогорью, поросшему вереском и отделявшему эту область от низменных лугов дальней долины, где находилась молочная ферма — конечная цель ее паломничества.

Тэсс никогда не бывала в этой части страны и, однако, чувствовала, что пейзаж для нее родной. Слева, не очень далеко, разглядела она темное пятно и, наведя справки, утвердилась в своих предположениях: это были деревья в окрестностях Книгсбира, — там, в церкви этого прихода, погребены были кости ее предков, извужных ей предков.

Теперь она насколько не восхищалась ими, она почти не увидела их за то, что они довели ее до беды; из всего того, что когда-то им принадлежало, она сохранила только старую печатку и ложку.

«Вздор! Материнского во мне столько же, сколько и отцовского! — сказала она себе. — Вся моя красота от матери, а она была простой домищицей».

Путешествие по холмам и низменностям Эгдона, когда она до них добралась, оказалось гораздо затруднительнее, чем она предполагала, хотя нужно было пройти всего несколько миль. Много раз она сбивалась с пути и лишь через два часа поднималась на вершину холма, возвышающегося над долиной, которую она отыскивала, — долиной Больших Мыз, где молочных продуктов так много, что они прокисают, где получают их больше, но, пожалуй, похуже качеством, чем у нее на родине, — зеленой долиной, столь щедро орошаемой рекой Вар, или Фрум.

Она резко отяжелела от долины Малых Мыз — Блекмурской, которую одну только и знала до сей поры Тэсс, если не вспоминать о злополучном ее пребывании в Трэнтридже. Здесь мир был представлен в более крупном масштабе. Огороженные настибы занимали не десять, а пятьдесят акров, фермы были больше, рогатый скот ходил здесь стадами. Никогда еще не видывала она такого множества коров, которые паслись сейчас перед ней от восточного до западного края долины. Зеленый луг был усеян ими так же густо, как холсты ван Альслота или Саллерта усеяны бюргерами. Густые тона рыжих и бурых коров поглощали вечерний солнечный свет, а белые коровы отражали лучи, ослепляя Тэсс, хотя стояла она на дальнем холме.

Вид с высоты птичьего полета, пожалуй, не отличался такой яркой красотой, как тот, другой, столь хорошо ей знакомый;

зато он был веселее. Этой долине не хватало синего воздуха Блекмура, его гучных пашен и густых ароматов; здесь воздух был чистый, бодрящий, легкий. И даже река, питавшая траву и коров с прославленных мыз, текла не так, как ручьи в Блекмуре. Те были медлительны, безмолвны, часто мутны и струились по илистому руслу, где человек, неосторожно переправляющийся вброд, мог увязнуть и погибнуть, застигнутый врасплох. Воды Вара были прозрачны, как Река Жизни, увиденная евангелистом, стремительны, как тень облака, а галька на отмелях что-то лепетала небесам с утра до ночи. Там росла лилия, здесь — водяной лютик.

Перемена ли воздуха на нее подействовала — легкого здесь и тяжелою там, — или сознание, что находитесь она в новом краю, где никто не смотрит на нее недоброжелательно, но только она пришла в чудесное настроение. Надежды ее слились с солнечным светом в идеальную фотосферу, которая окружала ее, когда она вприпрыжку бежала навстречу теплому южному ветру. В каждом дуновении ветерка слышался ей ласковый голос, и в каждом звуке птичьих голосов, казалось, таилась радость.

Лицо ее за последнее время изменилось, отражая меняющиеся настроения: иногда бывало красивым, иногда неприметным — в зависимости от того, радостные или мрачные мысли мелькали у нее в голове. Сегодня была она розовой и ослепительно прекрасной, завтра — бледной и трагической. Тэсс розовая чувствовала меньше, чем Тэсс бледная; более совершенная ее красота соответствовала менее глубокой душевной жизни; более возвышенная душевная жизнь — менее совершенной красоте. Сейчас, подставив лицо южному ветру, она была прекраснее, чем когда бы то ни было.

Непреодолимое всеобщее инстинктивное стремление искать радости, которым проникнуто все живое как на низших, так и на высших ступенях развития, овладело Тэсс. Была она молодой двадцатилетней женщиной, духовный и эмоциональный рост которой еще не завершился, и ни одно событие не могло наложить на нее печать, не поддающуюся с течением времени изменениям.

Настроение ее все улучшалось, усиливалось чувство благодарности, расцветали надежды. Она попробовала пропеть несколько баллад, но нашла, что они не подходят к этому моменту. Потом, вспомнив о псалтыре, который так часто читала до той поры, пока не вкусила плода от древа познания, она запела: «Солнце и луна... все звезды света... деревья плодоносные... птицы крылатые... звери и всякий скот... сыны человеческие... да хвалят господа и славословят его вовеки!»

Вдруг она заинулась и прошептала:

— Но, может быть, я еще не совсем знаю бога?

И вероятно, это полусознательное несомнение было фетишистским излиянием в монотеистической оправе; женщины, которые постоянно живут на лоне природы, среди ее образов и стихий, сохраняют в душе гораздо больше представлений своих далеких предков, чем догматов религии, которой обучались в позднейшую пору. Как бы там ни было, Тэсс нашла приблизительное выражение своих чувств в старом «Benedicite»¹, которое лепетала с младенческих лет, и этого было достаточно. Величайшее удовольствие испытывала она от этого маленького первого шага, сделанного для того, чтобы самостоятельно добывать средства к жизни,— и в этом отчасти сказывалась натура Дарбейфилдов. Тэсс действительно хотела идти прямой дорогой, тогда как у ее отца и в мыслях этого не было; но сходство между ними заключалось в том, что и она довольствовалась быстрыми и маленькими успехами и не желала трудиться для того, чтобы чуть-чуть улучшить свое социальное положение,— а только на это и могла теперь рассчитывать разорившаяся семья, происходившая от некогда могущественных д'Эрбервиллей.

Правда, оставалась еще энергия матери, чей род не растратил своих сил, а также естественная энергия молодости, вновь вспыхнувшая после испытания, которое так придавило Тэсс на какое-то время. Будем говорить честно: как правило, женщины, пережив подобное унижение, вновь обретают бодрость и снова озираются вокруг себя с любопытством. Пока есть жизнь, есть и надежда,— эта уверенность не так уж чужда «обманутым», как хотели бы нам внушить иные любезные теоретики.

Тэсс Дарбейфилд, бодрая, горевшая жаждой жизни, спускалась все ниже и ниже по склонам Эгдона, направляясь к мызе — цели своего паломничества.

Теперь окончательно проявился резкий и характерный контраст между двумя соперницами-долинами. Тайну Блекмура лучше всего можно было раскрыть с высоты окружающих его холмов. Чтобы раскрыть тайну долины, раскинувшейся перед Тэсс, нужно было к ней спуститься. Совершив этот подвиг, Тэсс опустилась на зеленом ковре, устлавшем равнину, которая тянулась с востока на запад в необозримую даль.

Река похитила у холмов и принесла по кусочкам в долину весь этот пласт земли, а теперь, обессиленная, престарелая, обмелевшая, струилась, извиваясь, среди некогда награбленной добычи.

¹ Католическая молитва перед едой, принятая также англиканской церковью.

Не зная, в какую сторону идти, Тэсс, словно муха на бесконечно длинном бильярде, стояла на зеленой равнине, замкнутой холмами, и для всего окружающего имела не большее значение, чем эта же муха. Появление ее в мирной долине возбуждало любопытство одной лишь цапли, которая опустилась на землю недалеко от тропы и, вытянув шею, глядела на Тэсс.

Вдруг вся долина огласилась протяжным зовом:

— Уао! Уао! Уао!

С востока на запад разнесся зов, кое-где сопровождаемый лаем собаки. Не о прибытии красавицы Тэсс извещала долина, но, по обыкновению своему, лишь о том, что настал час доения — половина пятого, когда фермеры начинают загонять коров.

Ближайшее к Тэсс рыже-белое стадо, которое флегматично ждало зова, устремилось теперь к постройкам, стоявшим в отдалении; тяжело раскачивалось полное молока вымя между ног коров. Тэсс медленно следовала за стадом и, пропустив его во двор, вошла в открытые ворота. Длинные, крытые соломой навесы тянулись вокруг загона, крыши, инкрустированные ярко-зеленым мхом, опирались на деревянные столбы, отполированные боками коров и телят, отошедших в прошлое и забытых столь основательно, что едва ли можно было постигнуть глубину такого забвения. Между столбами выстроились дойные коровы, показывая зрителям зад, напоминающий круг на двух подпорках, из центра которого спускался хвост, двигавшийся, как маятник. Солнце, закатываясь позади этого ряда терпеливых животных, четко отбрасывало тени их на внутреннюю стену. Каждый вечер очерчивало оно эти тени, вырисовывая контуры с такой же аккуратностью, словно это был силуэт придворной красавицы на стене дворца, копировало их столь же усердно, как копировало много веков назад олимпийские фигуры на мраморных фасадах или профили Александра, Цезаря и фараонов.

В стойлах помещались наименее покладистые коровы. Тех, что согласны были стоять смиренно, доили посреди двора, и сейчас многие из этих наиболее примерных ждали терпеливо — великолепные дойные коровы, каких редко увидишь за пределами этой долины, да и здесь попадают они не так уж часто, коровы, вскормленные сочной травой, покрывающей заливные луга в весеннюю пору. Те, что были покрыты белыми пятнами, ярко отражали солнечный свет, а полированные медные наконечники на рогах сверкали, словно воинские доспехи. Вымя с широкими венами висело тяжелое, как мешок с песком, сосцы растопырились, как ноги цыганской клячи. Пока животные

ждали, когда наступит их очередь, молоко медленно просачивалось и капало на землю.

XVII

Когда коровы вернулись с лугов, доильщицы и доильщики высипали из коттеджей и фермерского дома; хотя погода была хорошая, девушки надели патены¹, чтобы не запачкать башмаков в навозе. Каждая уселась на трехногую скамеечку, повернула голову и, прислонившись правой щекой к корове, задумчиво смотрела на приближающуюся Тэсс. Мужчины в шляпах с опущенными полями сидели, прислонившись к корове лбом, и потому не видели ее.

Один из них, коренастый мужчина средних лет, — длинный белый передник на нем был чище и тоньше, чем у других, а куртка, купленная на базаре, имела вполне приличный вид, — был владельцем мызы, которого разыскивала Тэсс. Шесть дней в неделю он доил коров и сбывал масло, а на седьмой день, надев сукошную пару, шел в церковь, где его семья занимала отдельную скамью. Столь резкое его превращение было отмечено стивингом:

Шесть дней в неделю он — молочник Дик,
А в воскресенье — мистер Ричард Крик.

Заметив Тэсс, он направился к ней.

В часы доения фермеры бывают обычно не в духе, но случилось так, что м-р Крик рад был заполучить новую работницу, — пора настала горячая. Поэтому он принял ее радушно, оведомился об ее матери и остальных членах семьи, хотя с его стороны это была лишь формальность, так как он не подозревал о существовании м-с Дарбейфилд и узнал о ней только из письма своего приятеля.

— Ну еще бы, мальчишкой я хорошо знал твою округу, — сказал он в заключение, — хотя с той поры там не бывал. Одна девяностолетняя старуха, — когда-то она жила здесь по соседству, но давным-давно умерла, — говорила мне, что какая-то семья с фамилией вроде твоей живет в Блекмурской долине; вышла она из наших краев и будто бы ведет свое происхождение от древнего рода, который весь повymiрал, хотя новые поколения этого и не знали. Ну, да уж я, конечно, не обратил внимания на болтовню старухи.

— Да, это все пустое, — сказала Тэсс.

¹ Патены — деревянные дощечки, прикрепленные ремешком к подошвам.

Потом заговорили о деле.

— А доить ты, миленькая, хорошо умеешь? Не хочется мне, чтобы в эту пору года у моих коров пропало молоко.

Она успокоила его на этот счет, а он осматрел ее с головы до ног. Она мало выходила из дому, и у нее на щеках не было здорового румянца.

— А уверена ли ты, что выдержишь такую работу? Людям здоровым и привычным здесь неплохо, но мы ведь не в теплицах живем.

Она заявила, что сил у нее хватит, а усердие ее и желание работать, казалось, пришлось ему по вкусу.

— Не хочешь ли выпить чаю или поесть чего-нибудь, а? Не сейчас? Ну, как знаешь. Будь я на твоём месте, после такого долгого путешествия я бы высох, как сухарь.

— Я сейчас же примусь за работу, начну доить,— сказала Тэсс.

Она выпила немного молока, чтобы освежиться, чем вызвала удивление и даже легкое презрение фермера Крика, которому, казалось, и в голову не приходило, что молоко может служить напитком.

— Ну, если ты можешь его проглотить, так пей на здоровье,— равнодушно сказал он, поддерживая подойник, из которого она пила.— А я уж много лет к нему не приглядывался. Дрянное пойло, свинцом ложится на желудок. Начни-ка вот с этой,— добавил он, указывая на ближайшую корову.— Доить ее не так чтобы очень трудно. У нас, как и у всех людей, есть коровы упрямые и коровы покладистые. Да ты и сама в этом скоро разберешься.

Когда Тэсс заменила шляпу чепчиком, уселась на скамеечке подле коровы и молоко брызнуло, стекая с ее рук, в подойник, ей почудилось, что она и в самом деле заложила новый фундамент своему будущему. Уверенность эта принесла спокойствие, сердце ее стало биться медленнее, и она могла осмотреться по сторонам.

Доильщики и доильщиц здесь был чуть ли не батальон; мужчины доили коров с тугими сосками, девушки — тех, с которыми легче было справиться. Мыза была большая. В хозяйстве Крика насчитывалось свыше сотни дойных коров, и хозяин доил собственноручно шесть-восемь из них, за исключением тех дней, когда отлучался с мызы. Выбирал он таких коров, которых особенно трудно было доить: его батраками-поденщиками были зачастую люди, нанятые случайно, и эту подлюжину коров он не доверил бы им, опасаясь, что по небрежности они не выдоят их до конца; девушки же не справились бы с этой работой, так как руки у них были недостаточно сильными,— и в

результате коровы могли «усохнуть», то есть с течением времени у них пропало бы молоко. Потеря была бы нецелика, если бы разок-другой их выдоили бы не до конца, но, чем меньше требовали бы от них молока, тем меньше стали бы они давать его и, наконец, прекратили бы совсем.

Когда Тэсс принялась за работу, болтовня во дворе смолкла на время, и слышалось лишь журчание молока, стекающего в поддонники, да восклицания доильщиков, приказывающих корове повернуться или стоять смирно. Двигались, поднимаясь и опускаясь, только руки доильщиков да коровы помахивали хвостами. Так работали эти люди во дворе среди широкого ровного луга, тянувшегося от края и до края долины, где пейзаж как бы сглажен был из старых пейзажей, давно забытых и, несомненно, резко отличившихся от нынешнего.

— Думается мне, — начал фермер, отходя от коровы, которую он только что выдоил, и направляясь со скамеечкой в одной руке и поддонником в другой к следующей неподатливой корове, — думается мне, что коровы дают сегодня молока меньше, чем обычно. Ей-богу, если Жмурка уже теперь начала удерживать молоко, ее к середине лета и доить не придется.

— А все потому, что пришла новая работница, — сказал Джонатэн Кейл. — Я это уже не раз примечал.

— Верно. Так оно и есть. Я об этом забыл.

— Мне говорили, что молоко им в рога бросается, — вмешалась одна из доильщиц.

— Ну, насчет того, чтобы оно им в рога бросалось, — отозвался фермер недоверчиво, словно признавая, что анатомия может стать предел даже колдовским чарам, — насчет этого я ничего не знаю... да, не знаю. И сомневаюсь, потому что безрогие коровы удерживают молоко так же, как и рогатые. А знаешь ты эту загадку о безрогих коровах, Джонатэн? Почему они дают меньше молока в год, чем рогатые?

— Я не знаю! — перебила доильщица. — Почему?

— А потому что их меньше, чем рогатых! — объявил Крик. — Но что там ни говори, а эти плутовки молоко сегодня удерживают. Придется нам, ребята, затянуть песню, другого лекарства нет.

На зеленых мызах часто прибегали к песню, чтобы подбодрить коров, отказывавшихся давать обычную порцию молока. И, повинаясь требованию, хор доильщиков затянул песню. Правда, они пели без особого воодушевления, а по заказу, по результатам, по их собственному мнению, не оставляли желать лучшего, но мере того как развертывалась песня. Когда они спели четырнадцать — пятнадцать куплетов веселенькой баллады, повествующей об убийце, который боялся ложиться спать в тем-

ноте, потому что чудилось ему вокруг адское пламя,— один из работников сказал:

— Дух перехватывает, когда поешь, согнувшись в три погибели! Вот бы вы принесли свою арфу, сэръ! Хотя в таких случаях скрипка куда лучше.

Тэсс, прислушивавшаяся к разговору, думала, что слова эти обращены к хозяину мызы, но она ошиблась. Реплика «Почему?» донеслась словно из живота бурой коровы в стойле: этот вопрос задал доильщик, которого она еще не заметила.

— Ну да, скрипка лучше всего,— сказал хозяин.— Хотя я думаю, что на быков музыка действует сильнее, чем на коров,— это я сам наблюдал. Жил тут в Мэлстоке один старик, звали его Уильям Дьюн. Он был из той семьи, что занималась в наших краях извозным промыслом; поминишь, Джонатэн? Я, можно сказать, знал его в лицо не хуже, чем родного брата. Ну так вот, возвращается этот человек домой со свадьбы,— он там на скрипке играл,— а ночь светлая, луиная, и, чтобы сократить дорогу, пошел он наперерез по полю, что зовется «Сорок акров», а на это поле выпустили пастись быка. Увидел бык Уильяма, рога опустил к земле и погнался за ним. И хотя Уильям бежал во всю прыть,— да и вынул он не так уж много, если принять в расчет, что был на свадьбе, да еще у людей зажиточных,— но все-таки он видит: не успеть ему добежать до изгороди и перелезть через нее. И вот в последнюю минуту его осенило: вытащил он на бегу свою скрипку, повернулся лицом к быку и, пятясь к изгороди, заиграл джигу. Бык смягчился, стоит смиренно и смотрит в упор на Уильяма Дьюн, а тот знай нажаривает; и тут бык вроде как улыбнулся. Но как только Уильям опустил скрипку и повернулся, чтобы перелезть через изгородь, бык перестал улыбаться и — рога вниз: целится ему в зад. Пришлось Уильяму опять повернуться и — хочешь не хочешь — играть. А было только три часа утра, и он знал, что этой дорогой долго никто не пройдет; он устал и измучился до смерти и не знал, что делать. Пиликал он этак часов до четырех, чувствует, что скоро ему крышка, и говорит себе: «Одна только песенка мне и осталась, а там — поминай как звали! Если меня небеса не спасут — я конченный человек». И тут припомнилось ему, что он своими глазами видел, как в рождественский сочельник всякая скотина преклоняет в полизнь колени. Правда, сейчас был не сочельник, но ему пришло в голову оставить быка в дураках. Вот он и заиграл рождественский гимн, тот самый, что поют под рождество. А тут глядь — бык в неведомом своем преклоняет колени, словно и вправду был сочельник. Как только рога-тый его приятель бухнул на колени, Уильям повернулся, пустился, как гоичая, наутек и перемахнул через изгородь рань-

ше, чем молящийся бык успел встать и погнаться за ним. Уильям после говаривал, что частенько приходилось ему видеть у людей дурацкие рожи, но никогда он не видел такой глупой морды, как у этого быка, когда тот понял, что над его благочестивыми чувствами надругались и сегодня вовсе не сочельник... Да, Уильям Дьен — вот как его звали, и я могу точно указать место на мелетокском кладбище, где он сейчас лежит, — как раз между вторым тисовым деревом и северным приделом.

— Любопытная история. Она возвращает нас в средневековье, когда вера была чем-то живым.

Замечание это, несколько необычное на скотном дворе, сделано было человеком, скрывающимся за бурой коровой; но оно прошло незамеченным, так как никто его не понял, и только рассказчику показалось, будто оно выражает недоверие к его рассказу.

— А все-таки это сущая правда, сэр. Я хорошо знал этого человека.

— О да, я несколько не сомневаюсь, — отозвался голос из-за бурой коровы.

Таким образом, внимание Тэсс было привлечено к собеседнику хозяина, но она почти его не видела, так как он упирался головой в бок коровы. Она не могла понять, почему даже хозяин мызы называет его «сэр». Но найти объяснение было не легко; он долго не отходил от своей коровы, — за это время можно было выдонтить трех, — и изредка слышались невнятные восклицания, словно работа не ладилась.

— Полегоньку, сэр, полегоньку, — сказал хозяин. — Тут не сила пужна, а сноровка.

— Это верно, — отозвался тот, наконец вставая и потягиваясь. — И все-таки я с ней справился, хотя у меня в запяльи пальцы.

Теперь Тэсс увидела его во весь рост. На нем был обыкновенный белый фартук и кожаные гетры, какие надевает фермер во время досния, а башмаки облеплены навозом. Это был лишь рабочий костюм, облакавший человека образованного, сдержанного, задумчивого, непохожего на окружающих.

Но детали эти временно для нее стерлись, когда она обнаружила, что видела его раньше. С тех пор Тэсс пережила столько невзгод, что не сразу могла вспомнить, где его встречала. И вдруг всплыло воспоминание: это был тот самый прохожий, плясавший на клубном празднике в Марлоте, — незнакомец, который явился неведомо откуда, танцевал не с ней, а с другими, пренебрег ею, а потом ушел со своими друзьями.

Поток воспоминаний, ожививших этот эпизод, который предшествовал всем ее напастям, вызвал мимолетную тревогу: что,

если незнакомец в свою очередь ее вспомнит и так или иначе узнает ее историю? Но тревога рассеялась, когда Тэсс убедилась, что он не сохранил никаких воспоминаний. Постепенно она стала замечать, что со времени их первой и единственной встречи выразительное его лицо стало серьезнее, появились холщевые усы и борода; на щеках волосы были светлорусые, на подбородке — темнокаштановые. Под полотняным его фартуком была надета темная вельветовая куртка, штаны из полосатого бумажного бархата, гетры и белая крахмальная рубашка. Не будь на нем костюма доильщика, никто бы не угадал, кто он такой. С одинаковой долей вероятности можно было признать его и за эксцентричного помещика и за джентльмена-земледельца. Что на мызе он был новичком, она догадалась тотчас же, судя по тому, сколько времени он доил одну корову.

Между тем многие доильщики высказали свое мнение о новой работнице: «Какая она миленькая!» — высказали с неподдельным восхищением и великодушием, хотя втайне надеялись, что остальные будут возражать; и, говоря по правде, возражения были бы оправданы, так как эпитет «миленькая» лишь приблизительно определял то, что привлекало внимание к Тэсс. Когда было покончено с вечерним доением, работники побрели в дом, где м-с Крик, жена хозяина, — особа слишком respectable для того, чтобы собственноручно доить коров, и носившая в жаркую погоду теплое шерстяное платье, потому что работницы ходили в ситцевых, — присматривала за хозяйством.

Тэсс узнала, что только две-три девушки, кроме нее, спали на мызе; большинство расходилось по домам. За ужином она не видела доильщика, который высказал свое замечание по поводу рассказа Крика, и не расспрашивала о нем, посвятив конец вечера устройству своего уголка в спальне. Это была большая комната, около тридцати футов в длину, помещавшаяся над молочной; здесь же стояли койки трех других работниц. Эти цветущие молодые девушки были, за исключением одной, старше Тэсс. К вечеру Тэсс так устала, что заснула мгновенно.

Но одной из девушек, занимавшей соседнюю кровать, не спалось, и ей во что бы то ни стало хотелось рассказать Тэсс об их жизни, которую она должна была теперь с ними разделить. Произносимые шепотом слова сливались с тенями, и дремлющей Тэсс чудилось, что порождены они тьмой и парят во тьме.

— Мистер Энджел Клэр — тот, что изучает молочное хозяйство и играет на арфе, — почти не разговаривает с нами. Он сын священника и слишком занят своими мыслями, чтобы обращать внимание на девушек. Сейчас он поступил в учение к хозяину мызы — изучает все отрасли сельского хозяйства. На другой ферме он изучил овцеводство, а здесь учится молочно-

му хозяйству... Да, он настоящий джентльмен. Его отец — священник мистер Клэр из Эмминстера, за много миль отсюда.

— А, я о нем слышала,— сказала одна из проснувшихся товарок. — Кажется, он очень ревностный священник?

— Да, что верно, то верно; самый ревностный во всем Уэссексе. Мне говорили, что он один остался верным Низкой церкви,— в этих краях все принадлежит к Высокой¹. А все его сыновья, кроме нашего мистера Клэра, тоже священники.

В этот поздний час Тэсс не полюбопытствовала спросить, почему м-р Клэр не пошел, по примеру своих братьев, в священники. Она снова заснула, а голос товарки доносился до нее вместе с запахом сыров из смежного чердака и мерным капаньем сыворотки из-под прессов внизу.

XVIII

Энджел Клэр встает из прошлого как образ довольно расплывчатый. Выразительный голос, пристальный взгляд напряженных мечтательных глаз, нервный рот, пожалуй слишком маленький и изящно очерченный для мужчины, но иногда в очертаниях нижней губы намечается какая-то твердая линия, и этого достаточно, чтобы не заподозрить его в нерешительности. Впрочем, что-то мечтательное, сосредоточенное, неопределенное в манерах его и взгляде заставляло предполагать, что у этого человека нет твердой цели или заботы о материальном будущем. Однако, когда он был подростком, о нем говорили, что он может добиться всего, стоит только ему попытаться.

Он был младшим сыном бедного священника, жившего в другом конце графства, а на мызу Тэлботейс приехал на полгода в качестве ученика, после того как побывал на нескольких фермах. Он намеревался изучить на практике все отрасли фермерского хозяйства, чтобы отправиться затем в колонию или арендовать ферму на родине — в зависности от обстоятельств.

Вступая в ряды земледельцев и скотоводов, молодой человек делал шаг неожиданный и для себя и для окружающих.

Мистер Клэр-старший, первая жена которого умерла, оставив ему дочь, под старость женился вторично. Вторая жена несколько неожиданно подарила ему трех сыновей, так что между младшим, Энджелом, и его отцом-священником, казалось, не хватало целого поколения. Из этих трех сыновей один только

¹ В англиканской церкви группировка «Low church» («Низкая церковь») восстает против многих обрядов; «High church» («Высокая церковь») — другая группировка — развивает обрядовую сторону и не столь враждебно относится к католицизму.

Энджел, дитя его старости, не получил высшего образования, хотя только он и подавал с детства надежды, которые вполне оправдали бы его пребывание в университете.

Года за три до появления Энджела на празднике в Марлоте, когда он, окончив школу, продолжал занятия дома, священник получил от местного книгопродавца пакет, адресованный на имя его преподобия Джемса Клэра. Священник, вскрыв пакет, извлек книгу, но, прочтя несколько страниц, векочил со стула и отправился прямо в книжную лавку, держа книгу подмышкой.

— Зачем вы это прислали ко мне на дом? — сурово спросил он, показывая книгу.

— Она была заказана, сэр.

— Я счастлив, что могу ответить: не мною и не моими домочадцами.

Книготорговец заглянул в книгу заказов.

— Ах, ее послали не по тому адресу, сэр, — сказал он. — Она заказана мистером Энджелом Клэром, ему-то и следовало ее послать.

Мистер Клэр вздрогнул, словно его ударили. Домой он вернулся бледный, угнетенный и призвал Энджела к себе в кабинет.

— Загляни-ка в эту книгу, мой мальчик, — сказал он. — Что тебе известно о ней?

— Я ее выписал, — простодушно ответил Энджел.

— Зачем?

— Чтобы прочесть.

— Как тебе могла прийти в голову такая мысль?

— Как? Да ведь это философская система. Вряд ли найдется на книжном рынке более нравственное и даже более религиозное сочинение.

— Да, нравственное — пожалуй; этого я не отрицаю. Но религиозное! И это говоришь ты — человек, намеревающийся стать служителем церкви!

— Раз уж ты затронул этот вопрос, отец, — перебил сын, и на лице его отразилось волнение, — то я хочу сказать раз навсегда, что предпочел бы не идти в священники. Боюсь, что по совести не могу это сделать. Я люблю церковь, как родную мать. Я всегда буду чувствовать теплую привязанность к ней, ее история вызывает у меня глубокое восхищение, но совесть не позволяет мне принять, как это сделали мои братья, духовный сан, пока церковь не желает освободить дух свой от несостоятельного учения об искуплении.

Простодушному и прямолинейному священнику и в голову не приходило, чтобы до этого мог дойти его сын, его плоть и

кровь. Он был ошеломлен, возмущен, он онемел. Если Энджел не намерен стать служителем церкви, то какой смысл посылать его в Кембридж? Для этого человека с твердо установившимся мировоззрением университет, не ведущий к принятию духовного сана, был то же, что предисловие к ненаписанной книге. Он был человек не только религиозный, но и благочестивый, глубоко верующий — не в том смысле, в каком уклончиво толкуют эти слова шарлатаны всякие в церкви и вне ее, но в духе старинном и пламенном, в духе евангельской школы. И этот человек

Был убежден,
Что восемнадцать минуло веков
С тех пор, как в мир
Воистину предвечный...

Отец Энджела прибег к аргументам, уговорам, мольбам.

— Нет, отец, я не могу принять догмат четвертый (не говоря уж обо всех остальных) «в буквальном и грамматическом его смысле», как того требует Декларация¹, и потому не могу быть священником,— сказал Энджел.— В вопросах религии всем существом своим я склоняюсь к «перестройке», или, цитируя тебе любимое послание к евреям, «к изменению колеблюмого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое».

Отец был так удручен, что Энджелу больно было смотреть на него.

— Зачем же мы с матерью будем экономить и во всем себе отказывать, чтобы дать тебе университетское образование, если оно не послужит во славу Божию? — твердил отец.

— Но оно может послужить во славу человека, отец!

Может быть, если бы Энджел настаивал, он, подобно своим братьям, и поспешил бы в Кембридж, но взгляд викария на сей храм науки как на ступень к принятию сана являлся семейной традицией, и так глубоко укоренилась в его мозгу эта мысль, что чувствительному его сыну стало казаться, будто упорство будет сродни намеренно обмануть доверие и обидеть благочестивых домочадцев, которые, как намекнул отец, принуждены были во многом себе отказывать, чтобы выполнить задуманный план — дать одно и то же образование трем молодым людям.

— Я обойдусь без Кембриджа,— сказал Энджел.— Я чувствую, что при данных обстоятельствах не имею права поступать туда.

Результаты этого решающего спора не заставили себя ждать.

¹ Декларация английского парламента, утвердившего в 1571 году тридцать девять пунктов богослужения англиканской церкви.

Время шло, а Энджел без всякой системы переходил от одного занятия к другому, строил планы и размышлял. Он начал проявлять равнодушие к существующему социальному порядку и традициям. В нем развивалось презрение к привилегиям, какие давали общественное положение и богатство. Даже «добрая старая семья» (излюбленное выражение одной почтенной особы, жившей в тех краях) потеряла для него аромат, если среди членов ее не было людей, воодушевленных новыми идеями. Как бы в противовес этим суровым мнениям, он едва не потерял голову, когда поехал в Лондон посмотреть, что представляет собой мир, и чуть было не попал в сети женщины, значительно старше его, но, к счастью, благополучно ускользнул, не слишком пострадав от этого приключения.

Уединенная деревенская жизнь — к ней он с детства привык — породила в нем непобедимое, почти безрассудное отвращение к современной городской жизни и преградила ему путь к успехам, о которых он мог бы мечтать, избрав какую-нибудь светскую профессию, раз духовная была для него закрыта. Но что-то нужно было делать. Один из его знакомых успешно занимался сельским хозяйством в колониях, и Энджелу пришло в голову, что этот путь может оказаться правильным. Сделаться фермером в колониях, в Америке или на родине, но лишь после того, как он пройдет хорошую школу и изучит это дело на практике, — вот профессия, которая, быть может, дарует независимость, не требуя, чтобы он ради нее пожертвовал тем, что ценил выше материальной обеспеченности, — а именно интеллектуальной свободой.

Вот почему мы находим двадцатилетнего Энджела Клэра здесь, в Тэлботейсе, в роли человека, изучающего рогатый скот; и так как поблизости нет домов, где бы он мог устроиться с удобствами, то он живет и столуется у фермера.

Он занимал огромную мансарду, надстроенную над фермерским домом; попасть туда можно было только по приставной лестнице, с чердака для сыров; и долгое время она была закрыта, пока не явился Энджел и не избрал ее своим убежищем. Здесь ему был простор; и когда весь дом укладывался спать, работники частенько слышали, как он шагает взад и вперед. Часть комнаты была отделена занавеской, за которой стояла его кровать, другая была скромно меблирована и служила гостиной.

Сначала он проводил время в мансарде, много читал и перебирал струны старой арфы, купленной на аукционе. Когда он бывал в дурином настроении, он говорил, что, быть может, ему еще придется зарабатывать на хлеб насущный в качестве уличного музыканта. Но вскоре он предпочел книгам людей и стал

завтракать и обедать внизу, в общей столовой-кухне, вместе с фермером, его женой и работниками. Компания была веселая, так как большинство столовалось у фермера, хотя почевали на ферме немногие. Мало-помалу Клар стал привыкать к этим людям и радоваться тому, что живет с ними в одном доме.

К великому его удивлению, общество это начало доставлять ему неподдельное удовольствие. Традиционные работники, созданные его воображением и воплотившиеся в жалком болване Ходже¹, были через несколько дней преданы забвению. При ближайшем рассмотрении оказалось, что Ходжа не существует. Правда, вначале, когда еще свежо было воспоминание о совсем ином обществе, эти новые приятели, с которыми водился теперь Клар, производили на него довольно странное впечатление, и быть на равной ноге с домочадцами фермера казалось чем-то унижающим. Их взгляды, обычаи, интересы представлялись ему отсталыми и бессмысленными. Но, живя с ними изо дня в день, Клар — зоркий наблюдатель — увидел их в ином свете. Никакой реальной перемены не произошло, но однообразие уступило место разнообразию. Хозяин и его домочадцы, его работники и доярки, по мере того как Клар узнавал их ближе, стали дифференцироваться, словно происходил какой-то химический процесс. Тогда он понял мысль Паскаля: «*A mesure qu'on a plus d'esprit, on trouve qu'il y a plus d'hommes originaux. Les gens du commun ne trouvent pas de différence entre les hommes*»². Ходж, как тип, всегда неизменный, перестал существовать. Он распался на множество различных людей-собратьев, на многих индивидуумов, мыслящих каждый по-своему, непохожих друг на друга; иные были счастливы, многие беспечны, кое-кто угнетен, встречались люди чуть ли не гениальные, встречались тупые, развратные или высокопоставленные; один был Мильтоном, лишенным дара речи, другой — Кромвелем в потенции; каждый имел о другом определенное мнение, подобно тому, как Энджел составлял себе мнение о своих друзьях; эти люди хвалили либо осуждали друг друга, забавлялись либо печалились, наблюдая чужие слабости и пороки; и каждый по-своему шел своей стезей, ведущей к смерти.

Неожиданно начал он находить прелесть в жизни на чистом воздухе ради нее самой и ради того, что давала она ему, независимо от ее влияния на избранную им карьеру. Чудесным образом — если принять во внимание его положение — он избавился от той хронической меланхолии, которая завладевает цивили-

¹ Ходж — пренебрежительная кличка английского батрака.

² Чем больше умисешь, тем больше находишь оригинальных людей. Человек заурядный не замечает различия в людях (франц.).

лизованными народами, по мере того, как они утрачивают веру в благодетельную силу. Впервые за последние годы он получил возможность читать книги, которые его интересовали, не забываясь о том, чтобы начинать себя сведениями, необходимыми для какой-либо профессии, а руководства по сельскому хозяйству, с какими он считал нужным ознакомиться, отнимали мало времени.

Он отошел от прежнего мирозерцания и увидел нечто новое в жизни и человеке. И к тому же он близко познакомился с теми явлениями, о каких имел до сей поры лишь смутное представление, — познал настроение времен года, утра и вечера, ночи и полудня, изменчивый нрав ветра, познал деревья, воды и туманы, тени и молчание, болотные огоньки, созвездия и голоса неодушевленных предметов.

По утрам бывало еще свежо, и в большой комнате, где все завтракали, радовал огонь, пылавший в очаге. Энджел Клэр, по распоряжению м-с Крик, твердившей, что он санником благородного происхождения, чтобы сидеть с ними за одним столом, завтракал обычно в углу возле очага, а его чашка с блюдцем и тарелка стояли на полочке, прибитой к стене. Из высокого и широкого окна напротив падал свет в его уголок, освещенный также холодным синеватым пламенем очага; здесь он мог читать, если ему хотелось. Между Клэром и окном находился стол, за которым завтракали его товарищи, и жующие их профили резко вырисовывались на фоне оконного стекла. Сзади была дверь, ведущая в молочную, и видны были ряды прямоугольных жбанов, наполненных до краев утренним молоком. В дальнем конце вращалась гигантская маслобойка и слышался стук; ее приводила в движение ленивая лошадь, которую можно было видеть в окно: она ходила по кругу, погоняемая мальчиком.

Первые дни по приезде Тэсс Клэр, просматривая какую-нибудь книгу, журнал или ноты, только что полученные по почте, вряд ли замечал ее присутствие за столом. Говорила она так мало, а ее товарки так много, что в их болтовне он не расслышал новой нотки; вдобавок он имел обыкновенно пренебрегать деталями картины ради общего впечатления. Но однажды, изучая партитуру и мысленно воспроизводя мелодию, он вдруг отвлекся, и ноты скатились к очагу. Он посмотрел на горевшие поленья; одинокий язык пламени отплясывал пляску смерти, так как с утренней стряпней было уже покончено, и Клэру казалось, что пламя танцует джигу под аккомпанемент мелодии, ввучавшей в его ушах. Посмотрел он и на два крюка, свешивавшихся над очагом с поперечного бруса и покрытых хлопья-

ми сажу, которые вздрагивали в такт музыке, посмотрел на котелок, пустой до половины и жалобно подпевавший ему в тон. Разговор за столом также сливался с этим фантастическим оркестром, и у Клэра мелькнула мысль: «Какой певучий голос у одной из работниц! Кажется, это новенькая».

Клэр повернулся и взглянул на нее, сидевшую вместе с остальными.

Она не смотрела в его сторону. Он так долго молчал, что о присутствии его в сущности почти забыли.

— О привидениях я ничего не знаю,— говорила она,— но знаю, что душа может выйти из тела еще при нашей жизни.

Хозяин с набитым ртом повернулся к ней и смотрел на нее серьезно и вопросительно, а огромные его нож и вилка (завтрак здесь был не шуточным) торчали перпендикулярно к столу, словно недостроенная вилка.

— Да ну? Как же это так, милая? — спросил он.

— Это очень легко почувствовать,— продолжала Тэсс,— нужно лечь ночью на траву и смотреть прямо в небо, на какую-нибудь большую яркую звезду и думать о ней все время,— и тогда почувствуешь, что находишься за сотни миль от своего тела и оно тебе как будто совсем не чуждо.

Хозяин мызы, в упор смотревший на Тэсс, перевел взгляд на свою сунругу.

— Чудное дело, а, Христина? И подумать только, сколько миль я отмахал по ночам за последние тридцать лет, еще когда за тебя сватался, или торговать ходил, или за доктором да за пьянкой бегал,— и до сей поры даже не подозревал о такой штуке. И не разу не почувял, чтобы моя душа хоть на дюйм вылезла из воротничка.

Чувствуя на себе взгляды всех присутствующих, не исключая и хозяйского ученика, Тэсс вспыхнула и, сказав небрежно, что это только ее фантазия, снова принялась за еду.

Клэр продолжал наблюдать за ней. Она покончила с завтраком и, сознавая, что Клэр на нее смотрит, начала чертить указательным пальцем какие-то узоры на скатерти, смущаясь, словно домашнее животное, которое чувствует на себе пристальный взгляд.

— Какое чистое и невинное дитя природы — эта девушка! — подумал Клэр.

И тогда ему почудилось в ней что-то знакомое, что-то унесшее его назад, в радостное и беззаботное прошлое, когда необходимость мыслить самостоятельно еще не затянула небограда серой дымкой. Он пришел к заключению, что видел ее раньше: где — он не мог припомнить; должно быть, встретил случайно, скитаясь по деревьям, но этот вопрос не особенно его

интересовал. Однако этого было достаточно, чтобы он начал отдавать предпочтение Тэсс перед другими хорошенькими работницами, когда ему хотелось остановить взгляд на женщине.

XIX

Обычно коров доили всех подряд, не делая выбора. Но иные коровы отдают предпочтение какой-нибудь паре рук, а иногда пристрастие их доходит до того, что они не подпускают к себе никого, кроме своего любимца, и бесцеремонно опрокидывают подойник.

Фермер Крик поставил себе за правило бороться с этими симпатиями и антипатиями, постоянно перемещая коров, — так как очутился бы в затруднительном положении в случае ухода кого-нибудь из доильщиков. Но девушки исподтишка стремились к тому, чтобы нарушить это правило, и каждая доильница выбирала восемь — десять коров, к которым уже привыкла, благодаря чему легко могла их выдоть, не затрачивая сил.

Тэсс, как и ее товарки, быстро обнаружила, какие коровы оказывают предпочтение ее манере доения, и охотно выбирала их, так как за последние два-три года частенько сидела безвыходно дома и руки ее стали нежными. Из ста пяти коров восемь — Толстушка, Причудница, Гордячка, Дымок, Старая Красотка, Молодая Красотка, Опрятная и Горластая — отдавали ей свое молоко с такой готовностью, что Тэсс достаточно было прикоснуться пальцами к вымени, хотя у одной или двух сосцы были твердые, как морковь. Зная, однако, желание хозяина, она добросовестно старалась доить без разбора всех, кроме самых неподатливых, с которыми еще не могла справиться.

Но вскоре она заметила, что порядок, в каком располагаются коровы, странным образом совпадает с ее желаниями, и, наконец, пришла к определенному выводу: это не могло быть делом случая. Последнее время хозяйский ученик помогал выстраивать в ряд коров, и на пятый или шестой раз Тэсс, усевшись возле коровы, повернулась и посмотрела на него лукаво и возрительно.

— Мистер Клэр, вы неспроста расставили так коров! — сказала она краснея.

Когда она выступила с этим обвинением, тень улыбки пробежала по ее лицу и, помимо ее воли, верхняя губа слегка приподнялась, приоткрыв кончики зубов, а нижняя осталась суровой и неподвижной.

— Это не имеет никакого значения, — ответил он. — Вы ведь отсюда не уйдете и всегда будете их доить.

— Вы так думаете! Я *надеюсь* здесь остаться. Но я ничего не знаю.

Потом она рассердилась на себя: не зная, что у нее были серьезные основания искать этой уединенной жизни, он мог неправильно истолковать ее слова. Она говорила с таким жаром, словно ее желание остаться на ферме вызвано отчасти и его присутствием здесь. Ее недовольство собой было столь велико, что в сумерках, когда покончено было с доением, она одна ушла в сад и продолжала сетовать, зачем дала она ему понять, что его заботливость не прошла незамеченной.

Был летний июньский вечер, и в воздухе ощущалось такое тонкое равновесие и казался он таким прозрачным, что неодушевленные предметы словно наделены были двумя или тремя, если не пятью, чувствами. Разница между близким и дальним стиралась, близким было все в пределах горизонта. Тишина казалась не простым отрицанием шума, но какой-то субстанцией. Ее нарушили звуки арфы.

Тэсс и раньше слышала эти звуки в мансарде, над своей головой. Неясные, приглушенные, сдавленные стенами, они никогда не производили на нее такого впечатления, как теперь, когда парили чистые, словно нагие, в неподвижном воздухе. В сущности и инструмент и исполнение были плохи; но все в мире относительно. — и Тэсс, словно зачарованная птица, слушала и не могла насытиться. Вместо того чтобы уйти, она подошла ближе к музыканту, пригасив от него за изгородью.

Дальний конец сада, где находилась Тэсс, оставался запущенным в течение последних лет; здесь было сыро от густо разросшейся сочной травы, над которой от малейшего прикосновения вздымалась облачка пылицы. Цвели высокие сорные травы, распространяя резкий аромат, и эти красные, желтые и пурпурные цветы являли такую же яркую красочную гамму, как цветы садовые. Тэсс кралась, как кошка, в этих зарослях, давя слизняков, попадавших под ноги, пятая пальцы соком чертополоха и слизью улиток, стирая обнаженными руками липкую плесень с древесных стволов — белоснежную на яблонях, но оставлявшую яркокрасные пятна на коже. Наконец, незамеченная Кэрол, она подошла совсем близко к нему.

Тэсс потеряла представление о времени и пространстве. Тот экстаз, какой, по ее словам, можно было вызвать, глядя пристально на звезду, овладел ею теперь помимо ее воли. Тихие звуки старой арфы баюкали ее, как волны, и мелодия, пронизывая ее, словно ветерок, вызывала на глазах слезы. Носившаяся в воздухе цветочная пыльца, казалось, была звуками, доступными зрению, а сырость в саду — слезами чутких растений. Хотя надвинулись сумерки, резко нахнувшие цветы слов-

но пламенели в напряженном внимании, не смыкая своих лепестков, и волны красок сливались с волнами звуков.

Лучи света, еще не угасшего, вырывались из широкой дыры в западной гряде облаков, и казалось, там случайно остался осколок дня, когда вокруг уже спустились сумерки. Клэр закончил жалобную мелодию, очень простую и не требующую большого искусства; а она ждала, надеясь, что он сыграет еще что-нибудь. Но ему надоело играть, и, рассеянно обогнув изгородь, он побрел по саду. Тэсс с раскрасневшимися щеками попыталась ускользнуть бесшумно, словно тень.

Однако Энджел увидел ее светлое летнее платье и окликнул ее; она услышала его тихий голос, хотя он был еще довольно далеко.

— Почему вы убегаете, Тэсс? — спросил он. — Бойтесь?

— О нет, сэр... здесь, на вольном воздухе, мне нечего бояться, в особенности теперь, когда цвет яблони осыпается и все так зелено.

— Но вам знакомы иные страхи, да?

— Да, пожалуй, сэр.

— Чего же вы бойтесь?

— Я не знаю, как объяснить.

— Бойтесь, как бы молоко не свернулось?

— Нет.

— Жизнь вас пугает?

— Да, сэр.

— Ах, и меня также, очень часто. Нести бремя жизни — нешуточное дело, не правда ли?

— Да, вы это верно сказали, сэр.

— И все-таки я не ожидал, чтобы такая молоденькая девушка, как вы, могла так думать. Как это случилось?

Она замялась и промолчала.

— Скажите мне откровенно, Тэсс.

Она подумала, что ему хочется знать, каким представляется ей мир, и ответила робко:

— Деревья смотрят пылливо, правда? То есть кажется, будто они так смотрят. А река говорит: «Зачем тревожишь меня своим взором?» И кажется, будто множество дней — завтрашних — выстроились в ряд; и первое завтра — самое большое и ясно видимое, а следующие делаются все меньше и меньше, чем дальше они от нас; и все они грозные и жестокие и словно говорят: «Я иду! Берегись меня! Берегись!..» Но вы своей музыкой, сэр, можете будить мечты и прогоняете эти страшные мысли!

Он был удивлен: как могла эта молодая девушка, простая доильница, в которой было, правда, что-то возбуждавшее за-

висть товаров, — как могла она вызывать такие печальные образы? В бесхитростных фразах выражала она, — обученная в шестиклассной школе не прошло даром, — чувства, какие, пожалуй, являлись чувствами века — болезнью модернизма. Это наблюдение показалось ему менее удивительным, когда он сообразил, что в сущности так называемые передовые идеи в современной форме определяют, более точно выражают при помощи слов, оканчивающихся на «логия» и «изм», те чувства, какие смутно волновали человечество в течение веков.

Но странно было, что они возникли у нее, такой молодой, более, чем странно; это производило впечатление, вызывало интерес, казалось трогательным. Не догадываясь о причине, он вспомнил о том, что значение имеет не длительность, а интенсивность пережитого испытания. Через испытание пришла она к духовной зрелости.

Еще в свою очередь не могла понять, почему человек, происходивший из семьи священника, получивший хорошее образование и не знавший материальной нужды, почему он считал жизнь бременем?.. У нее, несчастной паломницы, были для этого серьезные основания. Но как мог этот незаурядный, поэтически настроенный человек, который никогда не спускался в Долину Унижения, как мог он разделять чувства жителя Уца¹, — те чувства, какие испытывала она сама два-три года тому назад? «Душа моя желает лучше прекращения дыхания, лучше смерти, нежели сбережения костей моих. Опротивела мне жизнь. Не вечно жить мне».

Правда, теперь он оторвался от своего класса, но она знала, чем это объясняется: подобно Петру Великому на корабельной верфи, он изучал то, что хотел знать. Коров он доил не потому, что вынужден был это делать, — нет, он хотел пройти школу, чтобы стать преуспевающим хозяином мызы, землевладельцем, агрономом и скотоводом. Из него выйдет американский или австралийский Авраам, повелевающий, подобно монарху, своими стадами, — пятнистыми и полосатыми, своими слугами и служаками. Но иногда ей казалось непонятным, как мог этот начитанный, любящий музыку и мыслящий молодой человек добровольно избрать занятие фермера, а не священника, подобно своему отцу и братьям.

Так как ни он, ни она не имели ключа к тайне другого, то оба оставаясь в недоумении перед своими открытиями и, не пытаясь заглянуть в прошлое, ждали, надеясь узнать новые черты характера и настроения друг друга.

¹ Цов (Библия, книга Иова).

Каждый день, каждый час открывал ему какую-нибудь новую ее черту, и такие же открытия делала она. Тэсс старалась себя обуздывать, но не подозревала, сколько было в ней жизненной силы.

Казалось, сначала Тэсс интересовалась только умом Эндже-ла Клэра, не замечая в нем мужчины. Она сравнивала его с собой, и каждый раз, обнаруживая глубину его познаний и пропасть, какая отделяла ее, Тэсс, достигшую невысокого уровня духовного развития, от него, поднявшегося на неизмеримую высоту, словно на вершины Анд, она впадала в уныние, считая, что все ее усилия ни к чему не приведут.

Как-то он заговорил с ней о пастушеской жизни в древней Греции и заметил, что она грустна. Тэсс в это время собирала бутоны цветов, которые называются «лорды» и «леди».

— Почему вы вдруг приуныли? — спросил он.

— О, это пустяки... я подумала о себе, — грустно усмехнувшись, сказала она и начала нервно обрывать лепестки «леди». — Подумала о том, какой могла бы я быть! Мне кажется, я загубила свою жизнь, потому что никогда не представлялось мне случая что-то сделать. Когда я вижу, как много вы знаете, сколько прочли, сколько видели и передумали, я чувствую, какое я ничтожество! Я похожа на бедную царицу Савскую из библии! И нет у меня больше бодрости.

— Право же, не стоит так огорчаться! И знаете, милая моя Тэсс, — заговорил он, воодушевляясь, — я рад был бы помочь вам — обучить вас истории или дать книги, которые вы хотели бы прочесть...

— Опять «леди», — перебила она, показывая бутон, который ощипывала.

— Что?

— Я хотела сказать, что, когда начинаешь обрывать лепестки, всегда оказывается больше «леди», чем «лордов».

— Бросьте «лордов» и «леди». Хотели бы вы чем-нибудь заняться? Например, историей?

— Иногда мне кажется, что я не хочу знать больше того, что уже знаю.

— Почему?

— Что толку, если я узнаю, что таких, как я, очень много и в какой-нибудь старой книге описан человек точь-в-точь такой же, как и я, а мне предстоит повторить то, что он делал? От этого мне только грустно станет. Лучше не вспоминать, что ты со своим прошлым ничем не отличаешься от многих тысяч людей, а будущая твоя жизнь и поступки такие же, как у них.

— Так, значит, вы ничему не хотите учиться?

— Пожалуй, мне хотелось бы узнать, почему... почему...

солнце светит равно и добрым и злым, — ответила она, и голос ее дрогнул. — Но этого мне не скажут книги.

— Тэсс, как можете вы говорить с такой горечью?

Конечно, возражая ей, он руководствовался условным пред-
ставленным о долге, ибо в былые дни у него самого возникали
такие же мысли. Глядя на невинный рот Тэсс, он решил, что
эта дочь природы повторяет слова, не понимая их значения. Она
продолжала обрывать лепестки «лордов» и «ледя», а Клэр,
бросив взгляд на ее загнутые ресницы, медленно отошел. Она
стояла, задумчиво облизывая последний бутон, потом очулась
от грез и нетерпеливо бросила на землю всех этих цветочных
аристократов, негодуя на себя за свою глупую болтовню. А в
глубине ее сердца разгоралось пламя.

Какой глупой должен он считать ее! Мечтая заслужить доб-
рое его мнение, она вспомнила то, о чем последнее время стар-
ралась забыть, — так неприятны были последствия, — вспомнила
о прохождении своем из рыцарского рода д'Эрбервиллей. Для
нее это открытие было не только бесполезно, но и губельно, но,
быть может, м-р Клэр, джентльмен и знаток истории, проник-
нется к ней уважением и забудет о ребяческой ее игре с «лор-
дами» и «ледя», если узнает, что эти статуи из пурбекского
мрамора и алебастра в киргбирской церкви изображают под-
линных ее предков по прямой линии, что она — не самозванка,
как те, тринадцатые д'Эрбервилли, отданные во власть день-
гам и тшеславия, но настоящая д'Эрбервилль по крови.

Однако, не решаясь сделать это признание, Тэсс осторожно
выведала у владельца мызы, какое впечатление может произ-
вести оно на м-ра Клэра. Она спросила: питает ли м-р Клэр
уважение к древним родам графства, если их представители
лишились всех богатств и земель?

— Мистер Клэр, — решительно объявил фермер, — занятый
буитарь, второго такого и не сыщешь; он ни капельки не похож
на свое родно. А больше всего на свете он ненавидит так на-
зываемые старинные фамилии. По его слогам, всякому должно
быть ясно, что старинные фамилии сделали свое дело в прош-
лом, и теперь в них никакой зарядки не осталось. Было время,
когда Биалеты, Дренкхарды, Грен, Сен-Кэнтэны, Гарди и Гоул-
ды владели огромными поместьями в этой долине, ну а нынче
ничего у них нет. Да вот взять хотя бы нашу маленькую Рэгги
Придл: она из рода Пэриделлей — из древнего рода, владевшего
тогда-то землями у Кинге-Хингока, которые принадлежат
теперь графу Уэссекскому, а в те времена о нем и его родичах
никто и не слышал. Мистер Клэр об этом узнал и несколько
дней разговаривал с бедняжкой очень презрительно. «Ах, го-
ворит, никогда из вас не выйдет хорошей доильницы! Ваши

предки всю свою силу порастратили в Палестине много веков назад, и теперь вам нужно тысячу лет ждать и набираться сил для новых дел!» Пришел как-то к нам парнишка просить работы и говорит, что его зовут Мэт. Мы спрашиваем, как его фамилия, а он отвечает, что никогда не слыхивал, чтобы у него была фамилия. Мы удивились: как же это так? А он объясняет: должно быть, мол, родные его не так давно обосновались здесь. «А, вас-то мне и нужно! — говорит мистер Клэр, вскакивает и пожимает ему руку. — Я на вас возлагаю большие надежды!» И дал ему полкроны. Да, старинных фамилий мистер Клэр не переваривает!

Вслушав это карикатурное изложение взглядов Клэра, бедная Тэсс пораздовалась, что ни одного лишнего слова не сказала в минуту слабости, хотя ее род был очень древний и, пожалуй, успел за это время не только прийти в упадок, но и набраться новых сил. Вдобавок еще одна доильница как будто могла соперничать с ней в этом отношении! Тэсс держала язык за зубами, не заикаясь о склепе д'Эрбервиллей и о рыцаре Вильгельма Завоевателя, чье имя она носила. Познакомившись с точкой зрения Клэра, она поняла, что интерес его к ней вызван ее происхождением — происхождением из семьи, не растратившей своих сил и чуждой каких бы то ни было традиций.

XX

Созревало лето. Цветы, листья, соловьи, зяблики, дрозды разместились там, где всего год назад обитали другие недолговечные создания, а они были еще зародышами или частицами неорганического мира. Под лучами солнца наливались почки, вытягивались стебли, бесшумными потоками поднимался сок в деревьях, раскрывались лепестки и невидимыми водопадами и струйками растекались ароматы.

Домочадцы Крика, работники и работницы жили беспечально, мирно, даже весело. Пожалуй, социальное их положение было самым счастливым, ибо они находились выше черты, у которой кончается нужда, и ниже той, где *условности* начинают сковывать естественные чувства, а погоня за пошловатой модой мешает довольствоваться самым необходимым.

Миновали те дни, когда листья особенно обильна и кажется, будто природа преследует одну цель — выращивать растения. Тэсс и Клэр бессознательно изучали друг друга, неизменно балансируя на грани страсти, но, по-видимому, не переступая ее. И, подчиняясь непреложному закону, стремился к одной и той же точке, подобно двум ручьям, текущим в одной долине.

Никогда Тэсс не была так счастлива, как теперь, и, быть

может, ей было не суждено еще раз пережить такие же счастливые дни. В этой новой обстановке она чувствовала себя и физически и духовно на своем месте. Молодое деревце, пустившее корни в ядовитую почву, где упало семя, было пересажено на участок с более плодородной почвой. Кроме того, и она и Клэр до сих пор еще занимали позицию между простым влечением и любовью; здесь не было места глубоким чувствам, не было рефлексии с ее надоедливymi вопросами: «Куда увлекает меня этот новый поток? Какое значение имеет он для моего будущего? В какой связи находится он с моим прошлым?»

Для Энджела Клэра Тэсс в данный момент была лишь случайным явлением, розовой теплой тенью, которая теперь только завладела настойчиво его сознанием. И он разрешил себе думать о ней, полагая, что интерес его является не больше чем интересом философа, созерцающего крайне оригинальную и самобытную представительницу женского пола.

Встречались они постоянно, иначе и быть не могло. Встречались ежедневно в странный и торжественный предутренний час, в лиловых или розовых лучах рассвета, — ибо здесь нужно было вставать рано, очень рано. Коров доили ни свет ни заря, а перед этим, в начале четвертого, снимали сливки с молока. Обычно тот, кто первым просыпался от звона будильника, должен был будить остальных. Тэсс поступила на мизу последней, и вскоре обнаружилось, что на нее можно положиться: она не проспит, как это случалось с другими, — вот почему эта обязанность часто выпадала на ее долю. Как только часы с шипением отбивали три удара, она выходила из своей комнаты и бежала к двери хозяина, затем поднималась по лестнице на мезонин к Энджелу и окликала его громким шепотом, после чего будила своих подруг. К тому времени как Тэсс успевала одеться, Клэр уже спускался вниз и выходил на влажный воздух. Остальные работницы и хозяин мизы предпочитали поваляться в постели и появлялись через четверть часа.

Серые полутона рассвета не похожи на серые вечерние сумерки, хотя краски как будто одни и те же. С восходом солнца свет кажется активным, а тьма пассивна, тогда как вечером активен нарастающий мрак, а свет дремотно пассивен.

Часто — и не всегда, быть может, случайно — эти двое просыпались первыми на ферме; и им казалось, что во всем мире они первые пробуждались от сна. В начале своего пребывания на мизе Тэсс, одевшись, не снимала сливок с молока и тотчас же выходила на двор, где Клэр обычно ее поджидал. Открытый луг залит был призрачным водянистым светом, который внушал им чувство оторванности от всех, словно они были Адамом и Евой. В этом тусклом свете зарождающегося дня Тэсс казалась

Клэру существом совершенным и духовно и физически, наделенным чуть ли не царственным могуществом,— быть может потому, что в пределах его кругозора вряд ли хоть одна женщина, столь же одаренная, как Тэсс, выходила из дому в такую раннюю пору; да и во всей Англии мало нашлось бы таких женщин. Красивые женщины обычно спят в летнюю утреннюю пору. Тэсс была подле него, а остальные не существовали.

Рассеянный странный свет, который окутывал их, когда брели они вместе к тому месту, где лежали коровы, часто заставлял его думать о часе воскресенья. Ему и в голову не приходило, что подле него, быть может, идет Магдалина. Местность была окутана серыми тенями, и лицо его спутницы, притягивавшее его взгляд, поднималось над туманной мглой, словно светясь фосфорическим светом. Она казалась призрачной, как бы бесплотным духом, выпущенным на волю,— в действительности же на ее лицо падали с северо-востока холодные лучи загорающегося дня. Его лицо казалось ей тоже призрачным, хотя он этого не подозревал.

И в этот час, как было уже сказано, она производила на него самое глубокое впечатление. Больше не была она донышней, но воплощением женственности. Полушутя называл он ее Артемидой, Деметрой и другими причудливыми именами, которые ей не нравились, потому что она их не понимала.

— Зовите меня Тэсс, — говорила она нерешительно; и он повиновался.

Светало, и тогда она снова превращалась в женщину; лицо богини, которая может даровать блаженство, становилось лицом женщины, блаженства жаждущей.

В эти часы, когда люди еще спят, им случалось подходить совсем близко к водяным птицам. Из зарослей на границе луга, куда они ходили гулять, вылетали цапли, поднимая оглушительный шум, который напоминал стук распахивающихся дверей и ставней, либо, застигнутые врасплох, смело оставались стоять в воде и, следя за проходившей парой, медленно и бесстрастно поворачивали головы, словно марионетки, приводимые в движение часовым механизмом.

Они видели легкий летний туман, тянувшийся пластами — пушистыми, ровными и тонкими, как покрывало, — туман, расстилавшийся над лугами. На траве, серой от росы, виднелись островки там, где ночью лежали коровы, — темнозеленые сухие островки величиной с тушу коровы, разбросанные в океане росы. От каждого островка вилась тропинка, по которой прошла корова, покинув место ночлега, — и они находили ее в конце тропы. Узнав их, корова сопела, и в тумане клубилось от ее ды-

хания облачко пара у ноздрей. Тогда гнали они коров на мызу, а иногда дошли их тут же.

Случалось, что летний туман сгущался, и луга походили на белое море, над которым, словно грозные скалы, поднимались отдельные деревья. Птицы взмывали над ним, вырываясь к свету, и парили в воздухе, греясь на солнце, либо садились на мокрые, сверкавшие, как стеклянные прутья, перекладины изгородей, пересекавшей луг. Туман оседал крохотными алмазами на ресницы Тэсс и мелким жемчугом осыпал ее волосы. Когда разгорался день, яркий и банальный, роса испарялась, Тэсс теряла свою странную и эфирную прелесть, ее зубы и глаза блестели в лучах солнца, и снова она была лишь ослепительно красивой дольщицей, у которой могли быть соперницами другие женщины.

В это время раздавался голос фермера Крика, который респектал за поздний приход работниц, живших не на мызе, и бранил старую Дебору Файэндер за то, что та не моет рук.

— Ради бога, Деб, подставь руки под насос! Клянусь бессмертной душой, если б лондонцы знали, какая ты грязнуха, они бы покупали масла и молока еще меньше, чем теперь, а это дело не шуточное!

Дошли коров, а затем Тэсс, Клэр и все остальные слышали, как м-с Крик отодвигает в кухне тяжелый стол от стены,— эта процедура неизменно предшествовала каждой трапезе; после завтрака раздавался снова тот же отчаянный скрип, когда стол водворяли на прежнее место.

XXI

Однажды после завтрака в молочной поднялась суматоха. Маслобойка вращалась, как всегда, но масло не сбивалось. Всякий раз, как это случалось, все были словно парализованы. В огромном цилиндре плескалось молоко, но не слышно было того звука, которого ждали все.

Фермер Крик и его жена, дольщицы Тэсс, Мэриэн, Рэтти Придл, Изз Хьюэт и замужние женщины из коттеджей, а также м-р Клэр, Джонатэн Кейл, старая Дебора и все остальные стояли, беспомощно созерцая маслобойку, а мальчишка, погонявший во дворе лошадей, таращил глаза, показывая, что оценивает создавшееся положение. Даже меланхолическая лошадь, завершая круг, казалось, поглядывала в окно вопросительно и грустно.

— Много лет не бывал я у сына знахаря Трэндла в Эгдоне, много лет,— с горечью сказал Крик.— Далеко ему до отца! И раз пятьдесят я говорил, что в него не верю. Да, не верю. А все-та-

ки придется пойти к нему, если он еще не помер. Да, придется пойти, если дело не наладится.

Даже м-р Клэр приуныл, видя отчаяние хозяина.

— Когда я еще был мальчишкой,—сказал Джонатэн Кейл,—знахарь Фолл — тот, что живет по ту сторону Кэстербриджа,—слыл мастером. Ну, да теперь он рассыпается, как гнилое дерево.

— Мой дед ходил, бывало, к знахарю Минтерну в Олскомб. Умный был человек, как говаривал дед,—продолжал м-р Крик.— Но нынче толковых людей не сыщешь.

Миссис Крик держалась ближе к делу.

— Уж не влюблен ли у нас тут кто-нибудь на мызе? — предположила она.— В молодости я слыхала, что масло от этого не сбивается. Помнишь, Крик, много лет назад служила у нас одна девушка... и масло-то ведь тогда не сбивалось...

— Да, да! Но это не так. Любовь тут была ни при чем. Помню прекрасно: маслобойка тогда испортилась.

Он повернулся к Клэру:

— Был у нас работник Джек Доллоп, сэр, разбитной парень; ухаживал за молодой девушкой из Мэлстока и обманул ее, как обманывал многих. Ну, да на этот раз пришлось ему столкнуться с женщиной совсем другого сорта, а не с обманутой девушкой. В святой четверг собрались мы все здесь — вот так же, как и теперь, только масла в тот день не сбивали, — и видим: подходит к дому мать этой девушки и держит в руке громадный зонт, оправленный медью, которым быка можно с ног свалить,—идет и спрашивает: «Здесь работает Джек Доллоп? Он мне нужен. Хочу с ним посчитаться». А следом за матерью идет девушка, обманутая Джеком, и плачет горькими слезами, уткнувшись в платок. Джек посмотрел в окно и говорит: «О господи! Вот беда! Она меня убьет! Куда мне деваться, куда мне?.. Не говорите ей, где я!» И с этими словами залез в маслобойку и крышку прикрыл изнутри. А тут уж мать девушки ворвалась в молочную. «Негодяй! Где он? — кричит. — Я ему морду расцарапаю, вот только бы мне его поймать!» Искала она повсюду, ругала Джека и так и этак; тот лежит и чуть не задыхается в маслобойке, а бедная девушка, или — вернее будет сказать — молодая женщина, стоит у двери и плачет навзрыд. Никогда я этого не забуду, никогда! Камень и тот бы расстаял. А она не могла его отыскать.

Хозяин мызы умолк, а слушатели обменялись кое-какими замечаниями.

Рассказы м-ра Крика отличались одним любопытным свойством: казалось, они уже доведены до конца, тогда как в действительности дело обстояло иначе, и введенные в заблужде-

ние слушатели частенько вступали не вовремя со своими замечаниями, но старые друзья не попадались на эту удочку.

Рассказчик продолжал:

— Понять не могу, как старуха догадалась, но в конце концов она пронюхала, что он сидит в маслобойке. Не говоря ни слова, она схватилась за ручку, — а маслобойку тогда приводили в движение рукой, — и давай крутить, а Джек болтается там, внутри. «О господи! Остановите маслобойку! — закричал он, высунув голову. — Выпустите! всю душу из меня вытрясли!» Был он трусоват, как и полагается такому парню. «Э, нет, не вышущу, пока ты не заплатишь за то, что погубил ее!» — закричала старуха. «Останови маслобойку, старая ведьма!» — завизжал он. «Ах ты обманщик! Называешь меня старой ведьмой, хотя вот уж пять месяцев, как следовало бы тебе величать меня тещей!» И пошла крутить, а у Джека кости трещат. Никто из нас не посмел вмешаться, и он, наконец, обещал загладить грех. «Да, говорит, слово свое я сдержу». Тем дело и кончилось.

Слушатели усмехались и комментировали рассказ, как вдруг сзади послышался шорох; все оглянулись. Тэсс, побледнев, направилась к двери.

— Какая жара сегодня! — чуть слышно проговорила она.

Действительно, день был жаркий, и никому не пришло в голову, что бледность ее вызвана воспоминаниями хозяина. Он шагнул вперед, распахнул перед ней дверь и сказал с ласковой насмешкой:

— Что ж это ты, девчурка? (Часто с бессознательной прощией называл он ее девчуркой). Самая хорошенькая молочница на моей мызе и вдруг раскисла, чуть только настала жара. Как же мы без тебя обойдемся в середине лета? А, что скажете, мистер Клэр?

— Мне душно... я... я лучше выйду на воздух, — пролепетала она и скрылась за дверью.

На ее счастье, в эту самую минуту плеск молока во вращающейся маслобойке смешался чмоканьем.

— Прощо! — воскликнула м-с Крик, и на Тэсс перестали обращать внимание.

Бедная девушка вскоре оправилась, но весь день была угнетена. Вечером, когда было покончено с доением, ей не хотелось оставаться на людях, и, выйдя из дому, она побрела сама не зная куда. Она чувствовала себя несчастной, глубоко несчастной, сознавая, что для ее товарок повествование фермера было забавным рассказом, и только. Казалось, ни одна из них, кроме нее, не поняла трагического его смысла, и, несомненно, никто не подозревал, как больно задел ее этот рассказ. Заходя-

нее солнце казалось ей теперь безобразным, словно глубокая воспаленная рана на небе. И только в зарослях у реки одинокая тростянка приветствовала ее надтреснутым печальным голосом, прозвучавшим, как голос утраченного друга.

В эти длинные июньские дни доильницы, да и другие обитатели мызы, ложились спать на закате или еще раньше, так как вставать приходилось спозаранку и работа была тяжелая в ту пору, когда коровы давали полные ведра молока. Обычно Тэсс поднималась наверх вместе со своими товарками, но сегодня она первая ушла в их общую спальню и уже дремала, когда явились остальные. Она видела, как они раздевались в оранжевых лучах заката, окрасившего их фигуры, потом задремала снова, но ее разбудили их голоса, и она тихо повернулась к ним.

Ни одна из трех ее товарок по комнате еще не улеглась спать. В ночных рубашках, босые, они втроем стояли у окна, а последние алые лучи с запада согревали их лица и шеи и освещали стены комнаты. Все три с глубоким интересом следили за кем-то в саду, и лица их почти соприкасались: веселое круглое лицо, лицо бледное в рамке темных волос и хорошенькое личико, обрамленное рыжеватыми косами.

— Не толкайся! Тебе видно не хуже, чем мне,— сказала Рэтти, самая молоденькая, с рыжеватыми волосами, не отрывая глаз от окна.

— Тебе, Рэтти Придл, так же как и мне, нет никакого толку в него влюбляться,— лукаво сказала самая старшая, круглолицая Мэриэн.— Другие щечки ему приглянулись.

Рэтти Придл упорно смотрела в окно, и подружки последовали ее примеру.

— Вот он опять! — воскликнула Изз Хьюэт, бледная девушка с темными волосами и резко очерченным ртом.

— Ты бы помалкивала, Изз;— отозвалась Рэтти.— Я видела, как ты целовала его тень.

— Что такое ты видела? — переспросила Мэриэн.

— Да! Он стоял возле чана и сливал сыворотку, а тень от его лица падала на стену около Изз, которая наполняла кадучку. Она прижалась губами к стене и поцеловала его в губы; он этого не видел, но я-то видела.

— О Изз Хьюэт! — воскликнула Мэриэн.

Розовые пятна вспыхнули на щеках Изз Хьюэт.

— Ну что ж! Беды в этом нет,— с напускным равнодушием заявила она.— А влюблена в него не я одна, но и Рэтти, да и ты, Мэриэн, уж коли на то пошло.

Мэриэн не могла покраснеть, так как круглое ее лицо было всегда румяно.

— Я? — сказала она. — Что за вздор! А вот он опять! Милосе лицо... милые глаза... милый мистер Клэр!

— Ну вот ты и призналась!

— Да и ты тоже, все мы признались, — откровенно заявила Мэриэн, проявляя полное равнодушие к мнению остальных. — Глупо притворяться друг перед другом, хотя и нет надобности объявлять об этом всем и каждому. Да я хоть бы завтра вышла за него замуж!

— Я тоже, — прошептала Изз Хьюэт, — да и не только это...

— И я, — отозвалась более робкая Рэтти.

Тэсс бросило в жар.

— Не можем мы все выйти за него, — сказала Изз.

— Ни одна из вас не может, а это еще хуже, — проговорила старшая. — Вот он опять.

Три девушки послали ему воздушный поцелуй.

— Почему? — быстро спросила Рэтти.

— Потому что Тэсс Дарбейфилд нравится ему больше всех, — ответила Мэриэн, понизив голос. — Я все время за ними следила и убедилась в этом.

Наступило задумчивое молчание.

— Но она в него не влюблена? — прошептала, наконец, Рэтти.

— Иной раз мне кажется, что влюблена.

— Как это все глупо! — нетерпеливо воскликнула Изз Хьюэт. — Конечно, ни на одной из нас он не женится, да и на Тэссе тоже... Сын джентльмена... уедет за океан и сделается там помещиком и фермером. Лучше бы уж попросить, чтобы он взял нас с собой как работниц!

Вздохнула одна, потом другая, а громче всех — толстушка Мэриэн. И та, что лежала в постели, тоже вздохнула. Слезы выступили на глазах самой младшей, Рэтти Придл, хорошенькой рыжеватой девушки, — последнего бутона из рода Пэриделлей, столь знаменитого в хрониках графства. Еще некоторое время смотрели они молча в окно, снова лица их почти соприкасались и сливались оттенки волос. Но м-р Клэр, ничего не подозревая, вошел в дом, и больше они его не видели; а когда спустились тени, они улеглись в постель. Через несколько минут они услышали, как он поднимается по лестнице в свою комнату. Мэриэн скоро захрапела, но Изз долго не могла забыть спом. Рэтти Придл заснула в слезах.

Тэсс, более впечатлительной, было не до сна. Беседа подруг явилась для нее еще одной горькой пилюлей, которую пришлось ей проглотить в этот день. Чувства ревности она не испытывала: знала, что ей отдается предпочтение. Она была красивее, образованнее, чем они; хотя и моложе их всех, за исклю-

чением Рэтти, но более зрелая; поэтому она понимала, что стоит ей сделать незначительное усилие — и она завоюет сердце Энджела Клэра и одержит верх над своими простодушными подругами. Но возникал серьезный вопрос: имеет ли она право этого добиваться? Разумеется, ни одна из них не могла надеяться на что-либо серьезное, но та или другая могла внушить ему мимолетную страсть и с радостью стала бы принимать его ухаживание, пока он здесь живет. Случалось, что такие неравные отношения приводили к браку; а она слыхала от м-с Крик, как м-р Клэр шутливо спросил ее однажды, какой смысл ему жениться на изящной леди, когда предстоит возделывать десять тысяч акров земли в колониях, разводить скот и убирать хлеб. Самое разумное взять в жены девушку, выросшую на ферме. Быть может, он говорил серьезно, но могла ли Тэсс, которой совесть не позволяла выйти замуж за кого бы то ни было, Тэсс, твердо решившая противостоять такому искушению, — могла ли она отвлекать внимание м-ра Клэра от других женщин ради мимолетного счастья встречать его ласковые взгляды, пока он живет в Тэлботейсе?

XXII

На следующее утро они спустились, зевая, вниз, но надо было, как всегда, снимать сливки, доить коров; затем все пошли в дом завтракать. Оказалось, что хозяин Крик рвет и мечет. Он получил письмо от одного клиента, жаловавшегося, что масло имеет какой-то привкус.

— Ей-богу, так оно и есть! — объявил Крик, держа в левой руке деревянную лопаточку с прилипшим к ней куском масла. — Вот попробуйте-ка сами!

Его окружили. Попробовал масло м-р Клэр, Тэсс и другие работницы, жившие в доме, затем два-три батрака и, наконец, м-с Крик, которая уже приготовила завтрак. В масле действительно чувствовался привкус.

Хозяин мызы, погруженный в размышления и пытавшийся определить, что это за привкус, и угадать, какая ядовитая трава в этом повинна, вдруг воскликнул:

— Это чеснок! А я-то думал, что на том лугу совсем его не осталось!

Все старые батраки припомнили, что много лет назад масло испортилось точно так же и виной тому был один луг, куда не так давно начали снова пускать коров. Но тогда м-р Крик не распознал привкуса и порешил, что тут дело нечисто.

— Придется обыскать этот луг, — объявил он, — нужно с этим покончить.

Вооружившись старыми острыми ножами, все отправились в путь. Если этого вредного растения было так мало, что оно до сих пор никем не было замечено, отыскать его в тучной траве было почти безнадежно. Однако работники выстроились в ряд, и в поисках принимали участие все, так как положение было серьезное. В одном конце цепи встал сам хозяин вместе с м-ром Кларком, предложившим свои услуги, затем Тэсс, Мэриэн, Изз Хилл и Гэтти, дальше Билл Льюэлл, Джонатэн и замужние работницы, жившие в своих коттеджах, Бэк Нибс с курчавыми черными волосами и вынученными глазами и белокурая Фрэнсис, занюхавшая чахотку в зимних туманах на заливных лугах.

Не поднимая глаз, они медленно продвигались по дугу, а дойдя до конца, поворачивали и шли назад, заботясь о том, чтобы ни один дюйм участка не остался необследованным. Это была скучная работа, так как на поле могло расти не более полдюжины побегов чеснока, но трава эта такая едкая, что достаточно одной корове съесть хотя бы один стебелек — и все масло, сбиваемое на мызе в течение суток, приобретает привкус.

Работники резко отличались друг от друга и по характеру и по внешнему виду, но сейчас, согнувшись и двигаясь бесшумно, как автоматы, они удивительно походили друг на друга; и посторонний наблюдатель, проходя по проселочной дороге, вправе был бы отнести их всех к разряду Ходжей. Когда они наклонялись низко, чтобы разглядеть в траве чеснок, желтый отблеск лютиков падал на их затененные лица, и они казались эльфами, озаренными лунным светом, хотя полуденное солнце принадлежало им спичи.

Эджей Кларк, который обычно не выходил из своей роли и работал парвше со всеми, изредка поднимал голову. Конечно, не случайно занял он место рядом с Тэсс.

— Ну, как выживаете? — прощентал он.

— Очень хорошо, благодарю вас, сэр, — застенчиво ответила она.

Полчаса назад они обсуждали различные вопросы, и теперь такое вступление казалось несколько излишним. Но разговор на этом оборвался. Ползком пробирались они дальше, и подо ее платья касался его гетр, а он изредка задевал ее локтем. Наконец, хозяин мызы, находившийся по соседству с ними, выбился из сна.

— Клянусь бессмертной душой, я согнулся так, что мне спину ломит! — воскликнул он и со страдальческим видом медленно выпрямился во весь рост. — А ведь тебе, Тэсс, на днях нездоровилось, — смотри, как бы голова не разболелась. Если устала — брось это дело, пусть другие кончают.

Фермер Крик убрался восвояси, и Тэсс отошла в сторону. М-р Клэр также отстал и начал вести поиски самостоятельно. Нервное напряжение, вызванное подслушанным накануне разговором, побудило ее заговорить первой, когда он очутился подле нее.

— Какие они хорошенькие, правда? — сказала она.

— Кто?

— Изз Хьюэт и Рэтти.

Тэсс пришла к горестному заключению, что любая из этих девушек была бы прекрасной женой фермера, и потому она — Тэсс — должна их расхваливать и не выставлять напоказ свою злополучную красоту.

— Хорошенькие? Да, пожалуй, миловидные девушки, и такие свеженькие. Я это заметил.

— Но бедняжки... со временем красота увянет.

— Да, к несчастью.

— Они прекрасные работницы.

— Да, но не лучше вас.

— Сливки они снимают лучше, чем я.

— Разве?

Клэр смотрел на них, и это не прошло незамеченным.

— Она краснеет, — продолжала Тэсс, делая героическое усилие.

— Кто?

— Рэтти Придл.

— Вот как! А почему?

— Потому что вы на нее смотрите.

Хотя Тэсс и готова была к самопожертвованию, но не могла пойти дальше и крикнуть: «Женитесь на одной из них, если вам действительно нужна работница, а не леди, и не думайте о том, чтобы жениться на мне!» Она последовала за фермером Криком и почувствовала горькое удовлетворение, когда убедилась, что Клэр остался на лугу.

Начиная с этого дня, она прилагала все усилия, чтобы избегать его, — не позволяла себе оставаться с ним подолгу, как бывало, раньше, хотя бы встречи их происходили чисто случайно. Она хотела, чтобы все преимущества были на стороне трех других девушек.

Услышав их признания, Тэсс женским чутьем угадывала, что от Энджела Клэра зависит не опорочить честь всех донльниц, работавших на мызе, и, видя, как он заботливо остерегается хоть чем-либо омрачить их счастье, она преисполнилась уважением к тому, что считала — правильно или ошибочно — его самообладанием и сознанием долга, а эти качества она не ожидала найти в ком-либо из представителей мужского пола; не будь

их у Клэра, простосердечные ее товарки, жившие с ним в одном доме, пошли бы, может быть, обливаясь слезами, по пути, уже пройденному Тэсс.

XXIII

Незаметно подкрался к ним жаркий июль, и воздух долины, тяжелый, словно насыщенной опиумом, навис над мызой, коровами и деревьями. Часто выпадали теплые дожди, задерживавшие уборку сена на лугах, и еще тучнее становилась трава на пастбище, где паслись коровы.

Было воскресное утро; подоив коров, приходящие работники разошлись по домам. Тэсс и ее три товарки поспешно одевались, так как сговорились вчетвером идти в мэлстокскую церковь, находившуюся в трех-четыре милих от мызы. Два месяца Тэсс прожила на мызе Тэлботейс и сегодня в первый раз отправлялась на прогулку.

Накануне вечером и всю ночь не стихала гроза над лугами, и дождь смыл часть сена в реку. Но сегодня утром сияло солнце, ослепительное после ливня, и воздух был ароматный и чистый.

Извилистая проселочная дорога из прихода Тэлботейс в Мэлсток была проложена по изменным местам, и, дойдя до самого низменного участка, девушки убедились, что после ливня дорога на протяжении пятидесяти ярдов залита водой, поднимающейся выше лодыжек. В будни это не было бы серьезным препятствием: обутые в высокие сапоги на патенах, они спокойно переправились бы вброд; но сегодня день был воскресный, светлый, когда плоть стремится кокетничать с плотью и в то же время лицемерию притворяется, будто поглощена высокими помыслами — по этому случаю они надели белые чулки и тонкие ботинки, нарядились в белые, розовые и лиловые платья, на которых видны малейшие брызги грязи, и, стало быть, лужа являлась досадной помехой. Они слышали колокольный звон, а им оставалось пройти еще около мили.

— Кто бы мог подумать, что река так разольется в середине лета! — воскликнула Мэриэн с придорожной насыпи, на которую они векарабкались и где кое-как держались, надеясь пройти по склону и миновать лужу.

— Нам туда не добраться; придется или идти вброд, или свернуть на терипайскую дорогу, и мы, конечно, опоздаем! — сказала Рэтти, беспомощно останавливаясь на насыпи.

— А я всегда краснею до ушей, когда опаздываю в церковь и все пялят на меня глаза, — заявила Мэриэн. — Так и сижу вся красная до конца службы.

Пока стояли они на скользкой насыпи, за поворотом дороги послышался плеск, и вскоре показался Энджел Клэр, шагавший прямо по воде им навстречу.

Четыре сердца екнули одновременно.

Одет он был отнюдь не по-праздничному, что частенько случалось с сыном священника, строго следившего за исполнением обрядов. На нем был будничный костюм и высокие болотные сапоги; в шляпу он вложил капустный лист, чтобы защитить голову от зноя, а репей завершал его наряд.

— Он не в церковь идет,— сказала Мэриэн.

— Да... к сожалению,— прошептала Тэсс.

Действительно, Энджел предпочитал, правильно или ошибочно (если воспользоваться безопасной фразой уклончивых краснобаев), в ясные летние дни слушать проповедь природы, но не службы в церквях и часовнях. А сегодня утром он пошел посмотреть, сильно ли пострадало сено от ливня. Девушек он увидел еще издали, но они были так озабочены встреченным на пути препятствием, что его не заметили. Он знал, что в этом месте дорогу затопило и им тут не пройти, поэтому он ускориł шаг, размышляя о том, как бы выручить их из беды — в особенности одну из них.

Четыре девушки, румяные, с блестящими глазами, приютившиеся на насыпи, словно голуби на скате крыши, были так очаровательны в своих светлых летних платьях, что он на секунду приостановился и загляделся на них. Подолами воздушных юбок они смахнули с травы стаю мошек и бабочек, которые, не находя выхода, забились в складки прозрачной материи, словно в клетку. Наконец, взгляд Энджела упал на Тэсс, стоящую позади всех; с трудом удерживаясь от смеха, она невольно просяла, встретив его взгляд.

Он направился к ним, шагая прямо по воде, не поднимавшейся выше его сапог, и остановился, глядя на мух и бабочек, попавших в западню.

— Вы пытаетесь добраться до церкви? — спросил он Мэриэн, стоявшую впереди, и бросил взгляд на двух ее спутниц, избегая, однако, смотреть на Тэсс.

— Да, сэр, и мы опаздываем, а я всегда так раскаиваюсь...

— Я вас перенесу через лужу... перенесу всех четырех.

Все четверо мгновенно вспыхнули, словно сердце у них было одно.

— Вряд ли вы справитесь, сэр,— сказала Мэриэн.

— Иначе вам здесь не пройти. Стойте смирно. Глупости, вовсе вы не такая тяжелая! Да я бы мог перенести вас всех сразу. Ну, Мэриэн,— продолжал он,— обнимите меня руками за плечи, вот так! Держитесь! Отлично!

Мэриэн опустила на его руку и плечо, и Энджел тронулся в путь; его стройная фигура издали казалась тонким стеблем, поддерживающим огромный букет. Они скрылись за поворотом дороги, и только плеск воды да лента на шляпе Мэриэн указывали, где они находятся. Через несколько минут он появился снова. Теперь была очередь Изз Хюэт.

— Он идет,— прошептала она, и по голосу они догадались, что губы у нее пересохли от волнения.— И я должна обнять его за шею и смотреть ему в лицо, как смотрела Мэриэн!

— Ничего особенного в этом нет,— быстро сказала Тэсс.

— Всею свое время,— не обращая на нее внимания, продолжала Изз.— Время для объятий и время, когда нужно воздержаться от них; сейчас мне на долю выпадает первое.

— Фи! Ведь это из священного писания, Изз!

— Да,— сказала Изз.— В церкви я всегда прислушиваюсь к красивым стихам.

Энджел Клэр, который три четверти этой работы выполнял исключительно по доброте своей, подошел теперь к Изз. Она спокойно и мечтательно опустила на его руки, и он, мерно шагая, удалился вместе с ней. Когда в третий раз слышались его шаги, у Рэтти так сильно забилось сердце, что она начала дрожать. Он приблизился к рыжеволосой девушке и, принимая ее в свои объятия, взглянул на Тэсс. Взгляд этот был красноречивее слов: «Скоро мы будем вместе — ты и я». По лицу ее видно было, что она угадала его мысль, она не могла это скрыть. Они поняли друг друга.

Бедная маленькая Рэтти — самая легкая ноша — оказалась, однако, самой беспокойной. Мэриэн была как куль с мукой,— под тяжестью этого пышного тела он буквально шатался. Изз вела себя спокойно и рассудительно. Рэтти была клубком нервов.

Однако он справился с возбужденной девушкой, опустил ее на землю и вернулся. Из-за живой изгороди Тэсс увидела группу из трех девушек, стоявших на пригорке,— там, куда он их отнес. Теперь была ее очередь. Смущенно призналась она себе, что волнение, вызванное близостью м-ра Клэра, его глаз, его дыхания,— то волнение, за которое она презирала своих подруг, вызвано и на ее долю; и, словно страшась выдать свою тайну, она в последний момент попыталась от него ускользнуть.

— Пожалуй, мне удастся пройти вдоль насыпи, я не так скользку, как они. Должно быть, вы очень устали, мистер Клэр.

— Нет, нет, Тэсс! — быстро ответил он.

Она не успела опомниться, как он уже держал ее в своих объятиях, и она прислонилась к его плечу.

— Три Лии ражи одной Рахили! — прошептал он.

— Они лучше, чем я,— великодушно ответила она, не отступая от своего решения.

— Только не для меня,— сказал Энджел.

Он почувствовал, что ее бросило в жар, и несколько шагов прошел молча.

— Надеюсь, вам не очень тяжело? — робко спросила она.

— О нет! Попробовали бы вы поднять Мэриэн! Вот это груз! Вы словно волна, согретая солнцем. А это пышное муслиновое платье — морская пена.

— Это очень красиво... если я кажусь вам такой.

— А знаете ли вы, что три четверти этой работы я проделал исключительно ради последней четверти?

— Нет.

— Не ждал я сегодня такого события.

— Я тоже... Вода поднялась так внезапно.

Не о поднявшейся воде думал он, и прерывистое ее дыхание свидетельствовало о том, что она его поняла. Клэр остановился и приблизил к ней лицо.

— О Тэсси! — воскликнул он.

Щеки девушки горели, и в смущении она не смела смотреть ему в глаза. Тогда Энджелу пришло в голову, что он не вправе пользоваться случайным преимуществом, выпавшим на его долю, и он сдержался. Слова любви еще не сорвались с их губ, и в эту минуту промедление казалось желанным. Он шел медленно, чтобы растянуть оставшийся путь. Наконец, он дошел до поворота дороги, и теперь трем остальным девушкам они были видны как на ладони. Дойдя до сухого пригорка, он опустил ее на землю.

Ее подруги задумчиво, широко раскрытыми глазами смотрели на них; и она поняла, что они говорили о ней. Он торопливо распрощался с ними и, шлепая по воде, залившей дорогу, отправился в обратный путь.

Снова четыре девушки побрели вместе; наконец, Мэриэн прервала молчание:

— Да, что и говорить, куда нам до нее!

Она уныло посмотрела на Тэсс.

— Что ты хочешь сказать? — спросила та.

— Ты ему больше всех нравишься, больше всех! Мы это поняли, когда он тебя нес на руках. Он бы тебя поцеловал, если бы ты хоть чуточку его подзадорила.

— О нет! — сказала Тэсс.

Радостные вышли они из дому, но сейчас веселое настроение развеялось; однако здесь не было места ни вражде, ни злобе. Это были великодушные девушки; они выросли в глухих дере-

вушках, где фатализм глубоко пустил корни, и Тэсс они не винили: так угодно было судьбе.

У Тэсс сжималось сердце. Она не могла скрыть от самой себя, что любит Энджела Клэра, а любовь, внушенная им трем другим девушкам, быть может, еще усиливала ее страсть. Чувство это заразительно, и женщины особенно восприимчивы к такой заразе. И тем не менее сердце ее, изголодавшееся по любви, сочувствовало подругам. Тэсс, честная по натуре, боролась со своей любовью, но боролась недостаточно энергично, и результаты не заставили себя ждать.

— Никогда я не буду стоять вам поперек дороги! — объявила Тэсс вечером в спальне, обращаясь к Рэтти, и слезы струились по ее лицу. — Но я ничего не могу поделать, милая! Вряд ли он вообще думает о женитьбе, но даже если бы он захотел на мне жениться, я бы отказала ему, как и всякому другому.

— Да что ты? Почему? — удивилась Рэтти.

— Не может этого быть! Но я буду говорить откровенно. Даже если бы меня совсем не было, не думаю, чтобы он женился на ком-нибудь из вас.

— Никогда я на это не надеялась, никогда об этом не мечтала! — простонала Рэтти. — Но как бы я хотела умереть!

Бедняжка, терзаемая чувством, ей самой не совсем понятным, повернулась к двум другим девушкам, которые только что поднялись наверх.

— Мы опять будем жить с ней в дружбе, — сказала она им. — Она не больше нас надеется на то, что он на ней женится.

Недоверие рассеялось, они были откровенны и ласковы.

— Теперь мне все равно, что ни делать, — сказала Мэриэн, настроенная очень мрачно. — Я собиралась выйти за фермера из Стиклфорда, он дважды за меня сватался; но, честное слово, я скорее покончу с собой, чем выйду за него замуж. Изз, почему ты молчишь?

— Уж коли говорить начистоту, — отозвалась Изз, — сегодня я была уверена, что он меня поцелует, когда понесет на руках; и я тихонько лежала на его груди и все надеялась, и ни разу не пошевелинулась. А он не поцеловал. Не хочу я оставаться здесь, в Тэлботейсел! Вернусь домой.

Казалось, воздух в спальне вибрировал, насыщенный безнадёжной страстью девушек. Они лихорадочно дрожали, подавленные чувством, навязанным жестокой природой, — этого чувства они не ждали и не хотели его. Событие этого дня раздуло пламя, сжигающее их сердца, и пытка была почти невыносима. Страсть стерла характерные их различия; каждая девушка была лишь частицей единого организма, именуемого по-

лом. Они были так искренни и ревности почти не чувствовали потому, что не было у них надежды. Каждая наделена была здравым смыслом, не обманывала себя нелепыми фантазиями, не отрекалась от своей любви, не превозносила себя, чтобы затмить других. Полное признание тщеты своего увлечения с социальной точки зрения, бесцельность, самоуничижение, невозможность оправдать свое чувство в глазах цивилизованного общества (хотя оно вполне оправдано было перед лицом природы), самое наличие этого чувства, доставлявшего им мучительную радость, — все это пренесло их к смирению и достоинством, которого лишила бы их корыстная надежда выйти замуж за м-ра Клэра.

Они металась на своих узких кроватях, а снизу, где находилась пресс для сыров, доносились монотонное капанье.

Через полчаса раздался шепот:

— Тэсс, ты спишь?

Это был голос Изз Хьюэт.

Тэсс ответила отрицательно, а Рэтти и Мэриэн вдруг сбросили с себя одеяла и со вздохом прошептали:

— Мы тоже не спим!

— Хотела бы я знать, какова она — та леди, которую, говорят, пригладели для него его родители! — сказала Изз.

Тэсс вздрогнула.

— А разве ему пригладели какую-то леди? Я об этом не слыхала.

— Да, ходит слух. Молодая леди — ровня ему, ее выбрала его семья; она дочь доктора богословия, который живет недалеко от Эмминстера, где находится приход его отца. Говорят, он не очень-то ее жалуется. Но, конечно, он на ней женится.

Знали они очень мало, но этого было достаточно для того, чтобы сейчас, под покровом ночи, строить мучительные догадки. Мысленно представляли они себе, как он даст в конце концов свое согласие, толковали о приготовлениях к свадьбе, о радости невесты, о платье ее и вуали, о счастливой жизни с ним, когда будут забыты они со своей любовью. Так беседовали они, грустили и плакали, пока сон не развеял их тоску.

После этого открытия Тэсс уже не лелеяла нелепых мыслей о том, что в отношении к ней Клэра есть нечто серьезное. Это было летнее увлечение ее красотой, мимолетная любовь ради самой любви, и только. Тэсс пришла к этому печальному выводу, а терновым венцом явилось сознание, что она, которую предпочел он ненадолго всем остальным, она, от природы более страстная, умная и красивая, была, с точки зрения благопристойных людей, менее достойна его, чем те, другие, им не замеченные и более заурядные.

Среди пресачивающихся тучных и теплых испарений долины Вар в ту пору года, когда слух едва ли не улавливает течения соков под слоем удобрения, даже самая мечтательная любовь не могла не разгореться в страсть. Сердца, готовые принять ее, пребывали под властью окружающей обстановки.

Пролетел над ними июль, а потом настала термидорная жара, словно природа хотела состязаться со страстью, сжигающей сердца на мызе Тэлботейс. Воздух, такой свежий весной и ранним летом, стал недвижным и расстраивал нервы. Тяжелые ароматы действовали угнетающе, а в полдень долина, казалось, пребывала в обморочном состоянии. Темным загаром покрывались верхние склоны пастбищ, но там, где журчали ручьи, трава была яркозеленой. Клэр томился от жары, и его сжигала нарастающая страсть к молчаливой и кроткой Тэсс.

Миновала дождливая пора, и в предгорьях была засуха. Когда фермер Крик возвращался домой с базара, колеса его двуколки лизали пыльную дорогу, и белыми лентами тянулась за ними пыль, как будто подожгли тонкий пороховой шнур. Коровы в загоне, измученные оводами, перепрыгивали через пизкору изгородь из пяти брусьев; у фермера рукава рубахи были засучены выше локтя; приходилось открывать не только окна, но и двери, чтобы улучшить вентиляцию; а в саду дрозды забивались под кусты смородины, напоминая скорее четвероногих, чем крылатых созданий. Мухи в кухне, ленивые, назойливые, бесцеремонные, появлялись в самых неожиданных местах, ползали по полу, забирались в ящики, садились на руки доильниц. Шли разговоры о солнечных ударах. Мучительно трудно было сбивать масло, и в особенности сохранять его свежим.

Коров не загоняли на мызу, а доили их на лугу, где было прохладнее. Днем животные покорно следовали за тенью хотя бы самого маленького деревца, по мере того как она ползла по земле вокруг ствола, двигаясь вместе с солнцем; а когда приходили доильницы, коровы не могли стоять смирно, осаждаемые мухами.

Однажды после полудня четыре или пять не выдоенных еще коров отошли от стада и стояли за углом изгороди, среди них были Толстуха и Старая Красотка, которые предпочитали руки Тэсс рукам всех других доильниц. Когда, выдоив корову, она поднялась со скамеечки, Энджел Клэр, следивший за ней, спросил, не займется ли она этими двумя. Тэсс молча кивнула

¹ Термидор — одиннадцатый месяц (с 19 июля по 18 августа) французского революционного календаря, установленного Конвентом в 1793 году.

и, держа в вытянутой руке скамеечку, а у колена — подойщик, направилась к коровам. Вскоре донесся из-за изгороди плеск молока Старой Красотки, стекающего в подойщик, и Энджелу захотелось пойти туда и выдонтить одну из непокладистых коров, отбившихся от стада, так как теперь он доил не хуже, чем сам Крик.

Все мужчины и многие женщины во время доения упирались лбом в бок коровы и смотрели в подойщик. Но некоторые — в особенности те, что были помоложе, — поворачивали голову в профиль. Так делала и Тэсс Дарбейфилд: прислонившись высоким к корове, она смотрела в дальний конец луга и казалась погруженной в размышления. Сейчас она доила Старую Красотку, а лучи солнца падали на нее, освещая ее фигуру в розовом платье, белый чепчик с оборками и профиль, напоминающий камею, вырезанную на буром боку коровы.

Она не знала, что Клэр последовал за ней и, сидя подле своей коровы, не спускает с нее глаз. Голова ее была неподвижна, лицо застыло; казалось, она погружена в транс и ничего не видит, хотя глаза открыты. Застыло все, только Старая Красотка махала хвостом да двигались чуть заметно розовые руки Тэсс, словно ритмично пульсировали, подобно бьющемуся сердцу.

Каким милым казалось ему ее лицо! Однако не было в нем ничего бесплотного, — жизнь, живое тепло, подлинная плоть. И ярче всего выражалось это в ее губах. Ему и раньше случалось видеть глаза почти такие же глубокие и выразительные, такие же нежные щеки, такие же изогнутые брови, безукоризненно вылепленные подбородок и шею, — но никогда, ни на одном лице, не видывал он таких губ. Любому юноше, хоть сколько-нибудь страстному, достаточно было увидеть эту алую, чуть приподнятую верхнюю губу, чтобы потерять голову, влюбиться, сойти с ума. Никогда не видывал он ни у одной женщины таких губ и зубов, которые настойчиво напоминали бы ему старый образ времен Елизаветы: «розы, наполненные снегом». Влюбленный мог смело назвать их совершенными. И, однако, они не были совершенны. И это легкое несовершенство придавало им особую живую прелесть.

Клэр столько раз изучал очертания этих губ, что всегда мог мысленно их себе представить; сейчас он снова видел эти губы — живые, окрашенные кровью, и словно ток пробежал по его телу, дрожь охватила его, он был близок к обмороку; но вдруг, в силу какого-то таинственного физиологического процесса, он самым прозаическим образом чихнул.

Тогда она поняла, что он на нее смотрит, но не изменила позы, мечтательно-задумчивое выражение исчезло, и пристальный взгляд легко мог уловить, как кровь медленно прилила к ее щекам, а потом отхлынула, и только розовая тень осталась на лице.

Воиненне, охватившее Клэра, — словно он услышал голос с неба, — не утихло. Принятые решения, сдержанность, осторожность, опасения — все отступило на задний план, как потерпевший поражение батальон. Он вскочил с места, — пусть корова, если ей вздумается, опрокидывает подоюник, — быстро подошел к той, которая так влекла его, и, опустившись перед ней на колени, обнял.

Тэсс была застигнута врасплох и, не задумываясь, отдалась его объятию, как чему-то неизбежному. Она видела, как приблизился к ней он, ее возлюбленный, губы ее раскрылись, и, охваченная безотчетной радостью, она прижалась к нему и вскрикнула, словно в экстазе.

Он готов был поцеловать эти притягивающие его губы, но удержался, чувствуя себя виноватым.

— Простите меня, Тэсс дорогая! — прошептал он. — Я должен был попросить... Я... я не знал, что делаю. Я не хотел быть дерзким. Я предал вам всей душой, Тэсс милая!

Старая Красотка в недоумении оглянулась: видя, что подле нее, вопреки всем обычаям, установившимся с незапамятных времен, сидит не один, а двое, она сердито подняла заднюю ногу.

— Она сердится... не понимает, что случилось... она опрокинет подоюник! — воскликнула Тэсс, мягко отстраняя его. Она следила за движениями коровы, но занята была только собой и Клэром.

Потом она поднялась с табуретки, и они стояли друг подле друга; его рука все еще обвиняла ее талию. Глаза Тэсс наполнились слезами.

— О чем вы плачете, милая? — спросил он.

— Ах, не знаю! — грустно прошептала она.

Опомнившись и осознав, что случилось, она заволновалась и попыталась выскользнуть из его объятий.

— Да, наконец я выдал свои чувства, Тэсс, — сказал он, печально вздохнув и невольно давая понять, что сердце его опередило рассудок. — Вряд ли нужно говорить, что я люблю вас искреннее и горячо. Но я... сейчас я не скажу больше ни слова... это вас расстраивает... а я потрясен не меньше, чем вы. Вы не подумаете, что я воспользовался вашей беспомощностью... был слишком стремителем, безрассуден? Не подумаете?

— Я ничего не могу сказать.

Он выпустил ее из своих объятий, и минуты через две оба уже дошли коров. Свидетелей не было, никто не видел этого объятия. Когда фермер спустя несколько минут забрел в этот уединенный уголок, ничто не показывало, что эти двое, разделенные внушительным расстоянием, были друг для друга больше, чем простые знакомые. Однако с тех пор, как Крик в последний раз их видел, произошло событие, которое — пока оно длится — изменяет облик вселенной для двух людей; если бы об этом событии ведал фермер, он, как человек практический, отнесся бы к нему презрительно; однако случилось оно на стремлении более стойком и неодолимом, чем все так называемые практические предпосылки. Отдернута была завеса; отныне перед каждым из них открывался новый горизонт — на краткий срок или на долгий.

Фаза четвертая

ПОСЛЕДСТВИЯ

XXV

Когда спустились сумерки и та, что завоевала его сердце, удалилась в свою комнату, Клэр, не найдя покоя, вышел в темноту.

После знойного дня вечер был такой же знойный. Прохлады не было, только трава покрылась росой. Дороги, тропинки, фасады строений, заборы были теплы, как нагретый очаг, и эта полуденная жара обжигала лицо человека, бродившего в ночи.

Он присел на перекладную ворот с восточной стороны двора и не знал, что думать о самом себе. Да, в этот день чувство заглушило рассудок.

Три часа прошло после неожиданных объятий, и с тех пор эти двое не приближались друг к другу. Она была словно в лихорадке, почти испугана тем, что произошло, а Клэра, человека первого, предрасположенного к созерцательной жизни, изволновала непосредственность чувства и непреодолимая власть обстоятельств. Сейчас он едва мог дать себе отчет в том, каково должно быть отныне отношение их друг к другу наедине и в присутствии посторонних.

Приехав учиться на эту мызу, Энджел предполагал, что временное пребывание его здесь будет лишь случайным эпизодом в его жизни, мимолетным и быстро стирающимся в памяти; он думал, что отсюда, словно из занавешенной ниши, сможет спокойно созерцать волнующий внешний мир и, обращаясь к нему, говорить вместе с Уолтом Уитменом:

Толпы мужчин и женщин в обычных костюмах,
Какими занятыми кажетесь вы мне!—

но в то же время строить планы, как окунуться снова в этот внешний мир. И вдруг ворвалось волнующее событие. То, что прежде было всепоглощающим миром, превратилось в неинте-

ресную пантомиму, а здесь, в этом якобы скучном местечке, чуждом всяких страстей, взорвалось с вулканической силой нечто новое, до сей поры ему неизвестное.

Все окна в доме были открыты, и через двор доносились до Клэра обычные звуки — обитатели мызы укладывались спать. Этот дом, такой скромный и невзрачный, на который он привык смотреть как на временное жилище и отнюдь не считал его чем-либо достопримечательным на фоне окружающего пейзажа, — какое значение приобрел для него теперь этот дом! Старые, поросшие мхом кирпичные коньки крыш шептали ему: «Останься!» Окна улыбались, дверь приветливо манила, вьющиеся растения ему сочувствовали. Влияние женщины, находившейся в доме, оживило даже кирпич и известку, заставило их вместе с небосводом сгорать от страсти. Кто же была эта сильная женщина? Работница с молочной фермы.

Да, изумительным казалось то значение, какое приобрела для него жизнь на скромной мызе. И не только поэзия любовь была тому причиной. Не одни Энджел познал на опыте, что ценность жизни не во внешних изменениях, но в субъективных переживаниях. Чуткий крестьянин живет жизнью более полной, широкой, драматической, чем толстокожий король. И теперь Клэр убедился в том, что жизнь так же величественная здесь, как и в любом другом месте.

Клэр, несмотря на его еретичество, ошибки и слабости, был человеком с чуткой совестью. Для него Тэсс была не ничтожным существом, не игрушкой для забавы, но женщиной, которой дарована драгоценная жизнь; и жизнь эта для нее, страдающей либо радующейся, представлялась не менее значительной, чем могущественнейшему из людей его собственная жизнь. Тэсс субъективно воспринимала мир, и лишь пройдя сквозь призму ее восприятия, существовали для нее люди. Сама вселенная возникла для Тэсс в тот день и час, когда она родилась.

Это сознание, в которое он вторгся, было единственной возможностью существования, пожалованного Тэсс равнодушной Первопричиной, — всем ее достоинством, единственной предпосылкой ее бытия. Как же мог он считать ее существом менее значительным, чем он сам, хорошенькой безделушкой, которая скоро надоеет? Мог ли он не относиться с величайшей серьезностью к чувству, какое, — а это было ему известно, — он пробудил в ней, такой пылкой и впечатлительной, несмотря на ее сдержанность? Мог ли он допустить, чтобы это чувство истерзало ее и погубило?

Ежедневные встречи с ней в привычной обстановке помогали бы развиваться тому, что уже зародилось. Жизнь в такой близко-

сти привела бы к нежности, с которой плоть и кровь бессильны бороться. Не находя выхода из создавшегося положения, он решил отказаться на время от повседневных занятий, в которых участвовали они оба. Сейчас причиненное ей зло было еще велико.

Но нелегко было выполнить это решение — упорно ее избегать. С каждым ударом сердца его все сильнее влекло к ней.

Ему пришлось в голову повидаться с родными. Быть может, удастся узнать их точку зрения. Срок его пребывания здесь исчисляется меньше чем через полгода; затем, проведя еще несколько месяцев на других фермах, он основательно изучит агрономию и в состоянии будет начать самостоятельную жизнь. А разве не нужна фермеру жена, которая не украшала бы, словно восковая кукла, гостиную, но знала толк в сельском хозяйстве? В молчании ночи прочел он желанный ответ, но тем не менее решил отправиться в путь.

Однажды утром, когда на мызе Тэлботейс уселись завтракать, одна из работниц заметила, что сегодня не видать м-ра Клэра.

— Да,— отозвался фермер Крик,— мистер Клэр поехал в Эмминстер, провести день-другой со своими родными.

Четырем влюбленным девушкам, сидевшим за столом, показалось, что свет солнечный внезапно угас и нежные птиц смолкло. Но ни словом, ни жестом не выдали они своей тоски.

— Скоро кончится его договор со мной,— флегматично добавил Крик с бессознательной жестокостью. — Вот он, должно быть, и присматривает себе какое-нибудь занятие.

— А сколько времени он еще здесь пробудет? — спросила Из Хьюэт, единственная из четырех приунывших девушек, которая осмелилась заговорить.

Остальные ждали ответа, словно от него зависела их жизнь,— Рэтти, приоткрыв рот, разглядывала скатерть; ярче всыхнул румянец на щеках Мэрнэн; Тэсс, дрожа, смотрела в окно на луг.

— Точно я не могу сказать, у меня нет под рукой записной книжки,— с тем же невыносимым спокойствием ответил Крик.— Но ведь срок можно менять. Он, конечно, захочет поучиться уходу за телятами. Думаю, он у нас проживет до конца года.

Еще четыре с лишним месяца мучительного восторга, «радости, опоясанной болью», а потом — мрак непроглядной ночи.

В этот утренний час Энджел Клэр был уже в десяти милях от мызы; ехал он по узкой проселочной дороге, направляясь в Эмминстер, в приход своего отца, и вез корзиночку с кровяной

колбасой и бутылку меда, которые м-с Крик посылала вместе с сердечным приветом его родителям. Перед ним тянулась белая дорога, и он не спускал с нее глаз, но смотрел не на нее, а в будущее. Он любил Тэсс. Следовало ли на ней жениться? Вправе ли он это сделать? Что скажут его мать и братья? Что скажет он сам года через два? Это зависит от того, кроются ли в преходящей страсти семена прочной дружбы, или девушка вызывает в нем лишь чувственную радость, которая не может быть вечной.

Наконец, в низине показался городок, окруженный холмами, красная каменная церковь времен Тюдоров, группа деревьев возле дома викария. Клэр повернул лошадь к хорошо знакомым воротам. У входа в дом он бросил взгляд на церковь и увидел у дверей ризницы группу девочек от двенадцати до шестнадцати лет, которые, очевидно, кого-то ждали; через секунду появилась девушка постарше, в широкополой шляпе и туго накрахмаленном батистовом платье, в руке она держала две книги.

Клэр хорошо ее знал. Он не был уверен, заметила ли она его, и надеялся, что не заметила, ибо в таком случае не нужно было здороваться и разговаривать с этой безупречной особой. Очень не хотелось ему к ней подходить, и потому он решил, что она его не видела. Это была мисс Мерси Чант, единственная дочь соседа и приятеля его отца; и родители Клэра тайне питали надежду, что когда-нибудь он с ней обручится. Она была знатоком антиномизма¹ и библии и сейчас, несомненно, шла заниматься с учениками. Клэр вспомнил страстных, насыщенных солнечными лучами язычниц долины Вар, их розовые лица, забрызганные коровьим пометом, и ту, которая была самой пылкой.

Решение ехать в Эмминстер он принял под влиянием минуты и потому не уведомил отца и мать, намереваясь, впрочем, приехать к завтраку, чтобы застать родителей дома, так как после завтрака они имели обыкновенше заниматься делами прихода. Он запоздал, и они уже сидели за столом. Как только он вошел, все вскочили, чтобы с ним поздороваться. Здесь были его отец и мать, брат, его преподобие Феликс, — священник в одном из городов смежного графства, заглянувший на две недели домой, и второй брат, его преподобие Катберт, — ученый, декан колледжа, приехавший на каникулы из Кембриджа. Мать носила чепец и серебряные очки; отец и на вид был таков, каким являлся на самом деле: серьезный, богобоязненный человек, несколько худощавый, лет шестидесяти пяти; размышления

¹ Антиномизм — учение евангелической церкви, считающее необязательным для христианина следование заповедям Ветхого завета.

избороздили его бледное лицо морщинами. На стене висел портрет сестры Энджела, старше его на шестнадцать лет; она вышла замуж за миссионера и уехала в Африку.

Священников, подобных м-ру Клэру-старшему, редко встретишь за последние двадцать лет. Близкий по духу Уиклифу, Гусу, Лютеру и Кальвину, евангелист до мозга костей, человек, и в быту и в размышлениях своих склонявшийся к апостольской простоте, он еще в ранней юности покончил раз и навсегда с основными вопросами бытия и с тех пор не позволял себе к ним возвращаться. Даже современники его и единомышленники считали, что он в своих выводах доходит до крайностей; но, с другой стороны, противники его невольно восхищались его прямолинейностью и той исключительной энергией, с какой он отменял все сомнения, проводя в жизнь свои принципы. Он любил Павла из Тарса, питал расположение к св. Иоанну, св. Иакова непавидел, поскольку хватало смелости, а к Тимофею, Титу и Филимону относился со смешанным чувством. Для него Новый завет был не столько заветом Христа, сколько заветом Павла,— не столько учением, сколько опьянением. Вера его в детерминизм едва ли не была близка к пороку и, с негативной своей стороны, граничила с философией отречения, родственной философии Шопенгауэра и Леонарди. Одно оставалось бесспорным, он был глубоко искренен.

К эстетическому, чувственному, языческому наслаждению природой и властной женственностью, какое познал в долине Вар его сын Энджел, он отнесся бы в высшей степени отрицательно, если бы путем расспросов или догадок почуял правду. Както в минуту раздражения Энджел имел неосторожность сказать ему, что, пожалуй, лучше было бы для человечества, если бы источником современной религии была Греция, а не Палестина; в порыве отчаяния отец и мысли не допускал, чтобы в этих словах таилась хотя бы тысячная доля истины, не говоря уж о полупистине или истине. Он ограничился тем, что в течение некоторого времени читал суровые проповеди Энджелу. Но доброту его сердцу чужда была злопамятность, и сегодня он приветствовал сына улыбкой нежной и светлой, как улыбка ребенка.

Энджел уселся за стол; здесь был он у себя дома, но сейчас, в отличие от былых дней, он не чувствовал себя одним из членов собравшейся семьи. Всякий раз, возвращаясь домой, он замечал свое расхождение с семьей, а сегодня жизнь пасторского дома показалась ему еще более чуждой, чем обычно. Трансцендентальные устремления, все еще выраставшие из геоцентрической теории — рай в зените, ад в падице, — были непонятны ему, словно грезы людей, обитающих на другой планете. Последние месяцы видел он только жизнь, ощущая мощное, стра-

стное биение пульса бытия, не искаленного, не заглушенного, не стесненного теми верованиями, какие тщетно пытаются заглушить то, что мудрость хотела бы только регулировать.

И родные в свою очередь нашли его резко изменившимся, непохожим на прежнего Энджела Клэра. Сейчас родители, и в особенности братья, отметили перемену в его манерах: он привык держать себя, как фермер, — сидел, вытянув ноги; лицо его стало более выразительным, в глазах отражалась мысль раньше, чем он успевал ее высказать; стерся лоск, свойственный ученикам колледжей и, тем более, салонным юношам. Человек недалекий сказал бы, что Энджел стал некультурным; чопорный нашел бы его огрубевшим. Таковы были результаты общения с нимфами и пастушками Тэлботейеа.

После завтрака он пошел погулять со своими братьями, не евангелистами, прекрасно образованными молодыми людьми, корректными до мозга костей, — такие безупречные модели выпускает ежегодно токарный станок систематического обучения. Оба были слегка близоруки, и когда мода требовала носить монокль на шнурке, они носили монокль на шнурке; когда в моду вышел лорнет, они приобрели лорнет; а когда модными стали очки, они обзавелись немедленно очками, не заботясь о том, в чем именно они нуждаются. Когда на трон возведен был Вордсворт, они носили его книжки в кармане, а когда развенчали Шелли, они предоставили ему покрываться пылью на книжных полках. Когда всеобщий восторг вызывали святые семейства Корреджо, они восхищались Корреджо; когда Корреджо был обесславлен в пользу Веласкеза, — нимало не возражая, они поспешили присоединиться к общественному мнению.

Если два брата отметили недостатки в воспитании Энджела, то он обратил внимание на духовную их ограниченность. Феликс казался ему олицетворением церкви, Катберт — колледжа. Для одного краеугольным камнем мира был епархиальный совет, для другого — Кембридж. Оба брата снисходительно признавали, что существуют в цивилизованном обществе несколько десятков миллионов людей, не имеющих отношения ни к университету, ни к церкви; но к этим людям следует скорее относиться терпимо, чем считаться с ними и их уважать.

Оба были почтительными и внимательными сыновьями и регулярно навещали родителей. Феликс, как теолог, был значительно современнее, чем его отец, но менее склонен к самопожертвованию и самоотречению. Относясь более терпимо, чем отец, к противоположным мнениям, опасным для самого оппонента, он, однако, не столь легко прощал неуважение к своей доктрине. Катберт был более либерален и тонок, но и более черств.

Прогуливаясь с братьями по склону холма, Энджел снова почувствовал, что, каковы бы ни были их преимущества перед ним, ни один из них не видел и не знал жизни. Быть может, способность выражать свои мысли была развита у них, как и у многих людей, в ущерб наблюдательности. Они не имели здравого представления о сложных силах, действующих за пределами того тихого и невозмутимого потока, который увлекал их вместе с их единомышленниками. Оба не видели разницы между истиной, признаваемой в данной группе, и истиной универсальной; они не понимали, что мнения узкого круга, клерикального и академического, отнюдь не есть мнения всего человечества.

— Полагаю, дорогой мой, для тебя ничего больше не остается, как сделаться фермером, — сказал, между прочим, Феликс своему младшему брату, печально и сурово поглядывая сквозь очки на далекие поля. — И, следовательно, мы должны с этим примириться. Но умоляю тебя — уделяй по мере сил внимание нравственным идеалам. Конечно, жизнь фермера приводит к внешнему огрубению, и тем не менее можно жить просто, но мыслить возвышенно.

— Разумеется, — отозвался Энджел. — Разве это не было доказано девяносто лет назад? Прости, что я вторгаюсь в твою область. Почему ты думаешь, Феликс, что я откажусь от возвышенных нравственных идеалов?

— Видишь ли, по тону твоих писем и нашего разговора мне показалось... быть может, это только моя фантазия... что интеллектуальное твое развитие приостановилось. А ты что скажешь, Катберт?

— Послушай, Феликс, — сухо перебил Энджел, — мы, как тебе известно, хорошие друзья, и каждый из нас идет своей дорогой, но уж коли речь зашла об интеллектуальном развитии, я нахожу, что тебе — самодовольному догматику — нечего беспокоиться о моем развитии, — позаботился бы лучше о своем.

Они вернулись домой к обеду, а обед подавали в тот час, когда отец и мать заканчивали утренний обход прихожан. Самоотверженные родители немало не считались с возможностью послеополуденных визитов, но в данном пункте расхождения у сыновей не было — все трое хотели, чтобы м-р и м-с Клэр усвоили современные понятия.

После прогулки они проголодались, в особенности Энджел, который привык к жизни на свежем воздухе и обильным *dapes inemptae*¹, подававшимся на стол фермера, не очень-то

¹ Домашние яства (лат.).

изящно сервированный. Но старики вернулись, когда у сыновей почти иссякло терпение. Самоотверженная чета занималась тем, что пыталась пробудить аппетит у больных прихожан, чей дух они, довольно непоследовательно, старались удерживать в теле, совсем позабыв о своем собственном аппетите.

Семья уселась за стол; еды было мало, кушанья холодные. Энджел вспомнил о подарке м-с Крик — кровяной колбасе, которую он просил хорошенько поджарить, как поджаривали ее на мызе; ему хотелось, чтобы отец и мать отведали этой вкусной колбасы и оценили так же высоко, как оценивал он сам.

— Ты ищешь кровяную колбасу, мой мальчик? — заметила мать. — Но я уверена, что ты охотно от нее откажешься, как отказываемся мы с отцом, когда узнаешь, почему ее нет. Я посоветовала отцу отнести подарок милой миссис Крик детям одного человека, который в данное время ничего не зарабатывает, так как заболел *delirium tremens*. Отец согласился с тем, что это их порадует. Так мы и сделали.

— Отлично! — весело отозвался Энджел и стал пекать мед.

— Мед оказался таким крепким, — продолжала мать, — что решительно не годится как столовый напиток, но в случае болезни может заменить ром или коньяк, поэтому я его спрягала в свою аптечку.

— Мы принципиально не пьем за этим столом ничего спиртного, — добавил отец.

— Но что же мне сказать жене мистера Крика? — спросил Энджел.

— Конечно, правду, — отозвался отец.

— Я бы предпочел ей сказать, что и мед и колбаса вам очень понравились. Миссис Крик — славная добрая женщина и непременно спросит меня об этом, как только я вернусь.

— Ты не можешь сказать неправду, — невозмутимо ответил м-р Клэр.

— Да, конечно... а все-таки этот мед — винишко хоть куда!

— Что такое? — в один голос воскликнул Катберг и Феликс.

— Это так говорят в Тэлботейсе, — краснея, объяснил Энджел.

Больше он не сказал ни слова, чувствуя, что если родители его и поступают правильно, то деликатности им все-таки не хватает.

XXVI

Только вечером, после общей молитвы, Энджел нашел случай поговорить с отцом на тему, близко его касавшуюся. Он приготовился к этому разговору, пока стоял, преклонив колени, на ковре позади братьев, разглядывая гвозди на их башмаках.

После молитвы братья вышли вместе с матерью, а м-р Клэр остался наедине с Энджелом.

Сначала молодой человек обсуждал с отцом свои планы: он намеревался стать фермером в Англии или в колониях и поставить дело на широкую ногу. Тогда отец ему сообщил, что, посылая Энджела в Кембридж и, следовательно, сэкономив на этом, он счел своим долгом откладывать ежегодно некоторую сумму денег, чтобы сын мог со временем купить или арендовать участок земли и не чувствовать себя обойденным.

— Что касается мирских богатств,— продолжал отец,— то через несколько лет ты, несомненно, опередишь своих братьев.

Растроганный заботливостью старика, Энджел коснулся другого, более животрепещущего вопроса. Он напомнил отцу, что ему уже двадцать шесть лет; когда он станет фермером, ему одному не справиться с хозяйством,— фермеру нужна не одна, а две пары глаз: кто-то должен смотреть за домом, когда он сам будет работать в поле. Не благоразумнее было бы ему жениться?

Казалось, отец отнесся к этому благосклонно; тогда Энджел задал ему вопрос:

— Как ты думаешь, какая жена нужна мне, бережливому, работающему фермеру?

— Истинная христианка, помощница и утешительница во всех твоих начинаниях. Все остальное в сущности не важно. Такую девушку найти можно. Да вот у моего умнейшего друга и соседа доктора Чанга...

— А не должна ли она прежде всего научиться доить коров, сбивать хорошее масло, варить огромные сыры, ходить за курицами и индюками, кормить дыблят, в случае необходимости — присматривать за работниками на поле и знать цену на овец и телят?

— Да... жена фермера... да, конечно. Это было бы желательно.— Ясно, что м-р Клэр-старший никогда не задумывался над этими вопросами.— Я хотел сказать,— продолжал он,— что, если ты ищешь женщину целомудренную и добродетельную, такую, которая пришлась бы по душе твоей матери и мне, тебе не найти никого, лучше твоей приятельницы Мерси. Ты, кажется, интересовался ею. Правда, не так давно дочь моего соседа Чанга заразилась этой модой, введенной у нас более молодыми священнослужителями, украшать по праздникам стол причастия,— к великому моему возмущению, она на днях назвала его алтарем,— украшать его цветами и прочим. Но се отец, который, как и я, восстает против таких пустяков, считает, что се можно исправить. Это лишь девичья причуда, и я уверен, что она от нее откажется.

— Да, да, знаю: Мерси славная, набожная девушка. Но не думаешь ли ты, отец, что девушка, такая же целомудренная и добродетельная, как мисс Чант, и хотя не столь сведущая в теологии, но зато знающая толк в сельском хозяйстве не хуже самого фермера,— такая девушка подошла бы мне значительно больше?

Отец настаивал на том, что важнее знать учение апостола Павла, чем обязанности жены фермера. Тогда импульсивный Энджел, желая добиться своего, но не огорчать отца, начал лицемерить: он сказал, что судьба, или провидение, поставила на его пути девушку, которая может быть идеальной помощницей фермера и вместе с тем очень серьезно относится к жизни. Ему неизвестно, принадлежит ли она к здравомыслящей Низкой церкви его отца, но в этом пункте на нее можно воздействовать; она регулярно ходит в церковь, чистосердечна, восприимчива, умна, пожалуй изящна, целомудренна, как весталка, а что касается ее внешности, то она изумительно красива.

— А из какой она семьи? Хотел бы ты породниться с ее семьей? Короче говоря, леди она или нет? — спросила изумленная мать, которая тихонько вошла в кабинет во время этого разговора.

— С общепринятой точки зрения ее не назовешь леди,— твердо заявил Энджел,— я с гордостью могу сказать, что она дочь крестьянина. И тем не менее — она леди по своему душевному складу.

— Мерси Чант из очень хорошей семьи.

— Да какой в этом толк, мама? — быстро возразил Энджел. — Чем семья может быть полезна жене человека, которому предстоит вести трудовую жизнь, как мне?

— Мерси прекрасно воспитана и образованна. А это имеет свою хорошую сторону,— отозвалась мать, поглядывая на него сквозь очки в серебряной оправе.

— Что касается внешнего лоска, то в той жизни, какую я намерен вести, пользы от него не будет. А ее образованием я сам могу заняться. Она способная ученица, вы бы в этом убедились, если бы ее знали. Она натура поэтическая, живет поэзией, если можно так выразиться. Живет тем, о чем иные поэты только пишут. И она безупречная христианка; пожалуй, она принадлежит именно к тому роду, виду и разновидности людей, какие вам больше всего по душе.

— О Энджел, ты над нами смеешься!

— Прости, мама. Но она добрая христианка, почти каждое воскресенье ходит в церковь; и я уверен, ради этого вы будетенисходительны к некоторым недочетам в ее воспитании и согласитесь с тем, что мой выбор не плох.

Энджел разгорячился, говоря о неосознанной ортодоксальной религиозности своей возлюбленной Тэсс. Эту религиозность (Энджел не подозревал, что когда-нибудь извлечет из нее пользу) он всегда склонен был высмеивать, наблюдая, как заражены ею Тэсс и другие доильницы, ибо она была явно чужда их верованиям, порожденным жизнью на лоне природы.

Опечаленные, не уверенные в том, что их сын имеет право приписывать эти качества неизвестной им девушке, м-р и м-с Клар пришли к заключению, что набожность девушки является преимуществом, пренебрегать которым не следует; случай или провидение способствовали этой встрече, а Энджел не такой человек, чтобы выбор его зависел от принадлежности к ортодоксальной церкви. Наконец, они заявили, что спешить незачем, но они не возражают против знакомства.

Поэтому Энджел пока воздержался от сообщения дальнейших подробностей. Он понимал, что хотя родители его были людьми прямолинейными и самоотверженными, но им, как и всем представителям мелкой буржуазии, не чужды скрытые предрасудки, и нужно действовать тактично, чтобы их преодолеть. Хотя по закону он имел право поступать, как ему угодно, а качества невестки не могли отразиться на жизни стариков — он предполагал жить вдали от них, — но из любви к родителям он не хотел оскорблять их чувства, принимая решение, наиболее ответственное в жизни человека.

Он отметил свою собственную непоследовательность, когда подчеркивал как нечто существенное случайные черты в облике Тэсс. Он любил Тэсс, любил ее душу, ее сердце, самое существо ее, не придавая значения ее умению работать на мысе, способностям как будущей его ученицы и особенно ее простодушной и чисто формальной набожности. Он чувствовал прелесть ее существования, вольного и безыскусственного, и не требовал от нее светского лоска. Думал он, что образование почти не влияет на эмоции и импульсы, на которых зиждется семейное счастье. Быть может, по прошествии веков усовершенствованная система морального и интеллектуального воспитания заметно, пожалуй даже значительно, очистит неосознанные инстинкты человеческой природы, но в данное время культура, по мнению Клэра, затрагивала лишь духовную эпидерму тех жизней, на которые распространилось ее влияние. К этому убеждению он пришел, наблюдая женщин — сначала культурных представительниц мелкой буржуазии, а затем девушек на мысе; и наблюдения убедили его в том, что между хорошей и умной женщиной одного социального слоя и хорошей и умной женщиной другого социального слоя разница гораздо меньше,

чем между хорошей и дурной либо умной и глупой одного и того же слоя или класса.

Настал день отъезда. Братья его уже покинули пасторат, чтобы совершить экскурсию на север, откуда один должен был вернуться в свой колледж, а другой — в приход. Энджел мог отправиться с ними, но предпочел ехать к своей возлюбленной в Тэлботейс. В сущности он явился бы для них нежелательным спутником, ибо благодаря своей прямоте не мог преодолеть выросшее отчуждение Ни Феликсу, ни Катберту он ни слова не сказал о Тэсс.

Мать приготовила ему сандвичи, а отец верхом на своей кобыле отправился его провожать. Труся рысцой по тенистым проселочным дорогам, Энджел, довольный результатами своей поездки, охотно слушал повествование отца о трудностях его работы в приходе, о холодности его собратьев, которые порицали его буквальное толкование Нового завета и усматривали в этом влияние пагубной кальвинистской доктрины.

— Пагубной! — с добродушным презрением воскликнул м-р Клэр и стал приводить случаи, доказывающие нелепость подобного утверждения.

Он рассказал о том, как посчастливилось ему быть орудием чудесного обращения грешников на путь истинный — не только бедняков, но и людей богатых или зажиточных, затем откровенно признался и во многих неудачах.

По этому поводу упомянул он об одном молодом выскочке-эсквайре по фамилии д'Эрбервилль, который жил в окрестностях Трэнтриджа, милях в сорока от Эмминстера.

— Не происходит ли он из древнего рода д'Эрбервиллей, владельцев Киингсбира и других земель? — спросил сын. — Из этого исторического захудалого рода, с которым связана страшная легенда о карете, запряженной четверкой?

— О нет! Подлинный род д'Эрбервиллей захирел и вымер лет шестьдесят или восемьдесят назад, — по крайней мере я так считаю. А эти д'Эрбервилли — выскочки, присвоившие себе чужую фамилию. Из уважения к древнему рыцарскому роду я надеюсь, что они самозванцы. Но странно, что ты стал интересоваться старинными родами. Ты как будто придавал им меньше значения, чем я.

— Ты меня не понял, отец: с тобой это нередко случается, — нетерпеливо отозвался Энджел. — С политической точки зрения древность рода я не считаю добродетелью. Даже среди представителей древних фамилий встречаются мудрецы, которые «восстают против своего же права наследования», как выразился Гамлет. Но к древнему роду я питаю теплые чувства, так

сказать, с лирической, драматической и даже исторической точки зрения.

Такие тонкости — если можно назвать их тонкостями — преобладали, однако, понимание м-ра Клэра-старшего, и он продолжал прерванный рассказ. После смерти старика д'Эрбервилля молодой человек предался разгульной жизни, хотя у него есть славная мать, печальное положение которой, казалось, должно было бы его образумить. Слух о его поведении дошел до м-ра Клэра, когда он выступал в тех краях с миссионерскими проповедями, и старик смело воспользовался случаем, чтобы поговорить с ним начистоту о его духовной жизни. Хотя он был здесь чужим человеком и говорил с чужой кафедры, но видел в этом свой долг и произнес проповедь на слова евангелиста Луки: «Безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя!» Молодой человек был возмущен такой откровенной атакой и в завязавшемся при встрече словесном поединке не постеснялся публично оскорбить м-ра Клэра, забыв об уважении к его сединам.

Энджел покраснел от огорчения.

— Дорогой отец, — грустно сказал он, — я бы не хотел, чтобы ты подвергал себя незаслуженным оскорблениям со стороны негодяев.

— Оскорбления? — переспросил отец, и суровое его лицо озарилось пламенем самопожертвования. — Мне только больно было видеть этого несчастного, безумного юношу. Неужели ты думаешь, что меня могли оскорбить безрассудные его слова или даже побои? «Злословят нас — мы благословляем; гонят нас — мы терпим; хулят нас — мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый дощине». Это древние и благородные слова, обращенные к коринфянам, совершенно справедливы и в наше время.

— Но ведь до побоев дело не дошло, отец? Он тебя не ударил?

— Нет, не ударил. Но мне случалось терпеть побои от людей, обезумевших от алкоголя.

— Не может быть!

— Частенько, мой мальчик. Беда не велика. Я спасал их от преступления, не давая им пролить кровь ближнего. И впоследствии они меня благодарили и славили господа.

— Будем надеяться, что и этот молодой человек последует их примеру! — воскликнул Энджел. — Но, судя по твоим словам, боюсь, что этому не бывать.

— А все-таки будем надеяться, — сказал м-р Клэр. — Я продолжаю за него молиться, хотя вряд ли мы с ним встретимся по эту сторону могилы. Но, быть может, слова мои, как доброе семя, прорастут когда-нибудь в его сердце.

— Сейчас, как и всегда, отец Клэра был оптимистичен, как ребенок. Хотя сын и не мог принять узкой догмы старика, но отнесся с уважением к его деятельности и в пнети¹ видел героя. Пожалуй, теперь он уважал отца больше, чем когда бы то ни было, так как м-р Клэр, обсуждая вопрос о браке его с Тэсс, даже не спросил, богата девушка или бедна. Это была та самая непрактичность, по вине которой Энджел вынужден был стать фермером, а братьям его, по всей вероятности, предстояло быть до конца жизни бедными приходскими священниками, — и тем не менее Энджел восхищался ею. Несмотря на еретические свои убеждения, он не раз чувствовал, что отец как человек гораздо ближе ему, чем оба брата.

XXVII

Больше двадцати миль он проехал знойным днем по дороге, взбирающейся на холмы и сползающей в долину, а после полудня поднялся на холм, находившийся в одной-двух милях к западу от Тэлботейса, откуда снова увидал это зеленое корыто — сочную и сырую долину реки Вар. Как только начал он спускаться с предгорий в эту долину с тучной наносной землей, воздух сделался более тяжелым; томительные запахи летних плодов, тумана, цветов и сена сливались в озеро ароматов и в этот час словно нагоняли дремоту не только на животных, но даже на бабочек и пчел. Клэр был здесь своим человеком, знал клички многих коров, которые паслись вдалеке, — крошечные точки, разбросанные по лугу. Радостно было ему сознавать, что на эту жизнь смотрит он не со стороны, а как бы изнутри, — так не умел он смотреть в студенческие дни. И как ни любил он своих родителей, но почувствовал теперь, после пребывания в родительском доме, что здесь он словно сбрасывает с себя лубки и повязки; здесь не знали даже той привычной узды, какая сдерживает английских поселян, — в Тэлботейсе не было помещика.

Во дворе он никого не встретил. Все обитатели мизы имели обыкновенно вздремнуть часок после полудня, что было необходимо, так как в летнее время вставать приходилось очень рано. У дверей, на разветвленном суке дуба, очищенном от коры и вбитом в землю, висели — словно шляпы на вешалке — подойники, стянутые деревянными обручами, побелевшие от бесконечного мытья; они были приготовлены и высушены для вечернего доения. Энджел прошел через сени на задний двор и

¹ Пнети́зм — течение в протестантском богословии, выдвигающее на первый план религиозно-нравственное совершенствование.

остановился, прислушиваясь. Из сарая, где стояли повозки, доносился негромкий храп, там спал кое-кто из батраков, а вдали раздавалось хрюканье и визг свиней, измученных зноем. Широколиственный ремень и капуста погружены были в дремоту, большие их листья вяло обвисли на солищеппе, словно полузакрытые зонты.

Энджел разнуздal и накормил свою лошадь, а когда снова вошел в дом, пробилo три часа. В этот час обычно спинали с молока сливки, и, как только замер бой, Энджел слышал поскрипывание половиц наверху: кто-то спускался по лестнице. Еще секунда — и показалась Тэсс.

Она не слышала, как он вошел, и не сразу его заметила. Она зевала, и он видел ее открытый рот, красный, как у змеи. Одну руку она высоко подняла над туго скрученным узлом волос, и атласная кожа белела там, где кончался загар. Лицо ее размягчилось после сна, веки были полуопущены. Жизнь была в ней через край. Это был один из тех моментов, когда душа женщины ярче, чем когда-либо, облекается в плоть, когда самая одухотворенная красота становится плотской и оттеняется ее сексуальная сторона.

Потом эти глаза вспыхнули сквозь дымку дремоты, хотя с лица еще не стерлась печать сна, в глазах сверкнули радость, удивление, смущение, и Тэсс воскликнула:

— Ох, мистер Клэр! Как вы меня испугали... я...

В первую минуту она не успела подумать о перемене в их отношениях, вызванной его признанием, но эта мысль ярко отразилась на ее лице, когда она встретила нежный взгляд Клэра, бросившегося ей навстречу.

— Тэсси, дорогая, любимая! — прошептал он, обнимая ее за талию и прижимаясь лицом к ее горячей щеке. — Ради бога, не называй меня больше мистером! Я так спешил к тебе!

Тэсс не отвечала, но сердце ее забило быстрее. Они стояли в сенях, на красном кирпичном полу, он прижимал ее к своей груди, а косые лучи солнца, врываясь в окно за его спиной, освещали ее опущенную голову, голубые вены на виске, обнаженную руку, шею и пышные волосы. Спала она не раздеваясь и сейчас была вся теплая, как пригревшаяся на солнце кошка. Сначала она не смотрела ему в лицо, но вскоре подняла глаза, и он заглянул в глубь вечно меняющихся зрачков, окруженных радужной оболочкой с голубыми, черными, серыми и фиолетовыми волокнами, а она смотрела на него так, как на второй день своего бытия могла смотреть Ева на Адама.

— Я должна снимать сливки с молока, — умоляюще прошептала она. — Нет никого, кто бы мне помог, одна старая Дебора осталась. Миссис Крик поехала на базар с мистером Кри-

ком, Рэтти нездорова, а все остальные куда-то ушли и вернутся только к вечеру доить коров.

Когда они направились в молочную, на площадке местницы оказалась Дебора Файэндер.

— Я вернулся, Дебора,— сказал ей м-р Клэр.— Я помогу Тэсс снимать сливки. А вы, конечно, очень устали; отдыхайте, пока не настало время доить коров.

Пожалуй, в этот день на мызе Тэлботейс сливки с молока были сняты не очень тщательно. Тэсс двигалась словно во сне; знакомые предметы, по-прежнему освещенные солнцем, отрабатывающие тень, казалось, теряли привычные контуры. Когда она подставляла под напор шумовку, чтобы охладить, рука ее дрожала; она ощущала пламя страсти Клэра и съеживалась, как съеживается растение под палящими лучами солнца.

Он снова привлек ее к себе, а когда она, очищая сливки с шумовки, провела по ней указательным пальцем, он попросту облизал этот палец: отсутствие чопорности на мызе Тэлботейс оказалось сейчас весьма кстати.

— Лучше уж я сразу скажу тебе все, дорогая,— ласково заговорил он.— Я хочу задать тебе один вопрос, в высшей степени практический, о котором думал все время, начиная с того дня на лугу. Я собираюсь жениться, и мне, как будущему фермеру, нужна женщина, понимающая толк в сельском хозяйстве. Хочешь быть этой женщиной, Тэсси?

Он задал вопрос именно в такой форме, опасаясь, как бы она не подумала, что он действует под влиянием импульса, против которого может восстать его рассудок.

Она побледнела. Она приняла как неизбежное последствия своего сближения с ним, приняла свою любовь к нему, но не ждала этого внезапного предложения, да и сам Клэр заговорил об этом раньше, чем предполагал. С тоской, в которой был словно горький привкус смерти, прошептала она те слова, какие считала своим долгом произнести, ибо была честной женщиной.

— О мистер Клэр! Я не могу быть вашей женой! Не могу!

Казалось, ее собственный решительный ответ разбил ей сердце, и она в отчаянии опустила голову.

— Тэсс! — воскликнул он, изумленный ее словами и еще крепче прижимая ее к себе.— Ты сказала — нет? Но ведь ты меня любишь?

— Да, да! И только за вас хотела бы я выйти замуж, — ответила ему честно несчастная девушка.— Но я *не могу!*

— Тэсс,— сказал он, слегка отстраняя ее от себя,— ты помолвлена с кем-то другим?

— Нет, нет!

— Но почему же ты мне отказываешь?

— Я не хочу идти замуж! Я никогда об этом не думала. Я не могу! Я могу только любить вас.

— Но почему?

Вынужденная лукавить, она пробормотала:

— Ваш отец — священник, и ваша мать не пожелает, чтобы вы женились на такой, как я. Она захочет, чтобы вашей женой была яедн.

— Вздор! Я говорил с ними обоими. Отчасти из-за этого я и поехал домой.

— Я чувствую, что не могу. Нет, нет, никогда! — повторила она.

— Быть может, я слишком поторопился, моя милая?

— Да... Я не ожидала.

— Пожалуйста, простите меня, Тэсс, я дам вам время подумать — сказал он. — Я приехал так неожиданно и сразу начал говорить. Больше я не буду упоминать об этом в течение ближайших дней.

Она снова взяла блестящую шумовку, подставила под насос и принялась за работу. Но, как ни старалась она, ей не удавалось аккуратно снять сливки с молока, — шумовка то погружалась в молоко, то скользила по воздуху. Она почти ничего не видела, слезы застилали ей глаза, но причину своей тоски не могла она объяснить этому лучшему своему другу и защитнику.

— У меня ничего не выходит, — сказала она, отвернувшись.

Не желая ее волновать и мешать работе, Клэр заговорил на другую тему:

— У вас ложное представление о моих родителях, они оба очень простые и отнюдь не честолюбивые люди. Последние из немногих, оставшихся верными евангелической школе. Вы евангелистка, Тэсс?

— Не знаю.

— Вы аккуратно ходите в церковь, а здешний священник, говорят, не очень-то склоняется к Высокой церкви.

Представление Тэсс о взглядах приходского священника, которого она слушала каждую неделю, было, пожалуй, еще более туманно, чем представление Клэра, который ни разу его не слышал.

— Жаль, что я не могу хорошенько сосредоточиться на том, что там слышу, — отделалась она общей фразой. — Меня это часто огорчает.

Она говорила так искренне, что, по мнению Энджела, его отец не стал бы возражать против их брака по религиозным мотивам, хотя она и не знала, каковы ее принципы — Высокой

церкви, Низкой или Широкой. Он-то сам знал, что ее смутные верования, которые она, по-видимому, впитала с детства, были по существу пантеистическими, а фразеология почерпнута из религиозных брошюр. Но если и были они смутны, не хотел он тревожить их:

Вот молитесь, сестра твоя...
Ей веру детскую и небо
Оставь. И помни — не тебе бы
Смущать ей радость бытия!

Иной раз он думал, что этот совет более мелодичен, чем достоин уважения, но сейчас он с радостью внял ему.

Он стал рассказывать о своем пребывании в родном доме, об образе жизни отца, о том, как ревностно проводит он в жизнь свои принципы. Эсс понемногу успокоилась, и работа пошла у нее на лад. Он вытаскивал пробки из чанов и выпускал молоко, по мере того как она снимала с него сливки.

— Мне показалось, что у вас вид был печальный, когда вы сюда вошли,— отважилась она заметить, чтобы не возвращаться к разговору о себе самой.

— Да, пожалуй... Отец рассказывал мне о своих невзгодах и затруднениях, а меня это всегда расстраивает. Он с таким рвением отдается своему делу, что часто приходится ему слышать оскорбления и нападки тех, кто не разделяет его образа мыслей. Мне больно слышать, что человек преклонных лет подвергает себя подобным оскорблениям, и я не верю, чтобы рвение, заходящее слишком далеко, могло принести какое-нибудь благо. Он рассказал мне об одной неприятной сцене, происшедшей не так давно. Посланный каким-то миссионерским обществом, он говорил проповедь в окрестностях Тренгриджа, мнях в сорока отсюда, и считал своим долгом выступить с разоблачением одного молодого повесы, с которым встретился в тех краях. Это сын какого-то помещика, мать у него слепая. Мой отец поговорил с этим джентльменом начистоту, и в результате произошел скандал. Должен сказать, что со стороны отца нелепо было лезть с поучениями к незнакомому человеку, когда не было ни малейшей надежды на успех. Но, как бы там ни было, он всегда, кстати или некстати, делает то, что считает своим долгом. Разумеется, он нажил много врагов, не только среди порочных, но и среди просто легкомысленных людей, которые не любят, когда кто-нибудь вмешивается в их дела. Но, по его словам, он гордится тем, что произошло, и утверждает, будто добро можно творить и косвенным путем. А мне бы хотелось, чтобы он пощадил себя на старости лет и предоставил свиньям барахтаться в грязи.

Лицо Тэсс стало суровым и измученным, сочные губы были трагически сжаты, но волнение ее как будто улеглось. Клэр, погруженный в мысли об отце, ничего не заметил. Они обошли ряд белых прямоугольных чанов, сняли сливки и перелили молоко, а затем пришли работницы за своими подошниками и явилась Деб, чтобы промыть кипятком чаны для вечернего удоя. Когда Тэсс пошла на луг доить коров, он шепнул ей:

— Что же вы мне ответите, Тэсси?

— Нет, нет! — сказала она сурово и безнадежно, словно в рассказе об Алека д'Эрбервилле услышала голос своего невозможного прошлого. — Этому *не бывать!*

Она побежала вслед за своими товарками, как будто надеялась, что свежий воздух разгонит тоску. Девушки направлялись к дальнему лугу, где паслись коровы; шли они гурьбой, со смелой грацией диких зверей. Это была свободная, решительная походка женщины, которые привыкли жить на воле и чувствовали себя на вольном воздухе, как пловец на волнах. И теперь, снова увидев Тэсс, Клэр нашел вполне естественным, что выбор его пал на девушку, которая выросла не в обители искусства, а на лоне природы.

XXVIII

Отказ ее, хотя и неожиданный, недолго смущал Клэра. Зная женщину, он понимал, что часто отрицательный ответ лишь предшествует утвердительному; однако знание его было ограничено, и он не догадывался, что отрицательный ответ Тэсс вызван отнюдь не робостью или нерешительностью. Она уже приняла его ухаживания, и в этом он видел добрый знак, не подозревая, что на лугах и пастбищах «тишетье воздыхания» нимало не считаются пустой тратой времени; здесь девушки не задумываясь и неключительно ради удовольствия принимали знаки внимания, тогда как в унылых домах честолюбцев желание девушки пристроиться парализует здоровое стремление к любви как к самоцели.

— Тэсс, почему вы так решительно сказали мне «нет»? — спросил он ее через несколько дней.

Она вздрогнула.

— Не спрашивайте. Я вам объяснила... отчасти. Я не достаточно хороша для вас... я вас недостойна.

— Что это значит? То ли, что вы не леди?

— Да, пожалуй, — прошептала она. — Ваши друзья стали бы меня презирать.

— Вы ошибаетесь... вы не знаете моих родителей. Ну, а что

касается братьев, то мне нет дела до них.— Он обнял ее, опасаясь, как бы она от него не ускользнула.— Ведь вы не всерьез отказали мне, дорогая? Я уверен, что нет! Вы меня так измучили, что я ничего не могу делать — ни читать, ни играть. Я не тороплю вас, Тэсс, но хочу знать, хочу услышать из ваших уст, что когда-нибудь вы будете моей. Когда-нибудь... вы сами назначите день.

Она только покачала головой и отвернулась.

Клэр пристально смотрел на нее, изучая черты ее лица, словно какие-то иероглифы. По-видимому, она всерьез ему отказала.

— Значит, я не смею вас обнимать... не смею? У меня нет никаких прав на вас... я не вправе подойти к вам, гулять с вами? Скажите по чести, Тэсс, вы любите другого?

— Как можете вы спрашивать? — проговорила она, пытаясь овладеть собой.

— Я почти знаю, что не любите. Но в таком случае почему же вы меня отталкиваете?

— Я вас не отталкиваю. Мне... мне приятно, когда вы говорите, что любите меня, и вы можете всегда говорить об этом, когда мы вместе... и никогда я не рассержусь.

— Но выйти за меня вы не хотите?

— А это другое дело... это для вашего же блага, дорогой мой! Поверьте мне, это только ради вас! Я была бы бесконечно счастлива, если бы обещала вам стать вашей женой, но... но я уверена, что не должна это делать.

— Но с вами я буду счастлив!

— Да, вы так думаете, но вы не знаете.

В таких случаях, предполагая, что она из скромности считает себя неподходящей для него женой, так как не умеет вести себя в обществе, он начинал ее убеждать, говорил о восприимчивости и гибкости ее ума; и он не лгал: Тэсс была умна от природы, а любовь к Клэру помогла ей усвоить его словарь, произношение и с удивительной быстротой почерпнуть кое-какие сведения из его научного багажа. После этих нежных пререканий, одержав победу, она шла в дальний конец луга донть отбившуюся от стада корову, а если никакой работы не было, пряталась в осоке либо уходила в свою комнату и долго грустила в тишине, оплакивая свой отказ, мимо равнодушный.

Она выдерживала тяжелую борьбу; сердце ее было на его стороне,— два пламенных сердца боролись с бедной маленькой совестью, и она всеми доступными ей средствами пыталась подкрепить свою решимость. Она приехала в Тэлботейс с готовым решением: ни при каких условиях не могла она сделать шаг, который впоследствии заставил бы ее мужа горько рас-

казаться в своей слезоте. И она твердила себе, что решение, вынесенное ее совестью в те дни, когда она могла мыслить трезво, должно и теперь остаться непреложным.

«Почему никто не расскажет ему обо мне? — думала она. — Ведь это случилось всего за сорок миль отсюда? Почему не дошли слухи? Ведь должен же кто-нибудь знать?»

Но никто, казалось, не знал; никто не сказал ему.

В течение следующих двух-трех дней не сказано было больше ни слова. Судя по грустным физиономиям своих товарок, Тэсс догадывалась, что они видят в ней не только избранницу м-ра Клэра. Однако они не могли не заметить, что она избегает его по мере сил.

Тэсс еще не знавала такого периода, когда бы шть ее жизни так резко разделилась на два волокна — волокно радости и волокно скорби. В тот день, когда варили на мызе сыр, она снова осталась с Энджелом наедине. Хозяин мызы принимал участие в работе, но последнее время и м-р Крик и его жена, казалось, подметили взаимную склонность молодых людей, хотя Энджел и Тэсс были так осторожны, что у хозяев могло возникнуть лишь самое смутное подозрение. Как бы то ни было, но фермер оставил их вдвоем.

Они крошили творог, прежде чем положить его в чаны, — эта операция походила на крошение огромных хлебов. Руки Тэсс Дарбейфилд, погруженные в белоснежную массу, были розовые, как лепестки розы. Энджел, пригоршнями бросавший творог в чаны, вдруг оторвался от работы и положил обе руки на руки Тэсс. Рукава у нее были засучены выше локтя, и, наклонившись, он поцеловал голубую вену, проступившую сквозь нежную кожу.

Хотя первые сентябрьские дни были жаркие, но рука Тэсс, запачканная творогом, показалась ему холодной и влажной, как свежий гриб, и он почувствовал привкус сыворожки. Чувствительность девушки была обострена до крайности: от одного его прикосновения пульс ее забился быстрее, кровь прилила к кончикам пальцев, и руки стали горячими, словно сердце шепнуло ей: «Нужно ли его избегать? Правда всегда остается правдой, даже в отношениях между женщиной и мужчиной». Она подняла глаза, посмотрела на него с бесконечной преданностью, и нежная улыбка тронула ее губы.

— Вы знаете, почему я это сделал, Тэсс? — спросил он.

— Потому что вы меня очень любите!

— Да, а затем — это ветушение к новым мольбам.

— Онять!

На лице ее отразился испуг, словно она боялась, что упорство ее будет сломлено ее же собственным желанием.

— О Тэсси,— продолжал он,— я не понимаю, зачем ты меня так мучаешь? Зачем так огорчаешь? Честное слово, можно подумать, что ты кокетка, настоящая городская кокетка. От них то холодом веет, то теплом,— точь-в-точь, как от тебя! Вот уж не ждал я найти кокетку в такой глуши, как Тейлботейс. А все-таки, дорогая,— поспешил он добавити, видя, как задела ее эти слова,— я знаю, что в мире нет человека честнее и искреннее тебя. Может ли мне прийти в голову, что ты со мной кокетничаешь? Тэсс, почему тебе неприятна мысль стать моей женой, если ты действительно меня любишь?

— Я никогда не говорила, что эта мысль мне неприятна, и не могу сказать, потому что... потому что это неправда!

Губы ее задрожали, и она должна была отойти от него, чувствуя, что силы ей изменяют. Клэр, измученный, недоумевающий, бросился за ней и поймал ее в коридоре.

— Скажи мне, скажи,— начал он, страстно обнимая ее и совсем не думая о том, что руки у него в твороге,— скажи, что никому, кроме меня, ты не будешь принадлежать!

— Да, да! — воскликнула она.— И я вам отвечу на все вопросы, только отпустите меня сейчас! Я вам расскажу свою жизнь... все о себе расскажу, все!

— Да, да, дорогая! Конечно, ты мне расскажешь обо всех твоих приключениях! — с ласковой иронией отговаривался он, всматриваясь в ее лицо.— Я не сомневаюсь, что у моей Тэсс приключений было не меньше, чем у этого вьюнка на изгороди, который только сегодня утром распустился. Ты мне расскажешь все, что тебе угодно, только не повторишь больше этих гадких слов, будто ты меня недостойна.

— Хорошо, постараюсь. И завтра я вам объясню причину... нет, не завтра, на будущей неделе.

— Ну, скажем, в воскресенье?

— Хорошо, в воскресенье.

Наконец, она ускользнула от него и бросилась к пивовым заборам в дальнем конце двора, где никто ее не видел. Здесь росла мята. Тэсс упала на траву, словно на кровать, и скорчилась, вздрагивая от тоски и изредка вскрикивая от радости, которую не могло заглушить предчувствие конца.

Действительно, она почти готова была уступить. Каждый ее вздох, каждая капля крови и бление пульса сливали свой голос с голосом природы, восставая против излишней шепетливости. Смело и бездумно дать свое согласие, соединиться с Энджелом перед алтарем, ничего не открыв ему и рискуя быть обличенной, вырвать кусочек счастья, раньше чем успеют вопзвиться в нее железные когти страдания,— вот к чему толкала ее любовь. Охваченная каким-то экстазом, Тэсс предуветвовала,

что, несмотря на многие месяцы тайного самообуздания и борьбы, несмотря на решенные вести отныне жизнь суровую и одинокую, любовь в конце концов победит.

Время шло, а она все еще оставалась в зарослях. Она слышала, как гремели подошвы, когда их снимали с развилстых колеб, слышала крик «уау-уау!», созывающий стада, но она не пошла доить коров. Все заметят, как она взволнованна, а хозяин, считая, что причиной ее волнения может быть только влюбленность, начнет добродушно ее поддразнивать—этой пытки она не вынесет.

— Должно быть, возлюбленный угадал ее состояние и как-нибудь объяснил ее отсутствие, потому что никто не искал и не окликал Тэсс. В половине седьмого закатилось солнце, и пламя, словно вырвавшееся из гигантского горна, разлилось по небу, а с другой стороны вскоре взошла чудовищная луна, напоминающая тыкву. На фоне этой луны подстриженные и искалеченные нвы походила на щетинистых уродов. Тэсс вошла в дом и, не зажигая света, поднялась наверх.

Это было в среду. В четверг Энджел задумчиво поглядывал на нее издали, но не подходил. Товарки ее по комнате, Мэриэн и две другие, казалось, догадывались, что решительный момент приближается, но не досаждали ей своими замечаниями, встречаясь с ней в спальне. Миновала пятница; настала суббота. Завтра предстояло объяснение.

— Я не устою... скажу — да... выйду за него замуж... я ничего не могу поделать!— ревниво шептала она в ту ночь, прижимаясь горячим лицом к подушке, услышав, как одна из девушек бормочет во сне его имя.— Я никому не могу его уступить. Но это душно по отношению к нему, это его убьет, когда он узнает! О, мое сердце...

XXIX

— А ну-ка, угадайте, о ком я сегодня слыхал! — сказал фермер Крик, усаживаясь на следующее утро за завтрак и вопросительно поглядывая на жующих работников и работниц.— Ну, как вы думаете, о ком?

Кое-кто высказал свою догадку; м-с Крик молчала, так как ей уже все было известно.

— Да об этом шалонае и повесе Джеке Доллоне, — объявил Крик. — Он недавно женился на вдове.

— Джек Доллон? Вот негодяй! — сказал кто-то из работников.

Тэсс Дарбейфилд тотчас же вспомнила это имя — имя человека, который обманул свою возлюбленную, а затем спря-

тался в маслобойку и был сурово наказан матерью молодой женщины.

— А разве он не женился, как обещал, на дочери доблестной матроны? — рассеянно спросил Энджел Клэр, отрываясь от газеты, которую читал за отдельным столиком, куда упорно загопяла его м-с Крик из уважения к благородному его происхождению.

— Э, нет, сэр! Да он и не собирался, — ответил фермер. — Как я уже сказал, он женился на вдове, а у нее как будто водились деньги — фунтов пятьдесят было в год; на них-то он и целился. Повенчалась она второпях, а потом она ему объявила, что по выходе замуж теряет свои пятьдесят фунгов. Можете себе представить, как взбеленился парень! С тех пор живут они, как кошка с собакой. Поделом ему! Жаль только, что бедной женщине приходится еще хуже.

— Лучше бы она, глупая, сказала ему, что дух ее первого мужа не даст ему покоя, — заметила м-с Крик.

— Да, пожалуй, — нерешительно отозвался хозяин мызы. — Ну, да ведь вон оно как вышло! Она хотела жить своим домом и боялась, как бы он от нее не улизнул. А как по-вашему, девушки?

И он повернулся к работницам.

— Она должна была сказать ему по дороге в церковь, когда он уж вряд ли мог удрать, — заявила Мэриэн.

— Да, верно, — согласилась Изз.

— Конечно, она догадывалась, на что он метит, и должна была ему отказать! — порывисто воскликнула Рэтти.

— А ты что скажешь, моя милая? — обратился м-р Крик к Тэсс.

— Мне кажется, она должна была сказать ему всю правду... или отказать... не знаю, — пробормотала Тэсс; кусок хлеба с маслом застрял у нее в горле.

— Вот уж этого бы я не сделала! — объявила Бэк Нибс, одна из замужних работниц, живших в коттеджах. — В любви и на войне все средства хороши. Я бы за него пошла, как и она; а посмей он меня хоть словом попрекнуть, почему я ему раньше не рассказала о первом муженьке, я бы его угостила скалкой. Парень он тщедушный, любая женщина с ним справится!

Взрыв смеха встретил эту шутку, а Тэсс, соблюдая приличия, криво улыбалась. То, что для них было комедией, являлось для нее трагедией; и она не могла слышать этот смех. Вскоре она вышла из-за стола и, предчувствуя, что Клэр последует за ней, побрела по извилистой тропинке, которая тянулась вдоль оросительных каналов и привела ее к реке Вар. В верховьях реки работницы срезали водоросли, и зеленая трава

плыла мимо нее — движущиеся островки, на которых она могла, казалось, поместиться; длинные пучки водорослей обвивались вокруг свай, ирелятствовавших коровам переходить реку вброд.

Да, в этом была боль. Вопрос, должна ли женщина поведать историю своей жизни, был для нее тяжким крестом, а у других вызывал смех. Казалось, люди смеются над мученичеством.

— Тэсси! — раздалось за ее спиной, и Клэр, перепрыгнув через кававу, остановился подле нее. — Скоро ты будешь моей женой!

— Нет, нет, я не могу! Ради вас, мистер Клэр, ради вас я говорю нет!

— Тэсс!

— И все-таки — нет! — повторила она.

Не ожидая такого ответа, он обнял было ее за талию, просунув руку под распущенную косу. (По воскресеньям девушки помоложе, в том числе и Тэсс, завтракали с распущенными волосами, а потом, отправляясь в церковь, сооружали высокую прическу, которая, конечно, помешала бы доить коров.) Скажи она «да», он поцеловал бы ее, — несомненно, таково было его намерение, — но решительный отказ пробудил в нем угрызения совести. Жизнь под одной кровлей и неизбежные встречи ставили ее как женщину в столь невыгодное положение, что он считал нечестным воздействовать на нее ласками, к которым не восстания бы прибегнуть, имея она возможность его избегать. Рука его соскользнула с ее талии, и он не поцеловал ее.

Это был решающий момент. На этот раз у Тэсс хватило сил отказать ему только благодаря рассказу м-ра Крика о вдове; еще секунда — и ее сопротивление было бы сломлено. Но Энджел не сказал больше ни слова, лицо его было озабочено; он отошел от нее.

Встречались они ежедневно, но, быть может, реже, чем прежде. Так пролетели еще две-три недели. Был конец сентября, и Тэсс по глазам Клэра угадывала, что он решил повторить свою просьбу.

Теперь он изменил свою тактику, словно убедился в том, что отказ ее объясняется в конце концов лишь смущением и молодостью, — она испугана его предложением. Ее порывистые, уклончивые ответы, когда заходила об этом речь, подтверждали его догадку, и он повел другую игру: был очень нежен, но, не прибегая к ласкам, ограничивался словами.

Клэр настойчиво добивался ее, и голос его звучал, как журчанье молока; он ухаживал за ней, когда она доила коров, снимала сливки, сбивала масло, делала сыры, ходила на птич-

ник или к поросившимся свиньям,— ни за одной доильницей никогда так не ухаживали.

Тэсс знала, что силы ей изменят. Религиозное представление о какой-то моральной законности первого союза и добросовестное желание быть искренней не могли ее поддержать. Слишком горячо она его любила и видела в нем божество; хотя она была простой, необразованной девушкой, но страстно ждала от него духовного руководства. Тэсс упорно твердила: «Я не могу быть его женой», но эти слова были пустым звуком. В этом постоянном утверждении сказывалась ее слабость, ибо спокойная сила не нуждается в формулах. Звук его голоса, произносившего все те же слова, переполнял ее радостью и страхом, и, добиваясь его отречения от нее, она этого боялась.

Как и всякий мужчина, держал он себя так, словно готов был любить ее, беречь и охранять, невзирая ни на какие условия, перемены, трудности, разоблачения,— и уныние ее рассеивалось, когда она думала о его любви. Приближалось равноденствие, и хотя погода была ясная, но дни стали гораздо короче. По утрам на мызе давно уже работали при свечах, и однажды Клэр возобновил свои мольбы в четвертом часу утра.

В ночной рубашке Тэсс, по обыкновению, подбежала к его двери, чтобы разбудить его, потом оделась и разбудила остальных, а через десять минут вышла со свечой в руке на площадку лестницы. В то же время Клэр без пиджака спустился с мезонина и преградил ей дорогу к лестнице.

— Ну-с, мисс кокетка,— повелительно сказал он,— подождите минутку! Две недели прошло с тех пор, как мы с вами говорили, и так продолжаться не может. Вы должны сказать, что у вас на уме, или мне придется оставить этот дом. Сейчас моя дверь была приоткрыта, и я вас увидел. Ради вас я должен уехать. Вы не понимаете... Ну? Скажете ли вы, наконец, «да»?

— Я только что встала, мистер Клэр, и, право же, сейчас еще слишком рано, чтобы меня бранить! — притворилась она обиженной. — Не называйте меня кокеткой, это жестоко и несправедливо. Подождите немного. Пожалуйста, подождите! Теперь я подумаю об этом серьезно. Дайте мне пройти!

Ее и в самом деле можно было заподозрить в кокетстве, когда, держа в вытянутой руке свечу, она пыталась улыбнуться, хотя говорила серьезно.

— Ну, так зовите меня Энджелом, а не мистером Клэром.

— Энджел...

— Скажите: дорогой Энджел.

— Но ведь если я так скажу, значит я согласна?

— Нет, это значит только, что вы меня любите, даже если

и не можете за меня выйти, а вы были столь добры, что давно уже в этом признались.

— Ну хорошо... раз вы меня заставляете, я скажу: дорогой Энджел,— прошептала она, не спуская глаз со своей свечи; хотя она была очень взволнована, но на губах ее мелькнула лукавая улыбка.

Клэр решила не целовать ее, пока не добьется ее согласия; но в своем утреннем платье, изящно подколотом, с волосами, небрежно закрученными на голове,— причесаться можно было позднее, на досуге, после доения коров,— Тэсс заставила его забыть о принятом решении, и он прикоснулся губами к ее щеке. Она быстро сбегала по лестнице, не оглянувшись и не сказала ни слова. Другие девушки были уже внизу, и разговор не возобновился. При тусклом, желтом свете свечей, сливавшемся с первыми холодными лучами зари, все, за исключением Мэриэн, посмотрели на парочку серьезно и подозрительно.

Когда сняты были сливки,— теперь на эту работу уходило мало времени, так как с приближением осени коровы давали меньше молока,— Рэтти и остальные работницы вышли из дому. Влюбленные поседавали за ними.

— Наша напряженная жизнь так не похожа на ту, которую ведут они, не правда ли?— задумчиво сказал он ей, поглядывая на трех девушек, быстро и легко скользивших в холодном бледном свете загорающегося дня.

— Разница не так уж велика,— отозвалась она.

— Почему вы так думаете?

— Почти у всех женщины жизнь... напряженная,— запинаясь, выговорила Тэсс новое слово, которое, по-видимому, произвело на нее впечатление.— Эти три девушки не такие, какими вы их знаете.

— Что ж мне знать о них?

— Каждая... почти каждая...— начала она,— была бы, пожалуй, лучшей женой, чем я. И, быть может, они любят вас так же, как я... почти так же.

— О Тэсси!

Казалось, это нетерпеливое восклицание обрадовало ее и успокоило, хотя она мужественно решила быть великодушной во зло себе. Так она и погнушила, но на вторичную попытку себя унижить у нее не хватило сил. К ним подошел один из проходящих работников, и больше они не возвращались к разговору, который глубоко интересовал обонх. Однако Тэсс знала, что этот день будет решающим.

После полудня домохозяды и работники Крика ушли, по обыкновению, на луг доить коров, которые паслись далеко от мызы. Коровы давали мало молока, так как приближалось вре-

мя, когда им предстояло телиться, и многие доильницы, работавшие летом, были отпущены.

Работали не спеша. Из поддоинок выливали молоко в высокие металлические бидоны, стоявшие на большой рессорной телеге, доставленной сюда; выдоенные коровы лениво отходили прочь.

Фермер Крик работал вместе с остальными, и его белый халат резко выделялся на фоне свинцового вечернего неба. Вдруг он посмотрел на свои массивные часы.

— Э, да сейчас позднее, чем я думал! — воскликнул он. — Нужно поторопиться, чтобы не опоздать на станцию. Сегодня мы не успеем вернуться домой и смешать это молоко с остальным. Придется ехать прямо отсюда. Кто повезет молоко?

Мистер Клэр предложил свои услуги, хотя это и не входило в его обязанности, и попросил Тэсс его сопровождать. Хотя небо было затянуто облаками, для конца сентября вечер был душный и теплый, и Тэсс вышла на луг без верхней кофточки, в чепце и в платье с короткими рукавами. Разумеется, этот костюм не подходил для поездки. Она бросила взгляд на свое легкое платье, но Клэр мягко наставил. Попросив фермера отнести домой скамеечку и подойник, она согласилась и уселась рядом с Клэром в повозку.

XXX

В надвигающихся сумерках они ехали по ровной дороге, пересекавшей луга и растянувшейся на много миль, а сзади вставали темные крутые склоны Эгдон Хига. На вершине росли купы елей, и зубчатые их верхушки напоминали зубчатые башни, увенчивающие черный зачарованный замок.

Близость друг к другу поглотила их мысли и чувства, долго не нарушали они молчания, и в тишине слышался только плеск молока в высоких бидонах. Таким уединенным был проселок, которым они ехали, что никто никогда не срывал здесь орехов с ветвей, и, созревая, они падали на землю, а ягоды ежевики висели тяжелыми гроздьями. Энджел кнутом притягивал к себе ветки, срывал ягоды и подавал их своей спутнице.

Вскоре хмурое небо послало первых предвестников ненастья — упали тяжелые капли дождя, и духота сменилась резким ветром, который дул в лицо путникам. Ртутные отблески, лежавшие на реке и лужах, исчезли; широкая зеркальная гладь превратилась в тусклую свинцовую пелену, казавшуюся шероховатой. Но Тэсс оставалась задумчивой; дождь бил ее по лицу, и ярче стал румянец на загорелых щеках. Как всегда,

виделы ее растрепались, так как она донга коров, прижимаясь к донгой к их животу; слившиеся пряди выбивались из-под ободка колесикового чепчика, и, смоченные дождем, они напоминали липкие водоросли.

— Пожалуй, лучше было мне не ехать, — прошептала она, рассматривая на небо.

— Некетати пошел дождь, — сказал он, — но как я рад, что здесь, со мною!

Тедон постепенно скрывался в отдалении за дождевой сеткой. Стемпело, и можно было ехать только шагом, так как дорога то и дело пересекалась илагбаумами. Стало прохладно.

— Боюсь, как бы вы не простудились с открытыми руками в шези, — сказал он. — Придвиньтесь ближе ко мне, и дождик до вас не доберется. Я бы еще больше беспокоился, если бы не чувствовал, что дождь будет мне союзником.

Она незаметно придвинулась ближе, и он набросил на нее перед собой большой кусок парусины, которым иногда прикрывали от солнца бидоны с молоком. Так как у Клэра руки были заняты, то Тэсс придерживала парусину, чтобы она не соскользнула.

— Ну, все в порядке... Нет, не совсем: дождь стекает мне на шею, а вам, должно быть, приходится еще хуже. Вот теперь хорошо. Тэсс, руки у вас — как влажный мрамор. Вытрите их парусиной. Теперь дождь вам не страшен, если вы будете сидеть смиренно. Ну, дорогая, что же вы мне ответите на мой вопрос? Я долго ждал.

В ответ он услышал только хлюпанье копыт по грязи да плеск молока в бидонах, стоявших за его спиной.

— Вы помните, что вы мне сказали?

— Помню, — отозвалась она.

— Вы мне ответите раньше, чем мы вернемся домой?

— Постараюсь.

Больше он не настаивал. На фоне неба вырисовывались развалины старого замка времен Карла; они проехали мимо.

— Вот это интересное место, — начал он, желая привлечь ее. — Один из многих замков, принадлежавших древнему нормандскому роду, который некогда пользовался огромным влиянием в этой стране, — роду д'Эрбервиллей. Я всегда о них вспоминаю, проезжая мимо их владений. Есть что-то грустное в вымирании древнего знаменитого рода, даже если представители этого рода прославились как жестокие и властные феодалы.

— Да, — сказала Тэсс.

В темноте они медленно подвигались вперед, и вдали замаячила слабый свет — там, где днем на темнозеленом фоне появлялась белая полоска дыма, — знак, свидетельствующий о

том, что между уединенным их мирком и современной жизнью устанавливается время от времени связь. Раза три-четыре в день современная жизнь вытягивала белое свое шуальце, прикасалась к здешнему миру, а затем шуальце быстро втягивалось, словно прикоснулось к чему-то чуждому.

Слабый свет исходил от законтедой лампы на маленькой железнодорожной станции — от жалкой земной звезды, которая, впрочем, имела в некотором смысле больше значения для обитателей мызы Тэлботейс и всего человечества, чем небесные светила, хотя далеко ей было до них. Разгрузили повозку, а Тэсс спряталась от дождя под остролистом.

Послышалось шипение паровоза, но мокрым рельсам поезд почти бесшумно подошел к станции, и бидоны с молоком были быстро погружены на товарную платформу. Фонари локомотива на секунду осветили Тэсс Дарбейфилд, неподвижно стоявшую под огромным остролистом. Ни одно существо не могло быть более чуждо этим сверкающим рычагам и колесам, чем Тэсс — наивная девушка с полными обнаженными руками, с мокрыми от дождя волосами и лицом; на ней было сидневое, отнюдь не модное платье, коленкоровый чепчик сдвинулся на лоб, и стояла она в напряженной позе ласкового леопарда.

Снова она уселась рядом со своим возлюбленным; в ней была та молчаливая покорность, какая иногда свойственна страстным натурам. Завернувшись с головой в пазузину, она снова окуталась в глубокий мрак ночи. Тэсс была очень впечатлительна, и промелькнувшая перед ней вихрем картина технического прогресса заставила ее глубоко задуматься.

— Завтра утром лондонцы будут пить за завтраком это молоко, правда? — спросила она. — Чужие люди, которых мы никогда не видели.

— Да, должно быть, будут пить. Но не в том виде, в каком мы его посылаем. Нужно его разбавить, чтобы оно не ударило им в голову.

— Знатные мужчины и женщины, послы и офицеры, леди и торговки, и дети, никогда не виделишне ни одной коровы.

— Да, пожалуй; особенно офицеры.

— Люди, которые понятия о нас не имеют и не знают, откуда явилось это молоко; им и в голову не придет, что сегодня, под дождем, мы проехали много миль по болотам, чтобы доставить его вовремя.

— Это путешествие мы совершили не только ради почтенных лондонцев, мы и себя не забыли, — нам нужно поговорить о животрепещущем деле; и я уверен, что сегодня мы покончим с этим, дорогая Тэсс. Выслушайте меня: ведь вы мне уже при-

надлежите — я говорю о вашем сердце. Не правда ли?

— Вы это знаете не хуже, чем я. Да, да!

— Но если ваше сердце принадлежит мне, то почему же вы мне отказываете в своей руке?

— Я думала только о вас... Я хотела спросить... Я должна вам кое-что сказать...

— Но предположите, что это даст мне счастье и благополучие.

— О, если бы это было так... Но моя жизнь раньше, чем я пришла сюда... я хочу...

— Ну так знайте, что это нужно и для моего счастья и благополучия. Если я арендную большую ферму в Англии или в колониях, вы будете незаменимой женой для меня, лучшей, чем какая-нибудь владелица крупнейших поместий. Тэсс, милая, пожалуйста, перестаньте думать о том, что вы станете мне поперек дороги.

— Но моя жизнь... Я хочу, чтобы вы ее знали. Вы должны выслушать, тогда вы меня будете меньше любить.

— Расскажите, если хотите, дорогая. Расскажите вашу чудесную жизнь. Ну-с, родилась я там-то, в таком-то году...

— Я родилась в Марлоте,— начала она, цепляясь за его слова, сказанные шутливым тоном.— Там я и выросла, училась в школе, по шестого класса не закончила. Говорят, я была очень способной и могла сделаться хорошей учительницей. И решено было, что я буду учительницей. Но моей семье жилось тяжело; мой отец не очень-то любил трудиться и к тому же выпивал.

— Да, да! Бедное дитя! Старая история! — Он крепче прижал ее к себе.

— А потом... я должна вам рассказать... Это очень необычно... это касается меня... я... я была...

Тэсс дышала прерывисто.

— Да, милая; не волнуйтесь.

— Я... я не Дарбейфилд, а д'Эрбервилль... из того самого рода д'Эрбервиллей, владевших старым замком, мимо которого мы проехали. И мы все обеднели!

— Д'Эрбервилль! Вот как! Это и смущало вас, дорогая моя?

— Да,— чуть слышно проговорила она.

— Но почему же я буду меньше любить вас теперь?

— Фермер Крик говорил мне, что вы ненавидите старинные роды.

Он расхохотался.

— Ну что ж, в этом есть доля правды. Мне противно, что аристократы превыше всего ставят чистоту крови, и считаю, что уважать мы должны лишь духовные качества — ум и до-

бродетель, а отнюдь не благородное происхождение. Но эта новость меня заинтересовала,— вы не можете себе представить, как я заинтересован. А разве вас не занимает, что вы происходите из такого знатного рода?

— Нет. Мне это казалось печальным... в особенности с тех пор, как я сюда приехала и узнала, что эти холмы и поля когда-то принадлежали предкам моего отца. Но другие холмы и поля принадлежали предкам Рэтти и, быть может, Мэриэн, так что я ничего особенного в этом не вижу.

— Да, удивительно, как много людей, обрабатывающих теперь землю, владело некогда землей! Не понимаю, почему не воспользуются этим представители некоторых политических школ! Но они, по-видимому, не знают... Странно, что я не заметил сходства вашей фамилии с фамилией д'Эрбервилль, не уловил искажения, бросающегося в глаза. Так вот она, страшная тайна!

Тэсс промолчала. В последнюю секунду мужество ей изменило: она боялась, как бы не упрекнул он ее за то, что она не сказала ему об этом раньше. И инстинкт самосохранения оказался сильнее ее чистосердечия.

— Конечно,— продолжал ничего не подозревающий Клэр,— я был бы рад, если бы вы происходили из среды многострадального, немого и неизвестного простого народа, а не от этих корыстолюбцев, которые составляют меньшинство и могущества достигли в ущерб остальным. Но меня испортила любовь к вам, Тэсс,— добавил он со смехом,— и сделала корыстолюбивым. Узнав о вашем происхождении, я радуюсь за вас. Общество состоит из неисправимых снобов, и теперь — благодаря вашим предкам — с большой охотой примет вас как мою жену, тем более, что я намерен заняться вашим образованием и сделать вас начитанной женщиной. Да и моя мать, бедняжка, будет лучшего мнения о вас. Тэсс, с этого дня вы должны правильно произносить свою фамилию — д'Эрбервилля.

— Прежняя мне больше нравится.

— Но вы *должны*, дорогая! Ведь десятки этих выскочек-миллионеров ухватились бы за такую фамилию. Кстати, один из них завладел этим именем... Где я о нем слышал? Кажется, в окрестностях Заповедника. Ну конечно, это тот самый человек, который повздорил с моим отцом,— я вам о нем рассказывал. Какое странное совпадение!

— Энджед, я не хочу носить эту фамилию! Быть может, она приносит несчастье!

Тэсс была взволнованна.

— Вот вы и попались, мисс Тереза д'Эрбервилль! Носите

моею фамилию, и вы избавитесь от своей! Тайна открыта, и теперь у вас нет оснований мне отказывать.

— Если в самом деле вы будете счастливы, женившись на мне, и если чувствуете, что вы очень-очень хотите сделать меня своей женой...

— Конечно, дорогая!

— Если только вы меня любите так сильно, что не можете без меня жить, какой бы я ни была плохой, то, пожалуйста, я готова согласиться.

— Ты согласна, я знаю, что согласна! Ты это сказала! Ты будешь моей до конца жизни!

Он крепко обнял ее и поцеловал.

— Да.

Тэсс увидела она выговорить это слово, как разрыдалась без слез, — плакать, сердце ее не выдержит. Тэсс отнюдь не была истеричкой, и Клар был изумлен.

— О чем ты плачешь, любимая?

— Не могу сказать... не знаю... я так рада, что я ваша и могу дать вам счастье.

— Но это не очень-то похоже на радость, моя Тэсси!

— Я... плачу потому, что не сдержала клятвы! Я говорила, что никогда не выйду замуж.

— Но если ты меня любишь, значит ты хочешь, чтобы я был твоим мужем.

— Да, да, да! Но... ах, зачем только я родилась на свет!

— Милая моя Тэсс, если бы я не знал, что ты очень взволнована и очень испугана, это восклицание показалось бы мне не особенно лестным. Как можешь ты так говорить, если действительно меня любишь? Любишь ли ты меня? Хотел бы я, чтобы ты это как-нибудь доказала.

— Какие вам еще нужны доказательства?— воскликнула она в порыве бесконечной нежности.— Быть может, вот это?

Она обвила рукой его шею, и Клар впервые узнал, как чувствует страстная женщина человека, которого любит всем душой.

— Ну вот... теперь ты веришь?— спросила она, краснея и закрывая глаза.

— Да. И в сущности я никогда не сомневался... никогда!

Она схватила его за руку, сжавшись в один комочек под парусиной; и лошадь брела, как ей вздумается, а дождь хлестал по ним. Тэсс согласилась. Она могла бы согласиться с самого начала. «Жажда радости», которой проникнуто все живое, эта великая сила, влекущая человечество по своему произволу, как плывет поток беспомощные водоросли, не могла быть подавлена туманными размышлениями о социальном неравенстве.

— Я должна написать матери,— сказала Тэсс.— Ты ничего против этого не имеешь?

— Конечно, ничего, дорогое дитя! Тэсс, ты еще ребенок, если не понимаешь, что как раз теперь-то и нужно написать твоей матери, и я поступил бы дурно, если бы стал возражать. Где она живет?

— Там же, в Марлоте. В конце Блекмурской долины.

— Значит, я тебя видел раньше...

— Да, когда мы плясали на лугу. Но ты не хотел со мной танцевать. О, я надеюсь, что это не было дурным предзнаменованием!

XXXI

На следующий же день Тэсс послала очень трогательное письмо своей матери, а в конце недели получен был ответ, написанный нетвердым старомодным почерком Джоан Дарбейфилд.

«Дорогая Тэсс, пишу тебе эти несколько строк в надежде, что они застанут тебя в добром здравье; и я тоже здорова, за что благодарю бога. Дорогая Тэсс, мы все рады были узнать, что ты скоро выйдешь замуж. Но на твой вопрос, Тэсс, я тебе отвечу между нами, по секрету, но очень твердо: не говори ему ни в каком случае о своей прошлой беде. Я не все рассказывала твоему отцу — очень уж он гордится своим благородным происхождением; а может быть, и жених у тебя такой же. Многие женщины — и даже самые благородные — попадали в свое время в беду, и если они об этом не трубят, то незачем и тебе трубить. Ни одна девушка не была бы такой душой, тем более что это случилось давным-давно и ты тут ни при чем. Я тебе то же самое отвечу, хотя бы ты меня пятьдесят раз спрашивала. И вот что ты еще должна помнить: я всегда знала, что ты ребенок и по простоте своей готова выболтать все, что есть у тебя на душе,— и вот, заботясь о том, чтобы тебе было лучше, я взяла с тебя слово молчать об этом; и ты, уходя из дому, торжественно дала мне обещание. О твоём вопросе и твоей свадьбе я отцу не говорила, потому что он человек простой и сейчас же обо всем разболтает.

Дорогая Тэсс, бодрись, а мы пришлем тебе на свадьбу бочку сидра, потому что в тех краях сидру мало и он слабый и кислый. Писать больше не о чем, передай наш привет своему жениху.

Любящая тебя мать

Дж. Дарбейфилд».

— Ах, мама, мама! — вздохнула Тэсс.

Она понимала, как мало затрагивают самые печальные события эластичный ум м-с Дарбейфилд. Мать смотрела на жизнь иначе, чем Тэсс. Трагическое событие, воспоминание о котором преследовало Тэсс, было для ее матери лишь случайным эпизодом. Но, быть может, мать, какими бы доводами она ни руководствовалась, указывает правильный путь? Казалось, молчание обеспечивало счастье ее возлюбленного,— значит, нужно молчать.

Получив приказ от единственного в мире человека, который имел хоть какое-то право контролировать ее поступки, Тэсс начала успокаиваться. С нее сияли ответственность, и впервые за много недель легче стало у нее на душе. Согласно свое она давала в начале осени, а в октябре осень вступила в свои права, и в эту пору года Тэсс жила в приподнятом душевном состоянии, которое граничило с экстазом и было ей еще неизвестно.

В любви ее к Клэру вряд ли был даже намек на что-нибудь земное. Она всецело ему доверяла, и для нее он был совершенством, знал все, что должен знать воспитатель, философ и друг. Каждая линия его фигуры казалась ей воплощением мужской красоты, его душа была для нее душой святого, а ум — умом пророка. Умудренная любовью к нему, она держала себя с достоинством и словно носила корону. Сознание, что он ее любит, заставляло ее благоговеть перед ним. Иногда он ловил преданный взгляд ее больших глаз, казавшихся бездонными,— она смотрела на него так, словно он был существом бессмертным.

Мысль о прошлом она отогнала, растоптала прошлое и отбросила, как тлеющий уголек, тлеющий и опасный.

Она не знала, что мужчина в своей любви к женщине может быть столь бескорыстен и рыцарски предан. В этом отношении Энджел Клэр был не таков, каким она его себе представляла, далеко не таков,— но действительно духовная сторона одерживала в нем верх над животной; он умел владеть собой и никогда не бывал груб. Отнюдь не холодный по природе, он был скорее ярким, чем пылким, более походил на Шелли, чем на Байрона; мог любить до безумия, но его любовь была духовной, платонической,— она помогала ему ревниво оберегать возлюбленную от самого себя. Это изумляло и восхищало Тэсс, ибо ее опыт в этой области был печален. Негодование, направленное против всего мужского пола, уступило место новому чувству, и теперь она превозносила Клэра.

Они открыто некали общества друг друга; чистосердечная и доверчивая, она не скрывала своего желанья быть с ним. Чутье подсказывало ей, что уловки, свойственные женщинам и прив-

лекающие мужчины, могут оттолкнуть столь безупречного человека, после того как она призналась ему в любви,— ибо уловки по природе своей искусственны.

По деревенскому обычаю обрученные могут, не стесняясь, проводить время вместе. Тэсс этот обычай знала и ничего странного в нем не видела, хотя Клэр находил это несколько преждевременным, пока не убедился, как просто относится к этому сама Тэсс и все обитатели мызы. В эти ясные октябрьские дни они вдвоем бродили среди лугов по тропинкам, тянувшимся вдоль журчавших ручьев, и по деревянным мостикам переходили с одного берега на другой. До слуха их всегда доносилось журчание воды у какой-нибудь плотины, аккомпанировавшее их тихим разговором, а лучи солнца, почти горизонтальные, как луга, словно осыпали землю сверкающей пылью. Видели они тонкую голубоватую дымку в тени деревьев и изгородей, когда вокруг все было залито солнечным светом. Солнце так низко стояло над землей, а местность была такая ровная, что тени Клэра и Тэсс тянулись вперед на четверть мили, словно два длинных пальца, указывающих вдаль — туда, где холмы замыкали зеленую долину.

Люди работали на лугах; в эту пору года прочищали канавы для зимней ирригации, исправляли насыпи, утоптанные скотом. Эта жирная земля на лопатах, черная, как смола, земля, принесенная сюда рекой в ту пору, когда вся долина была ее руслом, даровала исключительное плодородие лугам и вскормила пасущиеся здесь стада.

На глазах этих рабочих Клэр смело обнимал ее за талию, словно привык ухаживать на виду у всех, тогда как в действительности смущался не меньше, чем Тэсс, которая, приоткрыв рот и украдкой поглядывая на рабочих, напоминала насторожившегося зверька.

— Тебе не стыдно гулять со мной на виду у всех, как со своей невестой? — радостно говорила она.

— О, несколько!

— Но если твои родные в Эмминстере узнают, что ты прогуливаешься вот так со мной, простой донльщицей!

— Самой очаровательной из всех донльщиц!

— Как бы они не подумали, что ты задеваешь их честь.

— Дорогая моя, д'Эрбервилль не может задеть честь Клэра. Твоя фамилия — наша козырная карта, и для большего эффекта я ее открою, когда мы повенчаемся и получим от священника Трингхэма доказательства твоего происхождения. А кроме того, мое будущее несколько не касается моей семьи, ни малейшего отношения к ней не имеет. Мы уедем из этого граф-

ства, а быть может, и из Англии,— не все ли равно, как относятся к нам здесь? Тебе хочется уехать?

Она могла дать только односложный ответ — так глубоко взволновала ее мысль о том, что с ним пройдет она, как близкий его друг, своей земной путь. Казалось, она слышала свои чувства, как слышат журчанье волн, и слезы подступили к горлу. Она взяла его за руку, и они пошли к реке — туда, где под мостом отражалось в воде солнце и металлический блеск слепни глаза, хотя мост заслонял солнце. Здесь они остановились, а из воды высунулись маленькие пушистые оперенные головки, которые тотчас же скрылись, встревоженные присутствием людей, не желавших пройти мимо. На берегу реки они стояли, пока не сожмнется вокруг них туман, который рано поднимается над рекой в осеннюю пору, и капли, словно кристаллы, осели на ресницах Тэсс, на волосах и бровях Клэра.

На воскресенья они гуляли позднее, в сумерках. Кое-кто из обитателей мызы, прогуливавшихся в первый воскресный вечер после их помолвки, слышал восторженные речи Тэсс, хотя слов нельзя было разобрать, узнавал ее голос, прерывающийся от биения сердца, когда она шла, опираясь на его руку; радости она умолкала, иногда начинала смеяться, и этот смех, казавшийся, оживлял ее душу — смех женщины, идущей рядом с любимым человеком, которого она отняла у других женщин; ничто в мире не сравнится с этим смехом. И обитатели мызы узнавали ее легкую походку: она скользила словно птица, взлетающая ввысь.

Любовь к нему была дыханием ее и жизнью. Она окутывала его как фотосфера; в сиянии любви Тэсс забывала былые горести и отступала от нее мрачные призраки, настойчиво пытавшиеся к ней прикоснуться, — сомнение, страх, уныние, беспокойство, стыд. Она знала, что за пределами светлого круга они подстерегают ее, словно волки, но теперь была у нее власть удерживать их, голодных, в повиновении.

Самозабвение не угашало памяти. Тэсс шла озаренная светом, но знала, что за ее спиной всегда стоят эти темные призраки. И каждый день они могли либо отступить на шаг, либо приблизиться.

Однажды вечером все обитатели мызы ушли, а Тэсс и Клэр должны были остаться и сторожить дом. Разговаривая с Клэром, она задумчиво взглянула на него, — он смотрел на нее с восхищением.

— Не достойна тебя! Нет, достойна! — воскликнула она, вскакивая с низкой скамеечки.

Казалось, ее пугали и его преклонение и собственная ее радость. Клэр, зная далеко не все, не понял, чем вызван этот взрыв, и сказал:

— Тэсс, дорогая, мне неприятно, когда ты так говоришь. Достоинство человека заключается не в том, чтобы жить, подчиняясь жалким условностям, принятым в обществе, а в правдивости, честности, справедливости, чистоте и добром имени,— как у тебя, моя Тэсс!

Она старалась подавить рыдания. Как часто сердце ее пылало, когда в церкви перечислялись эти добродетели, и как странно, что именно теперь вздумал он их перечислять!

— Почему ты не остался и не полюбил меня, когда я... когда я жила с братьями и сестрами... и мне было шестнадцать лет, а ты танцевал на лугу? Почему ты меня не полюбил, почему? — бормотала она, страстно сжимая руки.

Энджел стал ее утешать и успокаивать, думая — и не без оснований — о том, какая она нервная и как бережно должен он к ней относиться, когда счастье ее будет всецело от него зависеть.

— Да, почему я не остался? — повторил он. — Я тоже об этом думаю. О, если бы я знал! Но почему ты так горько сожалешь... стоишь ли так огорчаться?

По-женски скрытная, она схирилась:

— Твое сердце принадлежало бы мне уже четыре года, и я бы не потеряла этих лет. Была бы счастлива!

Так могла бы терзать себя зрелая женщина с темным прошлым, сожженным из интриг, а не простодушная двадцатилетняя девушка, которая в годы ранней юности попала, словно птица, в силки. Чтобы успокоиться, она вышла на террасу, опрокинув подолом юбки маленький табурет.

Он сидел у очага, в котором весело трещали зеленые ветки ясени, лежавшие на решетке, и шипела смола, из стучавшихся пузырьков. Тэсс вернулась успокоенная.

— Не кажется ли тебе, Тэсс, что ты чуточку своенравна и порывиста! — добродушно сказал он, положив для нее подушку на табурет и усаживаясь подле, на скамью. — Я хотел кое о чем тебя спросить, а ты вдруг убежала.

— Да, пожалуй, я своенравна, — процентовала она.

Потом подошла и положила руки ему на плечи.

— Нет, Энджел, право же я несколько не своенравна, такая уж от природы!..

И, словно желая убедить его в этом, она села рядом с ним на скамью и положила голову ему на плечо.

— О чем ты хотел меня спросить? Я на все отвечу, — продолжала она покорно.

— Тэсс, ты меня любишь и согласилась быть моей женой, а отсюда вытекает вопрос: когда день нашей свадьбы?

— Мне правится жить так, как теперь.

— Но в начале нового года или немного позднее я должен подумать о том, чтобы начать свое собственное дело. И раньше, чем взяться за это, мне бы хотелось договориться со своей сестричкой.

— Но если рассуждать практически, не лучше ли будет нам повенчаться после этого? — робко возразила она.— Хотя я даже подумать не могу, что ты уедешь и оставишь меня здесь!

— Ну конечно! И это было бы гораздо хуже. Мне нужна твоя помощь, когда я буду устраниваться на новом месте. Ну, так когда же свадьба? Через две недели?

— Нет,— сказала она серьезно.— Мне о многом надо подумать.

— Но...

Он ласково привлек ее к себе.

Теперь, когда недалеко был день свадьбы, ей стало страшно. Но не успели они обсудить этот вопрос, как из-за спинки скамьи вышел фермер Крик, м-с Крик и две работницы.

Тэсс отскочила от него, словно резиновый мяч; лицо ее раскраснелось, глаза блестели.

— Я знала, что так оно и будет, если я сяду рядом с ним! — воскликнула она с досадой.— Так я и знала, что они войдут и поймут нас! Но, право же, я не сидела у него на коленях, хотя и могло показаться, будто сидела.

— Ну, если бы нам ничего не сказали, мы бы и не заметили при таком свете, где вы тут сидите,— отозвался фермер и повернулся к жене; у него была тупая физиономия человека, ничего не смыслящего в любовных делах.— Вот видишь ли, Христина, никогда не следует гадать о том, что думают другие люди, когда они ничего не думают. Да я бы и не приметил, где она там сидит, если бы она сама не сказала.

— Мы скоро поженимся,— сказал Клэр с напускным спокойствием.

— А, вот оно что! Рад это слышать, сэр. Я давно уже подумывал, что так оно и случится. Она слишком хороша для дольщицы, я это сказал, как только ее увидел. Находка для всякого мужчины и чудесная жена для джентльмена-фермера; с такой помощницей вам никакого управляющего не нужно.

Между тем Тэсс скрылась. Смуглили ее не столько грубые похвалы Крика, сколько взгляды вошедших с ним девушек.

После ужина, когда она поднялась в спальню, все ее товарки были уже там. Горел свет, девушки в белых рубашках си-

дели на своих кроватях и, словно мстительные привидения, поджидали Тэсс.

Но вскоре она убедилась, что злого чувства к ней они не питают. Вряд ли было у них ощущение потери — они лишились того, чего никогда не имели. Настроены они были задумчиво и созерцательно.

— Он на ней женится! — прошептала Рэтти, не спуская глаз с Тэсс. — Как это видно по ее лицу!

— Ты выйдешь за него замуж? — спросила Мэриэн.

— Да, — сказала Тэсс.

— Когда?

— Когда-нибудь.

Они подумали, что она хочет уклониться от ответа.

— Да... она выходит за него... за джентльмена! — повторила Изз Хюэт.

И три девушки, словно зачарованные, одна за другой встали с постели и босиком подошли к Тэсс. Рэтти положила руки ей на плечи, как будто хотела убедиться, что совершившееся чудо не сделало ее подругу бесплотной, Изз и Мэриэн обняли ее за талию, и все три смотрели ей в лицо.

— Как это странно! Я даже представить себе не могу! — сказала Изз Хюэт.

Мэриэн поцеловала Тэсс и после поцелуя прошептала:

— Да.

— Почему ты ее поцеловала? Из любви к ней или потому, что ее целовали другие губы? — сухо спросила Изз.

— Я об этом не подумала, — простодушно ответила Мэриэн. — Я только почувствовала, как это странно... странно, что его женой будет она, а не кто-нибудь другой. Я не о нас говорю — мы-то никогда об этом не думали и только любили его. А все-таки его женой будет она, а не какая-нибудь знатная леди в драгоценных камнях и золоте, в шелку и атласе, — она такая же, как и мы.

— Вы уверены, что не разлюбите меня за это? — тихо спросила Тэсс.

В своих белых ночных рубашках они молча наклонились к ней, словно в ее глазах искали ответа.

— Я не знаю, не знаю, — пробормотала Рэтти Придл. — Я хочу тебя ненавидеть — и не могу!

— И я тоже, — как эхо отозвались Изз и Мэриэн. — Я не могу ее ненавидеть. Что-то мне мешает!

— Ему следовало бы жениться на ком-нибудь из вас, — прошептала Тэсс.

— Почему?

— Вы все лучше меня.

— Мы лучше тебя? — шепотом переспросили девушки. —

Нет, нет, милая Тэсс!

— Лучше! — возразила она настойчиво.

И вдруг вырвалась из их объятий и расплакалась истерически, прижавшись головой к комоду и повторяя:

— Да, да, да!

Разрыдавшись, она не могла успокоиться.

— Он должен был жениться на ком-нибудь из вас! — кричала она. — И теперь еще я должна была бы его убедить! Вы ему больше подходите, чем я! О, я не знаю, что говорю!

Они бросились к ней, обняли ее, но она все еще сотрясалась от рыданий.

— Дайте воды! — сказала Мэриэн. — Бедняжка, она из-за нас так плачет!

Они осторожно усадили ее на кровать и горячо поцеловали.

— Ты лучше нас, — говорила Мэриэн. — Больше похожа на леди; ты учнее нас... и ведь он тебя обучал. И ты должна гордиться этим. Да ты и *гордишься*, правда?

— Да, — сказала Тэсс, — и мне стыдно, что я так расплакалась.

Когда они улеглись и потушили свет, Мэриэн сказала ей шепотом:

— Тэсс, думай о нас, когда будешь его женой; не забывай, как мы говорили тебе, что любим его, и старайся не чувствовать к тебе ненависти... И не чувствовали; мы не могли тебя ненавидеть, потому что он выбрал тебя, а мы на это не надеялись.

Она не подозревала, что при этих словах жгучие соленые слезы снова смочили подушку Тэсс. И в отчаянии она решила, несмотря на запрещение матери, рассказать всю свою историю Элизабету Клэру. Пусть презирает ее тот, кем она жила и дышала, пусть мать считает ее душой — это лучше, чем хранить молчание, которое было бы предательством по отношению к нему и почему-то казалось грехом по отношению к подругам.

XXXII

Это покаянное настроение мешало ей назначить день свадьбы. В начале ноября вопрос еще не был разрешен, хотя Клэр задавал его в такие минуты, когда ей трудно было устоять. Однако Тэсс как будто хотела вечно быть невестой и не вносить никаких перемен в свою жизнь.

Луга были теперь не те, что летом, но днем, перед тем как дойти коров, бывало еще тепло, а так как в эту пору года меньше стало работы на мызе, то иногда оставалось время для про-

гулок. Солнечные лучи, протянувшиеся над влажной травой, освещали сверкающую рябь осенних паутинок, которая напоминала лунную дорожку на море. Комары, не ведая, сколько кратковременно их ликование, кружились в полосе солнечного света, ярко освещенные, словно в каждом из них горел огонек, который угасал, как только покидали они эту полосу. И здесь Клэр снова напоминал ей о том, что день свадьбы еще не назначен.

Иногда он заговаривал об этом по вечерам, отпрапляясь вместе с ней исполнять какое-нибудь поручение, которое мисс Крик придумывала специально для того, чтобы доставить ему случай с ней потолковать. Большею частью ходили они на ферму, находившуюся в предгорье, проведать стельных коров, которых на время переводили туда, ибо в эту пору года в жизни скота происходили серьезные перемены. Коров небольшими партиями отправляли ежедневно в этот «родильный дом», где они оставались, пока не производили на свет телят, а как только теленок мог ходить, мать и ее отпрыска пригоняли назад на мызу. Пока теленка не отнимали от матери, разумеется ее не нужно было доить, но когда телят продавали, доильницы вновь принимались за работу.

Однажды вечером, возвращаясь в темноте с фермы, они поднялись на высокую скалу, возвышавшуюся над долиной и здесь остановились, прислушиваясь. Вода прибывала в реках, бурлила у запруд, журчала в дренажных трубах, завоптывала все канавы; нельзя было идти напрямик, чтобы сократить расстояние, и пешеходы не могли сворачивать с больших дорог. Над долиной, не видимой во мраке, стоял многоголосый гул; им чудилось, что там, внизу, раскинулся большой город и слышатся гудение толпы.

— Как будто там собрались десятки тысяч людей, — сказала Тэсс. — Они галдят на площадях, спорят, доказывают, ссорятся, рыдают, стонут, молятся и проклинают друг друга.

Клэр слушал ее рассеянно.

— Крик не говорил тебе сегодня, дорогая, о том, что в зимние месяцы ему не понадобится столько работников?

— Нет.

— Коровы перестают давать молоко.

— Да. Вчера отправили на ферму шесть или семь коров, а третьего дня — трех, и теперь их там около двадцати. Значит, хозяину не нужна моя помощь для выкармливания телят. Во мне больше здесь не нуждаются! А я-то так старалась!

— Крик в сущности не говорил, что ты ему больше не понадобишься, но, зная о наших отношениях, он мне сказал очень добродушно и вежливо, что я, должно быть, возьму тебя с со-

бой, когда распрощаюсь с ним перед рождеством. На мой вопрос, как он без тебя обойдется, он ответил только, что зимой ему хватит нескольких работниц. Боюсь, что я, грешный человек, обрадовался,— он тебя, так сказать, торошит.

— Мне кажется, ты не должен был радоваться, Энджел. Всегда бывает грустно, когда в человеке не нуждаются, хотя бы это и было нам на руку.

— Значит, признаешь, что это нам на руку?

Он коснулся пальцем ее щеки и сказал:

— Так-так...

— Что такое?

— Я чувствую, что ты покраснела, оттого что попалась. Но зачем я иду? Мы не должны шутить, жизнь слишком серьезна.

— Да... пожалуй, я это поняла раньше, чем ты.

Она понимала это теперь. Если в конце концов она откажется от него, следуя принятому ночью решению, и покинет мызу — значит, придется поступать на новое место. Теперь, когда коровы телились, на мызах не нуждались в доильницах; она найдет какую-нибудь земледельческую ферму, где не будет подле нее такого божественного существа, как Энджел Клар. Мысль эта показалась ей невыносимой, но еще мучительнее было думать о возвращении домой.

— Будем говорить серьезно, милая Тэсс,— продолжал он,— раз к рождеству тебе придется, по-видимому, отсюда уйти, то во всех отношениях желательно и удобно, чтобы я тебя увез как свою собственность. И не будь ты самой нерасчетливой девушкой в мире, ты бы сообразила, что так, как сейчас, вечно продолжаться не может.

— А жаль! Пусть бы всегда было лето и осень, а ты бы ухаживал за мной и всегда был обо мне такого высокого мнения, как прошлым летом.

— Так оно и будет.

— Да, знаю! — воскликнула она в порыве безграничного доверия к нему.— Энджел, я назначу день, когда я стану твоей навсегда.

Так договорились они, наконец, во время этой вечерней прогулки, под аккомпанемент бесчисленных ручейков, журчавших справа и слева.

Придя на мызу, они немедленно сообщили новость м-ру и м-с Крик, с просьбой хранить ее в тайне, так как влюбленным хотелось возможно скромнее отпраздновать свадьбу. Хотя фермер и подумывал о том, чтобы отнустить Тэсс, но теперь начал сожалеть об ее уходе. Кто будет снимать сливки? Кто будет

украшать узорами куски масла для ледя из Энглберн и Сэндборна? М-с Крик поздравила ее с тем, что она покончила со своими колебаниями; она заявила, что как только она впервые увидела Тэсс, так тотчас же и угадала: быть ей замужем не за простым работником. В день своего приезда Тэсс с величественным видом прошла по двору, и м-с Крик могла поклясться, что она родом из хорошей семьи. В действительности же м-с Крик обратила внимание только на грацию и миловидность Тэсс, что же касается величественного ее вида, то у м-с Крик разыгралась по этому поводу фантазия только после получения дополнительных сведений.

Теперь Тэсс неслась на крыльях времени и вочию свою потеряла. Слово было дано, день назначен. Умная ст природы, она начала склоняться к фатализму; вера эта свойственна крестьянам и тем, кто живет в более близком общении с природой, чем со своими ближними. Все желанья своего жениха она исполняла с пассивной покорностью, характерной для такого душевного состояния.

Впрочем, она еще раз написала матери, якобы для того, чтобы сообщить о дне свадьбы,— в действительности же она снова просила ее совета. На ней остановил свой выбор джентльмен,— быть может, мать не приняла этого во внимание? Возможно, что к объяснению, данному после свадьбы, он отнесется далеко не так спокойно, как мог бы отнестись человек попроще... Но на это письмо м-с Дарбейфилд ничего не ответила.

Хотя Энджел Клэр настаивал на необходимости немедленно отпраздновать свадьбу, выдвигая благовидные доводы, однако была в этом излишняя стремительность, что и обнаружилось позднее. Он любил ее горячо, но, пожалуй, это была скорее идеальная любовь, чем то страстное чувство, какое питала она к нему. Считая себя обреченным отказаться от интеллектуальной жизни и вести жизнь пастушескую, он и не подозревал до встречи с Тэсс, что найдет здесь столько очарования, сколько он нашел в этой простодушной девушке. О простоте и безыскусственности ему случалось говорить, а что это такое — он в сущности не знал, пока не явился сюда. Но будущее рисовалось ему очень неясно, и лишь по прошествии года или двух мог он окончательно определить свой жизненный путь. Объяснялось это некоторой небрежностью, с какой он привык относиться к своей карьере, считая, что по вине родных, зараженных предрассудками, отказался от истинного своего призвания.

— Не думаешь ли ты, что лучше было бы нам подождать, пока ты не устроишься на своей собственной ферме? — робко

спросила она однажды. (В то время он мечтал о ферме в центральных графствах Англии.)

— Сказать по правде, моя Тэсс, мне не хочется оставлять тебя одну, лишая своих забот и внимания.

Довод был веский. Клэр имел на нее такое сильное влияние, что она перенимала его манеры и привычки, его слова и фразы, вкус и склонности. Если оставить ее одну на мызе, она вернется к прежним своим привычкам, и гармоническая связь будет нарушена. Было у него еще одно основание не расставаться с ней. Разумеется, его родители хотели увидеть ее хоть раз, раньше чем она уедет с Клэром на ферму в Англию или в колониях; а так как мнение их нимало не могло повлиять на его решение, то он считал, что месяца два совместной жизни с ним, пока он будет улаживать свои дела, пойдут ей на пользу и подготовят к грядущему для нее испытанию — предстоящему визиту к его матери в пасторат. Далее Клэр хотел ознакомиться с мукомольным делом, предполагая построить на будущей своей ферме мельницу. Владелец большой старой водяной мельницы в Уэллбридже, некогда принадлежавшей аббатству, предложил ему в любое время ознакомиться с издавна налаженным делом и принять участие в работе; Клэр поехал туда расспросить о деталях, — место это находилось в нескольких милях от Тэлботейса, — и к вечеру вернулся на мызу. Тэсс он объявил, что думает пожить некоторое время на уэллбриджской мельнице. Что же побудило его принять такое решение? Не столько желание изучить дело, сколько одно случайное обстоятельство: можно было поселиться на той самой ферме, где некогда находился дом одной из ветвей рода д'Эрбервиллей. Так разрешал обычно Клэр практические вопросы, руководствуясь чувством, никакого отношения к ним не имеющим. Они решили отправиться на мельницу немедленно после свадьбы и провести там две недели, вместо того чтобы скитаться по городам и гостиницам.

— Затем мы рассмотрим несколько ферм по ту сторону Лондона, о которых я слышал, — сказал он, — а в марте или апреле известим моих родителей.

Такие вопросы постоянно возникали и обсуждались, а день, когда она должна была стать его женой, — этот невероятный день приближался. Свадьба была назначена на тридцать первое декабря, в канун нового года. «Его жена! — говорила она себе. — Возможно ли это? Два существа соединятся навеки, ничто не может их разлучить, все будут они делить пополам. Что же в этом невероятного? И все-таки — может ли это быть?»

В воскресенье утром Изз Хьюэт вернулась из церкви и потихоньку сказала Тэсс.

— Вас не оглашали сегодня в церкви.

— Что такое?

— Сегодня, мы думали, будет первое оглашение,— объяснила она, поглядывая на Тэсс.— Свадьба будет под Новый год, милочка?

Та быстро кивнула.

— Оглашать должны три раза. А до Нового года остаются только два воскресенья.

Тэсс почувствовала, что бледнеет. Изз права: конечно, оглашают трижды. Быть может, он забыл? В таком случае свадьбу придется отложить на неделю, а это дурное предзнаменование. Может ли она напомнить своему возлюбленному?

Тэсс, медлившая так долго, вдруг охвачена была нетерпением и опасением потерять то, что завоевала. Но тревога скоро рассеялась. Изз рассказала м-с Крик о том, что не было оглашения, а та, пользуясь правами матроны, обратилась к Энджелу:

— Вы о нем забыли, мистер Клэр? Об оглашении-то вы и забыли?

— Нет, не забыл,— отозвался Клэр.

И наедине с Тэсс поспешил ее успокоить:

— Пусть они тебя не дразнят этим оглашением. Я, не посоветовавшись с тобой, решил, что нам удобнее взять брачное свидетельство¹,— так будет для нас спокойнее. И если тебе хочется услышать свое имя, ты его не услышишь и в следующее воскресенье.

— Я и не собираюсь идти для этого в церковь, милый мой,— гордо ответила она.

Но все-таки Тэсс почувствовала облегчение, узнав, что все благополучно. Она побаивалась, как бы кто-нибудь, услышав оглашение, не восстал против брака, вспомнив ее прошлое. Но судьба ей благоприятствовала.

«На душе у меня беспокойно,— думала Тэсс.— Мне везет, но, быть может, впоследствии придется жестоко расплачиваться. Судьба часто наказывает. Жаль, что нас не оглашали, как всех».

Но все шло гладко. Она не знала, будет ли он доволен, если она наденет лучшее свое белое платье, или надо купить к свадьбе новое. Вопрос разрешился благодаря предусмотрительности Клэра: на мызу были доставлены большие пакеты, адресованные на имя Тэсс. В них оказался свадебный убор, начиная от шляпы и кончая ботинками, а также утреннее платье;

¹ Англиканская церковь предоставляет право покупать разрешение гражданских властей на вступление в брак, заменяющее церковное оглашение.

этот убор вполне соответствовал той скромной свадьбе, о которой они мечтали. Клэр пришел домой вскоре после того, как были доставлены пакеты, и слышал, что она развешивает их наверху.

Через минуту она спустилась вниз, раскрасневшаяся, со слезами на глазах.

— Какой ты заботливый! — прошептала она, прижимаясь щекой к его плечу. — Ты подумал даже о перчатках и носовом платке! Милый мой, какой ты хороший, какой добрый!

— Право же, нет, Тэсс! Я послал заказ в Лондон — вот и все!

И, не желая, чтобы она его превозносила, он посоветовал ей пойти наверх и примерить платье; если оно не впору, деревенская швея может его перешить.

Она вернулась в свою комнату, оделась и секунду стояла перед зеркалом, любясь шелковым платьем; потом вспомнилась ей баллада о мистическом платье:

К лицу оно не будет той,
Что согрешила хоть разок,—

баллада, которую так весело и задорно напевала ей в детстве м-с Дарбейфилд, раскачивая подбой колыбель под аккомпанемент песенки. Что, если это платье изменит цвет и предаст ее, как предана была королева Джиневра? С тех пор как Тэсс жила на ферме, стихи эти припомнились ей впервые.

XXXVIII

Очень хотелось Энджелу провести с ней перед свадьбой один день — провести где-нибудь вдали от мызы, в последний раз породить с той, которая является пока его возлюбленной, — день романтический, в обстановке, неповторимой больше. А там близок уже и другой великий день. Не раз в течение недели он намекал, что следовало бы сделать кое-какие покупки в соседнем городке; туда они вместе и отправились.

На мызе Клэр жил затворником, не встречаясь с представителями своего класса: месяцами он не бывал вблизи города, даже не имел экипажа, ибо в нем не нуждался, — когда ему нужно было куда-нибудь съездить, он брал у фермера верховую лошадь или двуколку. На этот раз они поехали в двуколке.

Впервые им пришлось делать покупки, предназначенные для них обоих. Был сочельник, — всюду омила и остролист; к этому дню в город стеклось немало народу со всех концов графства. На Тэсс паялили глаза, — и в этом была ее расплата

за счастье,— когда, красивая, с сияющим лицом, она шла об руку с Клэром.

Вечером они вернулись в гостиницу, где остановились. Тэсс осталась ждать у входа, пока Энджел ходил узнавать, запряжена ли лошадь. Зал полон был народа, безостановочно входили и выходили посетители. Когда дверь распахивалась, свет из зала падал на лицо Тэсс. Мимо прошли двое мужчин. Один из них с удивлением осмотрел ее с ног до головы, и ей показалось, что он из Трэнтриджа, хотя эта деревня находилась за много миль и трэнтриджских жителей редко можно было здесь встретить.

— Смазливая девушка! — заметил другой.

— Да, смазливенькая. Но либо я обознался, либо... — И он выразил сомнение, может ли Тэсс именоваться девушкой.

Клэр, возвращаясь из конюшни, столкнулся с говорившим, услышал его слова и увидел, как Тэсс вся съезжилась. Оскорбление ужалило его, и, ничего не соображая, он со всего размаха ударил говорившего кулаком по подбородку, ударил так, что тот зашатался и отступил в коридор.

Придя в себя, мужчина рванулся вперед, и Клэр, переступив порог, приготовился защищаться. Но, по-видимому, противник его передумал. Он снова посмотрел на Тэсс и сказал Клэру:

— Прошу прощения, сэр. Я ошибся. Принял ее за другую девушку, которая живет в сорока милях отсюда.

Клэр, расканываясь в своей запальчивости и пожалев, что оставил ее одну у входа в гостиницу, поступил так, как обычно поступал в подобных случаях,— дал мужчине пять шиллингов, чтобы тот забыл удар. Затем они разошлись, пожелав друг другу спокойной ночи. Когда Клэр взял от конюха вожжи и парочка отъехала, двое мужчин отправились в противоположную сторону.

— Ты и в самом деле ошибся? — спросил второй.

— Ничуть. Но я не хотел оскорбить чувства этого джентльмена.

Тем временем влюбленные продолжали путь.

— А могли бы мы отложить немного свадьбу? — спросила Тэсс упавшим голосом.— Если бы нам захотелось?

— Нет, дорогая. Успокойся. Ты думаешь, что парень подаст на меня в суд за оскорбление? — спросил он добродушно.

— Нет... Я думала... Если бы пришлось отложить...

Неясно, было, о чем она думала, и он посоветовал ей выбросить из головы пустяки, что она и попыталась сделать, насколько это было возможно. Но всю дорогу она была серьезна, очень серьезна, пока не подумала: «Мы уедем далеко, далеко,

за сотни миль отсюда... то, что сегодня произошло, никогда больше не повторится... Там я не столкнусь с призраками прошлого».

В тот вечер они нежно простились на площадке лестницы, и Клэр поднялся к себе в мезонин. Тэсс занялась кое-какими приготовлениями, опасаясь, что в оставшиеся несколько дней не успеет сделать все необходимое. Вдруг она услышала над головой шум в комнате Энджела — возню и удары. Все в доме спало; почувшавшись, что Клэр заболел, она побежала наверх, постучала в дверь и спросила, в чем дело.

— Ничего, дорогая, — ответил он из комнаты. — Как жаль, что я тебя испугал! Забавная история: мне приснилось, будто я стою косяку того парня, который сегодня тебя оскорбил, и я бью его кулаком по дорожному саку, который достал для того парня вонзить вонзи. Я нередко занимаюсь во сне такими глупостями. Не обращай и больше об этом не думай.

Нужна была ей эта загадочная капля — и с колебаниями было конечно. Сказать ему о прошлом она не могла; оставался другой выход. На четырех страницах она написала сжатую историю тех событий, которые произошли три-четыре года назад, и положила письмо в конверт, адресовав Клэру. Потом, опасаясь приступа слабости, она, сбросив ботинки, поднялась наверх и подсунула письмо под дверь.

Не удивительно, что ночь она провела без сна, прислушиваясь к малейшему шороху наверху. Все было, как обычно, он спустился вниз. Спустилась и она. Внизу, на площадке лестницы, он обнял ее и поцеловал. Разумеется, так же нежно, как и всегда!

Он поклялся, что он слегка расстроен и утомлен. Но об ее несведеньи он не сказал ничего, даже тогда, когда они остались одни. Прочел ли он? Она чувствовала, что ничего не может сказать, пока он сам не заговорит. Пронес день, и стало очевидным: он не заговорит, что бы ни думал. Как и раньше, он был прогн с ней и ласков. Не являлись ли ее опасения ребяческими? Быть может, он прощает, любит ее такую, какова она есть, и посмеивается над ее волнением, как над нелепым кошмаром? Да получил ли он ее письмо? Она заглянула в его комнату и никакого письма не нашла. По-видимому, он простил. И вдруг она пламенно поверила, что он простил бы ее даже в том случае, если бы не получил письма.

Таким он был с ней ежедневно, утром и вечером, а между тем настая канун Нового года — день свадьбы.

Влюбленные не встали в час доения коров, ибо последнюю неделю их пребывания на мызе они провели на положении гостей, а Тэсс даже получила отдельную комнату. Спустившись

вниз к утреннему завтраку, они были удивлены переменами, которые в их честь произвели в большой кухне. Рано утром, в необычный час, фермер велел выбелить уголок перед очагом, выкрасить печные кирпичи, а над очагом повесить желтые атласные мехи вместо холщовых, грязно-синих, с черной заплатой, висевших здесь раньше. Благодаря тому, что подновлен был центр комнаты, куда каждый стремился в хмурое зимнее утро, вся комната оживилась.

— Решил что-нибудь устроить в вашу честь,— сказал фермер,— а так как вы слышать не хотите о танцах под скрипку и виолончель, как принято, бывало, в добрые старые времена, я и устроил такую штуку, от которой никакого шума не будет.

Родные Тэсс проживали так далеко, что вполне объяснимым было их отсутствие на свадебной церемонии, даже если бы их пригласили. Никого не приглашали из Марлота. Что же касается семьи Энджела, он, как полагается, известил их о дне свадьбы, уверяя, что был бы рад видеть кого-нибудь из них, если бы они пожелали приехать. Братья его совсем не ответили: они, по-видимому, были возмущены. Отец с матерью написали печальное письмо, сожалея о его стремительном вступлении в брак, но потом добавляли, что хотя они и меньше всего ожидали увидеть невесткой работницу с мызы, однако сын их уже достиг такого возраста, когда может самостоятельно сделать выбор.

Эта холодность огорчила Клэра меньше, чем можно было думать, так как у него был козырь, которым он рассчитывал скоро их удивить. Объявить, что Тэсс, еще недавно работавшая на молочной ферме,— леди и принадлежит к роду д'Эрбервиллей, было делом рискованным, и он это чувствовал: потому он решил скрывать ее происхождение до той поры, пока, путешествуя и читая в течение нескольких месяцев вместе, не обучит ее светским манерам, чтобы затем повезти к своим родителям и с торжеством познакомить их с ней, достойной представительницей такого древнего рода. Эта была мечта влюбленного, но более. Быть может, происхождение Тэсс имело для него самого большее значение, чем для кого бы то ни было.

Она видела, что отношение его к ней не изменилось после ее исповеди, и сомневалась, получил ли он письмо. Прежде чем он позавтракал, она встала из-за стола и поспешила наверх: ей хотелось еще раз заглянуть в жалкую каморку Клэра, похожую на берлогу или, скорее, на орлиное гнездо. Поднявшись по лестнице, она остановилась у открытой двери, задумчиво осматриваясь по сторонам, потом наклонилась над порогом, куда подсунула несколько дней назад в таком волнении свою записку. Ковер касался порога, из-под ковра

торчал уголок белого конверта с ее письмом, которое, по-видимому, прочитано не было, ибо второпях она подсунула его под ковер.

Чувствуя, что слабеет, она схватила письмо. Оно было запечатано, словно она его только что написала. Бремя, на ней лежавшее, еще не было сброшено. Теперь, когда в доме идет приготовления, она не может дать его прочесть; и, спустившись в свою комнату, она разорвала письмо.

Когда он увидел ее, она была так бледна, что он испугался. Неужели эта история со злосчастным письмом помешала ей признаться во всем? Но в душе она знала, что это не так. У нее еще было время. А вокруг уже все пришло в движение. Все возбуждено и суетится. Нужно одеваться. Фермер и м-с Крэнк приглашены в церковь свидетелями... Размышлять и объясняться нет времени. Тэсс удалось только на одну минуту остаться с Клэром наедине, когда они встретились на площадке лестницы.

— Как мне нужно с тобой поговорить! Хотелось бы исповедаться во всех моих ошибках и прегрешениях,— сказала она с деланой беззаботностью.

— Нет, нет, не говори о прегрешениях, любимая. Сегодня ты должна быть совершенством!— воскликнул он.— Надеюсь, у нас еще будет время поговорить о наших грехах. И я в своих исповедаюсь.

— Мне выгоднее сделать это теперь, чтобы ты потом не...

— Прекрасно, моя фантазерка! Когда мы поселимся вместе— ты и расскажешь. Не теперь. И я расскажу о своих ошибках. Не нужно портить этого дня. В другой, хмурый день— это будет прекрасная тема для разговора.

— Так ты в самом деле не хочешь, дорогой мой?

— Не хочу, Тэсси.

Предотвездная суета прервала беседу. Слова его слегка ее успокоили. В течение оставшихся двух часов у нее не было времени размышлять, ибо она целиком отдалась охватившему ее чувству огромной нежности к нему. Из этого мечтательного состояния ее вывело единственное ее желание, с которым она так долго боролась,— желание принадлежать ему, назвать его своим, своим господином, а потом, если так нужно, умереть. Одеваясь, она варила в каком-то облаке красочных грез, поглотившем в своем святом мрачных опасения.

Церковь находилась далеко, и пришлось взять экипаж,— тем более что была зима. Вызвали с ближайшего постоянного двора закрытую карету, сохранившуюся со времен почтовых diligencсов. Она отличалась громоздкими колесами, тяжелыми спицами, огромным изогнутым кузовом, множеством рем-

ней и рессор, а дышло походило на таран. Форейтор был солидный «малый» лет шестидесяти, мученик подагры, заполученной им в далекой молодости благодаря частым простудам, которые залечивались крепкими напитками. Двадцать пять лет прошло с тех пор, как он перестал быть форейтором-профессионалом, и в течение двадцати пяти лет он стоял без дела у дверей гостиницы, славно надеялся, что вернется доброе старое время. У него была на правой ноге незаживающая рана, которая образовалась от постоянного трения о дышла аристократических экипажей за время многолетней его службы в «Золотом гербе» в Кэстербридже.

В эту громоздкую и скрипучую колыхающуюся с дряхлым вожаком усадилась жених с невестой и м-р и м-с Крик — *partie carrée!* Энджелу хотелось, чтобы хоть один из его братьев был шафером, но на его письмо, заключавшее осторожный намек, они ответили молчанием, свидетельствующим об их нежелании приехать. Они неодобрительно отнеслись к этому браку и не намерены были скрывать свои чувства. Быть может, и лучше, что они не приехали. Они не были светскими молодыми людьми, но общение с обитателями мизантропии могло задеть их чувства приличия, не говоря уж об их отрицательном отношении к этому браку.

Тэсс, взволнованная приближением торжественного момента, понятия об этом не имела; она ничего не замечала, не видела, по какой дороге они едут в церковь. Она знала, что Энджел подле нее; все остальное тонуло в лучезарной дымке. Она была каким-то неземным существом, созданным поэзией, одной из тех классических богинь, о которых рассказывал ей Клэр во время прогулок.

Так как приглашения не делали, то в церкви собралось человек десять, не больше; но будь здесь тысячная толпа, все равно она не произвела бы никакого впечатления на Тэсс. Астрономическое расстояние отделяло присутствующих от того мира, в каком пребывала Тэсс. По сравнению с той восторженной торжественностью, с какой поклялась она ему в верности, обычные человеческие чувства казались легкомысленными. Во время перерыва в богослужении, когда они оба преклонили колени, она бессознательно склонилась к нему, и ее плечо коснулось его руки,— ее испугала мимолетная мысль, и движение это было инстинктивным: она хотела убедиться в его близости, хотела крепче поверить в то, что его преданность выдержит все испытания.

Клэр знал, что она его любит,— любовью дышало все ее су-

¹ Компания из четырех человек (франц.).

щество,— но не знал он в то время всей глубины ее чувства, напряженности его и самоотверженности, не знал, что оно является залогом верности, терпения, глубокой веры.

Когда они вышли из церкви, звонари ударили в колокола. Только три ноты слышались в колокольном звоне, так как строители церкви считали, что этого количества вполне достаточно для выражения радости в таком маленьком приходе. Идя рядом с мужем мимо колокольни по тропинке, ведущей к воротам, она чувствовала, как гудит вокруг них вибрирующий воздух, и это гармонировало с той напряженной духовной атмосферой, в которой она жила.

Эта экстазия — ей казалось, что она озарена светом, подобно ангелу, которого видел св. Иоанн,— продолжалась, пока не затер гул колоколов и не улеглось волнение, вызванное свадебным шествием. Теперь от ее внимания не ускользнули детали: м-р и м-с Крик ехали домой в двуколке, ведущей к воротам, она чувствовала, как гудит вокруг них вибрирующий воздух, и это гармонировало с той напряженной духовной атмосферой, в которой она жила.

— Ты как будто приуныла, Тэсси,— сказал Клэр.

— Да,— ответила она, прижимая руку ко лбу.— Многое меня пугает. Все это так серьезно, Энджел. Мне кажется, будто эту карету я когда-то видела и прекрасно ее знаю. Это очень странно: должно быть, я ее видела во сне.

— О, ты слышала легенду о д'Эрбервилльской карете — повесть, касающуюся твоей семьи и известное в этом графстве в ту пору, когда твои предки пользовались здесь популярностью. А эта старая рухлядь напомнила тебе о легенде.

— Правда же, я никогда о ней не слыхала,— возразила она.— А что это за легенда? Мне хочется знать.

— Мне бы не хотелось подробно рассказывать ее сейчас. В шестнадцатом или семнадцатом веке некий д'Эрбервилль совершил в своей фамильной карете страшное преступление, и с тех пор члены этого рода видят карету либо слышат о ней всякий раз, как... Но я расскажу тебе об этом не сегодня,— история слишком мрачная. Должно быть, что-то ты о ней слышала и смутно припомнила при виде сей почтенной колымаги.

— Бряд ли я о ней слыхала,— прошептала она.— Энджел, эта карета является членам моей семьи перед смертью или тогда, когда мы совершили преступление?

— Довольно, Тэсс!

Он закрыл ей рот поцелуем.

Когда они приехали домой, она чувствовала уныние и угрызения совести. Да, теперь она была м-с Энджел Клэр, но морально имела ли она право носить это имя? Не должна ли она

называться м-с Александр д'Эрбервилль? Может ли беспредельная любовь оправдать то, что праведные души могут называть преступным умалчиванием? Она не знала, как должна женщина поступить в подобном случае, не с кем ей было посоветоваться.

Когда на несколько минут она осталась одна в своей комнате,— сегодня в последний раз входила она в нее,— она опустилась на колени и стала молиться. Она пыталась молиться богу, но в сущности обращалась с молитвой к мужу. Ее заключение этому человеку было таково, что она почти боялась, не предвещает ли оно беду. Тэсс сознавала то, что было выражено монахом Лоренцо в словах: «Таких страстей конец бывает страшен»¹. Должно быть, это слишком безрассудно для человеческой природы — слишком буйно, безумно, смертоносно.

— О мой любимый, мой любимый, зачем я так тебя люблю? — шептала она. — Та, которую любишь ты, не я, а другая в моем образе, — та, какой я бы могла быть!

Поздней, приблизился час отъезда. Они решили выполнить задуманный план — поселиться на несколько дней на старой ферме около уэлабриджской мельницы, где Клэр хотел и учить мукомольное дело. В два часа они были готовы к отъезду. Все работники собрались на красном кирпичном крыльце, фермер и его жена проводили отъезжающих до двери. Тэсс увидела своих трех товарок по комнате, они выстроились у стены, задумчивые и понурые. Она не знала, появятся ли они в минуту отъезда, но все три были налицо, стойкие и верные до конца. Она понимала, почему маленькая Рэги кажется такой крупной. Изз — трагически-скорбной, а Мэриэн — смущенной; и, видя их тоску, забыла она на секунду о своей.

Невольно она шепнула ему:

— Не поцелуешь ли ты их, бедненьких, в первый и последний раз?

Клэр не стал возражать против того, что считал предостерегающей формальностью, и, проходя мимо них, поцеловал всех по очереди, говоря: «Прощайте!» В дверях Тэсс чисто по-женски оглянулась, чтобы узнать, какое впечатление произвел этот поцелуй, подаренный из сострадания, но не было в глазах ее торжества. А если бы оно и было, то, конечно, исчезло бы, когда она увидела, как взволнованы девушки. Поцелуй явно причинил зло, пробудив чувства, которые они старались подавить.

Клэр ничего не подозревал. Подойдя к калитке, он обжал руку фермеру и его жене и еще раз поблагодарил их за внимание. Затем спустилась на секунду тишина, предшествующая

¹ Шекспир, «Ромео и Джульетта».

отъезду. Ее нарушил крик петуха. Белый петух с розовым гребешком уселся на изгородь перед домом, в нескольких шагах от них, и крик его зазвенел в их ушах и замер, словно эхо в горной долине.

— Вот так штука! — воскликнул м-р Крик. — Петух заел после обеда!

Два батрака распахнули ворота и придерживали их.

— Не к добру, — шепнул один другому, не думая, что его услышит группа, собравшаяся у калитки.

Петух заел снова, повернувшись к Клэру.

— М-да! — сказал фермер.

— Мне неприятно его слушать! — сказала Тэсс мужу. — Скажи, чтобы кучер трогал. Прощайте, прощайте!

Снова заел петух.

— Ки! Проваливай, пока я не свернул тебе шею! — с досадой крикнул фермер, отгоняя петуха, а войдя в дом, сказал жене: — И нужно же было этому случиться как раз сегодня! За весь год я не слышал, чтобы он ел после обеда.

— Это к перемене погоды, — сказала она, — а совсем не то, что ты думаешь. Не может этого быть!

XXXIV

Несколько миль они ехали долиной, по ровной дороге, до Уэллбриджа, затем повернули от деревни влево, к большому Елизаветинскому мосту. Тотчас же за мостом находился дом, где они наняли помещение, — дом, внешний вид которого хорошо знают все путешествующие в долине Фрум; когда-то он являлся частью прекрасного замка и принадлежал одному из д'Эрбервиллей, а затем полуразрушенный замок был превращен в ферму.

— Добро пожаловать в один из твоих родовых замков! — сказал Клэр, высаживая ее из экипажа. Но он раскаялся в своей шутке: она слишком походила на пронию.

Они наняли только две комнаты, но, войдя в дом, убедились, что фермер решил воспользоваться их приездом и нанести новогодний визит своим друзьям, а в доме оставил женщину из соседнего коттеджа, которая должна была им прислуживать. Здесь все находилось в их полном распоряжении, — и это было приятно; впервые испытали они радость иметь свой кров.

Но он заметил, что ветхое древнее жилище угнетающе действует на его жену. Когда отъехал экипаж, они пошли наверх мыть руки, а поденщица показывала им дорогу. На площадке лестницы Тэсс остановилась и вздрогнула.

— Что случилось? — спросил он.

— Какие страшные женщины! — отозвалась она с улыбкой. — Как они меня испугали!

Он поднял голову и увидел на панелях, вделанных в каменную стену, два портрета в человеческий рост. Как известно всем посетителям замка, на портретах, написанных около двух веков тому назад, изображены женщины средних лет, и лица их, раз увидев, нельзя забыть. Заостренные черты одной, узкие глаза и усмешка, свидетельствующая о бесчеловечности и вероломстве, даже во сне преследуют человека, так же как крючковатый нос другой, длинные зубы и дерзкий взгляд, высокомерный и жестокий.

— Чьи это портреты? — спросил Клэр поденщицу.

— Старики говорят, что это люди из рода д'Эрбервиллей, бывших владельцев замка, — ответила она. — Их нельзя снять, потому что они вделаны в стену.

Портреты произвели тяжелое впечатление на Тэсс, и это было тем более неприятно, что тонкие черты ее лица, несомненно, имели сходство с этими резкими чертами. Однако Клэр не сказал ни слова и только пожалел, что выбор его пал на этот дом, где они предполагали провести медовый месяц. Он вошел в комнату. К приезду их не было сделано почти никаких приготовлений, и им пришлось мыть руки в одном тазу. Клэр, опустив руки в воду, коснулся ее рук.

— Где мои пальцы, а где твои? — спросил он, поднимая на нее глаза. — Сейчас трудно разобрать.

— Они все твои, — нежно ответила она, стараясь развеселиться.

Сегодня ее задумчивость не огорчала его, в такой день всякая разумная женщина была бы задумчива, но Тэсс понимала, что сосредоточенность ее излишня, и боролась с ней.

В этот последний день старого года солнце так низко стояло над горизонтом, что лучи его, врываясь в маленькое оконце, протянулись, как золотой жезл, по полу и легли на платье Тэсс пятном, словно выкрашенным краской. Они вышли в старинную гостиную и здесь впервые пили чай вдвоем. Им пришлось ребячиться, вернее — это нравилось Клэру; его забавляло класть свои бутерброды на ее тарелку и смахивать губами крошки с ее губ. Его немного удивляло, что эти шалости забавляют ее меньше, чем его.

Молча всматривался он в ее лицо и, наконец, подумал, словно найдя способ выразить трудную мысль: «Она — моя дорогая, дорогая Тэсс. По-настоящему ли я понимаю, что эта маленькая женщина неизбежно обречена делить мою судьбу, мои удачи и разочарования? Вряд ли. Пожалуй, будь я женщиной, я

мог бы это понять. Она — то же, что и я. Кем буду я, тем должна стать и она. Что недоступно мне, то недоступно ей. И неужели я когда-нибудь пренебрегу ею, обижу ее или перестану о ней заботиться? Избави меня бог от такого преступления».

Они сидели за чайным столом и ждали своих вещей, фермер обещал прислать их засветло. Но сумерки надвигались, вещей все еще не было, а они приехали без всякого багажа. После заката солнца спокойствие зимнего вечера было нарушено. Погода изменилась; за дверью послышался шум, напоминающий шелест инея; мертвые листья, опавшие осенью и покоившиеся на земле, сердито зашуршали и, словно пробуждаясь неохотно к жизни, закружились в вихре и застучали в ставни. Вскоре пошел дождь.

— А петух-то знал, что погода изменится, — сказал Клэр.

Привыкшая им женщина ушла на ночь домой, поставив предварительно на стол свечи, и теперь они их зажгли. Огнистые языки тянулись к камину.

— В этих старых домах всегда сквозит, — продолжал Энджел, глядя на огонь и сало, стекавшее по свечам. — Интересно, где же наш багаж? У нас даже щетки и гребенки с собой нет.

— Не знаю, — рассеянно отозвалась она.

— Тсс, сегодня ты совсем не веселая, сама на себя не походи. Эти старые ведьмы на стене тебя расстроили. Жаль, что я привез тебя сюда. Я даже начинаю сомневаться, действительно ли ты меня любишь.

Он видел, что она его любит, и сказал это несерьезно, но Тэсс была слишком взволнована и вздрогнула, как раненое животное. Хотя она старалась не расплакаться, но на глазах ее выступили слезы.

— Я этого не думал! — тотчас же раскаялся он. — Я знаю, ты расстроена, потому что до сих пор еще не привезли твоих вещей. Не понимаю, почему не едет старый Джонатэн? Ведь уже семь часов! А, вот и он!

Раздался стук в дверь, а так как некому было открыть, то вышел Клэр. Вернулся он, держа в руке маленький сверток.

— Это был не Джонатэн, — сказал он.

— Какая досада! — воскликнула Тэсс.

Сверток был привезен нарочным из Эмминстера в Тэлботе сейчас же после отъезда новобрачных, а затем доставлен сюда, так как нарочный получил приказ отдать его им лично. Клэр поднял сверток ближе к свету. Он был меньше фута в длину, тащил в парусину, запечатан красным сургучом с печатью отца Клэра и его же почерком адресован: «М-с Энджел Клэр».

— Это маленький свадебный подарок тебе, Тэсс,— сказал он, передавая ей сверток.— Как они внимательны!

Тэсс была слегка возбуждена.

— Милый, лучше ты его вскрой,— попросила она, вертя его в руках.— Мне что-то не хочется ломать эти большие печати, у них такой внушительный вид. Пожалуйста, вскрой ты!

Он вскрыл пакет и увидел шкатулку, обитую сафьяном; на крышке лежали записка и ключ. Записка, адресованная Клэру, гласила следующее:

«Дорогой мой сын! Быть может, ты забыл — ты был тогда еще мальчиком,— что твоя крестная мать м-с Питни, умирая, передала мне — суетная добрая женщина — часть своих драгоценностей для твоей жены, если ты когда-нибудь женишься, в знак ее любви к тебе и к той, кого ты изберешь. Я принял от нее эти бриллианты, и с тех пор они хранились у моего банкира. Хотя при данных обстоятельствах это и кажется несколько неуместным, но я, как видишь, обязан передать эти вещи, той, которая отныне имеет право владеть ими до конца своей жизни, и потому немедленно их высылаю. Думаю, что они являются, строго говоря, фамильными драгоценностями, согласно воле твоей крестной матери. Ее распоряжение по сему поводу прилагается».

— Припоминаю, — сказал Клэр, — но я совсем об этом забыл.

Открыв шкатулку, они увидели ожерелье с подвеской, браслеты, серьги и кое-какие мелкие украшения.

Сначала Тэсс словно боялась к ним прикоснуться, но глаза ее сверкнули, как драгоценные камни, которые Клэр вынул из шкатулки.

— Они мои? — недоверчиво спросила она.

— Да, конечно, — ответил он.

Он смотрел на огонь в камине. Ему припомнилось, как его крестная мать, жена эсквайра, единственная богатая особа, с какой приходилось ему когда-либо иметь дело, уверовала в незаурядную его будущность, когда он был пятнадцатилетним мальчиком, и предсказала ему блестящую карьеру. А если перед ним открывалось такое будущее, то вполне естественно было сохранить эти изящные украшения для его жены и для его сыновей. Сейчас в блеске камней чудилась ему паника. «Но почему же?» — спрашивал он себя. Завещание было продиктовано тщеславием; и если одна из сторон оказалась тщеславной, то почему другой не последовать ее примеру? Его

жена была д'Эрбервилль; кому же как не ей, носить драгоценности?

Вдруг он с энтузиазмом воскликнул:

— Тэсс, надень их, надень! — и отвернулся от каминя, чтобы ей помочь.

Словно повинувшись волшебной силе, она уже надела их: ожерелье, серьги, браслеты — все, что было в шкатулке.

— Но платье не подходит, Тэсс, — сказал Клэр. — Для таких бриллиантов платье должно быть с низким вырезом.

— Неужели? — спросила Тэсс.

— Да, — ответил он.

Он показал ей, как нужно подогнуть ворот платья, чтобы оно хоть сколько-нибудь напоминало вечерний туалет; а когда она это сделала и подвеска ожерелья блеснула на белой груди, где и полагалось ей быть, он отступил на шаг, чтобы взглянуть на Тэсс.

— Боже мой! — воскликнул Клэр. — Как ты красива!

Как известно, «красивые перья делают птицу красивой». Крестьянская девушка, на которую случайный встречный лишь мельком обратит внимание, если увидит ее в простеньком платье за повседневной работой, эта самая девушка будет ослепительно прекрасной, если одеть ее, как светскую женщину, прибегающую к помощи искусства; а красавица, блистающая на балах, может иметь жалкий вид, если нарядить ее в крестьянскую робу и поставить в серый денек среди гряд, засаженных репой. Клэр теперь только оценил, как художник, лицо и фигуру Тэсс.

— О, если бы ты появилась на балу! — сказал он. — Но, знаешь ли, дорогая, кажется, больше всего ты мне нравишься в своем крылатом чепце и ситцевом платье, — да, больше, чем украшенная этими драгоценностями, хотя они очень тебе к лицу.

Тэсс знала, какое производит впечатление, и раскраснелась от волнения, но не от счастья.

— Я их сниму, — сказала она, — чтобы Джонатэн меня не увидел. Ведь они не подходят мне, правда? Вероятно, нужно их продать?

— Подожди минутку, не снимай! Продать их? Никогда! Мы бы не исполнили воли покойной.

Подумав, она охотно подчинилась. Ей нужно было кое-что сказать, а эти камни, быть может, ей помогут. Она села, не снимая украшений, и снова начали они гадать, где обретается Джонатэн с их вещами. Они налили для него элю, но за это время жена осела.

Вскоре уселся он за ужин, который уже стоял на столе.

Не успели они поесть, как клубы дыма ворвались из каминна в комнату, словно какой-то великан на секунду прикрыл рукой дымовую трубу. Произошло это потому, что кто-то открыл входную дверь. В коридоре послышались тяжелые шаги, и Энджел вышел из комнаты.

— Я не мог достучаться,— оправдывался Джонатэн Кейл, наконец-то явившийся.— Дождь льет, вот я и решил войти. Я привез вещи, сэр.

— Очень рад. Но вы запоздали.

— Гм... да, сэр.

Голос Джонатэна Кейла звучал глуше, чем обычно, а на лбу, морщинистом от старости, пролегли новые складки. Он продолжал:

— После отъезда вашего и вашей миссис — так полагается называть ее теперь — был у нас на мызе переполох, и чуть бы-ло не случилось большого несчастья. Может, вы не забыли, как петух запел после полудня?

— Боже мой! Что же...

— Одни толковали так, другие этак, а на деле случилось, что бедная Рэтти Придл хотела утопиться.

— Как! Неужели! Но ведь она с нами попрощалась вместе с остальными.

— Да. Так вот, сэр, когда вы и ваша миссис — так по закону полагается называть ее теперь,— когда вы вдвоем уехали, Рэтти и Мэриэн надели шляпки и ушли домой; дела-то сегодня мало, канун Нового года, и если кому вздумается горевать да хныкать, так никто и не увидит. Они пошли в Лью-Эверад,— там можно пропустить стаканчик,— а оттуда побрели к перекрестку «Крест в руке» и тут, должно быть, и распрощались. Рэтти пошла заливными лугами, будто бы домой, а Мэриэн — в соседнюю деревню, где тоже есть трактир. Больше не было о Рэтти ни слуху, ни духу, а потом лодочник, возвращаясь домой, приметил что-то на берегу большого пруда,— это была ее шляпка и сложенная шаль. Он-то и нашел ее в пруду и вместе с одним парнем принес домой, думая, что она померла. Но она понемножку пришла в себя.

Энджел, вспомнив вдруг, что Тэсс слышит эту грустную повесть, хотел закрыть дверь из коридора в гостиную, но жена его, завернувшись в шаль, уже вышла в соседнюю комнату и слушала старика, рассеянно поглядывая на доставленный багаж и капли дождя, сверкавшие на нем.

— А тут еще и Мэриэн: ее нашли мертвецки пьяной в ивовых зарослях; а ведь девушка отроду не брала в рот ничего спиртного, кроме эля, хотя поесть она любила, это и по лицу ее видно. Похоже на то, что все девки взбесились.

— А Изз? — спросила Тэсс.

— Изз, как всегда, дома. Я-то догадываюсь, как это все случилось, да и она, бедняжка, приуныла; но и не удивительно. А случилось это, как стали мы укладывать в повозку ваши пожитки, сэр, и платья вашей миссис. Вот потому-то я запоздал.

— Понимаю. Ну, Джонатэн, отнесите-ка вещи наверх, выпейте кружку эля и отправляйтесь домой; да поторапливайтесь, может быть вы там нужны.

Тэсс вернулась в гостиную и села у камина, задумчиво поглядывая на огонь. Раздались тяжелые шаги Джонатэна Кейла, поднимавшегося по лестнице, он отнес вещи; и она слышала, как он спустился вниз и поблагодарил за эль, который принес ее муж, и за полученную мзду. Шаги его замерли у двери, и, скрипя, отъехала повозка.

Энджел задвинул массивный дубовый дверной засов и вошел в комнату, где она сидела у камина; подойдя к ней, сзади, он сжал ей ладонями щеки. Думал он, что она весело вскочит и побежит распаковывать вещи, которых так ждала. Но она не тронулась с места, и он сел рядом с ней у камина; в ярком пламени дров растворялся свет тонких свечей, мерцавших на столе.

— Жаль, что тебе пришлось услышать эту грустную историю, — сказал он. — Но ты не печалься. Ведь Рэтти всегда была болезненно-мрачной.

— Без всякой причины, — отозвалась Тэсс. — А те, у кого есть причина быть мрачной, скрывают ее и притворяются, будто все в порядке.

Это происшествие заставило ее принять решение. Они были простодушными, невинными девушками, а на долю их выпало нести бремя неразделенной любви; они заслуживали лучшей участи. Она — Тэсс — заслуживала худшей и, однако, оказалась избранной. Грешно с ее стороны брать все и ничего не платить. Она заплатит до последнего фартинга. Сегодня же она расскажет все. К этому решению пришла она, когда смотрела в огонь, а Клэр держал ее руку в своей.

Ровный свет тлеющих углей озарял боковые и заднюю стенки камина, полированный таган и старые медные щипцы, концы которых не сходились. Нижняя сторона каминной доски и ножки стола окрашены были тем же ярким отсветом. И тот же отблеск падал на лицо и шею Тэсс, а каждый драгоценный камень словно превратился в Альдебаран или Сириус, в созвездие белых, красных и зеленых огоньков, переливавшихся, когда поднималась и опускалась ее грудь.

— Помнишь, сегодня утром мы обещали друг другу рассказать о своих прегрешениях? — спросил он вдруг, видя, что она

сидит неподвижно.— Пожалуй, заговорили мы об этом шутя, и ты, конечно, могла шутить. Но я отношусь к этому обещанию серьезно. Я хочу исповедаться тебе, любимая.

В этом неожиданном его предложении она увидела вмешательство судьбы.

— Тебе есть в чем исповедоваться? — быстро спросила она, почувствовав и радость и облегчение.

— Ты этого не думала? Ах, ты слишком высокого мнения обо мне! Ну, слушай же... Прислонись ко мне головой... Я хочу, чтобы ты меня простила и не сердилась за то, что я не сказал тебе об этом раньше, хотя, пожалуй, должен был сказать.

Как странно! Он словно был ее двойником. Она молчала, и Клэр продолжал:

— Я не говорил об этом, потому что боялся рисковать, боялся потерять тебя, дорогая, мое сокровище, мой диплом в жизни, как я тебя называю. Брат получил диплом в колледже, а я — на мызе Тэлботейс. И рисковать не хотел. Я думал покаяться тебе месяц назад, когда ты согласилась быть моей и не мог — боялся, что это тебя оттолкнет от меня. Я медлил; потом решил рассказать вчера, когда ты еще могла от меня уйти... И не рассказал. Не рассказал и сегодня утром, когда ты предложила там, на лестнице, покаяться в наших грехах, — вот какой я грешник! Но теперь я должен это сделать, когда ты сидишь здесь, такая серьезная. Не знаю, простишь ли ты меня.

— О да! Я уверена, что...

— Ну, буду надеяться. Но подожди минутку. Ты ничего не знаешь. Нужно начать сначала. Хотя бедный мой отец, по-видимому, опасается, что мои убеждения навеки меня погубили, но я всегда был поборником нравственности, Тэсс, не меньше, чем ты. Помню, я хотел поучать людей и с горечью убедился, что мое мировоззрение не позволяет мне сделаться священником. Я преклонялся перед чистотой, хотя не мог притязать на нее, и ненавидел безнравственность, как ненавижу ее теперь. Что бы там ни думать о вдохновении свыше, но каждый должен подписаться под этими словами Павла: «Будь образцом в слове, в жизни, в любви, в духе, в вере, в чистоте». Это единственная опора для нас, бедных смертных. «Integer vitae»¹, — говорит римский поэт, неведомый соратник святого Павла:

Человек праведной жизни, чуждый слабостям,
Не нуждается ни в копье, ни в луке мавров.

¹ Праведная жизнь (лат.).

Да, некая дорога вымощена благими намерениями! Все это я глубоко чувствовал; и ты поймешь, как горько я раскаивался когда, намечая благие пути для других людей, я сам пал.

И он рассказал ей о том периоде своей жизни, когда, терзаемый сомнениями и неразрешенными вопросами, он метался, словно пробка, швыряемая волнами, и, поехав в Лондон, с головой окунулся в разврат, проведя двое суток в обществе чужой ему женщины.

— К счастью, я скоро опомнился и осознал свое безумие, — продолжал он. — Я не в состоянии был говорить с ней и уехал домой. Больше я никогда не совершал такого поступка. Но я хотел быть до конца откровенным и честным с тобой, потому-то я и не мог не рассказать тебе об этом. Прощасшь ли ты меня?

В ответ она крепко сжала его руку.

— Больше мы никогда не будем возвращаться к этому разговору, — слишком мучительно было начинать его сегодня. Поговорим о чем-нибудь более веселом.

— О Энджел, я почти рада... потому что теперь ты можешь простить меня! Я еще не исповедалась. Мне тоже есть в чем покаяться... помнишь, я тебе говорила?

— А, совершенно верно! Ну-с, начинай, маленькая грешница.

— Ты улыбаешься, но, быть может, это так же серьезно, как и твоя исповедь, если только не хуже.

— Хуже, пожалуй, не может быть, дорогая.

— Конечно, не может! — радостная, окрыленная надеждой, она вскочила и воскликнула: — Да, моя исповедь, не может быть хуже твоей! Сейчас я тебе расскажу.

Она снова села.

Руки их по-прежнему были сплетены. Зола под решеткой камня, освещенная сверху огнем, напоминала песок знойной пустыни. Можно было мысленно представить тебе день страшного суда, глядя на алое зарево, освещавшее его лицо и руку; свет падал и на нее, просачивался сквозь волосы на лбу, окрашивал нежную кожу. Гигантская ее тень легла на стену и потолок. Тэсс наклонилась вперед, и бриллианты на ее шее сверкнули, словно подмигивая злобно, как глаза жабы. Она прижалась лбом к его виску и начала рассказ о знакомстве с Алексом д'Эрбервиллем и о последствиях этого знакомства; шепотом, но твердо выговаривала она слова, и глаза ее были опущены.

Фаза пятая

ЖЕНЩИНА РАСПЛАЧИВАЕТСЯ

XXXV

Ее рассказ был окончен; подтверждены отдельные места, даны объяснения. Тэсс ни разу не повысила голоса, ни одной фразы не сказала в свое оправдание и не плакала.

Но по мере того как разворачивался ее рассказ, изменялся, казалось, даже внешний вид окружающих предметов. Огонь в камине подмигивал чертовски заодно, словно нимало не интересуясь ее несчастьем, каминная решетка лениво ухмылялась — ей тоже было все равно, свет, отражаясь от бутылки с водой, целиком был поглощен разрешением проблемы красок. Все предметы с жутким единодушьем снимали с себя ответственность. И, однако, ничто не изменилось с той минуты, как он ее целовал. Вернее — не изменился материальный состав предметов. Но сущность их стала иной.

Когда она умолкла, отзвуки их прежних ласк поспешили спрятаться в дальние уголки мозга, и лишь эхо напоминало о той поре, когда властвовала поделеповатая глупость.

Клэр выполнил пустую обязанность — размешал угли в камине; услышанное еще не проникло в глубь его существа. Поворошив золу, он встал. Теперь исповедь ее была им осознана целиком. Лицо его постарело. Напряженный и сосредоточенный, он нервно постукивал ногой по полу. К услышанному не мог он подобить плотную, и этим объяснялись бессознательные его движения. Он заговорил голосом самым спокойным и повседневным, какой она часто слышала:

— Тэсс!

— Да, любимый!

— Неужели я должен этому поверить? Ты говоришь так, как будто это правда. Не может быть, чтобы ты лишилась рассудка, хотя такое предположение возможно. Нет, ты не сошла с

ума... Моя жена, моя Тэсс! Вижу — в тебе нет ничего, что подтвердило бы эту мысль...

— Я не сошла с ума,— сказала она.

— И все же...

Он посмотрел на нее тупо, как будто плохо соображая, и продолжал:

— Почему ты не сказала мне раньше? Ах да! Собственно говоря, ты хотела сказать, но, помню, я тебе помешал!

Эти и другие его слова были лишь случайным лепетом, тогда как душа оставалась парализованной. Он отвернулся, наклонился над стулом. Тэсс последовала за ним на середину комнаты, остановилась и смотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых не было слез. Вдруг она упала на колени к его ногам и съездила в комок.

— Ради нашей любви, прости меня! — прошептала она пересохшими губами. — Я простила тебе...

И так как он не отвечал, она повторила:

— Прости меня, как я тебя простила! Тебя я простила, Энджел...

— Ты... да... ты простила.

— Но ты меня не прощаешь?

— Боже мой, о прощении говорить не приходится. Ты была одним человеком, теперь ты — другая. Тэсс, можно ли простить, или не простить такое чудовищное превращение?

Он занулся, обдумывая это определение, и вдруг разразился страшным смехом, таким же противоестественным и жутким, как адский хохот.

— Не надо, не надо! Это меня убьет! — вскрикнула она. — Сжалась надо мной, сжалась!

Он не ответил. И, смертельно бледная, она вскочила.

— Энджел, Энджел! Что значит этот смех? — вырвалось у нее. — Знаешь ли ты, каково это мне?

Он покачал головой.

— Я надеялась, мечтала, молилась о том, чтобы сделать тебя счастливым! Я мечтала о том, какая радость для меня дать тебе счастье и какой недостойной женой буду я, если это мне не удастся! Вот о чем я думала, Энджел!

— Знаю.

— Я думала, Энджел, что ты меня любишь — меня любившь, меня! И если ты меня любишь, как же можешь ты так смотреть и говорить? Мне страшно. Я тебя полюбила, и полюбила навеки, как бы ты ни изменился, как бы ты ни был унижен, потому что ты — это ты! И большего я не прошу. Как же можешь ты, мой муж, перестать меня любить?

— Повторяю, та женщина, которую я любил, не ты.

— Но кто же?

— Другая в твоём облике.

Эти слова дали ей понять, что былые ее предчувствия сбылись. Он видел в ней обманщицу, падшую женщину, принявшую облик невинной девушки. Она поняла, и ужас искажил ее бледное лицо; щеки осунулись, рот приоткрылся. Жестокое мнение его о ней так ее поразило, что она пошатнулась, а он шагнул к ней, боясь, как бы она не упала.

— Сядь, сядь,— сказал он мягко.— Ты больна и это вполне естественно.

Она села, не сознавая, где находится; лицо окаменело, от ее взгляда мурашки пробежали у него по спине.

— Значит, больше я тебе не принадлежу, Энджел?— беспомощно спросила она.

«Он говорит, что не меня любил, а другую женщину, которая на меня похожа», — мысль эта заставила ее проникнуться к себе жалостью, как к обиженной. Глаза ее наполнились слезами, когда она представила свое положение; она отвернулась и разрыдалась от жалости к себе.

Эта перемена в ее настроении успокоила Энджела Клэра: впечатление, произведенное на нее всем случившимся, встревожило его немногим меньше, чем страшное открытие. Он ждал терпеливо, апатично, пока не миновал первый приступ отчаяния и бурные рыдания не сменились всхлипыванием.

— Энджел,— сказала она вдруг не тем сухим, неестественным голосом, каким говорила раньше, но обычным своим тоном.— Энджел, я слишком дурная, и мы не можем жить теперь вместе?

— Я не в состоянии думать о том, как мы будем жить.

— Я не прошу, чтобы ты позволил мне жить с тобой, Энджел, я не имею на это никакого права. Я хотела написать матери и сестрам о нашей свадьбе, но не напишу. И не буду кончать той вышивки, какую начала.

— Не будешь?

— Да, я ничего не буду делать, если ты мне не прикажешь. И если ты уедешь, я за тобой не поеду; и если ты больше не будешь разговаривать со мной, я не спрошу — почему, если ты не разрешишь спросить.

— А если я тебе прикажу что-нибудь сделать?

— Я буду повиноваться тебе, как жалкая раба, хотя бы ты приказал мне лечь и умереть.

— Ты очень добра. Но странно, что твое самоотверженное настроение так не гармонирует с прежним инстинктом самосохранения.

Это были первые враждебные слова. Однако саркастичские замечания производили на Тэсс такое же впечатление, как

на собаку или кошку. Их изощренность осталась неоцененной ею, и она восприняла их лишь как враждебные звуки, свидетельствующие о том, что гнев не улегся. Она молчала, не подзревая, что он пытается задушить свою любовь к ней. Не видела она слезы, медленно скатившейся по его щеке, — слезы такой крупной, что она, словно объектив микроскопа, увеличивала поры кожи, по которой стекала. Но он вновь осознал, какой страшный и полный переворот в его жизни произвела ее исповедь, и безнадежно пытался приспособиться к новым условиям. Нужно было что-то предпринять. Но что?

— Тэсс,— сказал он, стараясь говорить ласково,— я не могу оставаться... здесь, сейчас, в этой комнате. Я немного погуляю.

Он тихо вышел из комнаты, а два стакана с вином, которые он наполнил к ужину — один для нее, другой для себя, остались нетронутыми. Вот как закончилась их вечерняя любовь. Часа два-три тому назад, за чаем, они шуточно и любовно пили из одной чашки.

Очень тихо он закрыл за собой дверь, но этот тихий стук все-таки вывел Тэсс из оцепенения. Он ушел, она не могла оставаться в доме. Быстро набросив на себя плащ, она вышла, потушив свечи, словно не намерена была возвращаться. Дождь прошел, и ночь была светлая.

Скоро она его догнала, так как Клэр шел медленно, куда глаза глядят. Рядом с ней, маленькой серой фигуркой, его фигура казалась черной, зловещей и отталкивающей. Тэсс забыла сиять драгоценности, которые на минуту доставили ей такую радость.

Услышав шаги, Клэр оглянулся, но, казалось, ее присутствие не произвело на него ни малейшего впечатления, и он пошел дальше по длинному мосту с пятью зияющими арками, тянувшемуся перед домом.

Следы коровьих и лошадиных копыт на дороге были полны воды, — дождя выпало достаточно, чтобы наполнить ямки, но не стереть их. Тэсс на ходу видела скользящие мимо нее звезды, отраженные в крошечных лужицах; она бы не знала, что они сияют над ее головой, если бы не видела их у своих ног, — самое необъятное во вселенной отражалось в самом малом.

Местечко, куда они сегодня приехали, находилось в той же долине, что и Тэлботейс, но на несколько миль ближе к низовьям реки. Местность была открытая, и Тэсс не теряла из виду Клэра. Дальше от дома дорога вилась среди лугов, и по дороге она шла за Клэром, не пытаясь поровняться с ним или привлечь его внимание, шла с немой, безучастной покорностью.

Наконец, она очутилась подле него; и все-таки он не сказал

ни слова. Одураченный честный человек часто бывает очень жесток, когда с его глаз спадет повязка,— и сейчас Клэр не знал предела жестокости. Казалось, свежий воздух лишил его возможности действовать импульсивно; она знала, что он видит ее лишенной ореола, видит во всей ее наготы.

А время напевало Тэсс свой сатирический псалом:

Когда лицо будет изношено, тот кто любил тебя, возненавидит;
Не будет прекрасным лицо твое под осень жизни твоей.
Ибо жизнь твоя упадет, как лист, и прольется, как дождь;
И вуаль на твоей голове будет скорбью, а корона болью.

По-прежнему он напряженно думал, а присутствие ее не имело теперь власти нарушить или отвести в сторону течение его мыслей. Каким ничтожным сделалось для него ее присутствие! Она не могла не заговорить с Клэром.

— Что я сделала, что я сделала? Ничего, что мешало бы моей любви к тебе! Неужели ты думаешь, будто я нарочно тебя обманула? Твой гнев вызван тем, Энджел, что рождается у тебя в мозгу; во мне этого нет... нет этого во мне... я не лживая женщина, какой ты меня считаешь.

— Гм, пожалуй. Моя жена не лживая, но и не та, что была раньше. Да, не та! И не заставляй меня упрекать тебя. Я поклялся, что упреков не будет,— и делаю все, чтобы их не было.

Но она в смятении продолжала его умолять и, быть может, говорила то, о чем следовало бы молчать.

— Энджел... Энджел! Я была ребенком, ребенком, когда это случилось! Я совсем не знала мужчин!

— Вина других перед тобой больше, чем твоя вина, это я признаю.

— Значит, ты меня не простишь?

— Я тебя прощаю. Но прощение — это еще не все.

— И любишь меня?

На этот вопрос он не ответил.

— О Энджел, моя мать говорит, что такие случаи бывают! Она знает женщин, которые были хуже, чем я! А муж не очень близко принял это к сердцу и в конце концов простил жену. И женщина не любила его так, как я люблю тебя!

— Довольно, Тэсс, не спорь. Разные слои общества — разные взгляды. Зачем ты вынуждаешь меня сказать, что ты — невежественная крестьянка и понятия не имеешь о значении социальных оценок. Ты не понимаешь, что говоришь.

— Я крестьянка только по образу жизни, а не по происхождению.

На секунду ее охватил гнев, который тотчас же рассеялся.

— Тем хуже для тебя. Думаю, тот священник, откопавший твою родословную, поступил бы гораздо лучше, если бы дер-

жал язык за зубами. Вырождение твоего рода я невольно связываю с тем, другим фактом — отсутствием у тебя твердости. У представителей вырождающихся семей воля упадочная — и поведение соответствующее. Боже мой, зачем ты мне рассказала о своем происхождении и дала лишний повод тебя презирать? Я-то видел в тебе дитя природы, полное сил, а ты оказалась слабым отпрыском чахлой аристократии!

— Но многие семьи не лучше моей! Предки Рэтти были когда-то крупными землевладельцами, так же как и предки фермера Биллета. А Дэббихоузы, которые занимаются теперь извозным промыслом, происходят из рода де Байе. Таких, как я, ты встретишь повсюду, этим отличается наше графство; и тут уж я ни при чем.

— Тем хуже для графства.

Эти упреки она принимала, не вникая в их смысл, — он не любил ее так, как любил раньше, а все остальное ей безразлично.

Снова побрели они в молчании. Рассказывали впоследствии, что крестьянин из Уэллбриджа, отправившийся ночью за доктором, встретил на лугу двух влюбленных, которые шли очень медленно, не разговаривая, один за другим, словно за гробом; мельком увидел он их лица, встревоженные и печальные. Возвращаясь позднее, он снова встретил их на том же лугу, и шли они так же медленно, забыв о позднем часе, не замечая, что спустилась ночь. Озабоченный своими собственными делами — в доме у него был больной, — он забыл об этой странной встрече и вспомнил о ней лишь много времени спустя.

В промежуток между первой и второй встречей с крестьянином Тэсс сказала мужу:

— Не знаю, что мне делать, чтобы ты не был по моей вине несчастным человеком. Там, внизу, река. Я могу утопиться. Мне не страшно.

— Я не имею ни малейшего желания прибавлять ко всем моим безумным поступкам еще и убийство, — ответил он.

— Я оставляю что-нибудь в доказательство того, что я это сделала сама — не вынесла позора. Тогда тебя не будут обвинять.

— Не говори глупостей, я не желаю это слышать. У тебя нелепые мысли, ведь эта история скорее может вызвать иронический смех, чем послужить поводом для трагедии. Ты совершенно не понимаешь сущности происшедшего. Девять десятых отнеслись бы к этой истории как к объекту для шуток. Я буду тебе очень благодарен, если ты вернешься домой и ляжешь спать.

— Хорошо, — покорно сказала она.

Они брели по дороге, ведущей к знаменитым развалинам Цистерсианского аббатства, позади мельницы, которая в былые времена находилась в монастырских владениях. Мельница продолжала работать — потребность в пище извечна; аббатство было разрушено — ибо вера преходяща. Они брели окольными путями и все еще находились недалеко от дома; стало быть, Тэсс, повинаясь его воле, должна была только дойти до большого каменного моста, переброшенного через реку, и пройти еще несколько шагов по дороге. Когда она вернулась домой, ничто здесь не изменилось и в камине еще не догас огонь. Внизу она задержалась только на секунду, потом поднялась в свою комнату, куда отнесли вещи. Здесь присела она на край кровати, рассеянно осматриваясь по сторонам, и вскоре начала раздеваться. Когда она переставила свечу ближе к кровати, свет упал на полог из белой бумажной ткани; под ним что-то висело, и Тэсс подняла свечу, чтобы разглядеть. Ветка омелы. Она тотчас же догадалась, что Энджел повесил ее здесь. Так вот он, этот таинственный сверток, который так трудно было упаковывать и перевозить! А он не хотел ей объяснить, говоря, что скоро она все узнает. Веселый и счастливый, повесил он здесь ветку. Какой нелепой и неуместной казалась сейчас эта омела!

Теперь Тэсс нечего было бояться, и вряд ли оставалась у нее хоть какая-нибудь надежда, — ибо не похоже было на то, что он смягчится. Поэтому она тоскливо улеглась в постель. Когда скорбь становится бездумной, сон вступает в свои права. Часто люди менее несчастные не могут забытья сном, но она была в том состоянии, когда сон приходит без зова. Еще несколько минут — и одинокая Тэсс погрузилась в небытие; ее обволакивала ароматная тишина комнаты, которая, может быть, была когда-то брачным покоем ее предков.

Поздно ночью вернулся домой Клэр. Он тихо вошел в гостиную, зажег свет и, видимо, обдумав заранее линию своего поведения, разостлал одеяла на стоявшем здесь старом диване, набитом конским волосом, превратив его в нечто напоминающее постель. Потом он разулся, крадучись поднялся по лестнице и стал прислушиваться у двери ее комнаты. Услышав ровное дыхание, он понял, что она крепко спит.

— Слава богу! — прошептал Клэр; но что-то кольнуло его в сердце при мысли, — в ней была лишь доля истины, — что Тэсс, свалив свое бремя на его плечи, может теперь спать безмятежно.

Он повернулся, чтобы уйти, потом, колеблясь, подошел к ее двери. При этом взгляд его упал на одну из д'эсбервилльских дам, чей портрет висел над дверью в спальню Тэсс. Портрет,

освещенный свечой, производил более чем неприятное впечатление. Лицо женщины выражало зловещее намерение, сосредоточенное желание отомстить представителям другого пола,— так казалось тогда Клэру. Платье, сшитое по моде эпохи королевы Каролины¹, было низко вырезано, как у Тэсс, когда он отогнул ворот ее платья, чтобы надеть ожерелье. И снова он с тоской заметил сходство между ними.

Этого было достаточно. Он отошел от двери и спустился вниз.

Он оставался спокойным и холодным; маленький рот с плотно сжатыми губами свидетельствовал об умении его владеть собой; с момента исповеди лицо его было бесстрастным — лицо человека, который отныне перестал быть рабом страсти, но в освобождении своем не нашел счастья. Он размышлял о страшных случайностях, руководящих человеческой судьбой, о неожиданности событий. Когда он боготворил Тэсс, не было, казалось, существа чище, нежнее, девственнее, чем она,— не

Меньше чуть-чуть, и какие миры исчезли!

Он заблуждался, говоря себе, что ее честное и невинное лицо не являлось зеркалом ее души: но у Тэсс не было защитника, который доказал бы ему обратное. Возможно ли, думал он, чтобы эти глаза, взгляд которых всегда подтверждал каждое ее слово, видели в этот же самый момент иные картины, резко дисгармонирующие с теми, какие она ему показывала?

Он лег на диван в гостиной и погасил свет. Спустилась ночь и завладела домом, спокойная и безучастная ночь, которая уже поглотила его счастье и теперь равнодушно его переваризала и готова была столь же безмятежно и невозмутимо поглотить счастье тысячи других людей.

XXXVI

Клэр проснулся на рассвете; рассвет был серый, он крался, как человек, замешанный в преступлении. Клэр увидел камин с холодной золой, стол, покрытый к ужину, и два стакана с вином,— вино не искрилось и подернулось пленкой; увидел стул Тэсс, не занятый теперь, свой стул и другую мебель, которая казалась беспомощной и как будто задавала невыносимый вопрос: что же теперь делать? Сверху не доносилось ни звука, но через несколько минут раздался стук в наружную дверь. Он

¹ Каролина — жена английского короля Георга IV, обвиненная распутным королем в прелюбодеянии; умерла в 1821 году.

вспомнил, что должна прийти жена крестьянина, жившего по соседству, которая нанялась им прислуживать.

В данный момент присутствие постороннего человека в доме было крайне неуместно, и Клэр, уже одетый, открыл окно и сказал женщине, что сегодня утром они обойдутся без ее помощи. Она принесла кувшины с молоком, и он приказал оставить его у двери. Когда эта особа удалилась, он отыскал в сарае дрова и быстро развел огонь. В кладовой нашлись яйца, масло, хлеб, и Клэр приготовил завтрак,— жизнь на мызе научила его хозяйничать. Дрова пылали в камине, и дым вырывался из трубы, словно увенчанная логосом колонна; местные жители, проходя мимо, видели дым, думали о новобрачных и завидовали их счастью.

Энджел окинул взглядом комнату, подошел к лестнице и обычным своим тоном сказал:

— Завтрак готов.

Открыв входную дверь, он вышел подышать утренним воздухом. Когда он, пройдя несколько шагов, вернулся, Тэсс уже спустилась в гостиную и машинально переставляла посуду. Она была совсем одета и, должно быть, оделась раньше, чем он ее окликнул, так как с тех пор прошло минуты две-три. Волосы она закрутила большим узлом на затылке и надела одно из новых платьев — бледно-голубое шерстяное, с белой оборкой у ворота. Казалось, лицо и руки ее застыли,— вероятно, она долго просидела одетая в холодной спальне. Подчеркнуто вежливый тон Клэра, когда он ее окликнул, пробудил в ней на секунду проблеск надежды, но достаточно ей было взглянуть на него, чтобы надежда угасла.

От пламенного чувства влюбленных осталась только зола. Острая боль вчерашнего вечера уступила место тяжелой апатии; казалось, ничто не могло снова разжечь в них былую страсть.

Он заговорил с ней спокойно, и она отвечала так же сдержанно. Наконец, она подошла к нему, пристально всматриваясь в его резко очерченное лицо и словно забыв о том, что ее собственное лицо может служить объектом наблюдения.

— Энджел! — сказала она и остановилась, слегка прикоснувшись к нему пальцами, как будто едва могла поверить, что здесь перед ней находится человек, который был когда-то ее возлюбленным. Глаза ее не потускнели, бледные щеки еще не осунулись, хотя слезы оставили на них блестящие полоски, а губы, обычно красные, были почти так же бледны, как и щеки. Жизнь еще пульсировала в ней, придавленной горем, но пульс стал таким прерывистым, что малейшее напряжение мог-

до **вызвать** настоящую болезнь, — и тогда потускнеют ее глаза и губы станут тонкими.

Она казалась безупречно чистой; природа, фантастически лживая, наложила печать девственности на лицо Тэсс. И он смотрел на нее ошеломленный.

— Тэсс! Скажи, что это неправда! Конечно, неправда!

— Это правда.

— Каждое слово?

— Каждое слово.

Он смотрел на нее с мольбой, словно хотел услышать заведомую ложь и с помощью софистики превратить ее в нерушимую правду. Однако она повторила:

— Это правда.

— Он жив? — спросил Энджел.

— Ребенок умер.

— А этот человек?

— Жив.

Отчаяние искажило лицо Клэра.

— Он в Англии?

— Да.

Он сделал несколько шагов, бесцельно, сам того не замечая.

— Вот каково мое положение, — сказал он отрывисто. — Я думал — и так думал бы всякий на моем месте, — что, отказываясь от честолюбивых стремлений иметь жену, занимающую положение в обществе, богатую, знающую свет, я мог найти девушку, сохранившую не только румяные щеки, но и невинность... Однако я не таков, чтобы упрекать тебя, и упреков не будет.

Ему не нужно было продолжать: Тэсс слишком хорошо понимала его положение. Это-то и приводило ее в отчаяние: она знала, что он лишился всего.

— Энджел... я бы не довела дела до свадьбы, если бы не знала, что в конце концов у тебя останется выход; хотя я надеялась, что ты никогда...

Голос ее сорвался.

— Выход?

— Да, способ от меня избавиться. Ты можешь от меня избавиться.

— Как?

— Развестись со мной.

— О господи, можно ли быть такой наивной! Как я могу развестись с тобой?

— А разве нельзя... теперь, когда я призналась? Я думала, что моя исповедь даст тебе право развестись.

— О Тэсс, ты... ты, словно ребенок, ничего не знаешь, я бы

сказал — невежественна... Не понимаю, что ты такое! Ты ничего не смыслишь в законах, ничего!

— Как, разве ты не можешь?

— Конечно, не могу.

Лицо ее было жалким, а теперь оно исказилось от стыда.

— А я думала...— прошептала она.— О, теперь я понимаю, какой дурной считаешь ты меня! Но клянусь тебе, поверь мне, я всегда думала, что ты можешь со мной развестись! Я надеялась, что ты этого не сделаешь.., но никогда я не сомневалась, что ты можешь от меня избавиться, если захочешь и если... совсем... совсем меня не любишь!

— Ты ошиблась,— холодно сказал он.

— Ох, значит я должна была это сделать прошлой ночью. Но у меня не хватило смелости. Как это на меня похоже!

— На что не хватило смелости?

Она не отвечала, и он взял ее за руку.

— Что ты задумала сделать?

— Покончить с собой.

— Когда?

Она съжилась от его инквизиторского тона.

— Простой ночью.

— Где?

— Под твоей омслой.

— О боже!.. Как? — спросил он сурово.

— Я скажу, только не сердись на меня,— ответила она, дрожа.— Я взяла веревку от своего сундука... но не могла... сделать самое последнее! Я боялась, что это онозорит твое имя.

Это неожиданное признание, насильно у нее вырванное, потрясло его. Но он по-прежнему держал ее за руку и смотрел ей в лицо; потом, опустив глаза, сказал нетвердым голосом:

— Слушай внимательно: о таких ужасных вещах ты не смеешь думать! Как ты могла! Ты должна обещать своему мужу никогда не повторять этой попытки!

— Я готова обещать. Я поняла, как это нехорошо.

— Нехорошо! У меня нет слов выразить! Это недостойно тебя!

— Но, право же, Энджел,— начала она, глядя на него широко раскрытыми глазами,— я хотела это сделать только ради тебя — освободить тебя и избежать скандала при разводе... Я ведь думала, что ты можешь получить развод. У меня и в мыслях не было сделать это ради себя. И в конце концов я недостойна того, чтобы лишиться себя жизни. Это ты, мой муж, которого я погубила, должен был бы нанести мне удар! Мне кажется, я еще сильнее полюбила бы тебя, если это только возможно, когда бы ты заставил себя это сделать, раз нет у

тебя другого выхода. Я чувствую себя такой ничтожной! Я так тебе мешаю!

— Перестань!

— Ну, если ты запрещаешь, я буду молчать. Я хочу только того, чего хочешь ты!

Он знал, что это правда. После пережитой ночи воля ее равнялась нулю, и можно было не опасаться каких бы то ни было опрометчивых поступков.

Снова Тэсс более или менее успешно постаралась отвлечься, расставляя посуду для завтрака. Оба уселись по одну сторону стола, чтобы не встречаться друг с другом глазами. Сначала каждый чувствовал себя неловко, прислушиваясь, как ест и пьет другой, но этого нельзя было избежать; оба ели очень мало. После завтрака он встал и, сказав ей, в котором часу ждать его к обеду, отправился к мельнику, машинально приводя в исполнение план, ради которого сюда приехал, ибо практическая цель была у него одна — изучить мукомольное дело.

После его ухода Тэсс подошла к окну и вскоре увидела, как он поднялся на большой каменный мост, за которым находились владения мельника. Пройдя по мосту, он пересек железнодорожные пути и скрылся из виду. Тогда, подавив вздох, она отвернулась от окна и начала убирать со стола и приводить все в порядок.

Явилась доенщица. Сначала Тэсс с трудом выносила ее присутствие, но потом почувствовала облегчение. В половине первого она оставила свою помощницу в кухне и, вернувшись в гостиную, стала ждать, когда появится за мостом фигура Энджела.

Было около часа, когда она его увидела, и покраснела, хотя он находился на расстоянии четверти мили. Она побежала в кухню распорядиться, чтобы обед подан был в тот момент, как он войдет в дом. Сначала он прошел в ту комнату, где накануне они вместе мыли руки, а когда он входил в гостиную, крышки, словно по сигналу, были сняты с блюд.

— Какая точность! — сказал он.

— Да, я видела, как ты шел по мосту, — ответила она.

Обед прошел в банальных разговорах о том, что делал он утром на мельнице, о просеивании муки и устаревших машинах. Клэр опасался, что не получит никакого представления о новых усовершенствованных методах, так как некоторые машины, казалось, были в употреблении еще в те дни, когда мельница молола зерно для монахов из соседнего аббатства, ныне превратившегося в развалины. Через час он снова ушел, вернулся в сумерках и весь вечер разбирал свои бумаги. Она боя-

лась ему помешать и, когда ушла старуха поденщица, отправилась в кухню и больше часу наводила там порядок.

Наконец, в дверях показался Клэр.

— Ты не должна так работать,— сказал он.— Ты не служанка, ты моя жена.

Она подняла глаза, и лицо ее слегка просветлело.

— Значит, я могу считать себя твоей женой? — прошептала она с жалкой усмешкой.— Ты хочешь сказать — по имени! Да, большего мне не нужно.

— Можешь ли ты считать себя моей женой? Но ты моя жена. Что ты хочешь сказать?

— Не знаю, — поспешно ответила она; в голосе слышались слезы.— Я думала, что... я хочу сказать, что я не заслуживаю уважения. И я тебе давно говорила, что, по-моему, я не заслуживаю уважения; потому-то я и не хотела выходить за тебя... а ты настаивал.

Она разрыдалась и повернулась к нему спиной. Это растрогало бы всякого, но только не Энджела Клэра. Был он человек мягкий и отзывчивый, но где-то в глубине его существа таилась суровая логическая жилка, подобная горной породе, пролегающей в мягкой глине и преграждающей путь всему, что пытается ее рассечь. Жилка эта преградила ему дорогу к церкви, она же преградила дорогу к Тэсс. Вдобавок любовь его была не столько пламенной, сколько лучезарной; переставая верить женщине, он отходил от нее. Этим он резко отличался от тех впечатлительных людей, которые продолжают любить чувственной любовью ту, кого презирают рассудком. Он ждал, пока не стихли ее рыдания.

— Хотел бы я, чтобы добрая половина женщин в Англии заслуживала такого же уважения, как ты,— сказал он с горьким озлоблением против всего женского пола.— Речь идет не о респектабельности, а о принципе.

Он долго еще говорил в том же духе, захваченный волной отвращения, которое упорно калечит прямодушных людей, когда они убеждаются, что были введены в заблуждение обманчивой внешностью. Правда, где-то в глубине нарастала и другая волна — волна сочувствия, которую могла бы использовать светская женщина. Но Тэсс об этом не думала, она все принимала как должное и почти не раскрывала рта. В непоколебимой ее преданности было что-то почти жалкое; выпыливая от природы, она терпеливо выслушивала все, что бы он ни говорил; она не думала о себе, не раздражалась; обращение его с ней не вызывало с ее стороны осуждения. Она как бы олицетворяла собой апостольское милосердие, возродившееся в современном мире, предающемся самоанализу.

Этот вечер, ночь и следующее утро прошли так же, как и предыдущие. Раз, один только раз, осмелилась она, когда-то свободная и независимая Тэсс, сделать шаг к сближению. Это случилось, когда он в третий раз собирался идти после обеда на мельницу. Встав из-за стола, он сказал: «До свидания», а она ответила теми же словами и в то же время протянула ему губы. Он не пошел ей навстречу и, быстро отвернувшись, бросил:

— Домой я вернусь вовремя.

Тэсс съежилась, словно ее ударили. Часто пытался он против ее воли поцеловать эти губы, часто говаривал шутливо, что рот ее и дыхание напоминают вкус масла, яиц, молока и меда, которые были насыщенной ее пищей, говорил, что губы ее утоляют его голод, — много глупостей говорил. Но теперь ему не нужны были ее губы.

Он заметил, как она вздрогнула, и сказал ласково:

— Пойми, я должен подумать о том, как быть дальше. Необходимо пожить некоторое время вместе во избежание неприятного для тебя скандала, который не заставил бы себя ждать, если бы мы разъехались немедленно. Но ты должна понять, что это делается только ради приличия.

— Да, — рассеянно отозвалась она.

Он ушел на мельницу, но на полпути остановился и пожалел на секунду о том, что не ответил ей ласковее и не поцеловал ее хоть раз.

Так прошел в тоске еще день-другой. Жили они, правда, в одном доме, но дальше были друг от друга, чем до брака. Она ясно видела, что энергия его, как он выразился, парализована и он пытается придумать дальнейший план действий. Она была поражена, когда убедилась в непреклонности этого человека, казавшегося таким чокладетям. Его упорство было слишком жестоким. Больше она не надеялась на прощение. Не раз она подумывала о том, чтобы уйти от него, когда он покидал дом, но боялась, что ее уход не принесет ему пользы и поставит в еще более неприятное и унижительное положение, если об этом узнают.

Действительно, Клэр размышлял упорно. Мысли преследовали его, он заболел от них, они иссушили его, парализовали всю его прежнюю гибкость и мягкость. Он бродил, бормоча вслух: «Что делать? Что делать?» И случайно она его подслушала; это побудило ее затронуть вопрос о будущем, которого они избегали касаться.

— Должно быть, ты недолго будешь жить со мной, Энджел? — спросила она.

Уголки ее рта были опущены; ясно было, что с помощью лишь очень больших усилий удавалось ей сохранять это сдержанное спокойствие.

— Я не могу жить с тобой,— сказал он,— не презирая самого себя и — что, пожалуй, еще хуже — не презирая тебя. Конечно, я говорю о совместной жизни в обычном смысле этого слова. Сейчас, каковы бы ни были мои чувства, я тебя не презираю. И разреши мне говорить откровенно, иначе ты не поймешь всей трудности моего положения. Как можем мы жить вместе, пока жив этот человек?.. В сущности он твой муж, а не я. Если бы он умер, было бы иначе. Но трудность не только в этом: она обусловлена другими соображениями, касающимися будущности других людей — не нас. Пройдут годы, у нас будут дети, а эта прошлая история обнаружится,— рано или поздно о ней узнают, нет такого уголка на земле, куда никто не заглядывает и откуда никто не уезжает. Подумай о несчастных детях, нашей плоти и крови, несущих на себе это пятно. Вырастая, они постепенно почувствуют тяжесть презрения. Каково будет для них пробуждение? Какая будущность? Можешь ли ты сказать мне по чести: «Останься», если представишь себе такую возможность? Не лучше ли претерпеть наше несчастье, чем стремиться к новым бедам?

Веки ее, отяжелевшие от скорби, были по-прежнему опущены.

— Я не могу сказать: «Останься»,— ответила она.— Не могу. Так далеко вперед я не заглядывала.

Нужно признать, что Тэсс надеялась чисто по-женски, и надежда, упорно возрождаясь, побуждала ее тайком рисовать картины интимной семейной жизни, которая в конце концов сломит его холодность даже вопреки его решению. Навивная в обычном смысле этого слова, она тем не менее была настоящей женщиной, и женский инстинкт изменил бы ей, если бы она чутьем не знала, какая сила заключается в близости. Она понимала, что никто ей не поможет, если она в этом потерпит неудачу. Грешно надеяться на какие-то стратегические хитрости, говорила она себе, но с этой последней надеждой не могла расстаться. Теперь он объяснил ей создавшееся положение с новой, по ее словам, точки зрения. Действительно, она никогда не заглядывала так далеко, и отчетливо нарисованная им перспектива иметь детей, которые будут ее презирать, явилась как бы последним осуждением ей, глубоко честной женщине. По собственному опыту она уже знала, что бывают такие обстоятельства, когда благополучной жизни предпочтешь нечто совсем иное,— а именно, отказ от какой бы то ни было жизни вообще. Подобно всем просветленным страданиями, она могла в

словах Сюлли Приюдома: «Ты будешь рожден» — услышать приговор своим потомкам.

Но такова лисья хитрость госпожи Природы: Тэсс, ослепленная своей любовью к Клэру, забыла о возможных последствиях этой любви, забыла, как отразится на других то, в чем видела она свое — и только свое — несчастье.

Поэтому она ничего не могла противопоставить его доводам. Но человек слишком первый склонен оспаривать свои же собственные мнения, и у Клэра возникло возражение, которого он сам почти испугался. Основано оно было на некоторых особенностях ее натуры; и она могла бы этим воспользоваться. Кроме того, она могла добавить: «На австралийском плоскогорье или в Техасской равнине кому какое дело до моей беды? Кто будет упрекать меня или тебя?» Однако, подобно большинству женщин, она приняла нарисованную им картину как нечто неизбежное. И, быть может, была права. Сердцу женщины, благодаря ее интуиции, введомо не только ее боль, но и боль мужа; и если бы никто не обратился к нему с упреками, эти упреки тем не менее коснулись бы его слуха, порожденные его собственной фантазией.

Шел третий день их взаимного отчуждения. Пожалуй, кто-нибудь мог бы сделать парадоксальное предположение: будь Клэр более чувственным человеком, он вел бы себя более благородно. Но мы этого не говорим. Любовь Клэра была слишком хрупка, слишком фантастична в условиях повседневной жизни; на такие натуры присутствие любимого существа влияет меньше, чем его отсутствие, ибо в разлуке создается идеальный образ, лишенный реальных недостатков. Тэсс убедилась, что ее присутствие не оказывает на него такого сильного влияния, на какое она надеялась. Оправдалась образная его фраза: она была другой женщиной — не той, которую он желал.

— Я обдумала то, что ты сказал,— заметила она, чертя указательным пальцем по скатерти и поддерживая голову другой рукой, с обручальным кольцом, которое словно издевалось над ними.— Ты совершенно прав, прав во всем. Ты должен от меня уехать.

— Но что же ты будешь делать?

— Я могу вернуться домой.

Клэр об этом не подумал.

— В самом деле? — спросил он.

— Да. Мы должны расстаться; и уж лучше поскорее с этим покончить. Ты как-то мне сказал, что я притягиваю к себе мужчин вопреки их рассудку, и если я постоянно буду у тебя перед глазами, ты, пожалуй, изменишь свое решение наперекор жела-

нию и рассудку. А потом твое раскаяние причинит мне страшную боль.

— А ты бы хотела вернуться домой? — спросил он.

— Я хочу расстаться с тобой и уехать домой.

— Значит, пусть будет так.

Она вздрогнула, не поднимая глаз. Слишком остро почувствовала она разницу между предложением и договором.

— Я боялась, что дело этим кончится, — прошептала она: лицо ее было покорно и казалось растерянным. — Я не жалею, Энджел... Я... я думаю, что так будет лучше. Твои слова окончательно меня убедили. И хотя никто не стал бы меня упрекать, живи мы вместе, но пожалуй, спустя много лет ты сам можешь рассердиться на меня из-за какого-нибудь пустяка и, зная о моем прошлом, бросишь мне упрек, который, чего доброго, услышат мои же дети. И то, что сейчас причиняет мне только боль, будет для меня тогда пыткой и убьет меня! Я уеду... завтра.

— И я здесь не останусь. Хотя я и не хотел заговаривать об этом первый, но считал, что будет разумнее расстаться хотя бы на время, пока я не дам себе отчета в случившемся. А потом я могу тебе написать.

Тэсс украдкой взглянула на мужа. Он был бледен, даже дрожал; но как и раньше, ее поразила решимость этого кроткого человека, за которого она вышла замуж, воля его, подчиняющая грубые эмоции эмоциям более возвышенным, материю — идее, плоть — духу. Склонности, стремления, привычки были словно сухие листья, подхваченные буйным ветром его непреклонной воли.

Он дал ей объяснение, заметив, по-видимому, ее взгляд:

— Я лучше думаю о людях, когда нахожусь вдали от них. — И добавил цинично: — Кто знает, быть может когда-нибудь мы сойдемся от скуки; так бывало со многими!

В тот день начал он укладывать вещи, и она, поднявшись к себе, последовала его примеру. Оба думали об одном и знали это: быть может, на следующее утро они расстанутся навеки, хотя сейчас и прикрывали отъезд успокоительными предположениями, так как оба принадлежали к той породе людей, для которых мысль о разлуке навеки была пыткой. Знал он, и знала она, что в первые дни разлуки взаимное их влечение — с ее стороны нимало не зависящее от его добродетельных качеств — может быть сильнее, чем когда бы то ни было, но время заглушит его; практические доводы, в силу которых он отказывался принять ее как свою жену, обретут новую силу в холодном свете грядущих дней. Этого мало: когда двое расстанутся, перестают жить одной жизнью и под одним кровом, тогда проби-

ваются незаметно новые ростки, заполняя пустое место, непредвиденные события препятствуют прежним замыслам и старые планы предаются забвению.

XXXVII

Настала полночь и миновала незаметно, ибо в долине Фрум ничто не возвещало о приближении полуночного часа.

Во втором часу ночи послышался легкий скрип в темном фермерском доме, бывшем замке д'Эрбервиллей. Тэсс, которая спала в комнате наверху, услышала шум и проснулась. Это скрипнула ступенька у поворота лестницы, где доска была плохо прибита. Тэсс видела, как распахнулась дверь ее спальни и полоса лунного света прорезала фигуру мужа, приближавшегося с какой-то странной осторожностью; он был в одной рубашке и брюках. Первая ее вспышка радости угасла, когда она заметила, что он бессмысленно смотрит куда-то в пространство. Выйдя на середину комнаты, он остановился и прошептал с бесконечной печалью:

— Умерла! Умерла! Умерла!

Под действием какой-то тревожащей его силы Клэр иногда ходил во сне и даже проделывал странные вещи: так, например, ночью, по возвращении с базара, куда они ездили перед свадьбой, он воспроизвел в своей спальне драку с человеком, который ее оскорбил. Тэсс поняла, что это душевное потрясение довело его до лунатизма.

Так глубоко было ее доверие к нему, что бодрствующий или спящий, он не внушал ей ни малейшего страха. Если бы он вошел с пистолетом в руке, и тогда вряд ли поколебалась бы ее вера в него как своего защитника.

Клэр подошел ближе и склонился над ней.

— Умерла, умерла, умерла! — шептал он.

Пристально, с той же беспредельной скорбью смотрел он на нее в течение нескольких секунд, потом нагнулся ниже, обнял ее и завернул в простыню, словно в саван. Подняв ее с кровати с тем почтением, какое принято оказывать покойникам, он вынес ее из комнаты, бормоча:

— Моя бедная, бедная Тэсс.. моя дорогая, любимая Тэсс! Такая милая, добрая, преданная!

Ласковые слова, от которых он сурово воздерживался наяву, были бесконечно сладки ее одинокому сердцу, изголодавшемуся по ласке. Ради спасения своей жизни она не согласилась бы пошевелинуться или вырваться из его рук и положить конец этой сцене. Поэтому она лежала неподвижно, едва осме-

ливаясь дышать, недоумевая, что думает он делать с нею. Он вынес ее на площадку лестницы.

— Моя жена... умерла, умерла! — сказал он.

На секунду он остановился, чтобы отдохнуть, и прислонился к перилам. Не думал ли он бросить ее вниз? Инстинкт самосохранения почти угас в ней; зная, что завтра он хотел уехать, быть может навсегда, она лежала в его объятиях и, не смотря на грозившую ей опасность, скорее блаженствовала, чем испытывала страх. Если бы они могли вместе упасть и разбиться, как бы это было хорошо, как кстати!

Однако он не уронил ее, а, прислонившись к перилам, запечатлел поцелуй на ее губах, — на губах, которые презирал днем. Потом он снова крепко ее обнял и стал спускаться по лестнице. Скрип расшатанной ступеньки не разбудил его, и они благополучно спустились вниз. Освободив на секунду одну руку и поддерживая Тэсс другой рукой, он отодвинул дверной засов и вышел из дому, слегка ударившись ногой, одетой в носок, о дверь. Но, казалось, он этого не заметил и очутившись на просторе, он положил Тэсс на плечо, чтобы легче было нести ее; отсутствие одежды уменьшало тяжесть его ноши. Он понес ее к реке, находившейся на расстоянии нескольких шагов.

Она еще не знала конечной его цели — если была у него какая-нибудь цель — и строила догадки, словно смотрела со стороны. Спокойно она отдалась ему всем своим существом, и теперь ей приятно было сознавать, что он видит в ней свою собственность, которой может располагать по своему желанию. Предощущая ужас завтрашней разлуки, она утешалась тем, что сейчас он действительно признавал ее своей женой и не отрекался от нее; и пусть в этом признании зайдет он так далеко, что присвоит себе право причинить ей боль.

Вдруг она догадалась, что пригрезилось ему: он грезил о том воскресном утре, когда переносил ее на руках через лужу, — ее и других работниц, которые любили его почти так же, как она, если это только возможно; впрочем, такую возможность Тэсс вряд ли допускала. Клэр не понес ее к мосту: он прошел несколько шагов вдоль реки по направлению к мельнице, потом остановился у самой воды.

Река, пересекая эти луга, часто разветвлялась, и при этом отдельные рукава ее огибали маленькие островки, не имевшие названия, потом возвращались назад и сливались в один широкий поток. Клэр остановился как раз там, где река не разделялась на рукава и была многоводной и глубокой. Через нее был переброшен узкий мостик для пешеходов, но осенние ливни смыли перила, и остались одни только доски, поднимавшиеся на несколько дюймов над водой; течение здесь было бы-

строе, и только люди, не подверженные головокружению, могли пройти по мосту. Днем Тэсс видела из окна, как молодые парни шли по этим доскам, похваляясь своим умением сохранять равновесие. Быть может, и ее муж наблюдал эту сцену; как бы то ни было, но сейчас он поднялся на мостик, мацупывая доску ногой.

Не хочет ли он утопить ее? Возможно. Место было безлюдное, река достаточно глубока и широка, для того чтобы осуществить это намерение. Пусть он утопит ее, если хочет. Это лучше, чем расстаться завтра и жить в разлуке.

Под ними мчались и бурлил быстрый поток, швыряя, искажая и раскрывая отраженный лик луны. Мимо проплывали клочья пены, переплетенные водоросли обвивали сваи. Если они оба упадут сейчас в реку — так крепко их объятие, что спастись они не смогут. Почти безболезненно уйдут они из жизни, и она не услышит больше упреков и его не упрекут за то, что он на ней женился. Последний час его жизни будет часом любви. А если доживут они до момента его пробуждения — вернется дневное его отвращение к ней и этот час останется в памяти только как сновидение.

Ей захотелось сделать движение, которое увлекло бы их в пучину, но она не посмела исполнить свое желание. Нисколько не дорожила она своей жизнью, — это она доказала, — но не вправе была располагать жизнью Клэра. Он благополучно достиг противоположного берега.

Дальше начиналось поле, это были монастырские владения. Крепче прижав к себе Тэсс, он направился к разрушенным храмам церкви, находившейся в нескольких шагах. У северной стены стояла пустая каменная гробница какого-то аббата, куда для пеленой забавы обычно ложились все туристы. В нее он бережно положил Тэсс. Еще раз поцеловав ее губы, он глубоко вздохнул, словно достиг, наконец, желанной цели. Потом он улегся на земле подле каменного гроба и от усталости погрузился тотчас же в глубокий, мертвый сон. Он лежал неподвижно. Наступила реакция после душевного напряжения, которое даровало ему силы.

Тэсс села в гробу. Погода для этой поры года стояла сухая и мягкая, но все-таки холод был такой, что Клэру, полуодетому, опасно было оставаться здесь долго. Если предоставить его самому себе, он, вероятно, останется здесь до утра, рискуя простудиться и умереть. Она слыхала, что такие случаи бывали с лунатиками. Но могла ли она разбудить его и объяснить, что он тут делал? Ведь он бы сгорел от стыда, узнав о безумной своей выходке. Тем не менее Тэсс вышла из гробницы и слегка встряхнула Клэра; но нужно было действовать энергичнее, что-

бы его разбудить. Во что бы то ни стало следовало принять какие-то меры, так как у нее уже начался озноб,— простыня плохо защищала от холода; пока он ее нес, она была так возбуждена, что не чувствовала холода, но это блаженное состояние миновало.

Внезапно ей пришло в голову прибегнуть к внушению. Со всей твердостью и решимостью, на какую только была способна, она шпнула ему на ухо:

— Пойдем дальше, дорогой,— и настойчиво потянула его за руку.

К великому ее облегчению, он повиновался беспрекословно: по-видимому, ее слова вывелись в его сновидение, которое как бы вступало в новую фазу: ему мерещилось, что она воскресла и дух ее увлекает его на небо. Тэсс повела его за руку к каменному мосту перед домом, где они жили, и, миновав мост, остановилась у двери дома. Ей больно было идти босиком по камням, от холода она оконечела, но Клэр был в шерстяных носках и, казалось, не чувствовал холода.

Далее все шло гладко. Она заставила его лечь на диван и укутала потеплее, потом развела огонь в камине, чтобы он отогрелся. Она думала, что шум и шаги разбудят его, и тайне на это надеялась. Но он был так измучен душевно и физически, что не проснулся.

Когда они встретились на следующее утро, Тэсс тотчас же угадала, что Энджел не ведает об ее участии в ночной прогулке, хотя, быть может, и догадывается о беспокойно проведенной ночи. В действительности же он очнулся от глубокого сна, близкого к небытию, и в течение тех первых секунд, когда мозг — подобно потягивающемуся Самсону — пробует свою силу, смутно припомнил необычно проведенную ночь. Но реальность скоро прогнала всякие догадки. Он ждал, чтобы прояснился ход мыслей; знал он по опыту: если не расплывалось при дневном свете решение, принятое накануне вечером, стало быть оно основано на доводах, выдвинутых рассудком, даже если было порождено эмоцией. И такое решение заслуживает доверия. В бледном утреннем свете размышляя он над своим решением расстаться с Тэсс — решением не пылким и негодующим, а уже лишенным той страстности, которая его зажгла. Это был лишь остов, скелет решения, и тем не менее он уцелел. Клэр больше не колебался.

За завтраком и позднее, когда они укладывали оставшиеся вещи, он казался таким усталым после ночной прогулки, что Тэсс готова была рассказать ему все, но передумала: он будет рассержен, огорчен, почувствует себя в смешном положении, если узнает, что бессознательно проявил к ней свою любовь,

осужденную здравым смыслом, скомпрометировал себя этой любовью, когда рассудок его спал. Рассказать ему о случившемся — значит, высмеять протрезвившегося человека за то, что он проделывал в пьяном виде.

Мелькнула у нее и такая мысль: быть может, он сохранил смутное воспоминание о том, как нежен он был к ней во сне, и не склонен говорить об этом, опасаясь, как бы Тэсс не воспользовалась удобным случаем и не обратилась к нему снова с просьбой не уезжать.

Он написал, чтобы из ближайшего города прислали экипаж, который и был подан вскоре после завтрака. В этом увидела она начало конца, быть может временного, — так как эта ночь, когда случайно проявилась его нежность, вновь воскресила в Тэсс мечту о совместной жизни с ним. Багаж положили на крышу экипажа, и они отъехали. Мельник и старая служанка выразили некоторое удивление по поводу внезапного отъезда, но Клэр объяснил это тем, что мельница работает по старинке, тогда как он хотел изучить новейшие методы. В сущности такое объяснение не грешило против истины. Отъезд их отнюдь не наводил на мысль о «фiasco» и не опровергал предположения, что они едут навестить друзей.

Путь их лежал мимо мызы, откуда они уехали несколько дней назад так радостно и торжественно, а так как Клэр хотел покончить свои дела с м-ром Криком, то Тэсс поневоле должна была загладить к м-с Крик, — иначе та заподозрила бы, что дело неладно.

Не желая привлекать всеобщее внимание, они оставили экипаж у калитки, выходящей на проезжую дорогу, и пошли бок о бок по тропинке. Одни пеньки остались там, где были ивовые заросли, и они издали могли разглядеть то место, куда последовал за ней Клэр, когда упрасивал ее стать его женой; слева была изгородь, за которой слушала она, очарованная, его игру на арфе; а дальше, за коровником, виднелся луг, где они впервые поцеловались. Летние золотые тона пейзажа стали теперь серыми, краски потусквели, чернозем превратился в грязь, и холодна была река.

Фермер увидел их со скотного двора и пошел им навстречу, скрыв при этом веселую мину, которая и в Тэлботейсе и в окрестностях считалась уместной при появлении молодоженов. Затем вышла из дому м-с Крик и другие старые их знакомые, но не видно было ни Мэриэн, ни Рэтти.

Тэсс мужественно выслушала их лукавые намеки и дружеские насмешки, которые задевали ее отнюдь не так, как предполагали шутники. Между мужем и женой установилось молчаливое соглашение скрывать свое отчуждение друг от друга, и они

держали себя как ни в чем не бывало. А потом, хотя Тэсс предпочла бы ни слова об этом не слышать, ей подробно рассказали о Мэриэн и Рэтти: последняя уехала домой к отцу, а Мэриэн, уйдя с мызы, подыскивала место; все боялись, что она плохо кончит.

Желая рассеять тоску, навеянную этим рассказом, Тэсс пошла попрощаться со своими любимцами коровами и каждую погладила. Перед отъездом она и Клэр стояли бок о бок, точно связаны были и духовно и физически, и жалкими показались бы они тому, кто знал бы правду: словно две жизни были слиты в одну, его рука касалась ее руки, она задевала его своим платьем, оба смотрели в одну сторону, когда все обитатели мызы смотрели на них, прощаясь, они говорили о себе «мы» — и, однако, были так же далеки друг от друга, как два полюса. Должно быть, было в их позе что-то напряженное, неестественное, какая-то неловкость проглядывала в их усилиях разыграть роль любящих супругов — неловкость, не похожая на смущенные, которое свойственно молодоженам, — потому что после их отъезда м-с Крик сказала мужу:

— Как странно блестели у нее глаза, а они стояли оба, словно восковые куклы, и говорили точно во сне! Ты не заметил? Правда, Тэсс всегда была какой-то чудной, и сейчас она что-то не похожа на молодую жену, гордящуюся славным муженьком.

Снова сели они в экипаж и поехали по дороге, ведущей в Уэтербери и Стэгфут-Лейн, пока они не добрались до Лейнской гостиницы; здесь Клэр отпустил экипаж. В гостинице они отдохнули немного и поехали дальше, по направлению к родной деревушке Тэсс; лошадей правил человек им незнакомый, который не знал их отношений. Когда они миновали Натлбери, Клэр остановил экипаж на перекрестке дорог и сказал Тэсс, что здесь он с ней расстанется, если она по-прежнему хочет вернуться к матери. Так как в присутствии кучера они не могли говорить свободно, он предложил ей пройтись пешком по одной из боковых дорог. Она согласилась, и они побрели по дороге, приказав кучеру ждать.

— Попробуем понять друг друга, — сказал он мягко. — Расстанемся мы без злобы, хоть и осталось то, с чем я сейчас не могу примириться. Я постараюсь справиться с собой. Тебя я извещу, куда предполагаю поехать, как только сам буду это знать. И если я себя приучу к тому, что сейчас кажется мне невыносимым, если это нужно и возможно, я вернусь к тебе. Но пока я сам к тебе не приеду, не делай попыток приехать ко мне — так будет лучше.

Тэсс этот суровый приказ показался смертным приговором.

Она ясно понимала, в каком свете она предстает перед ним: он видел в ней только женщину, которая грубо его обманула. Но было ли такое отношение справедливым, даже если принять во внимание ее поступок? Однако спорить с ним она больше не могла. Она только повторила его слова:

— Пока ты ко мне не приедешь, я не должна пытаться к тебе приехать?

— Совершенно верно.

— А писать тебе я могу?

— О да... если ты заболеешь или в чем-нибудь будешь нуждаться. Надеюсь, этого не случится, и, стало быть, я напишу тебе первый.

— Я согласна на эти условия, Энджел, потому что тебе лучше знать, какое наказание я заслуживаю. Но только... только сделай так, чтобы оно было мне по силам!

Вот все, что она по этому поводу сказала. Если бы Тэсс была менее непосредственна, если бы она сделала ему сцену, упала в обморок, истерически зарыдала здесь, на этой безлюдной дороге, — пожалуй, он не устоял бы перед ней, хотя и был одержим непомерной требовательностью. Но она приучила себя к мысли о долгих страданиях и облегчила ему путь, она сама была лучшим его адвокатом; она не коснулась многих струн, которые могла бы затронуть своими мольбами. И в этом безрассудном подчинении обстоятельствам проявилась черта, свойственная всему роду д'Эрбервиллей.

После этого они обсуждали только практические вопросы. Он вручил ей пакет с приличной суммой денег, полученной специально для этой цели от его банкиров. Бриллианты, которые поступили, по-видимому, только в пожизненное владение Тэсс (если он правильно понял волю покойной), он предложил отправить на хранение в банк, на что она охотно согласилась.

Покончив с этими делами, он проводил Тэсс до перекрестка и усадил в экипаж. Кучеру было уплачено и сказано, куда отвезти ее. Взяв затем свой саквояж и зонтик — единственные вещи, которые привез он сюда, — Клэр распрощался с ней. Так они расстались.

Карета медленно поднималась на холм, а Клэр провожал ее глазами и безотчетно надеялся, что Тэсс выглянет на секунду из окна. Но ей и в голову не пришла такая мысль, и она не осмелилась бы это сделать, когда в полуобморочном состоянии лежала в карете. Он видел, как она уезжает, и в тоске цитировал стих поэта, переделывая его по-своему:

Нет бога на небе — все плохо на земле!

Когда карета скрылась за гребнем холма, он пошел своей дорогой, и вряд ли он знал, что продолжает ее любить.

XXXVIII

Тэсс пришла в себя, когда спустилась в Блекмурскую долину и начала узнавать местность, знакомую с детства. Первая ее мысль была: как посмотрит она в глаза родителям?

Показалась застава, находившаяся неподалеку от деревни. Ворота распахнул незнакомый ей человек, не тот старик, который много лет исполнял эту обязанность и хорошо знал Тэсс. Должно быть, он оставил должность в день Нового года, когда обычно нанимали служащих. Тэсс давно не получала вестей из дома и спросила сторожа, что нового в деревне.

— Ничего, мисс,— ответил тот.— В Марлоте все по-старому. Кое-кто помер. А на этой неделе Джон Дарбейфилд выдал дочку за джентльмена-фермера. Свадьбу-то не здесь справляли, они где-то в другом месте поженились. Джентльмен происхождения знатного, и, видно, показалось ему, что семья Джона слишком бедна, чтобы звать ее на свадьбу. Жених, должно быть, не знал, как у нас здесь проведали, что сам Джон происходит из древнего и благородного рода,— и по сей день лежат в собственных склепах скелеты его предков, да только имущества своего он лишился еще во времена римлян. Ну, а все-таки сэръ Джон — так мы его теперь называем — отпраздновал, как мог, день свадьбы и угостил всех и каждого в приходе, а жена Джона до двенадцати часов ночи пела песни в трактире «Чистая Капля».

Услышав это, Тэсс так опечалилась, что решила не подъезжать к дому столь торжественно — в карете и со всеми своими пожитками. Она попросила у сторожа разрешения оставить на время вещи у него в доме и, получив согласие, отпустила экипаж и задворками пошла в деревню.

Завидев трубу отцовского коттеджа, она задала себе вопрос: как осмелится она войти в дом? Родные ее безмятежно верили, что она находится далеко отсюда и совершает свадебное путешествие с человеком сравнительно богатым, который возведет ее на вершину благополучия. А в это время она, одинокая, покинутая друзьями, приближается, крадучись, к старому дому, и нет у нее на земле другого пристанища.

Ей не удалось подойти к дому никем не замеченной. Возле садовой изгороди она встретила знакомую, одну из тех двух-трех девушек, с которыми была дружна в школе.

Осведомившись, как очутилась она здесь, подруга, не замечая трагического выражения ее лица, спросила:

— Тэсс, а где же твой джентльмен?

Та поспешила объяснить, что его вызвали по делам, затем, распрощавшись со своей собеседницей, перелезла через изгородь и направилась к дому.

Шла она по дорожке сада и слышала, как мать распекает на черном крыльце. Наконец, показалась м-с Дарбейфилд, стоявшая на пороге и выжимавшая простыню. Покончив с этим делом и не заметив Тэсс, она вошла в дом, и дочь последовала за нею.

Корыто стояло все там же, на старом бочонке, и мать, отложив в сторону простыню, собиралась снова опустить в него руки.

— Как! Тэсс! Дочка!.. А я думала, что ты вышла замуж... и уж на этот раз по-настоящему... мы сидру послали...

— Да, мама, так оно и есть.

— Так ты выходишь замуж?

— Я уже замужем.

— Замужем! А где же твой муж?

— Он уехал на время.

— Уехал! А когда же была свадьба? В тот день, о котором ты писала?

— Да. Во вторник, мама.

— Ну, а теперь только суббота! И он уже уехал?

— Да, уехал.

— Что же это значит? Нечего сказать, нашла себе муженька!

— Мама! — Тэсс подошла к Джоан Дарбейфилд, спрятала голову у нее на груди и расплакалась. — Не знаю, как сказать тебе, мама! Ты мне говорила и писала, чтобы я ему не рассказывала. А я рассказала... не могла иначе... и он ушел.

— Ах дурочка ты, дурочка! — воскликнула м-с Дарбейфилд; от волнения она забрызгала водой и Тэсс и себя. — О господи, вот уж не думала, что доживу я до того, чтоб назвать тебя дурочкой!

Тэсс судорожно рыдала, — после длительного душевного напряжения настала, наконец, реакция.

— Я это знаю, знаю, знаю! — выговорила она сквозь слезы. — Но, мама, я не могла поступить иначе. Он такой добрый, и я чувствовала, как нехорошо скрывать от него то, что случилось! Если... если бы это повторилось, я бы поступила точно так же. Я не могла... не смела... согрешить против него.

— Но ты уже согрешила, если сначала вышла за него замуж!

— Да, да! В этом мое несчастье! Но я думала, что закон поможет ему от меня избавиться, если он не в состоянии с

этим примириться. И если бы ты знала, если бы ты только знала, как я его любила, как страстно хотела быть его женой... и как терзала меня эта любовь и желание быть честной с ним до конца!

Тэсс была так измучена, что не могла продолжать и беспомощно опустила на стул.

— Ну ладно, ладно; что сделано, то сделано! Только я никак не возьму в толк, почему у меня дети глупее, чем у других. И придет же на ум выболтать такую штуку! Ведь если бы он и узнал, так много времени спустя, когда было бы уже слишком поздно!— И м-с Дарбейфилд начала проливать слезы жалости к самой себе — матери, достойной сострадания.— Ума не приложу, что скажет твой отец,— продолжала она.— Каждый день он только и говорит, что о твоей свадьбе, болтает и у Ролливера и в «Чистой Капле» о том, что благодаря тебе семья снова займет положение, подобающее ей по праву. Вот бедняга! А ты теперь взяла да все испортила! О господи!

И, словно в довершение беды, послышались в эту минуту шаги отца Тэсс. Впрочем, он не сразу вошел в дом, и м-с Дарбейфилд объявила, что она сама сообщит ему печальную новость, а Тэсс пока не должна показываться на глаза. Когда прошел первый приступ отчаяния, Джоан приняла это печальное событие, как и первую беду, постигшую Тэсс; точно так же приняла бы она дождливое воскресенье или неурожай картофеля; она не задумывалась над тем, вызвано ли несчастье человеческой добродетелью или безумием, и видела в нем не урок, а удар судьбы, с которым нужно мириться.

Тэсс поднялась наверх и заметила, что кровати переставлены и сделаны кое-какие изменения. Ее старая кровать перешла во владение двух младших детей. Теперь здесь не было для нее места.

Поголок в нижней комнате не был оштукатурен, и она слышала почти все, что делалось внизу. Вошел отец, по-видимому, притащивший живую курицу. Вынужденный продать вторую лошадь, он ходил пешком и носил свой товар в корзинке. Как это частенько случалось, он захватил с собой курицу утром, желая показать, что занимается делом; однако курица больше часу пролежала со связанными ногами под столом у Ролливера.

— Только что толковали мы...— начал Дарбейфилд и подробно передал жене происходившую в трактире дискуссию о духовенстве, вызванную тем обстоятельством, что дочь его вышла замуж за сына священника.

— Прежде они, как и мои предки, именовались «срами»,— сказал он,— ну, а теперь они, строго говоря, только «духовные особы».

жнуть ее, оставаясь верным своим принципам? Вот результаты его вероотступничества, и наказание его заслуженно.

Потом он почувствовал утомление и беспокойство, упорно возраставшее. Он задавал себе вопрос: справедливо ли он поступил по отношению к ней? Машинально он ел и пил, не чувствуя аппетита. Проходили часы, отчетливее вырисовывались мотивы всех его поступков, совершенных в былые дни, и он понял, что мысль о Тэсс, как о дорогом, близком ему существе, присутствовала во всех его планах, словах и делах.

Во время своих скитаний заметил он как-то в предместье городка синие-красный плакат, возвещающий о великих преимуществах, какие предоставляет Бразилия, эмигрантам-земледельцам. Землю можно было получить на исключительно выгодных условиях. Мысль о Бразилии понравилась ему своей новизной. Пожалуй, Тэсс могла бы приехать к нему туда, — быть может, в новом окружении, в стране, где иными были понятия и навыки, условности не имеют той власти, которая, по мнению Клэра, препятствовала совместной их жизни в Англии. Короче, он склонился к мысли о Бразилии тем более, что время года благоприятствовало этой поездке.

С такими мыслями возвращался он в Эмминстер, чтобы сообщить родителям о своем плаче и как-нибудь объяснить отсутствие Тэсс, скрыв от них причину разлуки. Когда он подошел к двери, молодой месяц светил ему в лицо так же, как светила полная луна в ту ночь, когда он на руках переносил свою жену через реку, направляясь к монастырскому кладбищу. Но с тех пор лицо его осунулось.

Клэр не предупредил родителей о своем приезде, и появление его взволновало дом пастора, подобно тому как зимородок, вырвая в воду, волнует поверхность тихого пруда. Отец и мать сидели в гостиной, но обоих братьев не было дома. Энджел вошел и тихо прикрыл за собой дверь.

— Но где же твоя жена, дорогой Энджел? — воскликнула мать. — Как ты нас удивил!

— Она у своей матери... временно. А я поспешил домой, потому что решил ехать в Бразилию.

— В Бразилию! Но ведь там все население — сплошь католики!

— Разве? Я об этом не подумал.

Но даже эта неожиданная и неприятная новость — отъезд его в страну папистов — не могла надолго занять мысли матери и м-с Клэр, которые, разумеется, интересовались женитьбой сына.

— Три недели тому назад мы получили твою коротенькую записку, извещающую о свадьбе, — сказала м-с Клэр, — и, как

тебе известно, отец послал твоей жене подарок крестной матери. Конечно, мы считали более разумным не ехать на свадьбу, тем более что ты предпочел отпраздновать ее на мызе, а не в доме невесты. Наше присутствие стеснило бы тебя, а нам не доставило бы никакого удовольствия,— твои братья были в этом убеждены. Теперь, когда дело сделано, мы упрекать тебя не будем, в особенности если жена окажется хорошей помощницей на поприще, которое ты решил избрать, отказавшись быть служителем церкви... И все-таки мне бы хотелось сначала повидать ее, Энджел, или хотя бы знать о ней больше. Мы ей никакого подарка пока не послали, так как не знаем, что может ей понравиться, но это будет сделано. Энджел, мы с отцом несколько не сердимся на тебя из-за этой женитьбы, но о родственных чувствах к твоей жене не будем говорить, пока ее не повидаем. А ты не привез ее с собой! Это странно. Что случилось?

Он ответил, что, по их мнению, она должна была съездить к своим родителям, пока он навещает своих.

— Признаюсь, тебе, дорогая мама,— сказал он,— я не собирался ее привозить сюда, пока у меня нет уверенности, что она заслужит ваше расположение. Но теперь возник этот новый план поездки в Бразилию. Если я туда поеду, вряд ли удобно будет брать ее в это первое путешествие. Она будет жить у своей матери, пока я не вернусь.

— И я не увижу ее до твоего отъезда?

Он полагал, что не увидит. По его словам, первоначальный план был таков: если не считать других оснований, он хотел отложить на время это свидание, дабы ни в какой мере не задеть их чувств и привычного образа мыслей. Если он немедленно отправится в Бразилию, то домой вернется приблизительно через год, и, быть может, они повидают его жену раньше, чем он снова уедет,— на этот раз с нею.

Подали ужин, приготовленный на скорую руку, и Клэр стал развивать свои планы. Мать все еще была огорчена тем, что не видела его молодой жены. Энтузиазм, с каким Клэр еще так недавно говорил о Тэсс, пробудил в ней материнское сочувствие, и она почти готова была поверить, что и на мызе Тэлботейс можно найти очаровательную женщину. Она поглядывала на сына в то время, как тот ужинал.

— Если бы ты описал, какая она! Я уверена, Энджел, что она очень хорошенькая!

— О, несомненно! — с жаром воскликнул он, скрывая боль.

— И, конечно, не приходится спрашивать о том, чиста ли она и добродетельна?

— Да, разумеется, она чиста и добродетельна.

— Я как будто вижу ее. В прошлый раз ты говорил, что она прекрасно сложена, у нее полные алые губы, подобные луку Купидона, ресницы и брови темные, коса толстая, как корабельный канат, а глаза большие, сине-черно-фиолетовые.

— Да, мама.

— Я ее вижу, как живую. И в такой глуши она вряд ли встречалась когда-нибудь с молодыми людьми другого круга, пока не встретила тебя.

— Да, вряд ли.

— Ты ее первая любовь?

— Конечно.

— Ну что ж, бывают жены похуже этих простодушных, румяных и здоровых девушек с фермы. Конечно, я бы предпочла... но если моему сыну предстоит быть земледельцем, то, пожалуй, это и лучше, что жена его приучена к жизни на ферме.

Отец был менее любопытен, но когда настало время прочесть, как обычно, главу из библии перед вечерней молитвой, викарий сказал жене:

— Мне кажется, более уместно будет по случаю приезда Энджела прочесть тридцать первую главу из притчей, вместо той, какую полагается читать по порядку.

— Да, конечно,— отозвалась м-с Клэр.— Слова царя Лемуила. (Главу и стих из библии она могла процитировать не хуже, чем ее муж.) Дорогой мой сын, твой отец решил прочесть нам главу из притчей, в которой восхваляется добродетельная жена. И нам не нужно напоминать о том, что эти слова относятся к отсутствующей. Да хранит ее господь на всех путях ее!

У Клэра словно комок застрял в горле. Портативный аналой был выдвинут из угла и водружен перед камином; вошли две старые служанки, и отец Энджела начал читать с десятого стиха указанной главы:

— «Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов. Она встает еще ночью и раздает пищу в доме своем, препоясывает силою чресла свои и укрепляет мышцы свои. Она чувствует, что занятие ее хорошо, и светильник ее не гаснет и ночью. Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности. Встают дети — и ублажают ее; встает муж — и хвалит ее; много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их».

По окончании вечерней молитвы мать сказала:

— Я невольно думала о том, как удивительно подходят некоторые стихи этой главы, прочитанной твоим дорогим отцом, к женщине, которую ты избрал. Да, добродетельная женщина — это женщина работающая; не лентяйка, не знатная ле-

ди, но та, что руки свои, мысли и сердце отдает для блага ближних. «Встают дети — и ублажают ее, встает муж — и хвалит ее; много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их». Да, хотелось бы мне повидать ее, Энджел. Раз она чиста и целомудренна, я найду ее и хорошо воспитанной.

Клэр не мог дольше это выносить. Глаза его были полны слез, они жгли, словно капли раскаленного свинца. Наскоро пожелал он спокойной ночи этим искренним и простодушным людям, которых так горячо любил; не знали они ни мира, ни плоти, ни дьявола, — для них это было что-то туманное и далекое. Он ушел в свою комнату.

Мать последовала за ним и постучала в дверь. Клэр открыл ее и увидел, что мать смотрит на него с беспокойством.

— Энджел, — начала она, — что-то случилось и поэтому ты так скоро уезжаешь? Я вижу, что ты сам не свой.

— Да, мне не по себе, мама, — ответил он.

— Из-за нее? Да, сын мой, я знаю, что это из-за нее! Вы поссорились за эти три недели?

— В сущности мы не поссорились, — сказал он, — но у нас произошла размолвка...

— Энджел, каково ее прошлое? Ей не приходится его скрывать?

Миссис Клэр, руководимая материнским инстинктом, коснулась больного места. Казалось ей, именно эта причина могла вызвать тревогу Энджела.

— Она безупречна! — ответил он.

И знал, что повторит эту ложь, даже если будет осужден за нее на вечную муку.

— Ну, тогда все остальное не имеет значения. В конце концов мало встретишь на свете людей чище, чем неспорченная деревенская девушка. Некоторая грубость манер, которая сначала может оскорблять твой вкус, более утонченный, со временем должна сгладиться в твоём обществе и под твоим влиянием.

Эта ужасная ирония, продиктованная слепым великодушием, навела Клэра на мысль, до сих пор не приходившую ему в голову: этой женитьбой он окончательно погубил свою карьеру. Правда, лично для себя он мало заботился о карьере, но ради родителей и братьев хотел иметь хорошую репутацию. И теперь, когда он смотрел на свечу, пламя ее как будто говорило, что оно должно светить разумным людям и ему противно освещать лицо глупца и неудачника.

Когда волнение его улеглось, он зажегся гневом против бедной своей жены за то, что она создала положение, вынуждающее его лгать родителям. Рассерженный, он готов был обра-

титься к ней с речью, словно она находилась здесь, в комнате. А затем в темноте прозвучал воркующий ее голос, жалобный и укоризненный, губы ее нежно коснулись его лба, и он почувствовал ее теплое дыхание.

В эту самую ночь женщина, которую он так унижал, думала о том, какой замечательный и добрый человек ее муж. Но над обоими нависла тень, более глубокая, чем та, какую видел Энджел Клэр,— его собственная ограниченность. Вопреки всем его попыткам быть независимым в своих суждениях, этот передовой человек, полный добрых намерений, типичный продукт последней четверти века, оставался рабом условностей и обычаев, к которым приучили его в детстве. Ни один пророк не сказал ему,— а сам он не был пророком,— что молодая его жена достойна похвал царя Лемуила не меньше, чем всякая другая женщина, питающая такое же отвращение к греху,— ибо не достижение, но устремленность служит мерилом моральной ценности. Кроме того, человек, которого мы разглядываем вблизи, проигрывает, так как нет теней скрывающих его недостатки, а далекие туманные фигуры окружены почтотом, и недостатки их на расстоянии превращаются в добродетели. Размышляя о том, чего Тэсс была лишена, он проглядел ее самое и забыл, что не всегда совершенство ценнее всего.

XL

За завтраком разговор шел о Бразилии, и все пытались одобрить задуманный Клэром эксперимент, несмотря на обескураживающие сообщения некоторых фермеров, эмигрировавших в Бразилию и через год вернувшихся на родину. После завтрака Клэр пошел в город покончить с теми мелкими делами, какие у него здесь были, и взять из местного банка все свои деньги. На обратном пути он встретил около церкви мисс Мерси Чапт,— она казалась эманацией церковных стен. Для занятий в классе она несла несколько библий; и таково было ее мирозерцание, что события, вызывающие у других людей сердечный припадок, заставляли ее блаженно улыбаться,— завидный результат, хотя, по мнению Энджела, он был достигнут путем противоестественным, когда человечность была принесена в жертву мистицизму.

Она узнала о том, что он собирается покинуть Англию, и нашла этот план превосходным и многообещающим.

— Да, с точки зрения коммерческой этот план, конечно, недурен,— ответил Клэр.— Но, дорогая Мерси, это резкий разрыв с прошлым. Пожалуй, следовало бы предпочесть монастырь.

— Монастырь! О Энджел Клэр!

— А что такое?

— Ах вы грешник! Чтобы идти в монастырь, нужно быть монахом, а монах — католик.

— Но католиком быть грешно, а грех приводит к гибели! Ты на опасной стезе, Энджел Клэр.

— Я горжусь тем, что я протестантка,— строго сказала она.

Тогда Клэр, отчаяние которого переросло в дьявольскую жестокость, заставляющую человека поступать вопреки его принципам, подозвал ее ближе и начал злобно нашептывать ей самые еретические мысли, какие только приходили ему в голову. Он было расхохотался, когда ее простодушное лицо искажилось от ужаса, но смех замер, так как ужас уступил место огорчению и беспокоейству за него.

— Дорогая Мерси,— сказал он,— вы должны меня простить. Кажется, я схожу с ума.

Она сама подумала о том же. Так закончилось это свидание, и Клэр вернулся домой. У местного банкира он оставил на хранение драгоценности, пока не наступят более счастливые дни. Внес он также в банк тридцать фунтов для того, чтобы их в ближайшие месяцы переслали Тэсс по ее требованию, и отправил ей письмо в Блекмурскую долину, сообщая о своих распоряжениях. Он надеялся, что этой суммы, а также тех пятидесяти фунтов, которые он ей уже вручил, хватит на первое время; в случае непредвиденных расходов она должна была обратиться к его отцу.

Своим родителям он не дал ее адреса, не считая нужным, чтобы они входили с ней в какие бы то ни было сношения; а м-р и м-с Клэр, не зная, чем в сущности вызвано расхождение, адреса не просили. В тот же день он уехал из пастората, желая возможно скорее покончить со всеми делами.

Перед отъездом из этих краев он должен был заглянуть на уэллбриджскую ферму, где провел с Тэсс первые три дня после свадьбы. Ему предстояло уплатить ничтожную сумму за помещение, вернуть ключи от комнат, которые они занимали, и взять кое-какие вещи, оставшиеся на ферме. Никогда еще жизнь не обходилась с ним более жестоко, чем под кровлей этого дома. Однако, когда он открыл дверь гостиной и заглянул в комнату, ему прежде всего вспомнился счастливый их приезд в такой же послеобеденный час, первое радостное предощущение жизни под одним кровом, первый обед, болтовня у каминна и сплетенные руки.

Фермер и его жена находились в поле, и Клэр был один в доме. Под наплывом чувств, с которыми он не хотел считаться, он поднялся наверх, в ее комнату, которую он ни разу не разделял с ней. Постель была аккуратно постлана,— постлана руками Тэсс в день отъезда. Висела под пологом ветка омелы так,

как он сам ее повесил. За эти три-четыре недели она поблекла, листья и ягоды сморщились. Энджел снял ее и сушил в камин. И, стоя здесь, он в первый раз усомнился в том, было ли поведение его разумным и великодушным. Но разве не обманули его жестоко? Подавленный, он опустился на колени перед кроватью и заплакал.

— О Тэсс! Если бы ты сказала мне раньше! Я мог бы тебя простить! — простонал он.

Услышав шаги, он встал и вышел на площадку лестницы. Внизу стояла женщина, а когда она подняла голову, он узнал бледную, темноглазую Изз Хюэт...

— Мистер Клэр, — сказала она, — я пришла навестить вас и миссис Клэр и узнать, хорошо ли вам живется. Я думала, что, может быть, вы вернетесь.

Тайну этой девушки он угадал, но она еще не угадала его тайну; это была честная девушка, любившая его, — из нее могла бы выйти такая же, или почти такая же, хорошая жена фермера, как Тэсс.

— Я здесь один, — ответил он, — мы здесь теперь не живем. — И, объяснив, зачем он сюда приехал, задал вопрос: — Какой дорогой вы пойдете домой, Изз?

— Я больше не живу на мѣзе Тэлботейс, сэр, — сказала она. — Почему?

Изз опустила глаза.

— Там было так скучно, что я ушла. Теперь я живу вон там. Она указала в противоположную сторону, куда направлялся и Клэр.

— И сейчас вы туда идете? Если хотите, я могу вас подвезти.

Смуглое оливковое лицо вспыхнуло.

— Благодарю вас, мистер Клэр, — сказала она.

Он отыскал фермера и расплатился за комнаты, добавив еще некоторую сумму, так как нанятое помещение он покинул внезапно. Затем он вернулся к своей лошади и двуколке, и Изз уселась рядом с ним в экипаж.

— Я думаю уехать из Англии, Изз, — сказал он, когда они тронулись в путь. — Еду в Бразилию.

— А что говорит миссис Клэр о таком путешествии? — спросила она.

— Сейчас она со мной не едет... быть может, через год. Я отправляюсь на разведку — посмотрю, как там живется.

Они ехали по дороге, уходящей на восток. Изз не прерывала молчания.

— Как поживают все остальные? — осведомился он, наконец. — Что Рэтти?

— Она сделалась какой-то нервной и так похудела... щеки запали, как у больной. Больше уж не будут в нее влюбляться,— рассеянно ответила Изз.

— А Мэриэн?

Изз понизила голос:

— Мэриэн пьет.

— Неужели?

— Да. Фермер говорит, что придется ее расчитать.

— А вы?

— Я не пью и не болею. Но теперь уж я не распеваю песен перед завтраком.

— Почему? А помните, как вы распевали «Это было в саду купидона» и «Брюки портного» по утрам, когда доили коров?

— О да! Это было, когда вы только что приехали, сэр. А потом вы у нас пожили, и я перестала петь.

— Почему же вы так приуныли?

Черные ее глаза вспыхнули в ответ и скользнули по его лицу.

— Изз... Какая слабость! Из-за такого, как я...— мягко сказал он и задумался.— Ну, а если бы я попросил вас быть моей женой?

— Я бы вам ответила «да», и вы женились бы на женщине, которая вас любила!

— Неужели?

— Это сушая правда,— страстно прошептала она.— О господи! Неужели вы только теперь узнали?

Они доехали до проселка, ведущего в деревню.

— Я здесь сойду. Я живу там,— отрывисто сказала Изз, не проронившая ни слова после своего признания.

Клэр пустил лошадь шагом. Он негодовал на свою судьбу, горько возмущался социальными нормами, ибо они загнали его в тупик, откуда не было выхода, разрешенного законом. Почему не отомстить обществу и не распорядиться своей жизнью по-своему, вместо того чтобы, оставаясь в западне, смиренно целовать педагогическую розгу условностей?

— Я один еду в Бразилию, Изз,— сказал он.— Я расстался с женой по причинам, никакого отношения не имеющим к путешествию. Быть может, я никогда не буду жить с ней вместе. Не знаю, сумею ли я полюбить вас, но... не поедете ли вы со мной вместо нее?

— Вы действительно хотите, чтобы я поехала?

— Да. Я тяжело пострадал и вправе искать облегчения. А вы любите меня во всяком случае бескорыстно.

— Хорошо, я поеду,— помолчав, сказала Изз.

— Поедете? Вы понимаете, что это значит, Изз?

— Это значит, что я буду с вами, пока вы оттуда не уедете, этого с меня достаточно.

— Помните, что теперь вы не можете положиться на мои нравственные устои. Но я должен вам напомнить, что в глазах цивилизованного мира — я хочу сказать, западного мира — это является преступлением.

— Мне все равно; когда женщина переживает такую пытку, ей нет дела ни до чего... Да и выхода другого нет.

— Ну, так не выходите из экипажа, оставайтесь там, где вы сидите.

Перекресток остался позади; они проехали еще одну-две мили, а Клэр не сказал ни одного ласкового слова.

— Вы меня очень любите, Изз? — спросил он вдруг.

— Да, ведь я уже сказала, что люблю. Я вас любила все время, пока мы вместе жили на мызе.

— Больше, чем Тэсс?

Изз покачала головой.

— Нет, — прошептала она, — не больше.

— Как же это так?

— Никто не может любить вас больше, чем любила Тэсс... Она готова была жизнь отдать за вас. Большого и я не могу сделать.

Подобно пророку на горе Фавор, Изз Хьюэт в этот момент охотно скрыла бы истину, но то очарование, какое имел для нее, более грубой по природе, духовный облик Тэсс, принудило ее быть честной.

Клэр молчал; сердце его забило, когда он услышал этот неожиданный искренний ответ безупречно честного существа, к горлу подступили рыдания. В ушах еще звучало: «Она готова была жизнь отдать за вас. Большого и я не могу сделать!»

— Забудьте нашу пустую болтовню, Изз, — сказал он, круто повернув лошадь, — Не понимаю, о чем я говорил! Я отвезу вас назад к проселку.

— Вот награда за честность! О, я этого не вынесу... не вынесу... не вынесу!

Изз Хьюэт истерически зарыдала и стала бить себя по лбу, когда поняла, что она сделала.

— Вы жалуете, что были справедливы к отсутствующей? О Изз, не портите доброго поступка такими сожалениями!

Постепенно она успокоилась.

— Хорошо, сэр. Быть может, и я не понимала, что говорю, когда согласилась ехать. Я хочу... того, что невозможно!

— Невозможно, потому что у меня уже есть любящая жена?

— Да, да. У вас она есть.

Они остановились у проселка, мимо которого проехали полчаса назад, и она выпрыгнула из экипажа.

— Изз... прошу вас, забудьте о моем легкомысленном предложении! — воскликнул он. — Это было необдуманно... дурно.

— Забыть о нем? Никогда! О, для меня не было в этом ничего легкомысленного!

Он почувствовал, что заслуживает этот упрек, прозвучавший в горьком возгласе, и, охваченный бесконечной тоской, вышел из экипажа и взял ее за руку:

— Изз, мы все-таки расстанемся друзьями? Вы не знаете, что пришлось мне вынести!

Она была великодушной девушкой, и горечь обиды не омрачила их разлуки.

— Я вас прощаю, сэр, — сказала Изз.

— Слушайте, Изз, — заговорил он, принуждая себя играть роль ментора, каковым он отнюдь себя не чувствовал, — я хочу, чтобы вы сказали Мэриэн, когда увидите ее, что она должна быть хорошей женщиной и бороться с дурными склонностями. Обещайте мне это. И скажите Рэтти, что есть на свете люди, более достойные, чем я, и ради меня она должна поступать разумно и честно, — запомните эти слова, — разумно и честно ради меня. Я передаю им свое пожелание, словно умирающий, — умирающий, потому что я никогда их больше не увижу. А вы, Изз вы своими честными словами о моей жене спасли меня от безумия и предательства. Быть может, женщины и плохи, но в таких делах они лучше мужчин. И хотя бы из-за одного этого я никогда вас не забуду. Будьте всегда доброй и честной девушкой, какой были вы до сих пор, и думайте обо мне как о недостойном возлюбленном, но верном друге. Обещайте! Она дала обещание.

— Да благословит вас бог, сэр. Прощайте!

Он уехал; но когда Клэр скрылся из виду, Изз свернула на проселочную дорогу и в припадке отчаяния бросилась на траву. Поздно вернулась она в тот вечер домой, в домик своей матери, и лицо у нее было измученное и странное. Никто так и не узнал, где провела она эти вечерние часы, когда рассталась с Энджелом Клэром, и до того, как вернулась домой.

Но и Клэра после разлуки с Изз терзали тревожные мысли, и губы его дрожали. Однако, не Изз была причиной его скорби. В тот вечер он был на волосок от того, чтобы свернуть с дороги, введущей к ближайшей станции, и, перевалив через горный хребет Саут Уэссекса, направиться к дому своей Тэсс. Удержало его не презрение к ней и не сомнение в ее любви.

Нет. Он чувствовал, что, несмотря на ее любовь, как бы подтвержденную словами Изз, факты не изменились. Если был он прав вначале, то прав и сейчас. И важность принятого им решения заставила его остаться на ранее намеченном пути, пока

не направит его в другую сторону сила более властная, чем та, с какой столкнулся он сегодня. Быть может, он скоро вернется к Тэсс. В ту ночь он уехал в Лондон, а через пять дней распрощался с братьями в порту, откуда он отправлялся в Бразилию.

XII

Поспешим теперь перейти от событий этой зимы к одному октябрьскому дню. Больше восьми месяцев проšlo с тех пор, как расстались Клэр и Тэсс. Условия жизни Тэсс резко изменились: вместо молодой жены, с сундуками и чемоданами, которые несут для нее другие, мы видим одинокую женщину, с корзинкой и узлом,— она несет их сама, как и в былые дни, до замужества; вместо приличной суммы денег, которую оставил ей муж на этот период некуса, она имеет в своем распоряжении тощий кошелек.

Покинув свою родную деревушку, она прожила всю весну и лето, не напрягая чрезмерно своих физических сил; исполняла она случайную и легкую работу на мызе неподалеку от Порт-Брэди, к западу от Блекмурской долины; мыза эта находилась на значительном расстоянии и от места ее рождения и от Тэлботейса. Тэсс предпочитала работать, чем жить на содержании Клэра. Душевное ее состояние граничило с оцепенением, а физический труд не только не рассеивал его, но скорее ему способствовал. Мысли ее витали на той, другой мызе, она вспоминала прошлое лето, когда встретила своего возлюбленного, того, кто нечел, словно призрак, когда она, казалось, всецело им завладела.

Коровы стали давать меньше молока, и она осталась без работы, потому что ей не удалось устроиться постоянной работницей, как это было на мызе Тэлботейса. Но теперь настала пора жатвы, и она без труда нашла работу, перейдя с пастбища на поля. Так продолжалось, пока не убрали хлеба.

Из пятидесяти фунтов, врученных ей Клэром, двадцать пять она отдала своим родителям в вознаграждение за причиненные им хлопоты и убытки, а из оставшихся двадцати пяти фунтов истратила очень мало. Но теперь, к несчастью, начался дождь, и она вынуждена была расходовать свои соверены.

Ей тяжело было с ними расставаться. Энджел получил их для нее из банка и сам передал ей повенькие, блестящие монеты; с ними было связано воспоминание о нем,— казалось, у них нет своей истории, они хранят только память об испытаниях, пережитых обоими, и, отдавая их, она словно расставалась с

драгоценной памяткой. Но выхода у нее не было, и один за другим они уплывали из ее рук.

Время от времени ей приходилось посылать матери свой адрес, но условия своей жизни она скрывала. Когда от двадцати пяти фунтов не осталось почти ничего, она получила письмо от матери. Джоан сообщила, что они находятся в бедственном положении; после осенних дождей начала протекать соломенная крыша, нужно перекрыть дом заново, а сделать этого нельзя, потому что за старую крышу еще не уплачено; необходимо также переменить балки и починить потолок в верхней комнате. А все это, включая и крышу, обойдется в двадцать фунтов. Так как муж ее — человек со средствами и теперь, конечно, уже вернулся, то не может ли она выслать им денег?

Так как Тэсс должна была получить в это время деньги от банкиров Энджела, а положение родителей действительно было плачевное, то, получив тридцать фунтов, она немедленно послала двадцать домой. Часть денег пришлось истратить на зимнюю одежду, и на руках у нее осталась незначительная сумма, на которую нельзя было прожить зиму. Израсходовав последний фунт, она принуждена была обдумать слова Энджела, который предлагал ей обратиться в случае необходимости к его отцу.

Но чем больше думала об этом Тэсс, тем меньше хотелось ей последовать совету Клэра. Та же деликатность, гордость или ложный стыд — не все ли равно, как назвать это чувство, заставлявшее ее ради Клэра скрывать от родителей, что она по-прежнему живет в разлуке с ним, — мешал ей признаться его родным в недостатке средств, хотя Клэр оставил ей солидную сумму. Быть может, они и теперь ее презирают; и будут презирать еще больше, если она предстанет перед ними в роли попрошайки! Результат этих размышлений был таков, что никакая сила в мире не заставила бы невестку священника известить его о своем положении.

Быть может, со временем ей легче будет завязать сношения с родителями мужа, размышляла Тэсс. Что же касается ее родителей, то тут дело обстояло иначе. Когда она прожила у них несколько дней после свадьбы, они решили, что Тэсс в конце концов примирится с мужем: с тех пор она ни разу не поколебала их уверенности в том, что благоденствует и ждет его возвращения из Бразилии. Вопреки всему, она надеялась, что его поездка не затянется и он вернется к ней или напишет, чтобы она сама приехала к нему; и в том и в другом случае они рука об руку предстанут перед своими родными и перед всем миром. Эту надежду она упорно лелеяла. Сказать родителям, что она — покинутая жена и теперь, оказав им помощь, вынуждена сама

зарабатывать себе кусок хлеба, — это было уже слишком, в особенности если принять во внимание, сколько толков вызвала эта свадьба, которая должна была загладить первую неудачу.

Она вспомнила о бриллиантах. Куда отдал их на хранение Клэр, она не знала, да это и не имело значения, если она действительно могла только носить их, но не продавать. Даже если бы они находились в полном ее распоряжении, подлостью было бы их продать на том основании, что они якобы принадлежат ей по закону, тогда как в сущности она не имеет на них права.

Между тем жизнь ее мужа была далеко не легкой. Сейчас он лежал больной лихорадкой близ Куритибы в Бразилии, так как не раз промокал до костей во время гроз и испытывал всякие лишения наравне со всеми английскими фермерами и земледельцами, которые в ту пору соблазнились обещаниями бразильского правительства. Они надеялись, что смогут противостоять всем ветрам и ливням на бразильских равнинах так же, как они противостояли им на английских полях, которые они обрабатывали во всякую погоду, привыкнув к ней с детства.

Вернемся к Тэсс. Когда исчез последний соверен и неоткуда было ждать помощи, она убедилась, что в эту пору года найти место чрезвычайно трудно. Не подозревая того, что везде нужны люди толковые, энергичные, здоровые и трудоспособные, она не решалась искать работу в городе, боясь городов, больших домов, людей богатых и криводушных и городской жизни, не похожей на сельскую. Черную беду принесло ей высшее социальное. Лгать может, оно было лучше, чем предполагала она, сновываясь на маленьком своем опыте. Но она этого не знала и инстинктивно старалась держаться от него подальше.

Маленькие фермы к западу от Порт-Брэди, где работала она временно доплатщицей весной и летом, не нуждались в постоянной работнице. В Тэлботейсе, пожалуй, приютили бы ее, хотя бы только из сострадания; но, как ни хорошо жилось ей там, вернуться туда она не могла: не вынесла бы она перемены в отношении к ней, а кроме того — ее возвращение набросило бы тень на ее мужа, которого она боготворила. Ей не под силу будет выносить их жалость, слышать, как обсуждают они шепотом страшное положение, в котором она очутилась. Пусть каждый в отдельности знает ее историю — с этим еще, пожалуй, можно примириться, но толки и пересуды причинили бы ей мучительную боль. Тэсс не могла объяснить, в чем тут причина, но понимала ее чуьем.

Теперь она направлялась на ферму в гористой местности в центре графства, куда звала ее Мэрнэн, написавшая письмо,

которое долго странствовало, пока не попало в ее руки. Каким-то образом, быть может от Изз Хьюэт, Мэриэн узнала, что Тэсс не живет с мужем. Эта добродушная девушка, начавшая теперь пить, испугалась, не попала ли Тэсс в беду, и поспешила сообщить старой своей подруге, что она сама, уйдя с мызы, отправилась в эту гористую местность и рада была бы встретить здесь Тэсс, так как в этих краях есть работа, а Тэсс, кажется, должна по-прежнему работать.

Короче становились дни, и угасала постепенно надежда получить прощение мужа. Руководимая инстинктом дикого животного, Тэсс бездумно брела вперед, отрываясь мало-помалу от событий прошлой своей жизни, забывая подлинное свое лицо, не думая о тех случайностях, которые могли бы открыть ее местопребывание людям, заинтересованным в ее судьбе.

Среди многих затруднений, возникавших в ее одинокой жизни, не последнее место занимало то внимание, какое привлекали ее внешность и манеры, облагороженные ее общением с Клэром. Пока не износились платья, сшитые к свадьбе, эти случайные любопытные взгляды не причиняли ей неприятностей, но как только надела она простое рабочее платье, к ней начали обращаться с грубыми предложениями. И однажды, в ноябрьский вечер, она испугалась не на шутку.

Ей больше нравились долины, лежавшие к западу от реки Брит, чем та ферма в предгорье, куда она сейчас направлялась; к тому же долины эти были ближе к дому родителей ее мужа, а Тэсс доставляло удовольствие жить в этих краях неузнанной, со смутной надеждой, что когда-нибудь она, быть может, осмелится зайти в дом пастора. Но, приняв решение переселиться в гористую местность, она не мешкала в пути и быстро шла на восток, к деревне Чок-Ньютон, где хотела переночевать.

Проселочная дорога была длинная и однообразная, а так как дни укоротились, то сумерки застигли ее врасплох. Она поднялась на вершину холма, откуда зигзагами спускалась вниз дорога, как вдруг сзади послышались шаги, и через несколько минут ее догнал какой-то парень. Поровнявшись с ней, он сказал:

— Добрый вечер, красотка!

Она вежливо ему ответила.

Стемнело, но последние лучи дневного света еще освещали лицо Тэсс. Парень повернулся и пристально посмотрел на нее.

— А, да ведь это та самая девчонка, что была тогда в Трэнтридже! Подружка молодого эсквайра д'Эрбервилля! Я там был тогда, хотя теперь живу в другом месте.

Она узнала в нем того самого парня, которого ударил в трактире Энджел за то, что он грубо о ней отозвался. Ей стало страшно, и она ни слова ему не ответила.

— А ну-ка, признайся честно, что я сказал тогда правду, хотя твой любовник и встал на дыбы! А, плутовка? Ты должна попросить у меня прощенья за ту пощечину.

Тэсс по-прежнему молчала. Для затравленной женщины оставался только один выход: она обратилась в бегство и, не оглядываясь, мчалась как стрела по дороге, пока не увидела перед собой ворота, за которыми начинался парк. Она вбежала в ворота и не останавливалась, пока не забралась в чащу, где вряд ли могли ее отыскать.

Под ногами шуршали сухие листья, а кусты остролиста, разросшегося меж стволов обнаженных деревьев, сохранили листву и защищали от ветра. Тэсс сгребла опавшие листья в кучу, устроила посредине гнездышко и забралась в него.

Конечно, спала она плохо и поминутно просыпалась. Слышались ей какие-то страшные звуки, но она убеждала себя, что это ветер. Она думала о муже, который находился в жарком климате, где-то в другом полушарии, в то время как она дрожала здесь от холода. «Есть ли на свете существо такое же жалкое, как я? — спрашивала себя Тэсс и, думая о загубленной своей жизни, говорила: — Все суета. — Машинально повторяла она эти слова, пока не пришло ей в голову, что к современной жизни они совсем не подходят. Так думал Соломон свыше двух тысяч лет назад, а Тэсс, хотя и не принадлежала к категории мыслителей, ушла значительно дальше. Если все суета, то кому вздумалось бы обращать на это внимание? Увы, все было хуже, чем суета, — несправедливость, кара, жестокость, смерть! Жена Энджела Клэра провела рукой по лбу, ощущала лобную кость и надбровные дуги, выступавшие под тонкой кожей, и подумала, что настанет день, когда эта кость будет обнажена. — Хотела бы я, чтобы этот день уже настал», — сказала она.

Отдаваясь этим странным мыслям, она вдруг услышала какие-то звуки. Бить может, ветер? Нет, не похоже было на ветер. Словно что-то билось и трепетало, потом слышалось хрипенье и бульканье. Вскоре она убедилась, что шум этот вызван какими-то зверьками: сначала раздавался шорох в ветвях над головой, затем что-то тяжелее падало на землю. Очутись она здесь при других и более счастливых обстоятельствах, она бы испугалась, но сейчас только люди внушали ей страх.

Наконец, рассвело. Раньше разгорелся день на небе, потом светло стало в лесу.

Как только проникли в чащу успокоительные и прозаические лучи света, возвещающие начало рабочего дня, Тэсс вылезла из-под кучи листьев и смело осмотрелась по сторонам. Тогда она поняла, что встревожило ее ночью. Парк, где она нашла убежище, замыкался изгородью, за которой начиналось вспаханное поле. Под деревьями лежало несколько фазанов, яркое их оперенье было запятнано кровью; одни были мертвы, другие слабо шевелили крыльями, иные смотрели в небо, слегка вздрагивали или судорожно подергивались — все были в агонии, кроме тех счастливых, чья пытка окончилась ночью, ибо они уже не могли больше выдержать страшной муки.

Тэсс сразу поняла, в чем дело. Накапуне охотники загнали птиц в этот уголок леса; тех, которые были убиты или умерли до наступления темноты, они отыскивали и унесли, а тяжело раненные фазаны спрятались в кустах или взлетели на толстые сучья, где пытались удержаться, пока не ослабели ночью от потери крови; потом упали они один за другим на землю, — и этот шум слышала Тэсс.

В детстве ей случалось мельком видеть этих людей: целясь из ружья, они выглядывали из-за изгородей или кустов, и кроваво-жаркий огонек загорался в их глазах. Ей объяснили, что хотя они и производят впечатление жестоких и грубых существ, такими бывают отнюдь не круглый год; в сущности это очень мягкие люди, но в течение нескольких недель зимой и осенью, подобно туземцам Малайского полуострова, они впадают в неистовство и ставят себе целью уничтожить жизнь, — в данном случае жизнь этих безобидных пернатых, которых разводят исключительно для того, чтобы удовлетворять свою склонность к убийству; какое это жестокое, какое нерыцарское отношение к своим слабейшим товарищам в единой семье живых существ!

Действуя импульсивно, как человек, который чужое страдание воспринимает не менее остро, чем свое, Тэсс решила прекратить мучения умирающих птиц. Собственными руками свернула она шею всем фазанам, которых ей удалось отыскать, и оставила их там, где нашла, чтобы за ними пришли лесные сторожа, а они, несомненно, придут и возобновят поиски.

— Бедняжки! А я-то считала себя самым жалким существом в мире, когда они так мучились! — воскликнула она, и слезы струились по ее щекам, когда, охваченная жалостью, она убивала птиц. — А ведь у меня ничего не болит! Я не изувечена, не истекаю кровью; и у меня остались здоровые руки, чтобы зарабатывать на хлеб и одежду. — Она стыдилась отчаяния, охватившего ее этой ночью: ведь оно было вызвано всего-навсего чувством обреченности перед лицом деспотических законов общества, не имеющих ничего общего с законами природы.

День окончательно вступил в свои права, и Тэсс с опаской вышла на большую дорогу. Но ей нечего было опасаться — никого не видно было вблизи, — и она решительно тронулась в путь. Воспоминание о птицах, молча выносивших пытку, произвело на нее сильное впечатление; она думала о том, что все несчастья в мире относительно и со своим горем она могла бы справиться, если бы у нее хватило сил презирать мнения других людей. Но это было невозможно, раз их разделял Клэр.

Придя в Чок-Ньютон, она позавтракала в харчевне, где несколько молодых парней досаждали ей своими любезностями. Почему-то в ней вспыхнула надежда: быть может, и муж когда-нибудь будет ей говорить то же самое! Но в таком случае она обязана не допускать, чтобы за ней ухаживали. Поэтому Тэсс решила изменить свою внешность, чтобы не подвергать себя риску. Выйдя из деревни, она спряталась в кустах и достала из корзинки одно из самых старых своих платьев, которое не надевала даже в Тэлботейсе, не надевала ни разу с тех пор, как работала на поле около Марлота. Затем ее осенила счастливая мысль: она вытащила из узелка носовой платок и обвязала лицо, прикрыв подбородок, виски и щеки, словно у нее болели зубы. Вынув карманное зеркальце и вооружившись маленькими ножницами, она безжалостно обстригла брови, избавив себя таким образом на будущее время от назойливого внимания, и пошла дальше.

— Вот так чудело! — сказал первый повстречавшийся ей человек своему товарищу.

Услышав эти слова, Тэсс чуть не расплакалась от жалости к себе.

«Ну, да мне все равно! — подумала она. — Да, все равно! Теперь я всегда буду безобразной, потому что Энджела со мной нет и меня никому защитит. У меня был муж, но он уехал и больше никогда меня не полюбит. А я все-таки его люблю и ненавижу всех других мужчин и хочу, чтобы они меня не замечали».

И Тэсс бредет дальше. Она — словно неотъемлемая часть пейзажа, чистая и простодушная крестьянка в зимней одежде — серый короткий плащ из саржи, красный шерстяной шарф, толстые кожаные перчатки, шерстяное платье, поверх которого надета грубая коричневая роба. Каждая ниточка этой старой одежды вытянулась и износилась под хлещущими дождями, палящим солнцем, буйными ветрами. Стерлись с лица ее следы юной страсти.

Девушки холоден рот.

Складка за складкой
На лбу пролегли.

Под этой внешней оболочкой — на ней, как на заслуживающей внимания, почти мертвой, лишь на секунду может остановиться взгляд — притаилась натура, полная жизни, но для своих лет слишком глубоко познавшая тщету бытия, жестокость страсти и хрупкость любви.

На следующий день погода испортилась, но Тэсс продолжала путь: честность, прямота и беспристрастие такого врага, как разбушевавшаяся стихия, мало ее смущали. Она поставила себе целью найти работу и пристанище на зиму, а время было дорого. Теперь она знала, что значит временная работа, и твердо решила искать постоянного места.

Так шла она от фермы к ферме по направлению к тому месту, откуда ей написала Мэриэн и куда она думала обратиться лишь в крайнем случае, так как, по слухам, жилось там несладко. Сначала она искала работу полегче, а потеряв надежду найти ее, стала менее разборчивой. Таким образом, начав с ухода за коровами и домашней птицей, — это была любимая ее работа, — она кончила тем, что соглашалась на самый тяжелый и неприятный для нее труд — полевые работы, от которых при других условиях отказалась бы наотрез.

К вечеру второго дня она поднялась на неровное меловое плато, усеянное полукруглыми холмами — словно здесь возлежала многогрудая Цибела — и отделявшее долину, где она родилась, от той, где узнала она любовь.

Воздух здесь был сухой и холодный, проезжие дороги — белые и пыльные, хотя не так давно шел дождь. Деревьев почти не было, а те, что росли вдоль дорог, переплетались ветвями с боярышником, безжалостно искалеченные арендаторами, исконными врагами деревьев и кустов. Вдали виднелись вершины Балбэрроу и Нэтлком-Таута, и чудилось ей, что они дружелюбно к ней настроены. Если смотреть на них с этого плато, они казались низкими и неприметными, а со стороны Блекмурской долины поднимались словно бастионы, вырисовываясь на фоне неба. К югу, за холмами и гребнями гор, она могла разглядеть за много миль, там, где врзается в море мыс, обращенный к Франции, поверхность ровную, как отполированная сталь, — это был пролив Ламанш.

Перед ней в неглубокой впадине раскинулась полузаброшенная деревушка. Тэсс дошла, наконец, до Флинтком-Эша, где жила Мэриэн. Не было у нее другого выхода: сюда суждено ей было прийти. Каменистая почва ясно свидетельствовала

о том, что здесь ждет ее самая тяжелая работа, но она не могла затягивать свои поиски и решила здесь остаться; к тому же начал накрапывать дождь. На окраине деревни стоял домик, щипец его кровли далеко выступал вперед; и Тэсс, раньше чем искать пристанище на ночь, спряталась под навесом и ждала сумерек.

«Кто бы мог подумать, что я — миссис Энджел Клэр?» — мелькнула у нее мысль.

Стена пригревала ей спину и плечи, и она догадалась, что за этой стеной находится очаг и тепло проникает сквозь кирпичи. Она погрела руки и прижалась к теплым кирпичам щекой, покрасневшей и влажной от дождя. Казалось, стена была единственным ее другом. Ей не хотелось уходить, она могла бы встоять здесь всю ночь.

Тэсс слышала, как разговаривали обитатели домика, вернувшись после трудового дня, слышала, как гремела посуда, когда они сели ужинать. Но на деревенской улице не видно было ни души. Наконец, появилась вдали какая-то женщина в ситцевом платье и легкой шляпе, хотя вечер был холодный. У Тэсс мелькнула догадка: не Мэриэн ли это? И действительно, когда женщина подошла ближе, она разглядела в сумерках Мэриэн. Она потолстела, стала еще румянее и одета была гораздо хуже. В былое время Тэсс вряд ли захотела бы возобновить знакомство при таких обстоятельствах, но теперь она была бесконечно одинока и тотчас же ответила на приветствие Мэриэн.

Мэриэн расспрашивала ее очень вежливо, но как будто была смущена тем, что Тэсс живется не лучше, чем раньше; впрочем, она смутно слыхала о разлуке Тэсс с мужем.

— Тэсс... миссис Клэр... милая жена милого мистера Клэра! Неужели тебе и вправду так плохо приходится, моя девочка? И почему ты обвязала свое хорошенькое личико? Кто-нибудь избил тебя? Неужели он?

— О нет! Я это сделала только для того, чтобы никто меня не обидел.

Она с отвращением сорвала повязку, которая могла навести на такие дурные мысли.

— И воротничка у тебя нет.

На мызе Тэсс привыкла носить белый воротничок.

— Да, Мэриэн.

— Ты потеряла его дорогой?

— Нет, не потеряла. Но, по правде сказать, мне совершенно все равно, какой у меня вид, и потому я его не надела.

— И обручального кольца ты не носишь?

— Ношу, но так, чтобы его не видели. Я продела в него лен-

ту и повесила на шею. Я не хочу, чтобы люди знали, за кем я замужем, да и вообще, что я замужняя. Это было бы неудобно теперь, когда мне приходится вести такую жизнь.

Мэриэн призадумалась.

— Но ведь ты жена джентльмена! И не очень-то это хорошо, что тебе приходится так жить.

— О нет, это хорошо... хотя я очень несчастна.

— Ну-ну! Он на тебе женился, а ты несчастна!

— Бывают несчастные жены; и не мужья в этом виноваты, а они сами.

— Ты ни в чем не виновата, милочка, в этом я уверена. Да и он тоже не виноват. Должно быть, вы оба тут ни при чем.

— Мэриэн, милая, будь добра, не задавай мне вопросов. Мой муж уехал из Англии, а я растратила деньги, которые он мне оставил, и теперь должна работать по-старому. Не называй меня миссис Клар, зови меня Тэсс, как раньше. Здесь нужна работница?

— О да! Работницы здесь всегда нужны, потому что сюда мало кто идет. Голодное это место. Кроме хлеба да шведской брюквы, ничего нет. Хоть я сама здесь работаю, но жаль мне, что такая, как ты, пришла сюда.

— Но ведь ты была такой же хорошей донльщицей, как я.

— Да, но я отбилась от работы с тех пор, как стала пить. О господи, теперь это единственное мое утешение! Если ты сюда наймешься, тебя заставят конать брюкву. Я тоже это делаю, но тебе такая работа придется не по вкусу.

— О, все равно! Не поговоришь ли ты обо мне?

— Лучше будет, если ты сама поговоришь.

— Хорошо. Послушай, Мэриэн,— ни слова о нем, если я здесь останусь. Я не хочу пачкать его имя.

Мэриэн была в самом деле славной девушкой, хотя и грубее, чем Тэсс; она обещала исполнить ее просьбу.

— Сегодня платят жалованье,— сказала она.— Если бы ты пошла со мной, сразу разузнала бы все. Очень мне тебя жалко! Ну да ты несчастная только потому, что он уехал. Я знаю— будь он здесь, ты бы не была несчастна, даже если бы он не давал тебе денег и заставлял взяться за черную работу.

— Да, это верно... Я была бы счастлива.

Они пошли вместе и скоро увидели ферму, такую мрачную, что было в ней даже что-то величественное. Ни одного деревца поблизости; даже зеленых лугов не видно было в эту пору года, повсюду только брюква да земля под паром. Далеко простирались ровные поля, разгороженные плетнями.

Тэсс ждала у двери, пока работники получали жалованье; потом Мэриэн повела ее в дом. Сам фермер был в отлучке, по

жена, заменявшая его в тот вечер, наняла Тэсс с тем условием, чтобы та согласилась остаться до благовещенья. Женщины редко предлагали свои услуги для полевых работ, а так как женский труд оплачивался дешево, хозяева охотно нанимали работниц, которые справлялись с делом не хуже мужчин.

Тэсс подписала договор, и теперь ей оставалось только подыскать пристанище. Она нашла его в том самом доме, у стены которого грелась. На жалкое существование обрекла она себя, но во всяком случае могла кое-как прожить зиму.

Вечером она написала родителям, сообщая свой новый адрес,— на случай, если в Марлоте получено будет письмо от ее мужа. Но о бедственном своем положении она ни одним словом не обмолвилась, чтобы не навлечь на Клэра упреков.

XLIII

Мэриэн не преувеличивала, называя Флинтком-Эш голодным местом. Единственным жирным существом была здесь сама Мэриэн, но она относилась к категории импортных продуктов. Все деревни можно разбить на три разряда: одни находятся на попечении помещика, другие сами о себе заботятся, и, наконец, о третьих не заботятся ни они сами, ни их помещик. (Иными словами: деревни, находящиеся во владении проживающего там помещика; деревни, арендуемые на правах фригольда или копигольда¹; и деревни, брошенные на произвол судьбы всегда отсутствующим помещиком.) Флинтком-Эш принадлежал к третьему разряду.

Тэсс энергично принялась за работу. Терпение — качество это вырастает из духовного мужества и физической робости — являлось теперь одной из характерных черт м-с Энджел Клэр. Оно-то и поддерживало ее.

Поле, где она работала со своей товаркой, выкапывая брюкву, простиралось больше чем на сотню акров и находилось на возвышенности, поднимавшейся над каменными буграми; бугры эти были образованы выходящими на поверхность кремневыми жилами в меловой породе и состояли из множества белых кремней, которые имели форму луковниц, рогов и фалосов. Верхушка каждой брюквы была объедена скотом, а обе женщины должны были особыми кривыми вилами выкапывать съедобный корень, который тоже бывал съеден. Так как от зе-

¹ Фригольд и копигольд — английские виды владения помещицей землей арендаторами; в настоящее время на правах фригольда («свободного держания») владеют землей только арендаторы государственных земель.

ленных листьев не осталось и следа, то ровное коричневое поле имело вид унылый и отталкивающий — словно лицо, плоское от подбородка до лба. И небо напоминало поле, только было другого цвета — белое плоское лицо со стертymi чертами. Эти два лица, верхнее и нижнее, целый день взирали друг на друга; белое смотрело вниз на коричневое, а коричневое смотрело вверх на белое; и не было между ними ничего, кроме двух девушек, ползавших, словно мухи, по темному лицу.

Никто не подходил к ним, и движения их были автоматические и однообразные. Они работали в грубых робах — коричневых передниках с рукавами, завязанными сзади и свешивающимися до земли, чтобы юбка не развевалась по ветру; ботинки поднимались выше щиколотки, руки были защищены желтыми перчатками с нарукавниками из бараньей кожи. Капоры с оборками придавали им задумчивый вид, и случайному наблюдателю эти склоненные головы напомнили бы двух Марий в изображении какого-нибудь итальянского художника эпохи раннего Возрождения.

Они работали час за часом, одинокие среди этого пейзажа, но не ведающие о своем одиночестве, не задумывающиеся о том, справедлива ли к ним судьба. Даже такая работа не мешала им предаваться мечтам. После полудня пошел дождь, и Мэриэн предложила бросить работу. Но если они не будут работать, им не заплатят жалованья; и они не ушли с поля. Плоскогорье было таким высоким, что дождь хлестал горизонтально под напором воющего ветра, колючий, как осколки стекла, и они промокли до костей. Тэсс впервые узнала, что значит действительно промокнуть. Промокнуть можно по-разному, и очень редко промокают до костей в полном смысле этого слова. Работать на поле и чувствовать, как дождевая вода стекает сначала по ногам и плечам, потом по бедрам и голове, по спине, груди и бокам, и все-таки не разгибать спины, пока не потускнеет свинцовое небо, возвещая закат солнца,— такая работа требует стоицизма и непреклонной воли.

Однако они страдали от дождя меньше, чем можно было предположить. Обе были молоды, и беседа шла о том времени, когда они вместе жили и любили на мызе Тэлботейс, в этом благословенном зеленом уголке земли, где лето щедро раздавало свои дары. Тэсс предпочла бы не говорить с Мэриэн о человеке, который являлся по закону, если не фактически, ее мужем, но тема разговора была слишком увлекательна, и, помимо своей воли, Тэсс начала отвечать на замечания Мэриэн. Хотя мокрые оборки капоров били по лицу, а роботы назойливо липли к телу — весь этот день жили они воспоминаниями о зеленой, солнечной и романтической мызе Тэлботейс.

— В ясный день можно увидеть отсюда холм, который находится в нескольких милях от долины Фрум,— сказала Мэриэн.

— Да неужели! — воскликнула Тэсс, оценивая новое достоинство этой местности.

Итак, здесь, как везде, две силы участвовали в игре — врожденное стремление к счастью и сила обстоятельств, препятствующая счастью. У Мэриэн был особый метод поддержания бодрости духа: к концу дня она извлекла из кармана бутылку вместительностью с пинту, заткнутую белой тряпкой, и предложила Тэсс выпить. Но сейчас Тэсс довольствовалась своими мечтами и не пуждалась в искусственном подъеме. Она сделала только маленький глоток, а Мэриэн хлебнула основательно.

— Привыкла я к спиртному,— сказала она,— и теперь уж не могу отвыкнуть. Единственное мое утешение! Видишь ли, я ведь его потеряла, а ты нет... вот потому ты и можешь обходиться без спиртного.

Тэсс считала, что потеряла она не меньше, чем Мэриэн, но спорить не стала: все-таки она была хотя бы по закону женой Энджела, и эта мысль поддерживала в ней чувство собственного достоинства.

В такой обстановке работала Тэсс и в утренние заморозки и в дождливые дни. Если не нужно было выкапывать брюкву, они ее обчищали, то есть срезали кривым ножом волокна и счищали прилипшую землю, после чего коренья заготавливали в варок. Этой работой они могли заниматься под навесом, если шел дождь; но в морозные дни даже толстые кожаные перчатки не защищали пальцев от холода, когда приходилось перебирать мерзлую брюкву. Тем не менее Тэсс не теряла надежды. Она была убеждена, что рано или поздно великодушные, которое она считала основной чертой Клэра, одержит верх и побудит его вернуться к ней.

Мэриэн, подвыпив и развеселившись, взвизгивала от смеха, когда находила кремни причудливой формы, но Тэсс оставалась мрачной и невозмутимой. Часто посматривали они в ту сторону, где лежала долина реки Вар, или Фрум, хотя увидеть ее они не могли. И, всматриваясь в пелену серого тумана, они вспоминали дни, прожитые там.

— Ах,— сказала Мэриэн,— как бы я хотела, чтобы еще кто-нибудь пришел сюда из старых наших товаров! Тогда бы мы каждый день могли говорить здесь, на поле, о мызе Тэлботейс, и о нем, и о том, как славно нам жилось, и что мы там делали. И нам казалось бы, что все опять как будто по-старому.

У Мэриэн взгляд стал мягче и голос дрогнул, когда перед ней встали видения прошлого.

— Напишу-ка я Изз Хьюэт,— продолжала она.— Я знаю, она теперь живет дома и ничего не делает. Напишу, что мы здесь и просим ее приехать. Может быть, и Рэтти уже поправилась.

Тэсс не стала возражать против предложения, а дня через два-три она узнала о результатах этого проекта воскресить счастливые дни Тэлботейса: Мэриэн сообщила ей, что Изз ответила на письмо и постарается приехать.

Давно уже не было такой зимы. Подкралась она незаметно, и приближение ее напоминало строго рассчитанные ходы шахматиста. Как-то утром несколько одиноких деревьев и кустов в живой изгороди, казалось, приняли облик животных. Каждая ветка покрылась белым ворсом, словно за одну ночь обросла мехом, и сделалась в четыре раза толще; отдельные кусты и деревья резкими белыми силуэтами выделялись на фоне мурого, серого неба. Обнаружилась паутина на стенах и навесах, там — где никто бы ее не заметил, не будь воздух таким кристальным; петлями белой пряжи она висела на выступах сараев, на столбах и воротах.

После изморози ударили морозы, и с Северного полюса начали прилетать на плоскогорье Флинтком-Эш странные птицы — худые, призрачные, с трагическими глазами; там, за недоступным Полярным кругом, где от холода стынет в жилах кровь, были они свидетелями страшных катастроф, о которых не имеют представления люди: видели они столкновения айсбергов и обвалы снежных холмов при свете северного сияния, и вихри снежных бурь почти ослепили их; в их глазах сохранилось воспоминание, рожденное этими сценами. Птицы близко подпускали к себе Тэсс и Мэриэн, но не поведали о том, что видели и чего никогда не увидит человек. Чуждо им было тщеславие путешественника, повествующего о виденном; немые и бесстрастные, они не хранили впечатлений, которым не придавали значения, — их интересовало только то, что происходило на этом плоскогорье: две женщины поднимали вилами комья земли, обнажая корни, которые могли идти в пищу этим залетным странникам.

Но вот однажды на этом открытом плоскогорье повеяло чем-то особенным. Было холодно, но не морозно, в воздухе чувствовалась влажность, не предвещавшая, однако, дождя. У Тэсс и Мэриэн щыли глаза, болел лоб, кожа еще не так стыла, но холод пронизывал до костей. Они знали, что это предвещает снег, — и действительно, ночью начался снегопад. Тэсс по-прежнему жила в том самом домике, теплая стена которого согрела одинокую странницу, прислонившуюся к ней. Проснувшись среди ночи, она услышала над головой такой шум, словно все

ветры вдруг обрушились на соломенную крышу дома. Утром она зажгла лампу и увидела, что снег проник сквозь щель в оконной раме и у стены вырос конус из мельчайшей белой пудры. Снег проник в комнату и по дымовой трубе и покрыл пол тонким слоем, на котором Тэсс, шагая по комнате, оставляла отпечатки башмаков. Снаружи бушевал ветер, и в кухне стояла снежная мгла, но было еще слишком темно, чтобы разглядеть, что делается на улице.

Тэсс поняла, что работать на брюквенном поле немислимо. Когда она завтракала при свете маленькой лампы, пришла Мэриэн и сообщила, что, пока погода не изменится, они будут работать на гумне вместе с другими женщинами, отделявшими солому от колосьев. Как только черная мантия ночи начала светлеть, принимая сероватый оттенок, они погасили лампу, надели самые теплые свои чепцы, обмотали шею шерстяными шарфами, концы которых перекрещивались на груди, и отправились на гумно. Снег явился вслед за птицами с Полярного круга, словно белый облачный столб, и не видно было отдельных хлопьев. Ветер принес запах айсбергов арктических морей, китов и белых медведей и с такой стремительностью гнал снег, что он только лизал землю, но не покрывал ее. Сгорбившись, брели они вперед по полям, стараясь держаться ближе к изгородям, которые, впрочем, не защищали от ветра и скорее играли роль фильтров. Воздух побелел от насыщающей его снежной пыли, а ветер крутил и кружил ее, превращая мир в бесцветный хаос. Но обе молодые женщины были настроены бодро: такая буря на плоскогорье не нагоняет тоски.

— Ха-ха! А ведь эти умные северные птицы знали, что быть буре,— сказала Мэриэн.— Уж можешь мне поверить — они летели от самой Полярной звезды, чтобы уйти от метели. А твой муж, моя милая, наверно изнывает все время от жары. Посмотрел бы он сейчас на свою хорошенькую жену! А впрочем, от этой погоды ты ничуть не подурнела, пожалуй, даже лучше стала.

— Мэриэн, не говори мне о нем,— строго сказала Тэсс.

— Ладно, но ведь ты же его любишь, правда?

Вместо ответа Тэсс со слезами на глазах повернулась в ту сторону, где, по ее мнению, находилась Южная Америка, и послала страстный поцелуй, подхваченный ветром.

— Ну да, знаю, что любишь! А все-таки чудная вы пара! Ладно, я больше ни слова не скажу! На гумне нам нечего бояться метели, но отделять солому ужасно тяжелая работа — куда хуже, чем копать брюкву. Я-то с ней справлюсь, потому что я толстая, но ведь ты худее меня. Понять не могу, почему хозяин послал тебя на эту работу!

Они добрались до гумна. В одном конце длинного строения было ссыпано зерно, посредине отделяли солому, и еще с вечера положили под пресс столько снопов пшеницы, чтобы работницам хватило работы — отделять колосья от соломы — на целый день.

— Как, да ведь это Изз! — воскликнула Мэриэн.

Действительно, Изз бросилась им навстречу. Накануне она отправилась пешком из дома своей матери и, не подозревая, какой длинный путь ей предстоит, шла целый день и запоздала. Впрочем, метель не застигла ее в пути, а переночевала она в трактире. Фермер договорился на базаре с ее матерью и обещал нанять Изз, если она придет сегодня, поэтому девушка спешила, боясь опоздать.

Кроме Тэсс, Мэриэн и Изз здесь работали еще две женщины из соседней деревни — две сестры-амазонки. Тэсс вздрогнула, узнав смуглую Кар — «Даму Пик» и ее младшую сестру — «Даму Бубен», которые хотели вступить с ней в драку во время полуночной ссоры в Трэнтридже. Они не подали виду, что узнали ее, а может быть, действительно не узнали, так как были в ту пору под хмельком, да и прожили они в Трэнтридже недолго. Они брались преимущественно за работу, выполняемую обычно мужчинами: рыли колодцы, канавы, ямы, ставили изгороди и, казалось, никогда не уставали. Сейчас они высокомерно поглядывали на трех остальных работниц, так как славилась своим умением отделять солому от колосьев.

Надев перчатки, все принялись за работу и выстроились в ряд перед прессом — сооружением из двух столбов, соединенных поперечной балкой, под которой лежали снопы колосьями наружу; балка была прибита гвоздями к подпоркам и опускалась по мере того, как уменьшалась гора снопов.

День разгорался, свет проникал к двери сарая снизу, с земли, вместо того чтобы падать с неба. Девушки охаживали тащили колосья из-под пресса. В присутствии незнакомых женщин, рассказывавших друг другу сплетни, Мэриэн и Изз молчали, хотя им очень хотелось поболтать о прошлом. Вскоре послышался заглушенный топот копыт, и к риге подъехал фермер. Сойдя с лошади, он близко подошел к Тэсс и остановился, задумчиво всматриваясь в ее лицо, обращенное к нему в профиль. Сначала она не оглядывалась, но упорный его взгляд заставил ее повернуть голову, и тогда она узнала в своем хозяине того самого человека, родом из Трэнтриджа, от которого убежала, когда он заговорил о ее прошлом.

Он ждал, пока она выносила охаживала солому из риги, а потом сказал:

— Так ты и есть та самая женщина, которая так плохо со мной обошлась? Черт меня побери, если я сразу не догадался, кто ты такая, как только узнал, что ты к нам нанялась! Ты, верно, думала, что ты с твоим дружкой оставила меня в дураках там, в харчевне, а потом и здесь, на дороге, когда от меня удрала? Ну, а теперь ты у меня запоешь!

И он грубо захохотал.

Тэсс в присутствии амазонки и фермера чувствовала себя, словно птица в западне. Она молчала, продолжая тащить из-под пресса солому. В людях она умела разбираться и теперь поняла, что нечего ей бояться ухаживанья со стороны своего хозяина: был он скорее озлоблен, так как не забыл оскорбления, нанесенного ему Клэром. Пожалуй, она предпочитала возбуждать в нем злобу, чувствуя, что мужество ей не изменит.

— А ты, верно, подумала, что я в тебя влюблен? Есть такие дуры, которые каждый взгляд принимают всерьез. Ну да зимняя работа на поле — лучшее средство, чтобы выбить дурь из головы у молодой девки, а ведь ты обязалась работать до благовещенья. Может быть, попросишь у меня прощенья?

— Мне кажется, не я у вас, а вы у меня должны просить прощенья.

— Ну, как знаешь. Но скоро мы увидим, кто здесь хозяин. А вот те снопы — это все, что ты сегодня сделала?

— Да, сэр.

— Мало. Посмотри, сколько они сделали. (Он указал на двух дюжих женщин.) Да и остальные работают лучше тебя.

— Они с этой работой свыклись, а я нет. А вам, мне кажется, все равно, потому что работа сделанная, платят нам только за то, что сделано.

— Так-то оно так, но я хочу поскорее очистить ригу.

— Все кончают работу в два часа, а я останусь здесь до вечера.

Он хмуро посмотрел на нее и вышел. Тэсс чувствовала, что с местом ей не повезло, но все-таки это было лучше, чем ухаживанье. К двум часам работницы-профессионалки допили бутылку виски, положили на место кривые ножницы, связали последние снопы и ушли. Мэриэн и Изз охотно последовали бы их примеру, но, узнав, что Тэсс остается, и надеясь лишними часами работы возместить недостаток сноровки, решили остаться с ней. Мэриэн посмотрела на падавший снег и воскликнула:

— Ну, вот мы и одни!

Тогда речь зашла, наконец, о днях, прожитых на мызе, и, разумеется, об их любви к Энджелу Клэру.

— Изз и Мэриэн, — сказала м-с Энджел Клэр с достоинством, в котором было что-то бесконечно трогательное, если

вспомнить о том, как мало пользовалась она своими правами жены,— теперь я не могу говорить с вами, как бывало раньше, о мистере Клэре; вы сами это знаете. Хотя он от меня и уехал, но все-таки он мой муж.

Из четырех девушек, любивших Клэра, Изз от природы была самой дерзкой и насмешливой.

— Конечно, он был чудесным влюбленным,— сказала она,— но вряд ли он очень любящий муж, если так скоро от тебя ушел.

— Ему пришлось уехать, он должен был уехать, чтобы посмотреть там участок земли,— возразила Тэсс.

— Он мог бы прожить с тобой зиму.

— Ах, это вышло случайно... недоразумение... не будем говорить об этом,— со слезами в голосе отозвалась Тэсс. — Быть может, многое можно сказать в его оправдание. Он не уехал, как уезжают другие мужья, не предупредив меня... И я всегда могу узнать, где он.

После этого на них нашла задумчивость, и долго они не нарушали молчания. Работа шла своим чередом: они вытягивали солому, брали ее в охапку и кривыми ножницами срезали колосья; и только шелест соломы да щелканье ножниц нарушали тишину в сарае. Вдруг Тэсс покачнулась и упала на кучу колосьев.

— Я знала, что у тебя сил не хватит! — воскликнула Мэриэн.— Для такой работы нужно быть посильнее, чем ты.

Как раз в эту минуту вошел фермер.

— Так вот как ты работаешь, когда меня нет! — сказал он.

— Но от этого я одна остаюсь в убытке,— возразила она.

— Я хочу, чтобы дело было сделано,— упрямо сказал он, пересек сарай и вышел в другую дверь.

— Ты, милочка, не слушай его,— сказала Мэриэн.— Я и раньше здесь работала. Ступай приляг, а мы с Изз за тебя отработаем.

— Не хочу я, чтобы вы за меня работали. Ростом я выше вас...

Однако она была до такой степени измучена, что согласилась сделать передышку и прилегла в углу на куче мягких стеблей, которые считались отбросами, после того как их отделили от соломы. Упадок сил вызван был не только тяжелой работой, но и разговором о ее разлуке с мужем. Сознание ее бодрствовало, но воля ослабела, и чуть ли не физическое страдание причиняли ей шорох соломы и щелканье ножниц.

Кроме этих звуков, до нее доносился и шепот. Она была уверена, что они возобновили прерванный разговор, но слов разобрать не могла. Ей не терпелось узнать, о чем они говорят,

и, убедив себя, что уже отдохнула, она встала и снова принялась за работу.

Теперь выбилась из сил Изз Хюэт. Накануне она прошла больше двенадцати миль, спать легла в полночь, а встала в пять утра. Одна Мэриэн благодаря бутылке виски и крепкому своему сложению работала, не чувствуя боли в спине и руках. Тэсс убедила Изз идти домой, заявив, что ей теперь лучше и она может работать, а затем они разделят все снопы поровну.

Изз с благодарностью приняла предложение и, выйдя из сарая, побрела по заснеженной тропинке домой. К этому времени бутылка всегда настраивала Мэриэн на романтический лад.

— Вот уж никогда бы я этого о нем не подумала! — мечтательно произнесла она. — А как я его любила! И мне было все равно, что он на тебе женился. Но с Изз он обошелся скверно!

Тэсс, испуганная ее словами, чуть было не отрезала себе палец ножницами.

— Ты о моем муже говоришь? — пробормотала она.

— Ну да! Изз говорит: «Не рассказывай ей», а я не могу удержаться! Знаешь чего он добивался от Изз? Он ее звал с собой в Бразилию!

Лицо Тэсс вытянулось и побелело, как снег, падавший на землю.

— А Изз отказалась ехать? — спросила она.

— Не знаю. Но потом он передумал.

— Пустяки! Значит, он говорил не всерьез. Просто вздумалось пошутить!

— Нет, он не шутил; он даже проехал с ней по дороге на станцию.

— Но все-таки не увез ее!

Обе замолчали. Вдруг Тэсс расплакалась.

— Эх! — сказала Мэриэн. — Зря я тебе рассказала.

— Нет. Это ты хорошо сделала! Я была чувствительной девочкой, не понимала, чем это может кончиться! Я должна была чаще ему писать. Он сказал, что приехать к нему я не могу, но не запрещал писать сколько мне вздумается. Больше я не буду так жить! Я была не права, когда предоставила ему все за меня решать!

В полутемном сарае сгущались сумерки, и больше нельзя было работать. Вернувшись в тот вечер домой, в свою маленькую, выбеленную известкой комнату, Тэсс тотчас же начала писать письмо Клэру. Но кончить его не могла, потому что ею овладели сомнения. Потом она сняла кольцо с ленточки, на которой носила его у сердца, надела на палец и так легла спать, словно хотела убедить себя в том, что она действительно жена

этого ушедшего от нее человека, который вскоре после разлуки с ней мог предложить Изз ехать с ним за море. Зная это, могла ли она обращаться к нему с мольбами и не скрывать, что продолжает его любить?

XLIV

После открытия, сделанного на гумне, мысли ее снова обратились к дому пастора в далеком Эмминстере; не раз она вспоминала о нем за последнее время. Ей было сказано, что письмо Клэру она может отправить через его родителей, если пожелает ему написать; может обратиться непосредственно к ним и в случае каких-либо затруднений. Но сознание, что она никаких моральных прав на него не имеет, всегда препятствовало ей писать; стало быть, для семьи Клэра ее словно и на свете не было,— так же, как перестала она после замужества существовать для своих родителей. Она как бы отрезала себя и от тех и от других, что вполне соответствовало независимому ее характеру: ничего не хотела она получать из милости или сострадания, которых, по здравому рассуждению, не заслуживала. Она решила положиться только на себя и устоять или пасть, но не прибегать к защите формального родства с чужой семьей — родства, обретенного ею только потому, что один из членов этой семьи, действуя под влиянием импульса, написал в церковной книге рядом с ее именем свое.

Но теперь она была больно задета рассказом Изз, положившим предел ее самоотречению. Почему муж ей не написал? Он ясно сказал, что даст знать, где обоснуется; но он не написал ни строчки, не сообщил своего адреса. Быть может, он действительно равнодушен к ней? Или болен? Может быть, первый шаг должна сделать она? Конечно, у нее хватит смелости зайти к его родителям, навести справки и сказать, как огорчает ее его молчание. Если отец Энджела действительно хороший человек, как она слыхала, то он поймет, в каком она отчаянии. О материальном своем положении она умолчит.

Уйти с фермы в будни она не могла. Оставалось только воскресенье. Так как Флитком-Эш находится посредине мелового плоскогорья, где еще не проложена железная дорога, то придется идти пешком. До Эмминстера пятнадцать миль, и она должна встать очень рано, чтобы пройти это расстояние и успеть вернуться обратно.

Через две недели снег стаял, потом ударили морозы, и Тэсс решила отправиться в путь, пользуясь тем, что дорога хорошая. В воскресенье, в четыре часа утра, она спустилась по лестни-

де и вышла под звездное небо. Погода ей благоприятствовала, земля звенела под ее погами, как наковальня.

Мэриэн и Изз близко приняли к сердцу эту экскурсию, зная, что она имеет отношение к ее мужу. Жили они в домике на той же улице и пришли снарядить Тэсс в путь. Они убеждали ее надеть лучшее платье, чтобы покорить сердца свекра и свекрови, но Тэсс колебалась, зная, что старый м-р Клэр придерживается суровых кальвинистских догматов. Уже год прошел со дня ее свадьбы, но у Тэсс кое-что осталось из нарядов, и она могла одеться очень мило, как простая деревенская девушка, не голаяющаяся за модой: серое платье из мягкой шерстяной материи, отделанное белым креповым рюшем, подчеркивающим розовый тон шеи и щек, черный бархатный жакет и шляпа.

— Какая жалость, что твой муж не может сейчас на тебя поглядеть! Ты настоящая красавица! — сказала Изз Хюэт, любуясь Тэсс, когда та стояла на пороге дома, освещенная стальным светом звезд, а за спиной ее мерцало желтое пламя свечи.

Изз великодушно забыла о самой себе — да иначе и быть не могло: ни одна женщина, если сердце у нее не было величиной с орех, не могла питать вражду к Тэсс, которая имела огромное влияние на представительниц своего пола; они чувствовали доброту ее и исключительную силу, легко побеждающую низменные женские чувства — злобу и ревность.

Еще раз оправив ее платье и смахнув пылинки, они отпустили ее, и она ушла в жемчужных предрассветных сумерках. Когда она ускорила шаги, они слышали, как постукивали ее башмаки по твердой дороге. Даже Изз надеялась на удачу, и хотя не чувствовала особого уважения к советственным своим добродетелям, но порадовалась, что в минуту искушения не причинила зла своей подружке.

Год тому назад Клэр женился на Тэсс, и почти год прошел с тех пор, как он с ней расстался. Но в это ясное, сухое зимнее утро на этом меловом плоскогорье Тэсс, помня о своей цели, не унывала и бодро шла вперед, вдыхая разреженный воздух. В эту минуту она мечтала, несомненно, о том, чтобы завоевать сердце свекрови, рассказать ей всю свою историю, сделать ее своей союзницей и в конце концов вернуть скитальца.

Вскоре дошла она до края плоскогорья, у подножия которого широко раскинулась Блекмурская долина, туманная и тихая в предрассветных сумерках. Здесь, в горах, воздух был бесцветный, а там, внизу, отливал синевой. Тэсс привыкла теперь работать на больших участках в сотню акров, а в долине отдельные участки занимали меньше шести акров, и столько было таких участков, что с этих высот они напоминали петли рыболовной сети. Здесь, в горах, пейзаж был выдержан в то-

нах беловато-коричневых, а внизу, как и в долине реки Фрум, всегда в зеленых. И, однако, там, в этой долине, настигло ее горе, и теперь она любила ее не так, как раньше. Для Тэсс, как и для всех, кто познал горе, красота заключалась не в самой вещи, но в том, что эта вещь символизировала.

Оставив долину с правой стороны, она по-прежнему держала путь на запад; миновала Хинток, пересекла под прямым углом проезжую дорогу из Шерген-Эббес в Кэстербридж, обогнула Догбери-Хилл, Хай-Стой и ложбинку между ними, которую называли «Кухней дьявола». Придерживаясь горной дороги, она достигла перекрестка «Крест в руке», где высится немой и одинокий каменный столб, отмечая место, ознаменовавшееся каким-то чудом или убийством, либо и тем и другим. Пройдя еще три мили, она пересекла прямую и безлюдную Римскую дорогу, носившую название Лонг-Эш-Лейн, и проселком спустилась с холма в маленький городок, или деревню Эверсхэд. Полпути было пройдено. Здесь она отдохнула и еще раз плотно позавтракала — не в харчевне «Свинья и Жёлудь», так как харчевен она избегала, а в коттедже около церкви.

Вторую половину пути она шла по Бэнвилл-Лейну, и здесь пейзаж был более приветлив. Но по мере того как уменьшалось расстояние, отделявшее ее от цели путешествия, Тэсс теряла уверенность, и задуманное предприятие начинало ее пугать. Она была так занята своими мыслями, что не обращала внимания на дорогу и легко могла заблудиться. Однако в полдень она остановилась у ворот на склоне котловины, в которой был расположен Эмминстер.

Квадратная башня над церковью, где, как знала Тэсс, находился в это время пастор со своей паствой, показалась ей грозной. Она пожалела, что не попыталась прийти в будни. Такой благочестивый человек может осудить женщину, отправившуюся в путь в воскресенье, и не поймет, что другого выхода у нее не было. Но не возвращаться же ей назад? Она сняла толстые башмаки, в которых вышла из дому, надела хорошенькие лакированные, из тонкой кожи и, спрятав старую пару в живую изгородь у ворот, где легко было ее найти, стала спускаться с холма. От ходьбы и свежего воздуха она раскраснелась, но румянец сбежал с ее щек, когда она приблизилась к пасторату.

Тэсс надеялась, что какой-нибудь счастливый случай придет ей на помощь, но надежда не оправдалась. Холодный ветер неприветливо шелестел в кустах на лужайке перед домом пастора. Хотя Тэсс и надела лучшее свое платье, но при самой пылкой фантазии не могла почувствовать, что в этом доме живут ее близкие родственники. А ведь по существу не велика была пропасть, их разделяющая: те же страдания, те же радости

и размышления, рождение и смерть и загробная жизнь — это был их общий удел.

Она сделала над собой усилие, вошла в калитку и позвонила у двери. Дело сделано, путь назад отрезан. Нет, не отрезан. Никто не вышел на звонок. Нужно было снова овладеть собой и повторить попытку. Она позвонила вторично. Волнение и пройденные пятнадцать миль дали себя знать: усталая, она ждала, опустив руку на бедро и прислонившись к стене дома. Под холодным ветром листья плюща сморщились и посерели; они шуршали, задевая друг друга, и шум этот действовал ей на нервы. Клочок запятнанной кровью бумаги из мусорной улички — в нее когда-то было завернуто мясо — метался вдоль улицы, слишком легкий, чтобы опуститься на землю, слишком тяжелый, чтобы улететь; вместе с бумагой металась несколько соломинка.

Второй звонок был громче, но все-таки никто не отозвался. Тогда она отошла от двери, открыла калитку и вышла на улицу. И хотя она оглянулась нерешительно, словно хотела вернуться, но, закрывая калитку, вздохнула с облегчением. Ее преследовала мысль, что ее узнали (хотя это и казалось невозможным) и приказали не принимать.

Тэсс дошла до угла. Она сделала все, что могла; но, не желая облегчать себе задачу, чтобы потом расквашаться, она вернулась и прошла мимо дома, посматривая на окна.

А, вот в чем дело! Они все были в церкви. Она вспомнила, как муж ей рассказывал, что, по настоянию отца, все домохозяйцы, не исключая и слуг, ходят к утренней службе и в результате едят по возвращении домой холодную пищу. Следовательно, нужно только подождать конца службы. Не желая ждать около дома и обращать на себя внимание, она решила пройти мимо церкви. Но когда она дошла до церковной ограды, из церкви начал выходить народ, и Тэсс очутилась в толпе.

Эмминстерские прихожане глазели на нее так, как могут глазеть только возвращающиеся домой досужие жители маленького городка на незнакомую женщину, выделяющуюся из толпы. Она ускорила шаги и стала подниматься по той самой дороге, по которой пришла, чтобы здесь переждать, пока семья викария позавтракает и готова будет ее принять. Вскоре Тэсс оставила далеко позади всех прихожан, кроме двух молодых людей, которые быстро шли рука об руку.

Когда они к ней приблизились, она услышала их голоса: они вели серьезный разговор; и женское чутье помогло ей уловить сходство с голосом ее мужа. Эти двое были его братья. Забыв обо всех своих планах, Тэсс боялась только, как бы они ее не догнали сейчас, когда она взволнованна и не подготовле-

на к встрече с ними. Хотя она понимала, что они не могут догадаться, кто она, по инстинктивно боялась понасться им на глаза. Они ускорили шаги, и она тоже пошла быстрее. Ясно было, что они озябли в церкви во время длинной службы и хотя прогуляться и согреться перед завтраком.

Один только человек опередил Тэсс, поднимавшуюся на холм, — молодая женщина, по-видимому леди, довольно милостивая, но, пожалуй, слегка чопорная и жеманная. Тэсс почти чагнула ее, когда братья ее мужа очутились так близко за ее спиной, что она могла расслышать каждое слово. Сначала они не говорили ничего, что представляло бы для нее интерес, потом один из них, заметив шедшую впереди молодую леди, сказал:

— Вон идет Мерси Чант. Догоним ее.

Тэсс слышала это имя. Это была та самая женщина, которую прочли в жены Энджелу его и ее родители. И, вероятно, он женился бы на ней, не повстречайся ему на пути Тэсс. Если бы Тэсс не знала этого раньше, то узнала бы сейчас, так как один из братьев продолжал:

— Ах, бедный Энджел, бедный Энджел! Стоит мне увидеть эту милую девушку, и я опять жалею о том, что он так поторопился с этой женитьбой на дольщице, или кто она там такая! Странная какая-то история. Не знаю, поехала она к нему или еще нет. Во всяком случае несколько месяцев назад, когда я в последний раз о нем слышал, ее там не было.

— Я тоже не знаю. Теперь он никогда не бывает со мной откровенен. А неудачная его женитьба, по-видимому, способствовала тому отчуждению, в котором повинны недельные его убеждения.

Тэсс опять ускорила шаги, но она обратила бы на себя их внимание, если бы пошла еще быстрее. В конце концов они ее догнали и прошли мимо. Молодая леди, услышав за собой шаги, оглянулась. Они поздоровались друг с другом за руку и дальше пошли втроем.

Вскоре поднялись они на вершину холма. Должно быть, это и было целью их прогулки, так как они замедлили шаги и повернули к воротам; час назад здесь отдыхала Тэсс и смотрела вниз на город, куда ей предстояло идти. Разговаривая, один из братьев шарил зонтиком в кустах и вдруг извлек что-то на свет.

— Старые башмаки, — объявил он. — Вероятно, брошены каким-нибудь бродягой.

— Или каким-нибудь обманщиком попрошайкой, который хотел идти по городу босиком, чтобы вызвать сочувствие к себе, — сказала мисс Чант. — Да, несомненно, это так! Башмаки прекрасные, совсем не изношены. Какой гнусный обман! Я отнесу их домой и отдам какому-нибудь бедняку.

Катберт Клэр, нашедший башмаки, поднепил их на ручку зонга — и Тэсс лишилась своей обуви.

Она слышала этот разговор, — лицо ее было закрыто шерстяной вуалью, когда она прошла мимо них, — потом оглянулась и увидела, что благочестивая компания отошла от ворот и спускается с холма, унося ее башмаки.

Тогда наша героиня побрела дальше. Слезы, горькие слезы струились по ее лицу. Она понимала, что чрезмерная сентиментальность и нервозность заставили ее почувствовать в разыгравшейся сцене свой приговор, но справиться с собой она не могла и чувствовала себя беззащитной перед этими злобными предзнаменованиями. Не могло быть и речи о том, чтобы вернуться в пасторат; жене Энджела чудилось, будто эти утонченные, на ее взгляд, клерикалы загнали ее на холм, словно какое-то презренное существо. Обида была нанесена неумышленно, но все-таки жаль, что Тэсс встретила сыновей, а не отца, который, несмотря на узкий свой кругозор, был далеко не так накрахмален и выютюжен, как эти двое, и обладал даром милосердия.

Вспомнив о запыленных своих башмаках, Тэсс готова была пожалеть их за то презрение, какое они вызвали, и невольно подумала о том, как безыадежно складывается жизнь владелицы этих башмаков.

«Ах! — подумала она, все еще плача от жалости к самой себе. — Они не знали, что в тех башмаках я шла по каменной дороге, чтобы сберечь эти хорошенькие туфли, которые он мне купил! Да, этого они не знали! И не знали, что он выбирал материю для лучшего моего платья... Откуда им знать? А если бы и знали, то, пожалуй, не было бы им дела до этого, потому что не очень-то любят они его, бедного!»

Теперь она заплакала от жалости к любимому, к тому, чьи предрассудки причинили ей столько горя. И она брела своей дорогой, не ведая того, что величайшее несчастье постигло ее сейчас, когда она о своем свекре судила по его сыновьям и в этот критический момент по-женски упала духом. Она находилась в таком жалком положении, что, несомненно, старики м-р и м-с Клэр отнеслись бы к ней сочувственно. Их сердца всегда были открыты для несчастных, дошедших до последней черты, тогда как более утонченные страдания людей еще не отчаявшихся не вызывали у них ни интереса, ни внимания. Широко раскрывая объятия мытарям и грешникам, они забывали о том, что можно замолвить словечко и за книжников и фарисеев, у которых тоже бывают свои невзгоды. Благодаря этой ограниченности они оказали бы своей невестке радушный при-

ем, считая ее в достаточной степени несчастной, чтобы заслужить их любовь.

Тэсс возвращалась той самой дорогой, по которой шла если не с надеждой, то с уверенностью, что в ее жизни наступит кризис. Но никакого кризиса, по-видимому, не произошло, и ей ничего иного не оставалось, как жить на голодной ферме до тех пор, пока она вновь не наберется храбрости, чтобы пойти в пасторат. Она не утратила интереса к себе и на обратном пути откинула вуаль с лица: пусть все видят ее лицо, — какова бы ни была Мерси Чант, но Тэсс красивее, чем она. Впрочем, она печально покачала головой. «Это ни к чему, ни к чему! — сказала она себе. — Никто моего лица не любит, никто его не видит! Никому нет дела до такого жалкого существа, как я!»

Она шла, волоча ноги. Не было энергии, не было цели. Она двигалась по инерции. На скучной длинной дороге Бэнвилл-Лейн она начала уставать — прислонялась к воротам, останавливалась возле столбов, отмечающих мили.

Ни в один дом она не заходила. Наконец, пройдя семь-восемь миль, спустилась с высокого крутого холма в городок, или деревню Эверсхэд, где утром завтракала, еще преисполненная надежды. Домик около церкви, куда она снова зашла, находился в конце деревни. Пока женщина ходила за молоком в кладовую, Тэсс, посмотрев в окно, удивилась, что на улице никого не видно.

— Должно быть, все пошли к вечерне? — спросила она.

— Нет, милая, — оговаривалась старуха. — Сейчас рано, еще не ударили в колокола. Народ собрался в сарае слушать проповедь. У нас тут один проповедник читает проповеди между службами; говорят — усердный христианин. Ну, да я не хожу его слушать! Хватит с меня и того, что священник говорит с кафедры.

Когда Тэсс шла по деревенской улице, гулко звучали ее шаги, словно деревня вымерла. На полдороге к стуку шагов примешались другие звуки, — увидев неподалеку сарай, Тэсс догадалась, что оттуда доносится голос проповедника; он отчетливо раздавался в неподвижном, чистом воздухе, и вскоре она могла разобрать отдельные фразы, хотя подошла к задней стене сарая.

Проповедь, как и следовало ожидать, была в крайне антиномистском духе: речь шла об оправдании верой, как учил святой Павел. Свою мысль оратор излагал с воодушевлением и энтузиазмом, не говорил, а декламировал, ибо как диалектик явно никуда не годился. Хотя Тэсс не слыхала начала проповеди, но догадалась, какой был выбран текст из Библии, потому что оратор все время повторял:

«О несмысленные галаты! Кто прельстил вас не покоряться истине — вас, у которых пред глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый?»

Тэсс прислушалась и заинтересовалась, потому что проповедник излагал с сугубым рвением взгляды отца Энджела, а еще больше заинтересовалась она, когда оратор начал подробно рассказывать о своем собственном духовном опыте, о том, как пришел он к этому мировоззрению. Был он, по его словам, величайшим из грешников. Он богохульствовал, водился с людьми безрассудными и распутными, но настал день пробуждения, а случилось это главным образом благодаря влиянию одного священника, которого он сначала грубо оскорбил. Слова, сказанные этим священником при прощанье, запали ему в сердце и хранились там, пока, по милости божьей, не произвели в нем этой перемены и не сделали его таким, каков он сейчас.

Однако Тэсс поражена была не столько проповедью, сколько голосом, который — как ни странно это могло показаться — удивительно напоминал голос Алека д'Эрбервилля. С напряженным, страдальческим лицом она обошла вокруг сарая и остановилась. Зимнее солнце низко стояло над горизонтом, прямо против широкой двустворчатой двери амбара; одна створка была открыта, и солнечные лучи протянулись к проповеднику и его аудитории, защищенной стенами амбара от северного ветра. Слушателями были исключительно крестьяне, и среди них находился человек, которого видела она в тот памятный день, когда он нес горшок с красной краской. Но внимание ее было сосредоточено на центральной фигуре. Проповедник стоял на мешках с зерном, лицо его было обращено к народу и к двери. Было три часа дня, лучи солнца падали прямо на него, и та странная волнующая догадка, которая мелькнула у Тэсс, как только она услышала первые его слова, — эта догадка подтвердилась: перед ней был ее обольститель.

Фаза шестая

ОБРАЩЕННЫЙ

XLV

До этой минуты Тэсс не видела д'Эрбервилля и ничего о нем не слышала с тех пор, как уехала из Трэнтриджа.

Встреча произошла в тяжелую минуту ее жизни — в одну из тех минут, когда даже такая встреча не могла слишком потрясти ее. Но столь безрассудна память, что, хотя он стоял у всех на виду как человек обращенный и сокрушался о былых своих прегрешениях, — страх овладел Тэсс, и она, словно парализованная, не могла ни отступить, ни приблизиться.

Вспомнить выражение этого лица, какое она видела в последний раз, — и смотреть на него сейчас!.. Это было все то же красивое, неприятное лицо, но черные усы исчезли, — теперь он носил аккуратно подстриженные старомодные бакенбарды; костюм его несколько напоминал одежду пастора, и этого было достаточно, чтобы стереть облик прежнего денди, так что у Тэсс мелькнула даже мысль, не обозналась ли она.

Сначала ей казалось чудовищно чуждым слушать торжественные слова священного писания из уст такого человека. Четырех лет не прошло с тех пор, как этот слишком хорошо знакомый голос нашептывал ей совсем иные слова, преследуя совсем иные цели; и была в этом несоответствии такая ирония, что у Тэсс мучительно сжалось сердце.

Он не столько изменился, сколько преобразился. Лицо, прежде дышавшее чувственностью, выражало теперь благочестивую страсть. Губы словно созданы были для того, чтобы соблазнять, но теперь с них срывались слова молитвы. О горевшем на щеках румянце сказали бы еще вчера, что он зажжен буйным темпераментом, а сегодня — набожным энтузиазмом; животное стало фанатиком, язычник — приверженцем апостола Павла. Эти дерзкие глаза когда-то смотрели на нее повелительно, теперь в них горел огонь благочестия, чуть ли не яростный. Преж-

де хмурился он мрачно, когда не исполнялось его желание, теперь — когда клеймил он несправимо о грешника, упорно предпочитающего барахтаться в грязи.

В лице его было что-то жалкое. О наследственных своих на-
выках он должен был забыть и приучить лицо к выражению
таких чувств, которые оно от природы не умело выражать.
Странно, что воодушевление казалось неуместным, подъем —
деланым.

Но могло ли это быть? Ей приходилось признать, что такое
подозрение несправедливо. Д'Эрбервилль был не первым гре-
шником, который поборол свою греховность, дабы спасти ду-
шу живую; как же могла она считать это фальшью? Только
привычное ее представление о нем заставляло ее возмущаться,
когда она слышала новые, хорошие слова, произнесенные преж-
ним недобрым голосом. Чем более велик был грешник, тем бо-
лее велик святой; в этом можно убедиться, даже не углубля-
ясь в историю христианства.

Эти мысли, оставаясь туманными, слегка ее растрогали. Как
только оцепенение, вызванное изумлением, начало проходить,
ей захотелось поскорее уйти. Конечно, он еще не успел ее раз-
глядеть, так как она стояла спиной к солнцу.

Но стоило ей сделать движение — и он узнал ее. На быв-
шего ее любовника это произвело потрясающее впечатленье,—
гораздо более сильное, чем на нее. Воодушевление его и пла-
менное красноречие словно улетучились, губы его дрожали,
слова застряли в горле: он не мог говорить, пока она стояла
перед ним. Скользя глазами по ее лицу, он смущенно отвел
взгляд, стараясь смотреть куда угодно, только не на нее, но
взгляд его упорно к ней возвращался. Впрочем, такое состоя-
ние, напоминающее столбняк, продолжалось недолго, ибо к
Тэсс вернулось самообладание, как только он утратил власть
над собой,— она быстро отошла от сарая и продолжала путь.

Как только она собралась с мыслями, ее ужаснула переме-
на, происшедшая с ним и с ней. Он, виновник ее гибели, пере-
жил духовное возрождение, тогда как она оставалась непро-
светленной. И — как в той легенде — достаточно было беспут-
ному образу внезапно появиться пред алтарем, чтобы почти
угасло пламя, воодушевлявшее жреца.

Шла она не оглядываясь. Казалось, не только спина ее, но
и одежда наделены способностью ощущать на себе взгляды,—
Тэсс чудилось, что он, стоя в сарае, провожает ее глазами. До
этой встречи у нее было тяжело на душе и скорби своей она
отдавалась пассивно,— теперь в ее настроении произошла пе-
ремена: тоска по любви, которой она была лишена так долго,
уступила место чуть ли не физическому ощущению неумолимо-

го прошлого, все еще державшего ее в тисках. Усилилось сознание собственной вины, приводившее ее в отчаяние. Она надеялась, что между прошлым и настоящим встанет стена, но надежда не сбылась. Прошлое не может стать прошлым, пока она сама не уйдет в прошлое.

Размышляя об этом, она пересекла под прямым углом северную часть Лонг-Эш-Лейна и вскоре увидела перед собой белую дорогу, поднимающуюся на плоскогорье, по которому предстояло ей пройти остальную часть пути. Сухая, бесцветная дорога сурово уходила вдаль, и не видно было на ней ни людей, ни повозок, лишь кое-где на холодной, бесплодной земле лежал лошадиный навоз. Медленно поднимаясь в гору, Тэсс услышала за собой шаги и, оглянувшись, увидела хорошо знакомую фигуру в столь необычной для нее одежде методиста, — увидела того единственного человека, с которым не желала встречаться по сю сторону могилы.

Впрочем, для размышлений или попыток избежать встречи не было времени, и она, стараясь остаться спокойной, подчинилась неизбежному — позволила ему догнать себя. Видела она, что он очень возбужден, но не быстрой ходьбой, а обуревавшими его чувствами.

— Тэсс! — окликнул он.

Она не оглянулась, но замедлила шаги.

— Тэсс! — повторил он. — Это я, Алек д'Эрбервилль.

Тогда она повернулась к нему, и он подошел к ней.

— Вижу, что вы, — холодно сказала она.

— Как... и это все? Впрочем, большего я не заслуживаю!.. Конечно, — усмехнувшись, добавил он, — я кажусь вам немного смешным в таком виде. Но с этим я должен примириться... Я слышал, что вы уехали, но никто не знал куда. Тэсс, вы удивляетесь, почему я пошел за вами?

— Да, пожалуй; и от всего сердца жалею, что вы пошли!

— Вы имеете право так говорить, — мрачно отозвался он; вместе поднимались они в гору, Тэсс неохотно шла рядом с ним. — Но не заблуждайтесь на мой счет, я прошу об этом, потому что действительно мог ввести вас в заблуждение, когда вы заметили, — если только вы заметили, — как взволновало меня ваше неожиданное появление. Но это было лишь минутное замешательство, что вполне естественно, если принять во внимание, кем вы для меня были. Бог помог мне преодолеть его, и тотчас же я понял, что мой долг спасти от неминуемого гнева божия — смеяться, если хотите! — прежде всего ту женщину, которой я причинил такое зло. И я пришел, имея в виду только эту цель,

Легкое презрение слышалось в ее голосе, когда она сказала:

— А себя-то вы спасли? Говорят врачу: «Исцелись сам».

— О, это произошло помимо *меня!* — страстно воскликнул он. — Как я уже говорил своим слушателям, это сделало провидение. Как бы вы ни презирали меня, Тэсс, ничто не может сравниться с тем презрением, какое питал я к самому себе — к ветхому Адаму прошлых дней! Но я могу рассказать вам о том, как произошло мое обращение, и, надеюсь, вы настолько этим заинтересуетесь, что будете слушать. Слыхали ли вы когда-нибудь об эминистерском священнике? Наверно, слыхали о старом мистере Клэре, одном из самых искренних борцов за свои убеждения. Об одном из немногих ревностных людей, оставшихся в церкви. Правда, он не столь ревностен, как то крайнее крыло христиан, к которому принадлежу я, но тем не менее является исключением среди духовенства, ибо священники помоложе разжижили истинные доктрины своей софистикой, и теперь остались от них лишь тень того, чем были они раньше. Я твердо верю, что он является смиренным орудием спасения душ в этих краях; он спас больше грешников, чем кто бы то ни было другой. Вы о нем слыхали?

— Слыхала, — ответила она.

— Года два-три тому назад он выступил с проповедью в Трэнтридже как представитель какого-то миссионерского общества. И я — в ту пору я был негодяем, — я оскорбил его, когда он самоотверженно старался меня образумить и указать мне истинный путь. Он не рассердился на меня, он сказал только, что когда-нибудь я почувствую веяние духа и те, что приходят поиздеваться, остаются иногда для молитвы. Странная сила была в его словах. Они запали мне в душу. Однако смерть матери явилась самым сильным толчком; и мало-помалу я прозрел. С тех пор единственным моим желанием было передавать благую весть другим людям, и это я пытался делать сегодня. Впрочем, в этих краях я начал проповедовать недавно. Первые месяцы моего служения я провел на севере Англии, среди чужих мне людей, где предпочел сделать первые неумелые попытки, чтобы приобрести смелость для самого сурового из всех испытаний, — ибо мне предстояло проповедовать тем, кто знал меня раньше, кто принимал участие в моей греховной жизни. Если бы только вы знали, Тэсс, это чувство спокойствия, уверенности, я не сомневаюсь, что вы...

— Замолчите! — страстно воскликнула она и, отвернувшись от него, прислонилась к изгороди. — Я не могу поверить в эти внезапные обращения! Я возмущена тем, что вы можете так со мной говорить, хотя вы знаете... знаете, какое зло вы мне причинили! Вы и другие, подобные вам, наслаждаетесь жизнью и

отравляете существование таким, как я... И право же, это недурно, когда вам все надоест, подумать о том, чтобы обратиться к богу и обеспечить себе райское блаженство! Я вам не верю! Все это мне противно!

— Тэсс,— сказал он,— не говорите так! Словно свет озарил меня! А вы мне не верите? Чему вы не верите?

— Вашему обращению. Вашей религиозности!

— Почему?

Она ответила, понизив голос:

— Потому что человек, который лучше вас, не верит в это.

— Вот она, женская логика! Кто же этот человек?

— Я не могу вам сказать.

— Хорошо,— отозвался он; казалось, в любой момент могло прорваться раздражение,— боже сохрани, чтобы я назвал себя хорошим человеком, и вы слышите — я этого не говорю! Действительно, я новичок на пути добродетели, но иногда новообращенные бывают самыми дальнозоркими людьми.

— Да,— грустно произнесла она.— Но я не могу поверить в ваше обращение. Боюсь, Алек, что этот внезапный свет быстро угаснет.

С этими словами она отошла от изгороди, к которой прислонилась, и повернулась к нему лицом. Его взгляд упал на знакомое лицо и фигуру и не мог от них оторваться. Животное начало в нем не давало о себе знать, но оно не было вырвано с корнем, не было даже до конца побеждено.

— Не смотрите на меня так! — сказал он вдруг.

Тэсс, не думавшая о том, какой у нее вид, тотчас же опустила свои большие темные глаза и, вспыхнув, пробормотала:

— Простите!

И снова овладело ею то мучительное чувство, какое часто испытывала она и раньше: чувство виновности в том, что природа дала ей эту телесную оболочку.

— Нет! Не просите у меня прощения. Но вы надели вуаль, чтобы скрыть свое красивое лицо,— почему же вы ее не опустите?

Она опустила вуаль, быстро сказав:

— Я надела ее от ветра.

— Быть может, жестоко так говорить,— продолжал он,— но мне не следует слишком часто смотреть на вас. Это может быть опасно.

— Шш... — остановила его Тэсс.

— Женские лица имели слишком большую власть надо мной, и у меня есть основания их бояться! Евангелисту не должно быть никакого дела до них, а мне они напоминают прошлое, которое я хотел бы забыть!

После этого они перебрасывались только отдельными замечаниями, продолжая идти рядом. Тэсс размышляла о том, долго ли он думает идти с ней, но ей не хотелось резко отсылать его назад. Часто попадались им на воротах и перелазах тексты из священного писания, написанные красными или синими буквами, и она спросила его, не знает ли он, кто взял на себя труд делать эти надписи. Он ответил, что он сам и другие лица, проповедующие в этом округе навяли человека, который пишет такие напоминания, ибо нужно использовать все средства, чтобы воздействовать на душу грешника.

Наконец, они подошли к тому месту, которое носит название «Крест в руке». На пустынном белом плоскогорье это было самое унылое место. Лишенное того очарования, какое щут в пейзаже художники и любители красивых видов, дабы по-новому почувствовать красоту, оно дышало какой-то иной красотой — красотой трагической и мрачной. Название свое оно получило от стоявшего здесь каменного столба — странного монолита, таких камней не добывали в здешних каменоломнях, — на нем была грубо высечена человеческая рука. Об истории этого столба и о цели, с какой он был поставлен, ходили противоречивые рассказы. Одни утверждали, что когда-то тут стоял крест, от которого остался теперь только этот обрубок, другие — что всегда он был таким, а поставлен здесь как вежа, отмечающая какую-то границу или место встречи. Но какова бы ни была история этого камня, место, где стоит он, казалось и кажется зловещим или торжественным, в зависимости от настроения, и производит впечатление даже на самого флегматичного прохожего.

— Теперь я должен с вами расстаться, — сказал он, когда они приблизились к этому месту. — В шесть часов вечера я обещаю говорить проповедь в Эбботс-Сернел, и отсюда дорога моя идет вправо. А вы нарушили душевное мое равновесие, Тэсси... я не могу и не хочу сказать — почему. Я должен уйти и собраться с силами. Вы стали очень хорошо говорить теперь. Кто научил вас такому чистому английскому языку?

— Я многому научилась за это трудное время, — уклончиво ответила она.

— А какие были у вас затруднения?

Она рассказала ему о первом и единственном, которое имело к нему отношение.

Д'Эрбервилль был потрясен.

— А я понятия об этом не имел, — пробормотал он. — Почему вы мне не написали, когда почувствовали, что дело неладно? Она не ответила; и он снова нарушил молчание:

— Ну, мы с вами еще увидимся.

— Нет,— сказала она.— Никогда не приближайтесь ко мне!

— Я об этом подумаю. Но раньше, чем мы расстанемся, подойдите сюда.— Он направился к столбу.— Когда-то здесь был крест. В священные реликвии я не верю, но бывают минуты, когда вы мне внушаете страх; я вас боюсь гораздо больше, чем вы теперь должны бояться меня. И вот, чтобы избавить меня от опасений, положите свою руку на эту каменную руку и дайте клятву, что никогда не будете меня искушать — ни красотой своей, ни какими-либо иными способами.

— О господи, зачем обращаться с такими бессмысленными просьбами? Меньше всего я об этом думала!

— Да, но поклянитесь, поклянитесь!

Тэсс, слегка испуганная, уступила его настойчивым просьбам: положила руку на камень и дала клятву.

— Я скорблю о том, что вы неверующая,— продолжал он.— Какой-то атеист получил власть над вами и смутил вашу душу. Но не будем больше говорить об этом. Дома я могу молиться о вас, и буду молиться. Кто знает, что может случиться? Я ухожу. До свидания.

Он повернулся к пролому в изгороди, перепрыгнул через него и, не взглянув на Тэсс, зашагал по меловому плоскогорью, направляясь в Эбботс-Сернел. Судя по его походке, он был сильно взволнован. Спустя немного, словно подстрекаемый какой-то назойливой мыслью, он извлек из кармана маленькую библию, в которую вложено было письмо, смятое и запачканное,— по-видимому, его много раз перечитывали. Д'Эрбервилль развернул это письмо. Оно было написано несколько месяцев тому назад священником Клэром.

В начале письма м-р Клэр выражал неподдельную радость по поводу обращения д'Эрбервилля и благодарил его за то, что тот ему об этом сообщил. Далее он заверял, что от души прощает прежние поведение молодого человека и интересуется дальнейшими его планами. Он, м-р Клэр, рад был бы видеть д'Эрбервилля в числе служителей церкви, которой сам он посвятил столько лет своей жизни, и охотно помог бы ему поступить в духовный колледж; впрочем, на этом он не настаивает, если д'Эрбервилль считает такую отсрочку нежелательной. Каждый человек должен работать в меру сил своих и следуя указаниям святого духа.

Д'Эрбервилль читал и перечитывал это письмо и, казалось, при этом цинично усмехался про себя. На ходу прочел он также несколько отрывков из библии, пока, наконец, не появилось на лице его выражение полного спокойствия и образ Тэсс, по-видимому, не смущал больше его мыслей.

Тем временем Тэсс шла по склону холма кратчайшей дорогой к дому. Пройдя около мили, она встретила пастуха.

— Что это за старый камень, мимо которого я прошла? — спросила она его. — Там был раньше крест?

— Крест? Не было там никакого креста! Дурное это место, мисс. В старые времена этот камень поставили родственники одного злодея, которого там пытали: пригвоздили его руку к столбу, а потом повесили. И кости его лежат под камнем. Говорят, он продал душу черту и иногда выходит из могилы.

От этого неожиданного и страшного рассказа у Тэсс сжалось сердце, и она поспешила отойти от пастуха. В сумерках она вернулась в Флинтком-Эш и на окраине деревушки увидела какую-то девушку и ее возлюбленного, которые не заметили ее. Они громко разговаривали; в холодном воздухе звучал чистый и ясный голос молодой женщины, отвечающей на ласковые слова мужчины, и в застывшей тьме, куда ничто не проникало, эти голоса звучали как-то успокоительно. На секунду голоса ободрили Тэсс, пока она не вспомнила, что это свидание вызвано тем же влечением, которое явилось причиной ее несчастья. Когда она подошла ближе, девушка спокойно оглянулась и узнала ее, а молодой человек удалился смущенный. Это была Изз Хьюэт, и интерес ее к путешествию, предпринятому Тэсс, тотчас же одержал верх над личными делами. Тэсс довольно туманно рассказала о результатах своего путешествия, а Изз, как девушка тактичная, заговорила о своем маленьком романе, о котором Тэсс только что случайно узнала.

— Это Эмби Сидлинг. Бывало, он работал в Тэлботейсе, — равнодушно объяснила Изз. — Он разузнал, куда я уехала, и явился сюда. Говорит, что вот уже два года, как в меня влюблен. Но я с ним почти не разговаривала.

XLVI

Несколько дней спустя после неудачного путешествия Тэсс работала на поле. По-прежнему дул резкий зимний ветер, но защитой от него служили плетеные загородки. Со стороны, защищенной от ветра, стояла корнерезка, заново окрашенная яркоголубой краской, и на фоне тусклого пейзажа живой казалась эта голубизна. Перед машиной тянулась длинная насыпь, или «могила», в которой с начала зимы хранились корни. С одной стороны яма была разрыта, и у края ее стояла Тэсс, срезавшая кривым ножом волокна и мерзлую землю с корней и бросавшая задеи брюкву в корнерезку. Батрак вращал рукоятку машины, и из ее желоба падали желтые ломтики брюквы. Их свежий запах разносился вместе с шумом ветра, рез-

ким свистом лезвий машины и стуком ножа в руках Тэсс, защищенных кожаными перчатками.

Широкое, ровное бурее поле, где уже выкопали брюкву, начинало покрываться темнокоричневыми бороздами, постепенно расширяющимися. Вдоль каждой борозды двигалось не спеша и не останавливаясь какое-то десятиногое существо — две лошади и человек, а между ними плуг, вспахивающий поле для весеннего сева.

Проходили часы, и ничто не нарушало безрадостной монотонной работы. Потом, далеко за полем, усеянным упряжками, показалась черная точка. Выплыла она из-за пролома в изгороди и как будто поднималась по откосу, направляясь к машине. Сначала это было крохотное пятнышко, вскоре оно приняло форму кегли, и, наконец, можно было разглядеть фигуру человека в черном, шедшего из Флинтком-Эша. Работник, пришедший в движение машину, мог, не отрываясь от работы, следить за путником, но Тэсс, обчищавшая брюкву, не замечала его, пока ей не указал на него товарищ.

Это не был суровый ее хозяин, фермер Гроби; к ним приближался человек в костюме, напоминающем одежду духовных особ, — иными словами, бывший повеса Алек д'Эрбервилль. Сейчас он не был разгорячен собственной проповедью и не проявлял прежнего энтузиазма, а присутствие работника, по-видимому, его смущало. У Тэсс было бледное, недовольное лицо, она надвинула на лоб капор с оборками.

Подойдя к ней, д'Эрбервилль сказал негромко:

— Мне нужно поговорить с вами, Тэсс.

— Вы не исполнили моей последней просьбы и все-таки пришли ко мне? — сказала она.

— Да, но для этого у меня есть серьезные основания.

— Ну, говорите.

— Это гораздо серьезнее, чем вы, быть может, думаете.

Он осмотрелся по сторонам — не подслушивают ли его. Они находились довольно далеко от батрака, приводившего в движение машину, да и стук ее заглушал голос Алека.

Д'Эрбервилль повернулся спиной к работнику, так чтобы заслонить от него Тэсс.

— Дело вот в чем, — продолжал он, и в его голосе чувствовалось раскаяние, — когда мы встретились в последний раз, я, думая о вашей душе и о своей, забыл спросить о материальном вашем положении. Мне это в голову не пришло, потому что вы были хорошо одеты. Но теперь я вижу, что живется вам плохо... хуже, чем в те времена, когда я... вас знал... хуже, чем вы... заслуживаете. И, быть может, во многом виноват я!

Она молчала, а он смотрел на нее пылливо. Опустив голо-

ву так, что лица не было видно из-за оборок капора, она снова принялась чистить брюкву. Работа помогла ей скрыть от него волнение.

— Тэсс,— добавил он со вздохом, прозвучавшим почти как стоп,— перед вами я виноват больше, чем перед кем бы то ни было! Я понятия не имел о последствиях, пока вы мне не сказали. Негодяй, я осквернил невинную жизнь! Вся вина лежит на мне... великий грех, страшное беззаконие, совершенное мною в Трэнтридже. В ваших жилах течет кровь д'Эрбервиллей, а я — жалкий самозванец. Но каким слепым ребенком были вы, Тэсс! Я говорю совершенно серьезно: родители совершают преступление, воспитывая своих дочерей в полном неведении, и дети понятия не имеют о том, какие сети расставляют для них злые люди. И родители виноваты, независимо от того, руководствовались ли они добрыми побуждениями или были попросту равнодушны.

Тэсс слушала молча; машинально, словно автомат, бросала она в корнерезку одну брюкву за другой, ничем не отличаясь от любой другой батрачки, работавшей на поле.

— Но я пришел сюда не для того, чтобы говорить об этом,— продолжал д'Эрбервилль. — Положение мое таково: с тех пор как вы уехали из Трэнтриджа, умерла моя мать, и теперь поместье принадлежит мне. Но я хочу продать его и посвятить свою жизнь миссионерской деятельности в Африке; быть может, я приму духовный сан, может быть просто буду состоять при миссии,— для меня это не имеет значения. Теперь вот о чем хочу я вас спросить: дадите ли вы мне возможность исполнить мой долг, загладить единственным возможным для меня способом вину перед вами? Иными словами, согласны ли вы быть моей женой и вместе со мной уехать?.. Чтобы не терять времени, я уже получил вот это...

Он смущенно вытащил из кармана кусок пергамента.

— Что это? — спросила она.

— Разрешение на брак.

— О нет, сэр, нет! — воскликнула она, отшатнувшись от него.

— Вы не хотите? Почему?

И на лице д'Эрбервилля отразилось разочарование, вызванное не только тем, что его лишили возможности исполнить долг. Ясно было одно: снова вспыхнула в нем прежняя страсть к ней; желание и долг шли рука об руку.

— Ведь вы, конечно... — заговорил он, воодушевляясь, потом бросил взгляд на батрака, вертевшего ручку машины.

Тэсс тоже поняла, что здесь не место для таких разговоров. Сказав работнику, что хочет пройтись с джентльменом, который к ней приехал, она побрела вместе с д'Эрбервиллем по по-

лю, полосатому, словно зебра. Когда они дошли до первой све-
жевспаханной полосы, он протянул руку, чтобы ей помочь, но
она, будто не замечая, пошла вперед, шагая по земляным
комьям.

— Вы не хотите выйти за меня, Тэсс? Не хотите, чтобы я
снова мог уважать себя? — спросил он, когда они миновали
вспаханную полосу.

— Я не могу.

— Но почему?

— Вы знаете, что я вас не люблю.

— Но, быть может, любовь придет со временем, когда вы
действительно меня простите?

— Нет, никогда!

— Почему так решительно?

— Я люблю другого.

Ответ, казалось, ошеломил его.

— Любите? — воскликнул он. — Другого? Но разве созна-
ние нравственного долга ни к чему вас не обязывает?

— Нет, не говорите этого!

— Но, быть может, ваша любовь к этому человеку являет-
ся мимолетным чувством, которое вы преодолесте...

— Нет... нет...

— Да, да! Почему вы это отрицаете?

— Я не могу вам сказать.

— Но вы должны!

— Ну, хорошо... я вышла за него замуж.

— Ах! — воскликнул он и остановился, как вкопанный, не
спуская с нее глаз.

— Я не хотела говорить — сказала она. — Здесь об этом не
знают или, быть может, только смутно догадываются. И вы,
пожалуйста, не спрашивайте меня. Вы должны помнить, что
мы теперь чужие.

— Мы — чужие? Чужие!

На секунду, как в былые дни, на лице его появилась ирони-
ческая усмешка, но он тотчас же прогнал ее.

— Вот это ваш муж? — рассеянно спросил он, кивнув в сто-
рону работника, вращавшего рукоятку машины.

— Этот человек? Конечно, нет! — гордо ответила она.

— Кто же?

— Не спрашивайте меня, я не хочу об этом говорить!

И, повернувшись к нему, она с мольбой подняла на него гла-
за, затененные темными ресницами.

Д'Эрбервилль был взволнован.

— Но я спрашиваю только ради вас! — с жаром возразил
он. — Черт возьми!.. Бог да простит мне эти слова... Клянусь,

я приехал сюда ради вашего блага! Тэсс, не смотрите на меня так... я не могу вынести вашего взгляда. Никогда еще не было на свете таких глаз ни до, ни после рождения Христова. Нет, я не должен, не смею терять самообладание. Признаюсь, при виде вас снова вспыхнула во мне любовь к вам, а я-то думая, что она угасла, как и все другие страсти. Но я надеялся, что брак освятит нас обоих. «Неверующий муж освящается женой, а неверующая жена освящается мужем», — говорил я себе. Но план мой рухнул, и меня постигло разочарование.

Он задумался, хмуро уставившись в землю.

— Вышла замуж! Замуж!.. Ну, если дело обстоит так, — спокойно продолжал он, разрывая пополам разрешение и пряча клочки в карман; — если жениться на вас я не могу, то хотелось бы мне быть чем-нибудь полезным вам и вашему мужу, кто бы он ни был. На языке у меня вертятся вопросы, но, конечно, расспрашивать вас я не буду, раз вы не хотите. Однако, если бы я знал вашего мужа, мне легче было бы помочь и вам и ему. Он здесь, на этой ферме?

— Нет, — прошептала она. — Он далеко отсюда.

— Далеко? Далеко от вас? Что же это за муж?

— О, не говорите о нем ничего плохого! Это произошло из-за вас. Он узнал...

— Ах, вот что!.. Это печально, Тэсс!

— Да.

— Но жить вдаль от вас... заставлять вас так работать!

— Он не заставляет меня работать! — с жаром воскликнула она, выступая на защиту отсутствующего. — Он ничего не знает! Я сама так хотела.

— Но он вам пишет?

— Я... я не могу об этом говорить. Есть вещи, которые касаются только нас двоих.

— Иными словами — не пишет. Вы — покинутая жена, чудесная моя Тэсс!

Он порывисто взял ее за руку, но на руке была толстая перчатка, и, сжав грубые кожаные пальцы, он не почувствовал живой руки.

— Нет, не надо! — испуганно воскликнула она, вытаскивая руку из перчатки, словно из кармана, и оставляя в его руке кожаные пальцы. — О, уйдите! Ради меня... ради моего мужа... заклинаю вас вашим христианством!

— Да, да, ухожу, — ответил он отрывисто и, отдав ей перчатку, хотел уйти; потом снова повернулся к ней и сказал: — Тэсс, видит бог, у меня не было грешных мыслей, когда я взял вашу руку!

Увлеченные разговором, они не слышали мягкого топота копыт по вспаханной земле; лошадь остановилась неподалеку от них, и раздался голос:

— Черт возьми, чего ты бросаешь работу среди д...?

Фермер Гроби издали увидел прогуливающуюся пару и пожелал узнать, зачем они забрались в его владения.

— Не смейте так разговаривать с ней! — крикнул д'Эрбервилль, и лицо его потемнело от гнева, мало напоминающего христианские чувства.

— Вот оно что, мистер! А какие могут быть у нее дела с методистскими пасторами?

— Кто этот парень? — спросил д'Эрбервилль, взглянув на Тэсс.

Она подошла к нему ближе.

— Уходите, прошу вас!

— Как! И оставить вас с этим негодяем? По лицу видно, что это за грубиян!

— Он меня не обидит. Уж он-то в меня не влюблен. Я могу оставить ферму на благовещенье.

— Мне ничего не останется, как повиноваться. Но... Ну, прощайте!

Когда неохотно удалился ее защитник, которого она боялась больше, чем обидчика, фермер снова стал ее ругать, по его брань Тэсс выслушала с величайшим хладнокровием, потому что не боялась его как мужчину. Иметь хозяином этого тупого человека, который надавал бы ей пощечин, если бы только посмел, являлось для нее чуть ли не облегчением после прежних испытаний. Молча направилась она в тот конец поля, где работала; только что закончившееся свидание поглощало все ее мысли, и вряд ли она замечала, что лошадь Гроби почти касается носом ее спины.

— Если ты навялась работать на меня до благовещенья, так уж я позабочусь о том, чтобы ты договор исполнила, — ворчал он. — Вот чертовы бабы — то один у них на уме, то другой! Ну да я этого не потерплю!

Тэсс прекрасно знала, что других работниц он не притеснял так, как притеснял ее, помня о полученной пощечине. И на секунду она задумалась о том, как сложилась бы ее жизнь, если бы она была свободна, приняла только что сделанное ей предложение и стала женой богача Алека. Не пришлось бы ей тогда подчиняться грубому хозяину, да и всем тем, кто, казалось, теперь ее презирал.

— Нет! — прошептала она. — Я бы не могла выйти за него замуж! Очень уж он мне не нравится.

В тот же вечер она начала писать трогательное письмо

Клэру, скрывая от него свои беды и заверяя в вечной своей любви. Всякий, кто умеет читать между строк, понял бы, что за великой ее любовью скрывается великий страх, чуть ли не отчаяние, — страх, вызванный какими-то обстоятельствами, о которых ни слова не сказано в письме... Но и на этот раз не закончила она своего послания... он предлагал Изз ехать вместе с ним и, быть может, совсем ее не любит. Она спрятала письмо в сундучок и задумалась о том, попадет ли оно когда-нибудь в руки Энджела.

Зима проходила для нее в тяжелой работе, и наконец настал день, знаменательный для всех земледельцев, — день сретенской ярмарки. На этой ярмарке заключались новые договоры на год, начиная с благовещенья, и те батраки, которые подумывали о том, чтобы подыскать другое место, неизменно отпирывались в город, где была ярмарка. Почти все работники с фермы Флинтком-Эш подумывали о бегстве и рано поутру двинулись в город, находившийся милях в десяти — двенадцати, причем дорога вилась по холмам. Хотя Тэсс также намеревалась остаться только до благовещенья, однако она была в числе тех немногих, кто не пошел на ярмарку; смутно надеялась она на какую-то перемену, благодаря которой ей не нужно будет снова наниматься батрачкой на ферму.

Был тихий февральский день, удивительно теплый для этой поры года, и можно было подумать, что конец зиме. Не успела она пообедать, как перед окном коттеджа, где она осталась сегодня одна, появился д'Эрбервилль.

Тэсс вскочила, но гость уже стучал в дверь, да и вряд ли были у нее какие-нибудь основания бежать. Стук д'Эрбервилля, походка его, когда он шел к двери, указывали на то, что со времени их последней встречи с ним произошла какая-то неувольнимая перемена. Казалось, он стыдился того, что делал. Она хотела было не открывать дверь, но вряд ли это имело смысл; подняв щеколду, она быстро отступила назад. Он вошел, увидел ее и, не поздоровавшись, сел на стул.

— Тэсс, я ничего не мог поделаты! — с отчаянием начал он, вытирая воспаленное лицо, раскрасневшееся от волнения. — Я должен был хотя бы зайти узнать, как вы живете. Клянусь, я совсем о вас не думал, пока мы не встретились в то воскресенье. А теперь меня преследует ваш образ, и я не могу от него избавиться! Грустно, что хорошая женщина причиняет зло дурному человеку, но это так! Если бы вы помолились обо мне, Тэсс!

Было что-то почти жалкое в этом приглушенном отчаянии, но Тэсс не чувствовала к нему жалости.

— Как я могу молиться о вас, — сказала она, — если мне

запрещено верить в то, что великая сила, которая правит миром, ради меня изменит свои планы?

— И вы действительно так думаете?

— Да. Меня излечили от самонадеянных представлений

— Излечили? Кто же?

— Мой муж, если уж вы хотите знать.

— Ах, ваш муж... ваш муж! Как это странно! Помню, что-то в этом духе вы мне говорили в прошлый раз. Во что же вы верите, Тэсс? — спросил он. — У вас как будто нет никакой религии... и, быть может, по моей вине.

— Есть, но ни во что сверхъестественное я не верю.

Д'Эрбервилль посмотрел на нее недоверчиво.

— Значит, вы считаете, что я избрал ложный путь?

— Да, более или менее.

— Гм... а я-то был так уверен, — смущенно проговорил он.

— Я верю в духовное величие нагорной проповеди, в это верит и дорогой мой муж. Но я не верю...

И она перечислила все, что отрицала в религии.

— Понимаю, — сухо сказал д'Эрбервилль, — вы принимаете все, во что верит дорогой ваш муж, а все, что отрицает он, отрицаете и вы, не рассуждая и не задумываясь. Как это поженски! Он поработил ваш ум.

— Да, потому что он все знает! — воскликнула она с такой горячей простодушной верой в Энджела Клэра, какую не только он, но и человек более совершенный вряд ли мог бы зажить.

— Но не следует усваивать целиком чьи бы то ни было скептические взгляды. Нечего сказать — хорош ваш муж, если он учит вас скептицизму!

— Он никогда не навязывал мне своих взглядов. И никогда не хотел говорить со мной об этом. А я рассуждала так: то, во что верит он, хорошо знакомый с разными доктринами, — ближе к истине, чем моя убеждения, потому что я никогда никаких доктрин не изучала.

— Ну, а что же он говорил? Хоть что-нибудь-то должен был он говорить?

Она задумалась; отдельные замечания Энджела Клэра она запомнила слово в слово, даже если смысл был ей непонятен, и сейчас повторила жестокий полемический силлогизм, который слышала от него, когда он размышлял при ней вслух, что случалось с ним нередко. С удивительной точностью она воспроизвела даже манеру говорить и интонации Клэра.

— Скажите еще раз, — попросил д'Эрбервилль, который слушал с глубоким вниманием.

Она повиновалась, а д'Эрбервилль шепотом повторял за ней слова.

— Быть может, вы еще что-нибудь запомнили? — спросил он.

— Однажды он сказал вот что...

И она повторила аргументы, которые можно было бы найти в целом ряде произведений, начиная от *Dictionnaire Philosophique*¹ и кончая научными очерками Гексли.

— Как это вы запомнили?

— Я хотела верить в то, во что верит он, хотя он этого и не хотел. И мне удавалось выпытать у него кое-что. Не могу сказать, чтобы я все это хорошо понимала, но я знаю, что это правда.

— Гм... Любопытно, что вы меня учите тому, чего сами не знаете.

Он глубоко задумался.

— Вот я и пошла по его дороге, — сказала она. — Мне не хотелось, чтобы пути у нас были разные. Что хорошо для него — то хорошо и для меня.

— А ему известно, что вы такой же скептик, как и он?

— Нет... не знаю, скептик ли я, но я никогда ему не говорила.

— Ну, Тэсс, теперь вы находитесь в лучшем положении, чем я! Вы не верите в мою религию, и поэтому вам не нужно ее проповедовать, совесть вас за это не упрекает. А я верю, что проповедовать я должен, — верю и трепещу, потому что я отказался от проповеди и не сумел справиться со своей страстью к вам.

— Что?

— Да, — сказал он устало, — весь этот путь я прошел сегодня, чтобы увидеть вас. Но, выходя из дому, я хотел идти на кэстербриджскую ярмарку, где должен был сегодня в половине третьего говорить с фургона проповедь, и сейчас все братья ждут меня там. Вот и объявление.

Он выгнул из кармана объявление, возвещавшее о дне, часе и месте собрания, на котором он, д'Эрбервилль, должен был проповедовать слово божие.

— Но разве вы не опоздали? — спросила Тэсс, взглянув на часы.

— Я опоздал. Я пришел сюда.

— Но вы действительно обещали говорить проповедь?..

— Да, обещал, но говорить не буду, потому что меня сжигает желание видеть женщину, которую я когда-то презирал!

¹ «Философский словарь» Вольтера.

Нет, клянусь честью, вас я никогда не презирал! Иначе я бы не мог любить вас теперь! Не презирал, потому что вы, несмотря ни на что,— чистая женщина. Как быстро и решительно ушли вы от меня, когда поняли создавшееся положение! Вы не сделали моей игрушкой. И потому есть на свете одна жертва, к которой я не питал презрения, и жертва эта — вы. Ну, а теперь у вас есть основания презирать меня. Я думал, что поклоняюсь господу на горных высотах, но вижу, что все ещё служу в низине! Ха-ха!

— О Алек д'Эрбервилль, что же это значит? Что я сделала?

— Что вы сделали? — переспросил он, глумясь над самим собой. — Умышленно — ничего. Но вы были орудием — невинным орудием моего преступничества, как они это называют. Я задаю себе вопрос: являюсь ли я одним из тех «рабов порока», которые «раз избегнув скверн мира семя, вновь запугиваются в сетях и терпят поражение», и последнее их падение хуже, чем первое?

Он положил руку ей на плечо.

— Тэсс, Тэсс, я был на пути к спасению по крайней мере в глазах общества, пока снова вас не увидел! — воскликнул он, лихорадочно теребя ее за плечо, словно ребенка. — Зачем же вы меня искушали? Я был тверд, как может быть тверд мужчина, пока не увидел снова этих глаз, этого рта... Клянусь, со времени Евы не было такого соблазнительного рта!

Он понизил голос, черные глаза лукаво сверкнули.

— Вы искусительница, Тэсс, вы чародейка из Вавилона... я не мог устоять, как только увидел вас снова!

— Я не могла избежать этой встречи! — сказала Тэсс, отодвигаясь от него.

— Я это знаю и повторяю, что вас я не виню. Но факт остается фактом. Когда я увидел, как обращаются с вами на этой ферме, я чуть с ума не сошел при мысли, что у меня нет законного права вас защищать, нет и быть не может! А тот, у кого это право есть, пренебрегает вами!

— Не смейте говорить о нем плохо! Его здесь нет! — горячо воскликнула она. — Относитесь к нему с уважением, он ничего плохого вам не сделал! И оставьте его жену в покое, во избежание скандала, который может запятнать его честное имя!

— Да! — отозвался он, словно пробуждаясь от страшного сна. — Я нарушил обещание проповедовать слово божие этим бедным пьяным грешникам на ярмарке; впервые совершил и такой чудовищный проступок! Месяц тому назад я бы ужаснулся при одной мысли о нем. Я уйду... скроюсь... и буду молиться... Ах, могу ли я молиться!

И вдруг он изменил тон:

— Один поцелуй, Тэсси, только один! В память старой дружбы...

— Я беззащитна, Алек! На мне лежит забота о добром имени честного человека... подумайте об этом... и постыдитесь!

— Да, да! О боже!

Он сжал губы, возмущенный собственной слабостью. В глазах у него потемнело — угасла надежда и на любовь и на религию. Былые темные страсти, следы которых словно застыли на лице со дня его обращения, теперь пробудились, как бы воскресли. Он вышел нерешительно, вряд ли сознавая, что делает.

Хотя д'Эрбервилль и заявил, что в нарушении своего обещания видит лишь отступничество верующего, но слова Тэсс, являвшиеся отголоском речей Энджела Клэра, произвели на него глубокое впечатление, и оно не стерлось, когда он расстался с ней. Шел он молча, словно придавленный мыслью, которая раньше и в голову бы ему не пришла: он начал понимать, что дальнейшее его служение невозможно. Рассудок был непричастен к его неожиданному обращению, которое, возможно, было всего-навсего причудой, легкомысленного молодого человека, жаждущего новых ощущений и временно находящегося под впечатлением смерти матери.

Те капли логики, какие Тэсс уронила в море его энтузиазма, охладили пыл Алека. Снова и снова возвращаясь к тем отчетливым формулам, какие она ему сообщила, он подумал: «Этот умный парень не подозревал, что, толкуя с Тэсс о таких предметах, он прокладывает мне дорогу к ней!»

XLVII

Предстоит молотьба последней скирды пшеницы на ферме Флинтком-Энн. Мартовский рассвет на редкость бесцветен, и нельзя угадать, с какой стороны взойдет солнце. На фоне сумеречного неба поднимается верхушка скирды, имеющая форму траншеи; скирда стоит одиноко, умытая и выбеленная зимними дождями и снегом.

Когда Изз Хюзт и Тэсс пришли на поле, только шорох и шелест оповестили о том, что другие их опередили. Разгорался рассвет, и на верхушке скирды виднелись силуэты двух мужчин. Они энергично растаскивали скирду, то есть срывали с нее соломенную крышу, чтобы затем сбрасывать вниз снопы. Между тем Изз и Тэсс в светлокоричневых фартуках стояли вместе с другими батрачками и дрожали от холода: фермер Гроби велел им прийти пораньше, чтобы сегодня покончить с молотьбой. Возле самой скирды смутно вырисовывалось красное чудовище, ко-

торое должны были обслуживать женщины, деревянное сооружение с ремнями и колесами — молотилка, которая деспотически испытывает выносливость мускулов и нервов.

Поодаль виднелся другой неясный предмет — черный, сдержанно шипевший, и шипение это свидетельствовало о таившейся в нем силе; длинная труба поднималась к небу параллельно ясению; от этого предмета исходило тепло, и даже в темноте можно было угадать, что здесь стоит паровая машина, которой предстоит быть *primum mobile* этого маленького мирка. Подле машины стояла темная неподвижная фигура, высокая, мрачная, покрытая сажей и словно погруженная в транс; у ног ее лежала куча углей; это был механик. Судя по виду и цвету одежды, можно было принять его за выходца из ада, который забрел сюда, в эту прозрачную и бездымную страну желтого зерна и бесцветной земли, совершенно ему чуждую, для того чтобы изумлять и приводить в смущение ее обитателей.

Был он таков, каким казался: работал вместе с земледельцами, но держался особняком. Он служил огню и дыму, а эти жители полей — злакам, погоде, морозу и солнцу. С фермы на ферму, из графства в графство путешествовал он со своей машиной, ибо в этой части Уэссекса паровая машина до сих пор еще вела бродячую жизнь. Он говорил со странным северным акцентом, был углублен в себя и не спускал глаз со своей железной спутницы, вряд ли замечая, что вокруг него происходит, и нимало этим не интересуясь. С местными жителями он общался лишь постольку, поскольку такое общение было необходимо, и словно по воле древнего рока скитался здесь, служа своему владыке Плутону. Длинный ремень, соединявший передаточное колесо его машины с красной молотилкой, стоявшей возле скирды, был единственным звеном, связующим его с земледельцем.

Пока снимали солому со скирды, он апатично стоял подле своего передвижного вместилища энергии, горячего и черного, вокруг которого вибрировал утренний воздух. В подготовительной работе он не принимал никакого участия. Угли были раскалены, пары разведены, и в любой момент он мог привести в движение длинный ремень, который по его воле будет двигаться с невероятной быстротой. Все, что находилось за пределами его машины, будь то пшеница, солома или хаос, нимало его не интересовало. Если праздные жители спрашивали его, кто он такой, он отвечал коротко: «Механик».

Было уже совсем светло, когда растащили скирду. Мужчины заняли свои места, женщины влезли наверх, и работа закипела. Фермер Гроби — или, как называли его «он» — явился заблаговременно, и по его приказанию Тэсс встала на площадку машины, рядом с батраком, бросавшим пшеницу в молотилку.

ку; в ее обязанности входило развязывать снопы, которые передавала ей со скирды Изз Хюэт. Затем батрак брал у нее сноп и бросал колосья на вращающийся барабан, который в одну секунду их обмолачивал.

После одной-двух замнок, порадовавших сердца тех, кто ненавидел машины, работа пошла на лад и продолжалась без перерыва до завтрака. На полчаса молотилку приостановили, а когда снова пустили в ход, к работе были привлечены все батраки,— они возводили скирду соломы, выраставшую рядом со скирдой пшеницы. Полдничали на скорую руку, там где работали, а часа через два настало обеденное время. Неумолимые колеса продолжали вращаться, а назойливый гул молотилки словно пронизывал насбвзвь всех, кто находился неподалеку от вращающейся проволочной клетки.

Старикн, воздвигавшие соломенную скирду, толковали о тех временах, когда хлеб молотили цепанаи на дубовом полу гумна, когда применялся только ручной труд, даже при просенвании зерна, когда работа шла медленнее, но результаты, по их мнению, были лучше. Те, что стояли на скирде пшеницы, также могли немного поболтать, но работники, в том числе и Тэсс, которые, обливаясь потом, обслуживали молотилку, не успевали обмениваться словами, чтобы облегчить свой труд. Эта непрерывная работа жестоко измучила Тэсс, и она подумала, что никогда больше не придет на ферму Флинтком-Эш. Женщины, стоявшие на скирде пшеницы,— и особенно Мэрнэн,— могли оторваться от работы, чтобы глотнуть из фляжки элю или холодного чаю и переброситься отдельными фразами, вытирая потное лицо или счищая приставшую к платью солому и шелуху. Но для Тэсс не было ни минуты отдыха; пока вращался барабан, не мог прервать работу батрак, бросавший пшеницу, не могла передохнуть и Тэсс, подававшая ему развязанные снопы, если только ее не сменяла Мэрнэн, которая по временам уступала ей свое место на полчаса, хотя Гроби и ворчал, что она работает слишком медленно.

Из соображений, быть может, экономических всегда выбиралн для этой работы женщину, а Гроби назначил Тэсс, мотивируя свой выбор тем, что была она не только сильной и выносливой, но и снопы развязывала быстрее, чем другие. Пожалуй, это было верно. Гул молотилки, мешавший разговорам, переходил в рев, когда иссякало в ней зерно. Так как Тэсс и работник ни на секунду не могли отвернуться от машины, то Тэсс понятия не имела о том, что незадолго до обеда пришел какой-то человек и остановился возле второй скирды, следя за батраками, в особенности за Тэсс. Он был одет в модный суконный костюм и вертел в руках изящную трость.

— Кто это? — спросила Изз Хьюэт у Мэриэн. Сначала она задала этот вопрос Тэсс, но та не расслышала.

— Должно быть, чей-нибудь дружок, — кратко ответила Мэриэн.

— Стаэлю гинею, что он бегаёт за Тэсс.

— Нет, за ней последнее время волочился методистский пастор, а не этот франт.

— Да это он самый и есть.

— Проповедник? Ничуть не похож.

— Он снял черный стюртук и белый галстук, сбрил бакенбарды, но все-таки это он.

— Ты уверена? Ну, так я ей скажу, — заявила Мэриэн.

— Не надо. Она скоро его заметит.

— По-моему, не очень-то это хорошо — и проповедовать и волочиться за замужней женщиной, даже если ее муж уехал за океан и оставил ее вроде как бы вдовой.

— Ну, он ей ничего дурного не сделает, — сухо отозвалась Изз. — Ее так же трудно сдвинуть с места, как телегу, увязшую в грязи, — она только о муже своем и думает. Ни ухаживание, ни проповеди, ни даже грома небесные не смогут расшевелить женщину, именно когда ей больше всего нужно, чтобы ее расшевелили.

Настал обеденный час, и молотилку остановили. Тэсс покинула свой пост; от тряски машины поги ее так дрожали, что она едва могла идти.

— Тебе следовало бы, по моему примеру, хлебнуть из бутылки, — сказала Мэриэн. — Тогда бы ты так не побледнела. Ей-богу, можно подумать, что из тебя душу вытрясли!

Добродушная Мэриэн решила, что при виде гостя у измученной Тэсс пропадет аппетит, и хотела увести ее к лестнице, чтобы спуститься на другую сторону скирды, но в это время джентльмен выступил вперед и поднял голову.

Тэсс тихонько вскрикнула: «Ох!» — и быстро сказала:

— Я пообедаю здесь, на верхушке скирды.

Нередко случалось им работать далеко от дома и обедать на поле, но сегодня дул резкий ветер, поэтому Мэриэн и другие батрачки спустились по лестнице со скирды и расположились возле стога соломы.

Действительно, этот джентльмен был Алек д'Эрбервилль, еще недавно странствующий проповедник, но теперь и костюм его и внешний вид резко изменились. Ясно было, что к нему вернулась жажда «мирских наслаждений» и — поскольку это возможно для человека, постаревшего на три-четыре года, — снова обрел вид того легкомысленного и необузданного субъекта, ка-

ким был в ту пору, когда Тэсс впервые увидела своего поклонника и так называемого кузена. Решив остаться на верхушке скирды, Тэсс уселась среди снопов, так что ее было не видно снизу, и принялась за обед. Вскоре она услышала, как кто-то взбирается по лестнице, и через секунду Алек влез на скирду, верхушка которой превратилась теперь в продолговатую и ровную площадку из снопов. Шагая по ним, он подошел к Тэсс и молча уселся против нее.

Тэсс не прервала своего скромного обеда, она ела толстую лепешку, принесенную из дому. Между тем остальные работники удобно расположились на разбросанной соломе внизу возле стога.

— Как видите, я опять здесь,— сказал д'Эрбервилль.

— Зачем вы меня мучаете! — воскликнула она, и казалось, все ее существо дышало укоризной.

— Я мучаю вас? Мне кажется, я могу спросить, зачем *вы* меня мучаете?

— Но я вас не мучаю!

— Да? Ошибаетесь! Вы меня преследуете. Сейчас вы посмотрели на меня с горьким упреком, и снова я увидел ваши глаза,— они передо мной и днем и ночью! Тэсс, с тех пор как вы рассказали мне о нашем ребенке, все мои чувства, стремившиеся к небу, внезапно устремились к вам, словно шлюзы открылись и поток ринулся в новое русло. Евангельское русло отныне высохло; и это сделали вы, вы!

Она молча смотрела на него.

— Как, неужели вы совсем отказались от проповедования? — спросила она.

Современным неверием она заразилась от Энджела и научилась презирать вспышки религиозного энтузиазма, но сейчас поженски испугалась.

С деланной суровостью д'Эрбервилль ответил:

— Окончательно. Я нарушил все обязательства в тот день, когда должен был говорить проповедь этим пьяницам на кэстербриджской ярмарке. Черт его знает, что думают теперь обо мне братья! Ха-ха! Братья! Несомненно, они обо мне молятся, плачут. По-своему, они не плохие люди: но мне-то что? Мог ли я по-прежнему делать то, во что перестал верить! Это было бы самым гнусным лицемерием! Среди них я бы играл роль Гименей или Александра, которых препроводили к сатане, чтобы они научились не кощунствовать. О, как вы мне отомстили! Я встретил вас, невинную, — и обольстил. Через четыре года вы встречаете меня, ревностного христианина, — и вы на меня влияете, быть может ведете меня к гибели. Нет, Тэсс, моя кузиночка, как я вас называл в былые времена, ведь это только болтовня,

и незачем вам делать такое озабоченное лицо. Конечно, вы не виноваты в том, что сохранили хорошенькое личико и красивую фигуру. Я вас увидел на верхушке этой скирды, когда вы меня еще не заметили... Этот узкий фартук обрисовывает вашу фигуру, а чепчик... вам, девушкам-работницам, во избежание беды лучше не носить таких чепчиков.

Несколько секунд он молчал и смотрел на нее, потом с циничным смешком добавил:

— Думаю, если бы холостяк-апостол, чьим представителем я себя мнил, увидел такое хорошенькое личико — позабыл бы он, как и я, о своем долге!

Тэсс хотела было возражать, но эти последние слова лишили ее дара речи, и д'Эрбервилль продолжал как ни в чем не бывало:

— Ну, в конце концов рай, который можете дать вы, не хуже, чем всякий другой. Но поговорим серьезно, Тэсс.

Он встал, подошел ближе и прилег на снопы, опираясь на локоть.

— С тех пор, как мы виделись в последний раз, я обдумал то, что вы мне передавали с его слов. Я пришел к тому заключению, что этим старым, изношенным заповедям не хватает здравого смысла. Ума не приложу, как мог я заразиться энтузиазмом бедного пастора Клэра и с таким пылом заняться делом, что даже его самого превзошел! Ну, а то, что вы мне говорили в последний раз, со слов вашего удивительного супруга, чье имя до сих пор мне неизвестно, — о какой-то там этической системе, не опирающейся на догму, — все это не моего ума дело.

— Но ведь вы можете исповедовать религию любви, доброты и целомудрия, хотя бы вы и не верили в то, что называют догматами.

— О нет! Я не таковский парень! Раз нет никого, кто бы мне сказал: «Если ты поступаешь вот так, то тебе будет хорошо после смерти, а если вот этак — будет скверно», я не могу воспламениться. Черт возьми! Я не намерен нести ответственность за свои поступки и страсти, раз нет никого, перед кем бы я должен был отвечать! Да и на вашем месте, моя дорогая, я бы рассуждал точно так же.

Тэсс пыталась возражать, сказать, что в его тупом мозгу теология сливается с моралью, тогда как на заре человечества эти два понятия ничего общего между собой не имели, но Энджел Клэр был скрытен, а она была слишком необразованная и жила скорее эмоциями, чем рассудком, и поэтому она ничего не могла доказать.

— Стоит ли об этом говорить? — сказал он. — Я снова здесь, моя любимая, как и в былые времена!

— Нет, не так, как тогда! Теперь иначе! — взмолилась она. — И никогда я вас не любила. Ох, уж лучше бы у вас осталась ваша вера, вы бы так не говорили со мной!

— Вы меня лишили веры, и да падет вина на вашу милую головку! Ваш муж не подозревал, что его слова обратятся против него самого! Ха-ха! Я ужасно рад, что вы сделали меня вероотступником! Тэсс, я в вас влюблен больше, чем когда бы то ни было, и вдобавок мне вас жаль. Хотя вы и молчите, а все-таки я вижу, что живется вам плохо, — вами пренебрегает тот, кто должен о вас заботиться.

Кусок не шел ей в горло, губы пересохли, она задыхалась. Глухо доносились голоса и смех обедавших внизу на соломе, словно они находились за четверть мили отсюда.

— Вы жестоки ко мне, — сказала она. — Разве могли бы вы говорить так со мной, если бы хоть немного меня любили?

— Правда, правда, — отозвался он, нахмурившись. — Я пришел не для того, чтобы упрекать вас за мое падение. Тэсс, я не хочу, чтобы вы так много работали, я для вас пришел сюда. Вы говорите, что вы замужем, и не я — ваш муж. Быть может, вы сказали мне правду, но я его никогда не видел, его имя вы скрыли, и вообще он похож на какое-то мифическое существо. Но даже если у вас есть муж, мне кажется — я вам ближе, чем он. Все-таки я пытаюсь помочь вам в беде, чего не делает он, да благословит небо этого невидимку! Мне напоминаются слова сурового пророка Осии, которого я, бывало, читал! Знаете вы их, Тэсс? «Погонитесь за любовником своим, но не догонит его, и будет искать его, но не найдет и скажет: пойду я и возвращусь к первому мужу моему, ибо тогда лучше было мне, нежели теперь». Тэсс, моя двуколка ждет у подножия холма, а остальное вам известно, любимая моя... не его!

Она густо покраснела, пока он говорил, но не ответила ни слова.

— Вы были причиной моего отступничества, — продолжал он, протягивая руку, чтобы обнять ее за талию, — поэтому вы должны разделить мою судьбу и навсегда оставить этого осла, которого называете своим мужем!

У нее на коленях лежала одна из кожаных перчаток, которую она сняла, когда принялась за обед; не говоря ни слова, она схватила ее и, размахнувшись, ударила его по лицу. Перчатка была толстая и тяжелая, как рукавица воина, а удар пришелся по губам. Ее закованные в латы предки не раз наносили такие удары, и при наличии пылкой фантазии можно было увидеть в поступке Тэсс возврат к прошлому. Алек, лежавший на спинах, вскочил. Алая капля выступила на губах, а через секунду кровь закапала на солому. Но он быстро овладел со-

бой, спокойно вынул носовой платок из кармана и вытер окровавленные губы.

Она тоже вскочила, но тотчас же опустилась снова на снопы.

— Ну, накажите меня!— сказала она, глядя на него испуганно и вызывающе, словно воробей, которому вот-вот свернут шею.— Ударьте меня, прибейте! Можете не бояться этих людей там, у стога! Кричать я не буду. Однажды жертва --- на всю жизнь жертва!.. Таков закон!

— О нет, Тэсс,— мягко сказал он.— Я могу оказать вам снисхождение. Однако вы ко мне очень несправедливы, забывая, что я женился бы на вас, если бы вы не лишили меня этой возможности. Разве я не просил вас быть моей женой? Ответьте.

— Просили.

— А вы не могли согласиться. Но запомните одно!

Голос его стал жестче; гнев овладел им, когда он вспомнил, как искренне просил ее быть его женой и как отблагодарила она его сейчас. Он подошел к ней и схватил ее за плечи так, что она покачнулась.

— Помни, когда-то я был твоим господином. И снова им буду. Чьей бы женой ты ни была, ты моя!

Снизу донесся шум — молотильщики поднимались с земли.

— Не будем ссориться,— сказал он, отпуская ее.— Сейчас я вас оставлю, а за ответом приду позднее. Вы меня еще не знаете. Но я-то вас знаю!

Она молчала и сидела, словно оглушенная. Д'Эрбервилль зашагал по снопам и спустился по лестнице, а работники внизу вставали и потягивались, отяжелев от пива. Снова пустили в ход молотилку, снова зашуршала солома, а Тэсс, двигаясь, словно лунатик, вернулась на свое место возле гудящего барабана и пачала развязывать один сноп за другим.

XLVIII

После обеда фермер объявил, что скирду нужно обмолотить сегодня, хотя бы пришлось работать при луне, так как механик со своей машиной отправляется завтра на другую ферму. Стук, гул, шелест возобновились и почти ни на секунду не затихали.

Было около трех часов, когда Тэсс улучила минутку, чтобы поднять глаза и осмотреться по сторонам. Она почти не удивилась, увидав, что Алек д'Эрбервилль вернулся и стоит у ворот около изгороди. Поймав ее взгляд, он вежливо махнул ей рукой и послал воздушный поцелуй. Этим он давал знать, что ссо-

ра забыта. Тэсс снова опустила глаза и после этого упорно старалась не смотреть в ту сторону.

Медленно тянулся день. Скирда пшеницы оседала, а скирда соломы росла; увозили мешки с зерном. К шести часам вечера пшеничная скирда была высотой всего лишь по плечи. Но казалось, не счесть было оставшихся снопов, хотя ненасытная молотилка поглотила бесчисленное количество их; и все снопы прошли через руки батрака и Тэсс, кормивших чудовище. А гигантская скирда соломы, выросшая там, где ничего не было утром, являлась как бы испражнениями этого гудящего красного обжоры. К концу пасмурного дня сердитое солнце проглянуло на западе — лучшего заката не мог подарить неистовый март — и медным светом залило усталые, потные лица молотильщиков и развевающуюся одежду женщин, которая льнула к ним, словно языки тусклого пламени.

Все задыхались от усталости. Выбился из сил батрак, кормивший молотилку; Тэсс видела, что к красной его шее пристали грязь и шелуха. Она все еще стояла на своем посту; разгоряченное, потное лицо было покрыто пшеничной пылью, от которой потемнел ее белый чепчик. Она была единственной женщиной, стоявшей на площадке сотрясавшейся молотилки; по мере того как понижалась скирда, все дальше отодвигались от нее Мэрриэн и Изз и теперь уже не могли поменяться с ней местами. Вместе с машиной сотрясались все мускулы ее тела, и постепенно Тэсс впала в оцепенение, руки ее работали независимо от нее самой. Вряд ли сознавала она, где находится, не слышала, как Изз Хьюэт крикнула ей снизу, что у нее распустилась коса.

Даже самые сильные начинали изнемогать; лица были землистого цвета, глаза запали. Поднимая голову, Тэсс видела все тот же гигантский стог соломы, а на нем сбросивших рубашки батраков, которые вырисовывались на фоне серого северного неба; словно лестница Иакова, возвышался длинный красный элеватор, по которому непрерывным потоком поднималась солома, — желтая река, стремящаяся вверх и разливающаяся по верхушке скирды.

Тэсс знала, что Алек д'Эрбервилль остался на поле и следит за ней, но где он стоит, она не могла сказать. Сейчас его присутствие можно было объяснить: когда оставался последний слой снопов, начиналась всегда охота за крысами, и в этой забаве принимали участие люди, никакого отношения не имеющие к молотье, — всевозможные любители подобных развлечений, джентльмены с терьерами и рожками, простые парни с палками и камнями.

Нужно было работать еще около часу, чтобы добраться до крыс, приютившихся под стогом. Когда вечерняя заря угасла над холмом Джайнте Хилл близ Эбботс-Сергела, белолитая луна поднялась над горизонтом с той стороны, где находилось Мидлтонское аббатство и Шотсфорд. В течение последних двух часов Мэриэн беспокоилась о Тэсс, в которой не могла подойти поближе, чтобы та ее услышала. Другие женщины подкреплялись элем, но Тэсс ничего не пила, так как еще в детстве узнала, к чему это приводит. Однако она держалась на ногах: если бы силы ей изменили, ее прогнали бы с фермы; месяц или два назад она бы отнеслась к этому равнодушно, быть может даже обрадовалась, но с тех пор, как д'Эрбервилль вертелся около нее, мысль о потере места приводила ее в ужас.

Работники, разбивавшие скирду и бросавшие снопы в молотилку, свободно могли разговаривать с теми, кто стоял на земле. К великому удивлению Тэсс, фермер Гроби влез на площадку машины и сказал ей, что если она хочет пойти к своему другу, то он возражать не станет, а на ее место пошлет кого-нибудь другого. Она поняла, что «другом» был д'Эрбервилль, а фермер оказывает ей снисхождение, исполняя просьбу этого друга — или врага. Не прерывая работы, она покачала головой.

В конце концов добралась и до крыс, и охота началась. Зверьки залезали все глубже в пшеницу, по мере того как бежала скирда, и, наконец, очутились на земле. Когда исчез последний слой снопов и крысы бросились врассыпную, громкий вопль полупьяной Мэриэн возвестил ее товаркам, что одна из крыс напала на ее особу. Остальные женщины заранее приняли меры и подоткнули юбки или заняли места повыше. Крысу, наконец, прогнали. Слышался лай собак, крики мужчины, ругань, топот; и в этой суматохе, как во время вавилонского столпотворения, Тэсс развязала последний сноп. Остановили молотилку, гул стих, и Тэсс спустилась с площадки на землю.

Ее поклонник, не принимавший участия в охоте на крыс, тотчас же очутился подле нее.

— Как... вы все-таки здесь... после моей пощечины? — прошептала она; усталая, она не могла говорить громко.

— Я был бы дураком, если бы обижался на вас, как бы вы со мной ни обращались, — сказал он вкрадчиво, как говаривал, бывало, в Трэнтридже. — Как дрожат маленькие ножки! Вы сейчас слабая, как больной теленок, и сами это знаете. А ведь вы могли бы не работать, с тех пор как я пришел. Зачем было упрямиться? Я сказал фермеру, что он не имеет права ставить на такую работу женщин. Не женское это дело, и он прекрасно знает, что на всех хороших фермах отказались от этого обычая. Я провожу вас домой.

— Хорошо,— отозвалась она, едва передвигая ноги,— проводите меня, если хотите. Я буду помнить, что вы хотели жениться на мне, когда еще не знали о моем замужестве. Быть может... быть может, вы лучше и добрее, чем я думала. За доброту вашу я вам благодарна, но за другое сержусь на вас. Иногда я не могу понять, что у вас на уме.

— Если я не имею права узаконить прежние наши отношения, то во всяком случае могу вам помочь. И помогать буду, стараясь по мере сил щадить ваши чувства, чего не делал раньше. С моей религиозной манерой, или как это там называется,— покончено. Но кое-что хорошее во мне есть. Надеюсь, что есть. Послушайте, Тэсс, заклинаю вас всем, что есть хорошего в отношениях между женщиной и женщиной, доверьтесь мне! Денег у меня достаточно, больше чем достаточно, чтобы избавить от нужды и вас, и ваших родителей, и сестер. Я их обеспечу, если только вы отнесетесь ко мне с доверием.

— Вы недавно их видели? — быстро спросила она.

— Да. Они не знали, где вы. Только случай помог мне отыскать вас здесь.

Сквозь прутья садовой ограды косо посматривала холодная луна на измученное лицо Тэсс, остановившейся перед домиком, где она жила. Д'Эрбервилль стоял подле нее.

— Не говорите о моих маленьких братьях и сестрах. Я теряю последние силы, когда вы говорите о них,— сказала она.— Если вы хотите им помочь,— а богу известно, как они в этом нуждаются,— помогайте, но только не говорите мне... Нет, нет! — воскликнула она.— Я ничего от вас не приму — ни для них, ни для себя!

Он не вошел в дом, так как она жила вместе с хозяевами и всегда была на людях. После того как она помылась в лохани и поужинала с хозяевами, она глубоко задумалась, потом пересела к столу, стоявшему у стены, и при свете маленькой лампы начала писать страстное письмо:

«Мой дорогой муж, позволь мне называть тебя так. Я не могу иначе, даже если ты сердиться, думая о такой недостойной жене, как я. Я не могу не сказать тебе о моей горе,— кроме тебя, никого у меня нет! Меня так жестоко искушают, Энджел. Я не смею сказать, кто он, и не хочу об этом писать. Но ты представить себе не можешь, как я нуждаюсь в тебе! Не можешь ли ты приехать ко мне сейчас, немедленно, пока ничего ужасного не случилось? О, я знаю, что не можешь, ты так далеко! Право, я умру, если ты не приедешь ко мне очень скоро или не позовешь меня к себе. Я заслужила наказание, которое ты наложил на меня,— знаю, что заслужила, и ты имеешь пол-

ное право на меня сердиться, ты справедлив ко мне. Но, Энджел, прошу тебя, не будь таким справедливым, будь чуточку добрее ко мне, даже если я этого не заслуживаю,— и приезжай! Если бы ты приехал, я могла бы умереть в твоих объятиях. И рада была бы умереть — зная, что ты меня простишь!

Энджел, я живу только для тебя. Я слишком тебя люблю, чтобы упрекать за то, что ты уехал, и знаю, что ты должен был найти ферму. Не думай, что услышишь от меня хоть одно злое или горькое слово. Только вернись ко мне. Без тебя я тоскую, мой любимый. Ох, как тоскую! Это ничего, что я должна работать. Но если бы ты написал мне только одну маленькую строчку: «скоро приеду»,— о, как хорошо жилось бы мне, Энджел!

С тех пор, как мы поженились, быть верной тебе в словах и помыслах стало моей религией, и если кто-нибудь скажет мне вдруг любезность, мне кажется, что это обида тебе. Неужели ты больше ничего не чувствуешь ко мне и кончилось все, что было на мызе? А если нет, то как же ты можешь жить вдали от меня? Я все та же женщина, Энджел, которую ты полюбил. И совсем не та, которая тебе так не нравилась, но которой ты никогда не видел. Чем стало для меня прошлое, как только я тебя встретила? Оно умерло. Я сделалась другой женщиной, и ты наполнил меня до краев новой жизнью. Могу ли я быть теперь той, прежней? Как ты этого не понимаешь? Милый, если бы ты был чуточку более тщеславен и уверен в себе, ты бы понял, что у тебя хватило сил изменить меня всю целиком, и тогда, пожалуй, ты мог бы приехать ко мне — твоей бедной жене.

Как глупа я была, когда, счастливая, думала, что могу верить в твою вечную любовь ко мне! Следовало бы мне знать, что такая любовь не для меня, несчастной! Но меня терзает не только прошлое, но и настоящее. Подумай, подумай, как ноет у меня сердце при мысли, что я никогда тебя не увижу... никогда! Ах, если бы твое сердце ныло каждый день хоть одну минутку так, как ноет мое день за днем, ты бы пожалел меня, бедную, одинокую.

Энджел, говорят, что я все еще хорошенькая (меня называют красавицей, уж если говорить правду). Быть может, это верно. Но мне-то не нужна моя красота. Я радуюсь ей только потому, что она принадлежит тебе, мой дорогой, и, может быть, кроме нее, нет у меня ничего, достойного тебя. И вот поэтому-то, когда ко мне пристают, я обвязываю лицо платком и стараюсь подольше не снимать повязки. О Энджел, все это я говорю тебе не из тщеславия,— ты ведь знаешь, что я не тщеславна,— а только для того, чтобы ты ко мне приехал!

— Хорошо,— отозвалась она, едва передвигая ноги,— проводите меня, если хотите. Я буду помнить, что вы хотели жениться на мне, когда еще не знали о моем замужестве. Быть может... быть может, вы лучше и добрее, чем я думала. За доброту вашу я вам благодарна, но за другое серджусь на вас. Иногда я не могу понять, что у вас на уме.

— Если я не имею права узаконить прежние наши отношения, то во всяком случае могу вам помочь. И помогать буду, стараясь по мере сил щадить ваши чувства, чего не делал раньше. С моей религиозной манерой, или как это там называется,— покончено. Но кое-что хорошее во мне есть. Надеюсь, что есть. Послушайте, Тэсс, заклинаю вас всем, что есть хорошего в отношениях между женщиной и женщиной, доверьтесь мне! Денег у меня достаточно, больше чем достаточно, чтобы избавить от нужды и вас, и ваших родителей, и сестер. Я их обеспечу, если только вы отнесетесь ко мне с доверием.

— Вы недавно их видели? — быстро спросила она.

— Да. Они не знали, где вы. Только случай помог мне отыскать вас здесь.

Сквозь прутья садовой ограды косо посматривала холодная луна на измученное лицо Тэсс, остановившейся перед домиком, где она жила. Д'Эрбервилль стоял подле нее.

— Не говорите о моих маленьких братьях и сестрах. Я теряю последние силы, когда вы говорите о них,— сказала она.— Если вы хотите им помочь,— а богу известно, как они в этом нуждаются,— помогайте, но только не говорите мне... Нет, нет! — воскликнула она.— Я ничего от вас не приму — ни для них, ни для себя!

Он не вошел в дом, так как она жила вместе с хозяевами и всегда была на людях. После того как она помылась в лохани и поужинала с хозяевами, она глубоко задумалась, потом пересела к столу, стоявшему у стены, и при свете маленькой лампы начала писать страшное письмо:

«Мой дорогой муж, позволь мне называть тебя так. Я не могу иначе, даже если ты сердишься, думая о такой недостойной жене, как я. Я не могу не сказать тебе о моей горе,— кроме тебя, никого у меня нет! Меня так жестоко искушают, Энджел. Я не смею сказать, кто он, и не хочу об этом писать. Но ты представишь себе не можешь, как я нуждаюсь в тебе! Не можешь ли ты приехать ко мне сейчас, немедленно, пока ничего ужасного не случилось? О, я знаю, что не можешь, ты так далеко! Право, я умру, если ты не приедешь ко мне очень скоро или не позовешь меня к себе. Я заслужила наказание, которое ты наложил на меня,— знаю, что заслужила, и ты имеешь пол-

ное право на меня сердиться, ты справедлив ко мне. Но, Энджел, прошу тебя, не будь таким справедливым, будь чуточку добрее ко мне, даже если я этого не заслуживаю,— и приезжай! Если бы ты приехал, я могла бы умереть в твоих объятиях. И рада была бы умереть — зная, что ты меня простишь!

Энджел, я живу только для тебя. Я слишком тебя люблю, чтобы упрекать за то, что ты уехал, и знаю, что ты должен был найти ферму. Не думай, что услышишь от меня хоть одно злое или горькое слово. Только вернись ко мне. Без тебя я тоскую, мой любимый. Ох, как тоскую! Это ничего, что я должна работать. Но если бы ты написал мне только одну маленькую строчку: «скоро приеду»,— о, как хорошо жилось бы мне, Энджел!

С тех пор, как мы поженились, быть верной тебе в словах и помыслах стало моей религией, и если кто-нибудь скажет мне вдруг любезность, мне кажется, что это обида тебе. Неужели ты больше ничего не чувствуешь ко мне и кончилось все, что было на мызе? А если нет, то как же ты можешь жить вдали от меня? Я все та же женщина, Энджел, которую ты любил. И совсем не та, которая тебе так не нравилась, но которой ты никогда не видел. Чем стало для меня прошлое, как только я тебя встретила? Оно умерло. Я сделалась другой женщиной, и ты наполнил меня до краев новой жизнью. Могу ли я быть теперь той, прежней? Как ты этого не понимаешь? Милый, если бы ты был чуточку более тщеславен и уверен в себе, ты бы понял, что у тебя хватило сил изменить меня всю целиком, и тогда, пожалуй, ты мог бы приехать ко мне — твоей бедной жене.

Как глупа я была, когда, счастливая, думала, что могу верить в твою вечную любовь ко мне! Следовало бы мне знать, что такая любовь не для меня, несчастной! Но меня терзает не только прошлое, но и настоящее. Подумай, подумай, как ноет у меня сердце при мысли, что я никогда тебя не увижу... никогда! Ах, если бы твое сердце ныло каждый день хоть одну минутку так, как ноет мое день за днем, ты бы пожалел меня, бедную, одинокую.

Энджел, говорят, что я все еще хорошенькая (меня называют красавицей, уж если говорить правду). Быть может, это верно. Но мне-то не нужна моя красота. Я радуюсь ей только потому, что она принадлежит тебе, мой дорогой, и, может быть, кроме нее, нет у меня ничего, достойного тебя. И вот поэтому-то, когда ко мне пристают, я обвязываю лицо платком и стараюсь подольше не снимать повязки. О Энджел, все это я говорю тебе не из тщеславия,— ты ведь знаешь, что я не тщеславна,— а только для того, чтобы ты ко мне приехал!

Если ты действительно не можешь ко мне приехать, то позволь мне приехать к тебе. Говорю тебе — я измучена, жена заставляет делать то, чего я не хочу делать. Быть того не может, чтобы я хотя бы чуть-чуть уступила, но мне страшно при мысли о том, до чего может довести случай, а первая моя вина делает меня такой беззащитной. Больше не могу говорить об этом, — очень уж тяжело. Но если я не успею и попаду в какую-нибудь страшную ловушку, теперь мне будет хуже, чем было в первый раз. О боже, я и подумать об этом не могу! Позови меня к себе немедленно или сам приезжай ко мне!

Я была бы довольна — нет, счастлива! — быть твоей служанкой, раз я не могу быть твоей женой; только бы мне жить около тебя, видеть тебя хоть мельком, думать, что ты мой.

Солнечный свет меня не радует, раз тебя здесь нет, и не хочется смотреть на грачей и скворцов в поле, потому что вместе мы на них смотрели, а теперь я тоскую без тебя. Об одном только я мечтаю, одного только хочу на небе, на земле или под землею — увидеться с тобой, мой любимый! Приезжай, приезжай и спаси меня от того, что мне угрожает!

Твоя верная и несчастная

Тэсс.

-XLIX-

Послание было своевременно доставлено к завтраку в тихий прасторат, расположенный к западу, в той долине, где воздух такой мягкий, а земля такая тучная, что возделывание полей не требует тяжких усилий, как в Флинтком-Эше, и где даже люди, по мнению Тэсс, принадлежат к какой-то иной породе (но в действительности они везде одинаковы). Заботясь о том, чтобы письма не пропали, Энджел посоветовал Тэсс писать на имя отца, которого не забывал уведомлять о перемене своего адреса в той стране, куда с тяжелым сердцем отправился на разведку.

— Ну вот, — сказал старый м-р Клэр жене, прочтя адрес на конверте, — если Энджел намеревается, как он нам писал, появиться в конце будущего месяца Рно и ехать домой, то теперь си, пожалуй, поспешишь приехать; мне кажется, это письмо от его жены.

Он вздохнул глубоко, и письмо было тотчас отправлено Энджелу.

— Милый мой мальчик! Надеюсь он благополучно вернется домой, — прошептала м-с Клэр. — До конца жизни не забыть мне, что мы были к нему несправедливы. Ты бы должен был послать его в Кембридж, несмотря на его неверие, и дать ему

такое же образование, какое получили старшие братья. При благотворном влиянии он изменил бы свои взгляды и, быть может, в конце концов принял духовный сан. И во всяком случае это было бы справедливее по отношению к нему.

Миссис Клэр не позволяла себе нарушать покой мужа, когда дело касалось его сыновей, и это была единственная ее жалоба. Да и этот упрек повторяла она не часто, так как была женщиной не только благочестивой, но и деликатной. Она знала, что и его тревожат сомнения, справедливо ли он поступил в данном случае. Частенько слышала она, как в часы бессонницы, он, сдерживая вздохи, молился об Энджеле. Впрочем, непреклонный евангелист и теперь считал, что не вправе был дать своему неверующему сыну то же академическое образование, какое получили его братья. Казалось вполне возможным и даже весьма вероятным, что Энджел использовал бы свои познания для опровержения тех самых доктрин, которые отец его пропагандировал, видя в этом цель своей жизни; примеру отца следовали и старшие сыновья. Возводить одной рукой пьедестал для двух верующих, а другой — для неверующего казалось ему поступком, не отвечающим его убеждениям, положению и надеждам. Тем не менее он любил своего сына, столь неудачно названного Энджел¹, и втайне сокрушался по поводу своего решения в отношении сына, подобно тому как сокрушался Авраам, поднимаясь с обреченным Исааком на гору. И немая его скорбь была мучительнее тех упреков, какие приходилось ему слышать от жены.

Они считали себя виновниками этого неудачного брака. Если бы Энджелу не суждено было стать фермером, он не общался бы с деревенскими девушками. Они не знали, что именно привело к разрыву его с женой, не знали, когда произошел этот разрыв. Сначала они предполагали, что он вызван какой-то непреодолимой неприязнью. Но в последних письмах Энджел вскользь упоминал о том, что собирается приехать за ней и увезти с собой; теперь они начали надеяться, что разрыв между ними вызван обстоятельствами, которые в конце концов можно устранить. Он им сказал, что она живет со своими родными, и, теряясь в догадках, они решили не вмешиваться в их отношения, которых не могли изменить к лучшему.

Тот, кому адресовано было письмо Тэсс, созерцал в это время бесконечные равнины, путешествуя верхом на муле, который вез его из центральных областей Южной Америки к побережью. В этой чужой стране Энджелу не повезло. Все еще не мог он оправиться после тяжелой болезни, которую перенес

¹ Ангел (с.ел.).

вскоре по приезде, и почти готов был отказаться от мысли приобрести здесь ферму, но скрывал это от своих родителей, пока еще у него оставалась надежда здесь обосноваться.

Толпы земледельцев, ослепленных надеждой на легкую и свободную жизнь и эмигрировавших вместе с ним в эту страну, страдали и вымирали. Видел он матерей с английских ферм, — они брели пешком, неся на руках детей, больных лихорадкой и умирающих; мать голыми руками рыла в рыхлой земле могилу ребенку, проливая слезы и, засыпав руками яму, влезала дальше.

Первоначально Энджел не думал эмигрировать в Бразилию, он хотел приобрести ферму на родине, в одном из северных или восточных графств. Сюда он приехал в припадке отчаяния; и случилось так, что тяга в Бразилию, захватившая английских земледельцев, совпала с тем моментом, когда им овладело желание бежать от прошлой своей жизни.

За время своего отсутствия он стал старше лет на десять. Теперь он ценил не столько красоту, сколько пафос жизни. Давным-давно отвергнув старые мистические системы, он пересмотрел и старый кодекс морали, считая, что он нуждается в изменениях. Кого можно назвать нравственным человеком? И вопрос еще более существенный: что значит быть нравственной женщиной? Красота или уродство природы вскрываются не только в уже совершенном, но и в стремлениях и импульсах; подлинная история человека определяется не тем, что он совершил, но тем, что хотел совершить.

А если так, то что же представляла собой Тэсс?

Теперь он видел ее в ином свете и начал сожалеть о том, что поторопился вынести приговор. Навеки он от нее отвернулся или нет? Больше не мог он сказать, что всегда будет ее отталкивать, а раз он не мог это сказать, значит он уже принимал ее теперь.

Эта нарастающая нежность к ней совпала с тем периодом, когда она жила в Флинтком-Эше, но еще не смела смутить его покой и написать о своей жизни или своих чувствах. Это приводило его в замешательство; не понимая, почему она не пишет, он не спрашивал о мотивах. Таким образом, смиренное ее молчание было истолковано неправильно. Каким оно было в сущности красноречивым, если бы только он мог понять! Она буквально исполняла приказание, отданное им и забытое; смелая от природы, она тем не менее отказывалась от всех своих прав, признавала его приговор вполне справедливым и молча склоняла голову.

Когда Энджел верхом на муле путешествовал по стране, с ним ехал еще один человек. Этим спутником был англичанин,

прибывший с той же целью, что и Энджел, но родом он был из другой части острова. Оба находились в угнетенном состоянии и беседовали о личных своих делах. Откровенность вызывает на откровенность. Людям, скитающимся в далеких странах, свойственно открывать чуть ли не первому встречному такие стороны своей жизни, о каких они никогда не заикнулись бы в разговоре с друзьями,— и Энджел путешествуя с этим человеком, рассказал ему печальную историю своей женьбы.

Незнакомец побывал во многих странах и много людей не-ревидал на своем веку — гораздо больше, чем видел Энджел. Для его космополитического мышления подобные уклонения от социальных норм, столь серьезные в домашнем быту, не имели никакого значения, как не имеют значения для земного шара неправильные очертания долины и горной цепи. Он взглянул на дело с совершенно иной точки зрения; он считал, что прошлое Тэсс несущественно, важно лишь одно: какой женщиной могла она стать, и Клэру он заявил откровенно, что тот не должен был от нее уезжать.

На следующий день их застигла гроза, и они вымокли под дождем. Спутник Энджела заболел лихорадкой и в конце недели умер. Клэр задержался на несколько часов, чтобы похоронить его, и затем продолжал путь.

Слова, мимоходом брошенные этим человеком с широким кругозором,— лично о нем Клэр решительно ничего не знал и фамилию его услышал впервые,— были как бы освящены его смертью и произвели на Клэра более сильное впечатление, чем всевозможные рассуждения философов об этике. Сравнивая себя с ним, он устыдился своей узости. Собственная его непоследовательность стала очевидной. Всегда он перевозил эллинское язычество, предпочитая его христианству. А у эллинов незаконная связь вовсе не была для женщины позором. Стало быть, его отвращение к недевственности, унаследованное им вместе с мистическим вероучением, вряд ли может быть оправдано, если девушка пала жертвой коварства. Он почувствовал угрызения совести. Припомнились запечатлевшиеся в его памяти слова Изз Хюзт. Он спросил Изз, любит ли она его, и девушка ответила утвердительно. Любит ли она его больше, чем Тэсс? Нет, ответила она; Тэсс готова жизнь отдать за него, а большего она сама не может сделать.

Тэсс вспоминалась ему такой, какой была в день свадьбы. Как пристально смотрела она на него, как прислушивалась к его словам, словно считала его божеством! А в тот страшный вечер у камина, когда перед ним раскрылась невинная ее душа, каким жалким казалось ее лицо, освещенное пламенем:

она не в силах была понять, что он может лишиться ее своей любви и защиты.

Итак, из обвинителя он превращался в ее защитника. Сначала дикие мысли приходили ему в голову; но ни один человек не может быть всю жизнь только диким, и это прогнал эти мысли. Возникли они потому, что он подчинился влиянию общих принципов, пренебрегая особенностями данного случая.

Но все размышления на эту тему далеко не новы; любовники и мужья и раньше через это проходили. Клэр был жесток по отношению к ней, в этом не может быть сомнений. Часто, слишком часто мужчины бывают жестоки к женщинам, которых любят или любили, а женщины — к мужчинам. Но жестокость эта кажется нежностью по сравнению с той всеобщей жестокостью, из которой она вырастает, — жестокостью обстоятельств к человеку, жестокостью средств к цели, жестокостью сегодняшнего дня ко вчерашнему, а завтрашнего дня к сегодняшнему.

Исторический интерес, связанный с родом Тэсс — этим могущественным родом д'Эрбервиллей, к которому он относился с презрением, как к растратившему свои силы, — теперь воздействовал на его чувства. Почему не понимал он раньше разницы между ценностью политической и ценностью, пробуждающей творческую фантазию? С этой точки зрения происхождение Тэсс было фактом огромной значимости; теперь этот род не играл никакой роли в экономической жизни страны, но ее происхождение было весьма важным стимулом для мечтателя и для моралиста, рассуждающего о падении и гибели. Этот факт — это маленькое отличие, сохранившееся в крови и фамилии бедной Тэсс, — будет очень скоро забыт, и будет предана забвению ее наследственная связь с мраморными памятниками и скелетами в Кингсбуре. Безжалостно уничтожает Время свою же собственную романтику! Снова и снова представляя себе лицо Тэсс, он думал теперь, что видит в нем отблеск того величия, каким, должно быть, отмечены были ее знатные предки. И это видение вновь вызвало в его сердце прежнее чувство, сопровождавшееся каким-то болезненным ощущением.

Хотя прошлое ее не было безупречно, но в такой женщине, как Тэсс, было нечто гораздо более драгоценное, нежели свежесть ее товаров. Разве оставшиеся после сбора урожая гроздья в вертограде Ефрема не вкуснее всего винограда Авии?

Так вещала возрождающаяся любовь, расчищая путь для смиренных излияний Тэсс, которые были только что отправлены Клэру его отцом; но из-за дальности расстояния они несколько могли быть услышаны.

Между тем надежды Тэсс на возвращение Энджела в ответ

на ее мольбу то разгорались, то погасали. Гасли они потому, что в обстоятельствах, приведших к разлуке, никаких изменений не произошло — не могло произойти, а если они не отошли в прошлое, когда она была с ним, тем более не могло это случиться в ее отсутствие. Все же она все время думала о том, как бы ему понравиться, если он вернется. Она сожалела, что не постаралась запомнить те мелодии, какие он играл на арфе, не выпытала у него, какие больше любит он баллады, распеваемые деревенскими девушками. Она осторожно расспрашивала об этом Эмби Сидлинга, который приехал вслед за Изз из Тэлботейса, а Эмби случайно запомнил, что из тех песенок, какие распевали они на мызе, чтобы легче было донуть коров, Клэр, казалось, отдавал предпочтение «Садам Купидона», «Есть у меня парк, есть у меня гончие» и «На рассвете», но равнодушно выслушивал «Брюки портного» и «Какой я выросла красоткой», хотя это и прекрасные песенки.

Теперь Тэсс хотела петь эти баллады как можно лучше. Частенько она распевала их, когда оставалась одна, — в особенности «На рассвете»:

Проснись, проснись, проснись,
И милочке своей
Нарви букет цветов —
Тех, что в саду растут.
Все горлинки в саду
Вьют гнезда на ветвях
Весеннюю порой
На утренней заре!

Даже камень и тот был бы растроган, когда пела она эти песни в холодные зимние дни, если случалось ей работать в стороне от других девушек. Слезы струились у нее по щекам; она думала, что, наверное, он все-таки не придет и не услышит ее, и простые глупые слова песни звучали как насмешка, терзая ее измученное сердце.

Погруженная в свою мечту, Тэсс словно не замечала, что время идет, дни становятся длиннее, не за горами и благовещенье, когда окончится срок ее пребывания на ферме.

Но до благовещенья произошло событие, которое направило ее мысли в другую сторону. Однажды вечером она сидела, по обыкновению, в общей комнате вместе с хозяевами, когда кто-то постучал в дверь и спросил, здесь ли Тэсс. На фоне сумеречного неба вырисовывалась в дверях высокая фигура, — ее можно было принять за взрослую женщину, не будь она худенькой и тонкой, как ребенок. В сумерках Тэсс не узнала ее, пока та не назвала ее по имени.

— Неужели это Лиза-Лу? — удивилась Тэсс.

Сестра ее, которую год с небольшим она оставила ребенком, вдруг выросла, как на дрожжах, стала девушкой и вряд ли сама понимала происшедшую с ней перемену. Юбка, когда то длинная, была ей теперь коротка, а тонкие ноги и руки, которые она не знала куда девать, красноречиво свидетельствовали о ее молодости и неопытности.

— Да, Тэсс, я целый день шла пешком, — сказала Лу с невозмутимой серьезностью, — старалась отыскать тебя и очень устала.

— Что случилось дома?

— Матери очень плохо, доктор сказал, что она умирает. Да и отец тоже плох; и он все говорит о том, что не годится человеку из такой знатной семьи работать, не покладая рук, как простому крестьянину. Вот мы и не знаем, что нам делать.

Тэсс так глубоко задумалась, что не сразу догадалась позвать Лизу-Лу в дом. Усадив ее и напоив чаем, она приняла, наконец, решение. Домой нужно было идти во что бы то ни стало. Срок договора еще не истек, но так как до благовещенья, шестого апреля, оставалось мало времени, она решила рискнуть и уйти немедленно.

Отправляясь в путь сегодня вечером, она выигрывала целый день; но сестра ее так устала, что должна была отдохнуть до утра. Тэсс сбегала к Мэриэн и Изз, рассказала о случившемся и попросила замолвить за нее словечко перед фермером. Вернувшись, она дала Лу поужинать, уложила ее в свою постель, потом собрала кое-какие вещи, которые могли поместиться в плетеной корзинке, и отправилась в путь, приказав Лу выйти на следующее утро.

L

Она вышла в холодную, темную ночь, когда пробило десять часов, а ей предстояло пройти пятнадцать миль под стальными звездами. В пустынной местности ночь не страшна путнику, скорее она защищает его от опасности, — и, зная это, Тэсс избрала кратчайший путь: шла она проселочными дорогами, по которым не решилась бы идти днем. Грабителей в этих краях не было, а мысль о больной матери прогнала призрачные страхи. Так шла она мило за милей, то поднимаясь в гору, то спускаясь в долину, пока не добрела к полуночи до Балбэрроу и с вершины посмотрела вниз, на окутанный мраком хаос: там лежала долина, в дальнем конце которой она родилась. Около пяти миль прошла она по горному плато, ей оставалось пройти еще десять — одиннадцать миль по равнине, чтобы добраться

до цели. При бледном свете звезд едва можно было различить извилистую дорогу, а когда Тэсс спустилась по ней в долину, разница между плоскогорьем и низиной была столь ощутима, что воспринималась даже по запаху, а при ходьбе — по мягкости почвы. Это была тучная Блекмурская долина, та часть ее, где не увидишь ни одной дороги с заставами. В таких уголках земли крепко держатся суеверий. Когда-то здесь был лес, и сейчас, в темную пору ночную, он как будто снова возник из небытия, перспектива исчезла, и каждое дерево, каждый куст принимали чудовищные размеры. Олени, за которыми некогда охотились здесь, ведьмы, которых пытали и окунали в воду, усеянные зелеными блестками феи, хохотавшие вслед путнику, — вера в них еще жила и возвращала к жизни всю эту нечисть.

В Нозлбери она прошла мимо деревенской харчевни, и вывеска закрипела, отвечая на звук ее шагов, но никто, кроме нее, не слышал этого скрипа. Мысленно она представляла себе, что под этими соломенными крышами лежат в темноте люди, укутанные одеялами из красных квадратных лоскутов; сухожилия их ослаблены, мускулы дряблы, а сон восстанавливает их силы, чтобы завтра они могли снова приняться за работу, как только появится над Хэмблдон Хиллом розовый туманный отсвет.

В три часа утра Тэсс, миновав последний поворот, вышла из лабиринта проселочных дорог и вступила в Марлот, пройдя по тому лугу, где впервые увидела Энджела Клэра на клубном празднике, когда он с ней не танцевал; воспоминание об этом и по сей день причиняло ей боль. Там, где был дом ее матери, мерцал свет. Освещено было окно спальни, и оно словно подмигивало ей, когда ветер раскачивал ветку дерева перед окном. Как только она разглядела очертания дома, на ее деньги покрытого новой соломенной крышей, в ее воображении сразу возникли старые, хорошо знакомые картины. Он был словно частью ее жизни; покосившиеся слуховые окна, конек крыши, неровные ряды кирпичей, венчавших дымовую трубу, — все это было ей близко. Сейчас — казалось ей — дом пребывает в оцепенении: мать ее больна.

Она потихоньку открыла дверь, чтобы не потревожить спящих; в нижней комнате никого не было, но на площадку лестницы вышла соседка, ухаживавшая за ее матерью, и шепотом сообщила, что м-с Дарбейфилд не лучше, хотя сейчас она спит. Тэсс приготовила себе завтрак и, распрощавшись с соседкой, заняла ее место в комнате матери.

Утром, когда она увидела детей, они показались ей странно вытянувшимися; дома она не была около года, и за это время

они удивительно выросли. Заботам о них она отдалась целиком и на время забыла о своих печалях.

Отец по-прежнему прихварывал и сидел, по обыкновенно, в своем кресле. Но на другой день после ее прихода вдруг развеселился: он придумал план действий, и Тэсс спросила, в чем он заключается.

— Я хочу написать письмо всем антикварам, проживающим в этой части Англии,— объявил он.— Попрошу их собрать по подписке деньги на мое содержание. Уверен, что это дело покажется им и романтическим и изысканным — одним словом, подходящим. Они много денег тратят на содержание в порядке всяких старых развалин, на поиски скелетов и тому подобных штук; а живые останки должны показаться им еще интереснее, как только они обо мне прослышат. Вот если бы кто-нибудь пошел да и рассказал им, что за человек здесь проживает, о котором они знать не знают! Будь священник Трингхэм жив — тот, что меня открыл,— уж он бы наверняка это сделал.

Вслушав этот грандиозный проект, Тэсс не стала возражать — сначала она хотела покончить с неотложными делами, так как положение семьи, по видимому, не улучшилось, несмотря на посланные ею деньги. Когда удалось уладить домашнюю неурядицу, она должна была подумать и о работе вне дома. Подоспело время сеять и сажать, у многих крестьян сады и огороды были уже возделаны; но Дарбейфилды отстали от соседей. К большому своему огорчению, Тэсс открыла причину такого опоздания: картофель, оставленный на семена, был весь съеден.— возмутительная небрежность и непредусмотрительность. Ей удалось раздобыть картофель, а через несколько дней отец ее настолько оправился, что, подчиняясь ее уговорам, мог заняться садом, тогда как она сама начала возделывать участок земли, который арендовали они ярдах в двухстах от деревни.

Ей нравилась эта работа после дней, проведенных в комнате, где теперь не было необходимости дежурить, так как мать выздоравливала. Физический труд рассеивал мысли. Их участок находился на высоком, сухом, огороженном месте, по соседству с другими сорока или пятьюдесятью участками. И когда рабочий день батраков уже кончался, здесь работа была в самом разгаре. Обычно в шесть часов вечера начинали вскапывать землю, и работа затягивалась до ночи, а иногда продолжалась и при лунном свете. На многих участках горели кучи сухой сорной травы и отбросов, и в сухую погоду костры пылали еще ярче.

Как-то в ясный день Тэсс и Лиза-Лу работали в поле вместе с другими крестьянами, а последние лучи заходящего солнца

падали на белые столбики, отделявшие один участок от другого. Как только спустились сумерки, стали загораться на участках костры из пырея и капустных кочерыжек; они то вспыхивали, то скрывались за густым дымом, который подхватывал и уносил ветер. Когда разгорался костер, гряда дыма, стелющаяся по земле, гускло светилась, заслоняя рабочих друг от друга, и становилось понятным выражение «облачный столб» — днем он стоял стеной, а ночью светился.

Вечером кое-кто из мужчин и женщин прервал работу, но большинство осталось, чтобы покончить с посадкой, и среди оставшихся была Тэсс. Сестру она отослала домой и вскапывала один из тех участков, на которых сжигали пырей; четыре блестящих зубца ее мотыги ударялись о камни и твердые комья земли. Иногда ее с ног до головы окутывал дым от костра, а когда дым рассеивался, видна была ее фигура, залитая медным светом. Она была несколько необычно одета сегодня и имела странный вид в этом платье, полинявшем от частой стирки, и в короткой черной жакетке, надетой сверху; в таком наряде она с успехом могла дойти и на свадьбе и на похоронах. Другие женщины, работавшие поодаль, были в белых передниках, и, когда не падал на них отблеск костра, видны были в сумраке только эти передники да бледные лица.

На западе вырисовывались на бледном опаловом небе оголенные, напоминающие проволоку ветки колючего кустарника, служившего здесь изгородью. Вверху сиял Юпитер, словно желтый нарцисс, такой яркий, что, казалось, отбрасывал тень. Загорались другие маленькие незведомые звезды. Вдалеке лаяла собака, колеса стучали по сухой дороге.

Зубцы мотыги по-прежнему ударялись со звоном о камни, так как было еще не поздно. И хотя было прохладно, в воздухе уже веяло весной, и ее дыхание подбадривало работающих. Им всем, как и Тэсс, нравилось быть здесь, на поле, в этот час, когда трещали костры и разыгрывалась фантастическая мистерия света и тени. В морозную зиму ночь приходит как враг, в теплый летний вечер — как возлюбленная, а в этот мартовский день она принесла успокоение.

Никто не обращал внимания на своих соседей. Все смотрели вниз, на вскопанную землю, освещенную кострами. Поэтому Тэсс, которая разбивала земляные комья и напевала свои наивные песенки, почти не надеясь теперь, что Клэр когда-нибудь их услышит, долго не замечала человека, который работал неподалеку от нее, — человека в длинной холщовой блузе, вскапывавшего, как убедилась она, ее участок. Она предположила, что отец прислал его сюда на подмогу, и обратила на него внимание, только когда он подошел ближе к ней. Иногда

дым разделял их; потом ветер отнес его в сторону, и они могли видеть друг друга, оставаясь невидимыми для остальных.

Тэсс не заговаривала со своим помощником, и он не обращался к ней. Она о нем не думала, вспомнила только, что днем среди крестьян Марлота она его не встречала, — но ничего удивительного в этом не было, так как за последние годы она уезжала из деревни часто и надолго. Вскрывая участок, он подошел к ней настолько близко, что огонь костра так же ярко блистал на зубах его мотыги, как и на ее собственной. Подойдя к костру, чтобы бросить в огонь охапку сорной травы, она увидела, что он, стоя по другую сторону, делает то же самое. Пламя вспыхнуло, и она узнала лицо д'Эрбервилля.

Неожиданное его появление и нелепый костюм — холщевая блуза со складками, какую носили теперь только самые ветхозаветные крестьяне, — производили впечатление неприятное, протескное; и Тэсс стало жутко. Д'Эрбервилль тихо рассмеялся.

— Если бы вздумалось мне пошутить, я бы сказал: «Как это похоже на райский сад!» — заметил он, поглядывая на нее исподлобья.

— Что вы говорите? — тихо спросила она.

— Шутник сказал бы, что точь-в-точь, как в раю. Вы — Ева, а я — искуситель, явившийся вам в образе низшего существа. В бытность мою богословом я был на высоте в этой сцене из Мильтона. Вот отрывок из нее:

— Царица! Путь свободен и недолог:

За рощей мирт...

...И если ты меня возьмешь в проводники.

Я отведу тебя туда.

— Веди! — сказала Ева.

И так далее. Милая моя Тэсс, эти слова я вам подсказываю, ведь вы можете это подумать, но совершенно несправедливо, потому что вы очень плохого обо мне мнения.

— Я никогда не называла вас сатаной и никогда этого не думала. Вообще мне не приходят в голову такие мысли о вас. Я к вам отношусь безразлично, за исключением тех случаев, когда вы меня оскорбляете. Неужели вы только из-за меня пришли сюда копать землю?

— Исключительно! Чтобы вас увидеть — и только. По дороге сюда я увидел вывешенную для продажи блузу, и тогда я подумал, что в ней меня не заметят. Я пришел протестовать против того, чтобы вы так работали.

— Но мне это нравится, — я работаю для отца.

— А работа на той ферме кончена?

— Да.

— Что же вы намереваетесь делать? Отправитесь к дорожному мужу?

Это напоминание показалось ей невыносимо унижительным, и она с горечью сказала:

— Не знаю... Нет у меня мужа!

— Совершенно верно — в том смысле, в каком вы говорите. Но у вас есть друг — и я, вопреки вам, решил позаботиться о вашем благополучии. Вот вернетесь домой и увидите, что я послал туда для вас.

— О Алёк, я хочу, чтобы вы ничего мне не дарили! Я ничего не могу принять от вас! Я не хочу... это нехорошо!

— Это хорошо! — сказал он твердо. — Я не могу допустить, чтобы женщина, которую я люблю так нежно, как вас, бедствовала, а я не попытался бы ей помочь.

— Но я ни в чем не нуждаюсь! Меня беспокоит только, совсем не то меня беспокоит, как я живу!

Она отвернулась и с отчаянием начала вскапывать участок, а слезы ее падали на ручку мотыги и на комья земли.

— Вас беспокоит участь детей — ваших братьев и сестер, — сказал он. — Я о них подумал.

У Тэсс сжалось сердце. Он затронул больное место: угадал причину ее тревоги. Она страстно привязалась к детям, с тех пор как вернулась домой.

— Должен же хоть кто-то о них позаботиться, если ваша мать не поправится. А отец ваш вряд ли способен работать.

— Он может о них позаботиться с моей помощью. Должен!

— И с моей.

— Нет, сэр!

— Как это чертовски нелепо! — вспыхнул д'Эрбервилль. — Ведь он думает, что мы родственники, и будет этим вполне удовлетворен.

— Нет, не думает. Я его разубедила.

— Какая глупость!

д'Эрбервилль в сердцах отошел от нее к изгороди, снял блузу, так резко изменявшую его внешность, свернул ее и, бросив в огонь, ушел.

После его ухода Тэсс не могла работать; на душе у нее было тревожно, мелькнула мысль — не отправился ли он к ее отцу; и, взяв мотыгу, Тэсс пошла домой.

Ярдах в двадцати от дома она встретила одну из своих сестер.

— О Тэсси, что случилось? Лиза-Лу плачет, и у нас в доме собрался народ! Матери гораздо лучше, но, говорят, отец умер. Девочка чувствовала всю важность этой новости, но траги-

ческого ее значения не понимала. Она стояла, глядя на Тэсс широко раскрытыми серьезными глазами, и, заметив, какое впечатление произвели на сестру ее слова, спросила:

— Да неужто мы, Тэсс, никогда больше не будем разговаривать с отцом?

Подождала Лиза-Лу.

— Он ушел, а доктор, который пришел к матери, говорит, что все равно не жилец он был па этом свете, потому что у него сердце заросло жиром.

Да, муж и жена Дарбейфилды поменялись местами: умирающая была вне опасности, а слегка прихворнувший — умер. Событие это имело значение более серьезное, чем можно подумывать. Жизнь отца была пужна семье независимо от личных его достижений, даже если таковых и вовсе не было: он был последним из тех трюх, с чьей смертью кончался срок аренды дома и участка, на которые давно уже точил зубы фермер-арендатор, так как для постоянных его батраков не хватало жилья. Кроме того, в деревнях ненавидели пожизненных арендаторов чуть ли не так же, как и мелких земельных собственников, за независимую их манеру держать себя, и когда срок аренды истекал, ее никогда не возобновляли.

Таким образом, Дарбейфилдов, бывших некогда д'Эрбервилиями, постигла та же участь, на которую, в бытность свою олимпийскими богами графства, обрекали они не раз, и довольно жестоко, таких же безземельных крестьян, какими стали теперь сами. Так чередуются прилив и отлив — ритмические колебания — во всем, что совершается под небом.

LI

Наконец, настал канун благовещенья, и весь земледельческий мир был охвачен лихорадкой, которая вспыхивает ежегодно именно в этот день — день, когда вступают в силу новые договоры, заключенные на сретенье и связывающие батраков на весь год. Батраки — или «рабочий люд», как называли они себя с незапамятных времен, пока не дошло до них из внешнего мира это новое слово «батраки», — не желавшие оставаться на старых местах, переходили на другие фермы.

С каждым годом укреплялся в этих краях обычай переселяться с фермы на ферму. Когда мать Тэсс была ребенком, почти все батраки из окрестностей Марлота всю жизнь жили на одной и той же ферме, которая была домом их отцов и дедов; но за последние годы это стремление менять места стало всеобщим; молодые находили в этом удовольствие, из которого, пожалуй, можно было и пользу извлечь. Ферма, являвшаяся

для одних Египтом, казалась землей обетованной другим, сохранившим ее издали, но затем и для них превращалась она в Египет, — поэтому они без усталости кочевали.

Однако эти переселения — причем переселенцев становилось все больше и больше — вызваны были не только неуживчивым нравом земледельцев. Население деревень к тому же и редело. В прежней деревне существовал бок о бок с батраками другой класс, несомненно представляющий интерес, более образованный и явно возвышающийся над батраками, — класс, к которому принадлежали отец и мать Тэсс; входили в него плотник, кузнец, сапожник, мелочный торговец и другие обитатели деревни, не работающие на чужих фермах. Поведение этих людей было устойчивым, а цели неизменными; объяснялось это тем, что они являлись либо пожизненными арендаторами, подобно отцу Тэсс, либо мелкими землевладельцами. Но когда истек срок долгосрочной аренды, дома редко сдавались тем же лицам, — их в большинстве случаев сносили, если они не нужны были фермеру для батраков. На тех, кто непосредственно не обрабатывал земли, смотрели неодобрительно, а выселение одних отражалось на заработке других, которые в свою очередь должны были покидать деревню. Эти семьи, которые составляли костяк прежней деревни, теперь вынуждены были искать убежища в крупных центрах. Не лишены юмора статистики определили этот процесс как «тягу сельского населения в большие города». Но и река течет в гору, если ее гошат туда машинами.

Так как немало коттеджей в Марлоте было снесено, то фермеры стремились завладеть каждым уцелевшим домом для своих батраков. Со времени происшествия, набросившего такую тень на жизнь Тэсс, семья Дарбейфилда (чье происхождение ей несколько не помогло) была молчаливо осуждена на выселение по истечении срока аренды, — на выселение хотя бы во имя морали. Да и в самом деле, представители этой семьи отнюдь не являлись образцом воздержанности, трезвости и целомудрия. Отец, да и мать иногда выпивали, младшие дети редко ходили в церковь, а старшая дочь вела себя предосудительно. Нужно было позаботиться о нравственных устоях деревни. Поэтому в первое же благовещенье, когда явилась возможность выселить Дарбейфилдов, на их дом, довольно поместительный, предъявил требование возчик с большой семьей, а вдова Джоан, ее дочери Тэсс и Лиза-Лу, сын Абрэхэм и младшие дети должны были отправиться куда-нибудь в другое место.

Вечером накануне отъезда сумерки спустились рано, потому что небо было затянуто облаками и моросил дождь. По-

следний день они проводили в деревне, где родились и выросли. М-с Дарбейфилд с Лизой-Лу и Абрэхэмом пошли попрощаться с друзьями, а Тэсс осталась сторожить дом.

Она опустила на лавку под окном и, став на колени, прильнула лицо к оконному стеклу, с наружной стороны которого стекала потоками дождевая вода. Она смотрела на паутину, — должно быть, паук давным-давно умер с голоду, потому что по неведению сплел ее в углу, куда не залетала ни одна муха. Ветер задувал в щели, и Тэсс слегка знобило. Думала она о бедственном положении семьи и себя считала виновницей. Если бы она не вернулась домой, матери и детям, пожалуй, позволили бы остаться здесь на условиях вносить арендную плату еженедельно, — но на нее тотчас же обратили внимание особы влиятельные и высоко нравственные: они видели, как она бродила по кладбищу и, вооружившись скребком, старалась привести в порядок детскую могилку, почти сравнявшуюся с землей. Таким образом узнали они о ее пребывании здесь и стали журить Джоан, приютившую дочь; Джоан ответила резко и с независимым видом сказала, что может немедленно отсюда уехать; ее поймали на слове, — и вот чем кончилось дело.

«Не нужно мне было возвращаться домой», — с горечью подумала Тэсс.

Она так сосредоточилась на своих мыслях, что почти не обратила внимания на человека в белом макинтоше, который ехал верхом по улице. Но он сразу ее заметил, так как она сидела у самого окна, и подъехал так близко, что лошадь его едва не смяла копытом узкую клумбу, тянувшуюся вдоль стены. Она узнала его только тогда, когда он постучал рукояткой хлыста в окна. Дождь почти перестал, и, повинувшись его знаку, она открыла окно.

— Вы меня не видели? — спросил д'Эрбервилль.

— Я не обратила внимания, — ответила она. — Я слышала, что кто-то едет, но мне почудилось, будто это экипаж. Я замечталась.

— А! Быть может, вы слышали стук д'эрбервилльской кареты? Вероятно, вы знаете эту легенду?

— Нет. Мой... Один человек хотел как-то рассказать мне ее, но не рассказал.

— Если вы подлинная д'Эрбервилль, то, пожалуй, и мне не следовало бы ее рассказывать. Я-то самозванец, так что для меня это не имеет значения. Легенда довольно мрачная. Говорят, будто стук этой несуществующей кареты может услышать лишь тот, в чьих жилах течет кровь д'Эрбервиллей, — и для него это является дурным предзнаменованием. Легенда повесть

вует об убийстве, совершенном много веков тому назад одним из рода д'Эрбервиллей.

— Расскажите до конца, раз вы уже начали.

— Хорошо. Говорят, некий д'Эрбервилль похитил красивую женщину, а она пыталась выскочить из кареты, в которой он ее увозил; завязалась борьба, и он ее убил... или она его, я забыл, кто кого. Такова легенда... Но я вижу, что вся ваша домашняя утварь уложена. Уезжаете?

— Да, завтра... на благовещенье.

— Я об этом слышал, но как-то не верилось, — очень уж неожиданно. Чем это вызвано?

— Со смертью отца кончилась аренда, и больше уж мы не можем здесь жить. Пожалуй, нам разрешили бы остаться и еженедельно вносить плату, если бы меня не было.

— Вы-то тут при чем?

— Я — непорядочная женщина.

Д'Эрбервилль вспыхнул.

— Какое безобразие! Гнусные ханжи! Черт бы побрал их грязные душонки! — воскликнул он злобно. — Так вот почему вы уезжаете! Вас выгоняют?

— Не то что выгоняют, но раз они нам сказали, что скоро мы должны отсюда выбраться, то лучше уж уехать завтра, когда все переселяются; быть может, удастся устроиться.

— Куда вы едете?

— В Кингсбир. Мы наняли там комнаты. Матери покоя не дают отцовские предки, потому-то она и хочет ехать туда.

— Но как же ваша семья будет ютиться в маленькой квартирке, да еще в такой дыре, как этот городишко? Почему бы не переехать ко мне в Трэнтридж? После смерти матери на ферме почти не осталось птиц, но домик и сад уцелели. Комнаты можно за один день выбелить, и вашей матери будет там очень удобно, а детей я помещу в хорошую школу. Должен же я хоть что-нибудь для вас сделать!

— Но мы уже наняли комнаты в Кингсбире! — заявила она. — И мы можем там подождать...

— Подождать — кого? О, конечно вашего превосходного супруга! Послушайте, Тэсс, *мужчина я знаю и знаю причину вашего разрыва... Вот почему я уверен, что он никогда не вернется к вам. Допустим, я был вашим врагом, — теперь я ваш друг, даже если вы этому не верите. Переезжайте в мой коттедж. Мы заведем целую колонию кур, и ваша мать будет прекрасно за ними ухаживать, а дети могут ходить в школу.

Тэсс дышала прерывисто; наконец, она сказала:

— Я не знаю, исполните ли вы все это. Ваши взгляды мо-

гут измениться... и тогда мы... моя мать снова останется на улице.

— О нет! В случае необходимости я вам выдам письменное обязательство. Подумайте об этом.

Тэсс покачала головой. Но д'Эрбервилль настаивал; редко случалось ей видеть его таким настойчивым. Он не желал припритаться с отказом.

— Пожалуйста, сообщите вашей матери о моем предложении,— сказал он многозначительно.— Это ее дело решать, а не ваше. Я прикажу, чтобы завтра утром вымыли по ты, побелили стены и затопили камин; к вечеру стены высохнут, так что вы можете ехать прямо туда. Помните, я буду вас ждать.

Снова Тэсс покачала головой; сердце ее сжималось от волнения. Она не могла смотреть в глаза д'Эрбервиллю.

— Помните, я должен искупить свою вину перед вами,— продолжал он.— И вдобавок вы меня излечили от этой религиозной мании. Я рад...

— Лучше бы эта мания осталась при вас, тогда вы соблюдали бы все, что она предписывает.

— Я рад, что мне представляется случай уплатить хотя бы часть долга. Надеюсь, завтра ваша мать придет со своими пожитками. Обещайте мне это сейчас, дайте руку, милая Тэсс, красавица моя!

Он понизил голос до шепота и просунул руку в полуоткрытое окно. Гневно сверкнув глазами, Тэсс захлопнула окно и придавила ему руку, застрявшую между оконной рамой и каменной стеной.

— Проклятие! Как вы жестоки! — вскричал он, освобождая руку.— Нет! Я знаю, вы это сделали не нарочно.

— Я не приеду, у меня много денег! — воскликнула она.

— Где они?

— У моего свекра! Стоит мне только попросить.

— Да, но вы не попросите, Тэсс; я вас знаю, ни за что не попросите, скорее умрете с голоду!

С этими словами он отъехал. На углу он встретил человека с ведром, наполненным краской, который спросил его, действительно ли он покинул своих братьев во Христе.

— Пошел к черту! — крикнул д'Эрбервилль.

Тэсс долго не двигалась с места, и вдруг в ней вспыхнуло возмущение перед свершившейся несправедливостью, и на глазах показались слезы. Даже муж ее, Энджел Клэр, и тот поступил с ней так же жестоко, как и остальные. Раньше никогда не решилась бы она так подумать, но ведь он действительно был жесток. Она могла поклясться в том, что никогда за всю свою жизнь она не хотела поступать дурно, и все-таки ей

вынесли суровый приговор. Каковы бы ни были ее грехи, никогда, никогда не грешила она сознательно; почему же ее наказывали так упорно?

Порывисто схватила она первый попавшийся лист бумаги и быстро написала следующие строки:

«Ах, зачем ты так ужасно поступил со мной, Энджел? Я этого не заслуживаю. Я много об этом думала и знаю, что никогда, никогда не прощу тебя! Ты знаешь, что я не хотела причинить тебе зло, зачем же ты так дурно поступил со мной? Ты жесток! Да, жесток! Я постараюсь забыть тебя. Ты был несправедлив ко мне с начала до конца! — Т.»

Она ждала, пока не показался почтальон, потом выбежала к нему и, передав письмо снова заняла свой пост у окна.

Не все ли равно — послать ли нежное письмо, или вот это? Разве уступит он мольбам? Ничто не изменилось, не произошло никакого нового события, которое заставило бы его изменить свой взгляд.

Стемнело. Огонь, пылавший в очаге, освещал комнату. Двое старших детей ушли с матерью, четверо младших, в возрасте от трех с половиной до одиннадцати лет, одетые в черные платья, собрались у очага и болтали. Наконец, Тэсс, не зажигая свечи, подошла к ним.

— Милые мои, сегодня мы последнюю ночь будем спать здесь — в доме, где родились, — быстро сказала она. — Подумайте-ка об этом.

Они притихли. Впечатлительные, как все дети, они готовы были расплакаться, когда ее слова вызвали у них представление о каком-то конце, хотя весь день они радовались, мечтая о переселении в другое место. Тэсс заговорила о другом.

— Спойте мне песенку, — сказала она.

— Что же нам спеть?

— Что хотите, мне все равно.

Минутное молчание, нарушенное слабым голосом, к которому присоединился второй, третий, четвертый; они пели в унисон песенку, заученную в воскресной школе:

Здесь терлим мы муку и боль,
Здесь, встретясь, должны мы расстаться;
Но на небе будем мы вместе.

Все четверо пели флегматично — так, как будто этот вопрос был решен для них давным-давно и окончательно, а следовательно, и думать о нем нечего. Личики были серьезны, де-

ти старались отчетливо выговаривать слова и не сводили глаз с колеблющихся языков пламени; голос младшего ребенка еще звучал, когда остальные делали паузу.

Тэсс отвернулась от них и снова подошла к окну. Было уже совсем темно, но она прижалась лицом к стеклу и словно всматривалась в ночь. Она хотела скрыть слезы. Если бы она могла верить в то, о чем пели дети, если бы не возникали у нее сомнения, все было бы иначе. С каким спокойствием поручила бы она их провидению в надежде на будущую жизнь! Но веры у нее не было; стало быть, она должна что-то делать, должна стать их провидением, ибо для Тэсс, как и для миллионов людей, жестокой насмешкой звучали слова поэта:

Не нами приходим мы в мир,
Но облаченные в облако славы.

Для нее и ей подобных самый факт рождения являлся унижительным испытанием, насильем, которое, казалось, до конца оставалось неоправданным; в лучшем случае его можно было только простить.

Вскоре разглядела она на темной мокрой дороге свою мать, рослую Лизу-Лу и Абрэхэма. М-с Дарбейфилд, постукивая патенами, подошла к дому, и Тэсс открыла дверь.

— Я заметила следы лошадиных копыт под окном, — сказала Джоан. — Был здесь кто-нибудь?

— Нет. — ответила Тэсс.

Дети, сидевшие возле очага, посмотрели на нее серьезно, и один из них прошептал:

— Как, Тэсс? А джентльмен верхом?

— Он не заходил в дом, — сказала Тэсс. — Он разговаривал со мной, не сходя с лошади.

— Кто этот джентльмен? — спросила мать. — Твой муж?

— Нет, он никогда, никогда не вернется, — ответила Тэсс с какой-то тупой безнадежностью.

— Так кто же это был?

— Не спрашивай. Ты его раньше видела, да и я тоже.

— А! Что же он сказал? — полюбопытствовала Джоан.

— Я расскажу тебе завтра, когда мы устроимся на новой квартире в Книгсбуре, расскажу все до последнего слова.

Она сказала, что это был не ее муж, — однако ее все более угнетала мысль, что фактически только он один и был ее мужем.

Было еще темно, когда обитатели домиков, расположенных неподалеку от шоссе, были разбужены стуком и грохотом, не смолкавшим до рассвета,— шум этот повторялся ежегодно в эти числа месяца и был так же неизбежен, как кукованье кукушки на третью неделю того же месяца. Он предвещал общее переселение; по дорогам двигались пустые повозки и подводы, присланные за пожитками уезжающих семейств: был такой обычай, что фермеры, нанявшие батраков, присылали за ними подводу. Вещи нужно было засветло перевезти на место, поэтому подводы начали двигаться по дорогам вскоре после полуночи, чтобы к шести часам утра быть у дверей коттеджа, из которого выезжала семья, после чего начиналась погрузка.

Но ни один заботливый фермер не выслал повозки за вещами Тэсс и ее матери. Они не были батраками, в их услугах никто в сущности не нуждался, никто не намерен был перевозить их даром, поэтому им пришлось за свой счет нанять подводу.

Выглянув в то утро из окна, Тэсс вздохнула с облегчением, когда увидела, что подвода явилась вовремя и дождя нет, хотя погода ветреная и пасмурная. Дождливое благовещенье было бедствием для переселяющихся и надолго оставалось в памяти; мокрая мебель, мокрые постели, мокрая одежда сопутствовали ему, а следом за этим шли болезни.

Мать, Лиза-Лу и Абрэхэм тоже проснулись, а младших детей решили пока не будить. Вчетвером они позавтракали в тусклых лучах рассвета и приступили к погрузке.

Работали весело, помогал кое-кто из дружелюбно настроенных соседей. Водрузив на подводу громоздкую мебель, устроили из постелей круглое гнездышко, в котором должна была поместиться Джоан Дарбейфилд с младшими детьми. Затем пришлось долго ждать, пока привели лошадей, так как их прягли, когда укладывали вещи. Наконец, около двух часов тронулись в путь; к оси был привешен котелок, а м-с Дарбейфилд с семейством восседала на возу; когда подвода сильно накренилась, раздавался тоненький бой часов,— матрона держала их на коленях, боясь, как бы не испортился механизм. Тэсс и старшая девочка шли рядом с возом, пока не выбрались из деревни.

Утром и накануне вечером они заходили попрощаться к соседям, и кое-кто вышел их проводить и пожелать им удачи, но в глубине души мало кто верил, что благополучие возможно для такой семьи, как Дарбейфилды, хотя никому не причиняли они зла, только себе. Дорога пошла в гору, и ветер стал крепчать, когда они покинули долину.

Так как сегодня было благовещение, то Дарбейфилды встречали на своем пути немало других подвод; семьи восседали на возах со скарбом, при укладке которого руководствовались всегда одним и тем же принципом, должно быть столь же неизменным для крестьян, как шестиугольник для пчел. Главным элементом сооружения являлся кухонный шкаф с блестящими ручками, следами пальцев и всеми признаками многолетней службы; он величественно стоял впереди, возвышаясь над хвостами лошадей,— стоял, словно ковчег завета, который надлежит нести с благоговением.

Иные семьи были веселы, другие — сумрачны; кое-кто останавливался у дверей придорожных харчевен. Наконец, остановилась и подвода Дарбейфилдов: нужно было покормить лошадей и самим подкрепиться.

Во время этой остановки взгляд Тэсс упал на трехпинтовую кружку, то поднимавшуюся, то опускавшуюся,— из нее пили женщины, сидевшие на возу, который остановился около той же харчевни. Следя за переходившей из рук в руки кружкой, Тэсс вдруг узрела одну из женщин и направилась к подводе.

— Мэриэн, Изз! — окликнула она девушек; они перебрались на новое место вместе с семьей, в чьем доме жили.— И вы тоже переселяетесь?

Они ответили утвердительно. В Флинтком-Эше жилось слишком тяжело, и они уехали, даже не предупредив заранее фермера Гроби,— пусть он возбуждает против них судебное преследование, если хочет. Они сообщили Тэсс, куда держат путь, и та в свою очередь дала свой адрес.

Мэриэн, нагнувшись к ней с воза, шепнула:

— А знаешь, тот джентльмен, что волочился за тобой,— уж ты догадываешься, о ком я говорю,— приходил в Флинтком, когда ты оттуда ушла. Мы ему не сказали, где ты: знали, что ты не хочешь его видеть.

— Да, но я все-таки его видела,— прошептала Тэсс.— Он меня отыскал.

— А знает он, куда ты теперь едешь?

— Думаю, что знает.

— Муж вернулся?

— Нет.

Она распрощалась со своими товарками, так как возницы вышли из харчевни, и обе подводы разъехались в разные стороны. Подвода, на которой сидели Мэриэн, Изз и семья крестьянина,— с этой семьей они связали свою судьбу,— была окрашена яркой краской, и тащили ее три сильных лошади с блестящими медными украшениями на сбруе, тогда как скрипучая подвода Дарбейфилдов едва выдерживала тяжесть покла-

жи; краска слезла с нее давным-давно, а тащили ее только две лошади. Контраст этот красноречиво свидетельствовал о том, что за первой семьей прислал подводу преуспевающий фермер, а вторая перебиралась за свой счет, и никто не ждал ее прибытия.

Путь был дальний, слишком дальний, и лошади с трудом могли дойти засветло. Хотя выехали они рано, но уже надвигался вечер, когда они добрались до возвышенности, составлявшей часть плоскогорья Григгхилл. Пока лошади отдыхали, Тэсс осматривалась по сторонам. Впереди, у подножья холма, виднелся почти вымерший городишко — цель их паломничества — Кингсбир, где покоились ее предки, служившие пенсия-каемой темой разговора ее отцу, — Кингсбир, единственное место на земном шаре, которое поистине могло считаться родным домом д'Эрбервиллей, ибо здесь обитали они в течение целых пятисот лет.

Из предместья вышел какой-то человек; разглядев нагруженную подводу, он ускорил шаги.

— Должно быть, вы-то и будете миссис Дарбейфилд? — обратился он к матери Тэсс, которая слезла с воза, чтобы дальше идти пешком.

Та кивнула.

— Если бы вздумалось мне отстаивать свое право, я бы могла называться вдовой сэра Джона д'Эрбервилля, бедного дворянина. Я возвращаюсь во владения его предков.

— Да? Ну, этого я не знаю. Но если вы миссис Дарбейфилд, то меня послали вам сказать, что комнаты, которые вы хотели занять, сданы. Мы не знали, что вы приедете, пока не получили ваше письмо сегодня утром, когда было уже поздно. Но вы найдете комнаты где-нибудь в другом месте.

Он заметил, что лицо Тэсс стало землисто-бледным. Мать ее окончательно растерялась.

— Что же нам теперь делать, Тэсс? — с горечью спросила она. — Вот тебе и владения предков! Ну, все равно, поедем дальше.

Они въехали в город и принялись за поиски. Тэсс сгалаась у подводы и присматривала за детьми, а мать и Лиза-Лу навели справки. Через час Джоан вернулась после бесплодных поисков, а возница объявил, что подводу нужно разгрузить, так как он должен вернуться хотя бы ночью домой.

— Ладно, разгружайте здесь, — не задумываясь, ответила Джоан. — Где-нибудь я найду пристанище.

Подвода остановилась в сторонке, у ограды кладбища, и возница поспешил выгрузить жалкий домашний скарб. Когда он покончил с этим делом, она расплатилась с ним, отдав чуть

ли не последний шиллинг, и он уехал, радуясь, что распрощался с такой семейкой. Дождя не было, и он надеялся, что ничего худого с ними не случится.

Тэсс уныло смотрела на сваленные в кучу вещи. Холодные лучи заходящего солнца неприязненно созерцали эту глиняную посуду и котелки, сухие пучки трав, трепещущих на ветру, медные ручки кухонного шкафа, плетеную колыбель, в которой перебивали все дети Дарбейфилдов, и футляр от стених часов. Всем этим вещам полагалось находиться под крышей, и сейчас они словно укоряли за то, что их бросили под открытым небом, подвергая превратностям судьбы. Вокруг виднелись холмы; склоны их, когда-то покрытые лесом, были разбиты на маленькие огороженные участки; сохранился зеленый фундамент там, где некогда стоял замок д'Эрбервиллей; возвышался отрог Эгдон Хита, являвшийся частью поместья. В нескольких шагах невозмутимо высился боковой придел церкви, называвшийся Приделом д'Эрбервиллей.

— Мне кажется, семейный склеп считался нашей собственностью, — сказала мать Тэсс, обойдя вокруг церкви и осмотрев кладбище. — Ну конечно, это так и есть, и там-то мы и припомнимся, пока не найдем другого пристанища во владениях наших предков. Тэсс, Лиза-Лу, Абрэхэм, помогите мне? Мы устроим гнездышко для детей, а потом опять пойдем на разведку.

Тэсс безучастно стала помогать матери, и через четверть часа старая кровать с пологом, извлеченная из-под груды вещей, была водружена возле южной стены церкви, там, где находился Придел д'Эрбервиллей, под которым были расположены огромные склепы. Над пологом виднелось великолепное узорчатое окно с многоцветными стеклами, сделанное в пятнадцатом веке. Оно называлось Окном д'Эрбервиллей, а в верхней его части можно было разглядеть такие же геральдические эмблемы, какие сохранились на старой печати и ложке Дарбейфилда.

Джоан задернула занавески, превратив кровать в прекрасную палатку, и уложила младших детей.

— На худой конец мы можем провести здесь одну ночь, — объявила она. — Но все-таки попробуем подыскать помещение, и детшкам нужно принести чего-нибудь поесть. Ох, Тэсс, зачем только ты возилась с джентльменами, если нет нам от этого никакого проку!

Вместе с Лизой-Лу и Абрэхэмом она снова побрела по проселочной дороге, отделявшей церковь от городка. На первой же улице они встретили мужчину, который ехал верхом, внимательно осматриваясь по сторонам.

— А! Я вас искал,— сказал он, подъезжая к ним,— Все члены семьи собрались в историческом месте!

Это был Алек д'Эрбервилль.

— Где Тэсс? — спросил он.

Джоан не питала симпатии к Алеку. Она рассеянно указала ему на церковь и продолжала путь, а д'Эрбервилль сказал на прощанье, что он еще повидается с ними, если поиски пристанища и на этот раз не увенчаются успехом: он уже слышал о постигшей их неудаче. Когда они ушли, он подъехал к харчевне и, оставив там лошадь, пошел пешком.

Тем временем Тэсс, оставшаяся с детьми, которых уложили на кровать, поболтала с ними, а потом, видя, что больше ничего не может для них сделать, пошла бродить по кладбищу, уже окутанному вечерними тенями. Дверь церкви была незаперта, и впервые в жизни переступила она через этот порог.

За окном, у которого стояла кровать, находились могилы ее предков,— здесь хоронили их в течение нескольких столетий. Одни гробницы были совсем простые, другие напоминали по форме церковный алтарь или осенялись балдахинами; резьба стерлась, медные украшения выпали из своих гнезд, и дыры зияли, словно норки, прорытые куницей в песчаном утесе. Здесь, при виде этих остатков прежнего величия, получила она самое неоспоримое доказательство того, что род ее угас и утратил свое социальное значение.

Она подошла к темному камню, на котором было высечено:

Ostium sepulchri antiquae familiae d'Urberville¹.

В знании церковной латыни Тэсс не могла соперничать с кардиналами, однако она поняла, что это вход в усыпальницу предков и там, внизу, лежат те рослые рыцари, которых воспевал под хмельком ее отец.

Задумчиво повернулась она к выходу и подошла к одной из самых старых гробниц, на которой виднелась склонившаяся фигура. Сначала Тэсс не заметила ее в сумерках, да и сейчас не обратила бы на нее внимание, если бы не почувдилось ей, что изваяние пошевелилось. Подойдя ближе, она тотчас же убедилась, что это не памятник, а живой человек. Эта мысль так потрясла ее, что она едва не потеряла сознания и чуть не упала, узнав Алека д'Эрбервилля.

Он соскочил с гробницы и поддержал ее.

— Я видел, как вы вошли,— улыбаясь, сказал он;— и заб-

¹ Усыпальница древнего рода д'Эрбервиллей (лат.).

рался сюда, чтобы не прерывать ваших размышлений. Родственная встреча с предками, покоящимися здесь, под нами? Слушайте!

Он с силой стукнул каблуком об пол; снизу донеслось глухое эхо.

— Нужно думать, что это их немножко расшевелит! — продолжал он. — А ведь вы меня приняли за каменное изваяние одного из них! Нет, теперь настали другие времена. Мизинец лже-д'Эрбервилля может сделать для вас больше, чем целая династия подлинных д'Эрбервиллей, лежащих под этими плитами... Распоряжайтесь мною. Что должен я сделать?

— Уйдите! — прошептала она.

— Хорошо, я пойду поищу вашу мать, — сказал он мягко; но, проходя мимо нее, шепнул: — Запомните мои слова: придет время, когда вы будете более любезны.

Он ушел, а она опустилась на плиту, закрывавшую вход в sklep, и подумала: «Почему я не по ту сторону этой двери?»

Мэриэн и Изз Хюэт ехали на подводе, перевозившей имущество крестьянина в землю Ханаанскую, которая была землей Египетской для какой-нибудь другой семьи, уехавшей оттуда сегодня поутру. Но девушки мало думали о том, куда они едут. Разговор шел об Энджеле Клэре, Тэсс и настойчивом ее любовнике; за это время они кое-что слышали о прошлом Тэсс, а кое о чем догадались.

— Другое дело, если бы она совсем его не знала, — говорила Мэриэн. — Но вся беда в том, что один раз он уже ее соблазнил. Ужасно будет жалко, если он опять добьется своего. Изз, для нас мистер Клэр все равно потерял, значит нечего ревновать его к ней, а лучше попробуем их помирить. Если бы он знал, каково ей приходится и как вокруг нее увиваются, пожалуй, он бы приехал и позаботился о своей жене.

— Нельзя ли дать ему знать?

Они раздумывали об этом всю дорогу, но потом, устранившись на новом месте, забыли о своем плане.

Месяц спустя они услышали, что Клэр возвращается на родину, но о Тэсс не имели больше никаких сведений. Снова вспыхнула в них любовь к нему, но так как к Тэсс они были настроены дружелюбно, то Мэриэн откупорила бутылочку чернил, купленную за пени, и девушки вдвоем сочинили следующие строки:

«Уважаемый сэр, позаботьтесь о своей жене, если вы ее любите так, как она вас любит. Ее жестоко искушает враг, прикинувшийся другом. Сэр, подле нее вертится человек, которому следует быть далеко от нее. Нельзя подвергать женщину испытаниям, если они ей не под силу, а капля долбит камень и даже алмаз.

Два доброжелателя».

Письмо они послали на имя Энджела Клэра в Эмминстерский пасторат, зная, что с этим местом он, несомненно, связан; затем они долго пребывали в восторженном состоянии, восхищаясь собственным великодушием, и то пели от избытка чувств, то истерически плакали.

Фаза седьмая

ЗАВЕРШЕНИЕ

ЛIII

Был вечер в Эмминстерском пасторате. Две свечи под зелеными абажурами горели, по обыкновению, в кабинете викария, но его самого там не было. Изредка входил он и размешивал слабо тлеющие угли, но в комнате было тепло, так как весна вступала в свои права. Иногда он останавливался у парадной двери, потом шел в гостиную и снова возвращался к двери. Она была обращена на запад, и хотя в доме сумерки уже сгустились, из окон все было отчетливо видно.

М-с Клэр, сидевшая в гостиной, подошла вслед за мужем к двери.

— Рано еще, — сказал викарий. — В Чок-Ньютоне он будет только в шесть часов, даже если поезд не опаздывает, а оттуда десять миль по проселочным дорогам, из них пять по проселку Криммеркрок; наша старая лошадь не так-то скоро его привезет.

— Дорогой мой, она, бывало, привозила нас за час.

— Много лет прошло с тех пор.

Так коротали они время, зная, что словами не поможешь, когда нужно ждать.

Наконец, послышался шум на дороге, и за решеткой показался экипаж, из которого вышел человек. Они не сомневались в том, что узнали его, но, конечно, встретив его на улице, прошли бы мимо, не узнав, если бы он не вышел из экипажа именно в тот момент, когда его ждали.

М-с Клэр бросилась по темному коридору к двери, муж следовал за ней, но не столь стремительно.

Приезжий, входя в дом, мог разглядеть в вечернем свете их взволнованные лица и блестящие очки, но они видели только его фигуру, вырисовывающуюся в дверях.

— О мой мальчик, наконец-то ты дома! — воскликнула м-с Клэр, забыв о еретических его убеждениях, послуживших причиной разлуки; сейчас они интересовали ее не больше, чем пыль на его одежде. Да и какая женщина, будь она самым ревнистым искателем истины, верит в обещания и угрозы священного писания так, как верит в своих собственных детей, и какая женщина не отмахнется от богословия, если на другой чаше весов лежит счастье ее ребенка? Когда они вошли в комнату, где горели свечи, она взглянула ему в лицо.

— О, это не Энджел! Это не мой сын! Это не тот Энджел, который отсюда уехал! — вскричала она, в отчаянии отворачиваясь от него.

Отец тоже был потрясен — так похудел Энджел от забот и неудач в стране, куда бросился очертя голову, обращенный в бегство судьбой, посмеявшейся над ним на родине. Чудилось, что перед ними не человек, а скелет или тень человека. Слово с него писал Кривелли своего мертвого Христа. Тусклые, запавшие глаза были обведены мертвенной синевой, складки и морщины, бороздившие лица его родителей, появились на его лице лет на двадцать раньше срока.

— Вы знаете, я был болен там, — сказал он. — Теперь я здоров.

Но, словно в опровержение этих слов, ноги его подкосились, и он поспешно сел, чтобы не упасть. Это был только приступ дурноты после утомительного дня, проведенного в пути, и взволновавшей его встречи с родителями.

— Мне нет писем? — спросил он. — Последнее, которое вы мне переслали, я получил благодаря счастливому случаю, да и то с большим опозданием, потому что забрался в глубь страны. Иначе я приехал бы раньше...

— Мы думали, что это письмо от твоей жены.

— Да.

Еще одно письмо было получено недавно. Они не переслали письма, зная, что он скоро вернется.

Энджел быстро распечатал конверт и в смятении прочел записку Тэсс — последнее ее письмо, написанное второпях:

«Ах, зачем ты так ужасно поступил со мной, Энджел? Я этого не заслуживаю. Я много об этом думала и знаю, что никогда, никогда не прощу тебя! Ты знаешь, что я не хотела причинить тебе зло, зачем же ты так дурно поступил со мной? Ты жесток! Да, жесток! Я постараюсь забыть тебя. Ты был несправедлив ко мне с начала до конца! — Т.»

— Она права! — сказал Энджел, бросая письмо. — Быть может, она никогда не примирится со мной!

— Не пужно так волноваться, Энджел, ведь она только дитя земли! — сказала его мать.

— Дитя земли! Все мы дети земли. Хотел бы я, чтобы она действительно была «дитя земли» в том смысле, в каком вы это понимаете, но я должен вам сообщить кое-что, о чем до сих пор молчал: ее отец происходит по мужской линии от одного из старейших нормандских родов, подобно многим другим крестьянам, которые живут, никому не ведомые, в наших деревнях и зовутся «детьми земли».

Он рано лег спать, а на следующий день, чувствуя себя совсем больным, не выходил из своей комнаты и размышлял. Когда он находился к югу от экватора, ему казалось по получению ее нежного письма, что ничего не может быть проще, как вернуться к Тэсс и броситься в ее объятия, как только ему угодно будет простить ее. Теперь, когда он приехал и учел обстоятельства, при которых с ней расстался, оказалось, что это совсем не так просто. Она была от природы страстной, и ее письмо, из которого он узнал, что ее мнение о нем изменилось, — а он с грустью признал, что она была права, — это письмо заставило его призадуматься: благоразумно ли будет, не предупредив ее, встретиться с ней в присутствии ее родителей? Если предположить, что за последние недели разлуки любовь ее к нему уступила место неприязни, неожиданная встреча может вызвать горькие слова.

Поэтому Клэр решил подготовить Тэсс и ее семью, сообщив в Марлот о своем приезде; он надеялся, что она по-прежнему живет там, как было условлено перед его отъездом из Англии. В тот же день он отправил письмо, а в конце недели получил короткий ответ м-с Дарбейфилд, который не рассеял его замешательства, ибо м-с Дарбейфилд писала, к большому его удивлению, не из Марлота и адреса своего не указывала.

«Сэр, в этих нескольких строках я хочу вам сообщить, что моя дочь сейчас от меня уехала, и я не знаю, когда она вернется. Но я вам напишу, как только она приедет. Я не имею права говорить вам, где она временно проживает. Прибавлю еще, что я с семьей недавно уехала из Марлота.

Ваша Дж. Дарбейфилд».

Клэр с великим облегчением узнал, что Тэсс живет, по-видимому, не плохо; и хотя мать упорно скрывала ее адрес, но это не очень его беспокоило. Несомненно, все они не могут ему простить. Он будет ждать, пока м-с Дарбейфилд не сообщит о возвращении Тэсс, а судя по ее письму, это не замедлит случиться. Большого он не заслуживал. Любовь его была такова,

«что изменяется, встречая перемену». Во время разлуки странные мысли приходили ему в голову: в Корнелии он увидел добродетельную Фаустину, в плотской Фрине — одухотворенную Лукрецию; он думал о той женщине, которую хотели побить камнями, и о жене Урии, ставшей царицей, и задавал себе вопрос: почему, вынося приговор Тэсс, он обращал внимание на ее биографию, а не на внутренний ее мир, на поступки ее, а не на устремления?

День проходил за днем, а Энджел жил у отца, ждал обещанной второй записки от Джоан Дарбейфилд и надеялся окрепнуть после болезни. Силы постепенно возвращались к нему, а письма от Джоан все не было. Тогда он отыскивал старое письмо, пересланное ему в Бразилию, которое Тэсс написала из Флинтком-Эша, и снова перечитал. Как и в первый раз, оно его глубоко растрогало.

«...Я не могу не сказать тебе о моем горе,— кроме тебя, никого у меня нет... Право, я умру, если ты не приедешь ко мне очень скоро или не позовешь меня к себе... прошу тебя, не будь таким справедливым, будь чуточку добрее ко мне... Если бы ты приехал, я могла бы умереть в твоих объятиях. И рада была бы умереть — зная, что ты меня простил!. Но если бы ты написал мне только одну маленькую строчку: «скоро приеду», — о, как хорошо жилось бы мне, Энджел!.. Подумай, подумай, как ноет у меня сердце при мысли, что я никогда тебя не увижу... никогда! Ах, если бы твое сердце ныло каждый день хоть одну минутку так, как ноет мое день за днем, ты бы пожалел меня, бедную, одинокую... Я была бы довольна — нет, счастлива! — быть твоей служанкой, раз я не могу быть твоей женой; только бы мне жить около тебя, видеть тебя хоть мельком, думать, что ты мой... Об одном только я мечтаю, одного только хочу на небе, на земле или под землею — увидеться с тобой, мой любимый! Приезжай, приезжай, и спаси меня от того, что мне угрожает».

Клэр решил не верить последнему суровому письму и отыскать ее немедленно. Он спросил отца, брала ли она у него деньги во время отсутствия мужа. Тот ответил отрицательно, и тогда только понял Энджел, что гордость помешала ей обратиться с такой просьбой и она терпела лишения. По его отрывистым замечаниям родители догадались, наконец, об истинной причине разрыва, и тогда на помощь им пришлось их христианство, поручавшее грешников особому их попечению; они воспылали к Тэсс нежностью, какой не могло пробудить в них ее происхождение, ее простодушие и даже бедность.

Готовясь к отъезду и торопливо укладывая вещи, Энджел мельком просмотрел жалкое маленькое письмецо, недавно полученное от Мэриэн и Изз, начинавшееся словами:

«Уважаемый сэр, позаботьтесь о своей жене, если вы ее любите так, как она вас любит», и подписанное: *«Два доброжелателя»*.

LIV

Через четверть часа Клэр покинул родительский дом, а мать провожала взглядом его тонкую фигуру, когда он вышел на улицу. Ехать на старой кобыле отца он отказался, зная, что она нужна родителям, завернул в харчевню, где нанял двуколку, и едва дождался, пока запрягут лошадь. Несколько минут спустя он уже выехал из города и поднимался на холм: три-четыре месяца назад по этой самой дороге спускалась Тэсс, полная надежд, и по ней возвращалась, потерпев неудачу.

Вскоре он выехал на проселочную дорогу Бэнвилл-Лейн; на деревьях и живой изгороди краснели почки, но Клэр занят был другим и по сторонам посматривал только для того, чтобы не сбиться с дороги. Не прошло и полутора часов, как он уже обогнул с юга поместья Кинг-Хинток и очутился в мрачной, пустынной местности, где одиноко возвышался зловеющий камень «Крест в руке», на котором Тэсс, по настоянию Алека д'Эрбервилля, обратившегося к богу, дала страшную клятву никогда не вводить его больше во искушение. Чахлые серые стебли прошлогодней крапивы еще виднелись на придорожных насыпях, а у корней уже пробивались свежие, зеленые, весенние ростки.

Он поехал по краю плато, возвышавшегося над другими поместьями Хинток, затем свернул направо, в известковый район, где находится Флинтком-Эш; из письма Тэсс он знал адрес и предполагал, что она и сейчас там. Конечно, он не нашел ее в Флинтком-Эше и окончательно пал духом, узнав, что и крестьяне и сам фермер никогда не слыхали о «м-с Клэр», хотя имя Тэсс было им хорошо известно. Очевидно, она не носила его фамилии, совершенно отрезав себя от него на время разлуки,— и в этом сказались ее благородство, так же как и в том, что она не просила денег у его отца, предпочитая терпеть лишения, о которых он только теперь узнал.

Здесь ему сообщили, что Тэсс Дарбейфилд, никого не предупредив, ушла отсюда к родителям, жившим в Блекмурской долине; стало быть, он должен был во что бы то ни стало найти м-с Дарбейфилд. Она написала ему, что не живет больше в Марлоте, но почему-то не сообщила адреса, и ему ничего не

оставалось делать, как ехать в Марлот и навести там справки. Фермер, который так грубо обращался с Тэсс был очень любезен с Клэром и дал ему лошадь и кучера, чтобы доехать до Марлота; двуколку Клэр отправил назад в Эмминстер, так как нанял ее на один день.

В повозке фермера он доехал только до Блекмурской долины, потом отослал ее обратно с кучером, заночевал в харчевне, а на следующий день пошел пешком в деревню, где родилась его милая Тэсс. Была ранняя весна. Для лесов и садов еще не наступила пора ярких красок; казалось, зима медлит уйти и скрывается под таким зеленым покровом,— и этот зеленый цвет был неразрывно связан с его надеждами.

Дом, где Тэсс провела годы детства, был занят теперь другой семьей, никогда ее не знавшей. Новые жильцы находились в саду и с таким увлечением занимались своими делами, словно дом этот не был первоначально связан с историей других людей, по сравнению с которой их собственная жизнь представляла лишь незначительный интерес. Они бродили по дорожкам сада, сосредоточенные только на своих заботах, и казалось, каждое их движение оскорбляет туманные тени прошлого; а разговаривали они друг с другом так, словно то время, когда жила здесь Тэсс, было не более насыщено событиями, чем сегодняшний день. Даже птицы, прилетевшие вместе с весной, пели так, будто никто не покидал этих мест.

Распросив этих простаков, которые едва могли припомнить даже фамилию своих предшественников, Клэр узнал о смерти Джона Дарбейфилда и об отъезде из Марлота детей и вдовы, которая объявила, что они будут жить в Кингсбуре, но вместо этого поехала в другое место, называемое так-то. К тому времени Клэр успел возненавидеть дом за то, что в нем больше не живет Тэсс, и поспешил уйти, ни разу не оглянувшись.

Шел он по полю, где увидел ее впервые во время танцев. И поле показалось ему еще более ненавистным, чем дом. Он пересек кладбище и среди новых надгробных плит заметил одну, отличающуюся от остальных. Надпись на ней гласила:

**«ПАМЯТИ ДЖОНА ДАРБЕЙФИЛДА, ПРАВИЛЬНЕЕ — Д'ЭРБЕРВИЛЛЯ, ПРОИСХОДИВШЕГО ИЗ НЕКОГДА МОГУЩЕСТВЕННОГО И ЗНАТНОГО РОДА, ПРЯМОГО ПОТОМКА СЭРА ПЭГЕНА Д'ЭРБЕРВИЛЛЯ, ОДНОГО ИЗ РЫЦАРЕЙ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ. СКОНЧАЛСЯ МАРТА 10-го, 18...
ТАК СВЕРШАЕТСЯ ПАДЕНИЕ СИЛЬНЫХ МИРА СЕГО».**

Какой-то человек, очевидно могильщик, заметил Клэра, стоявшего у могилы, и подошел к нему.

— Эх, сэр, не очень-то хотелось этому человеку лежать

здесь! Он желал, чтобы его перевезли в Кингсбир, где покоятся его предки.

— Почему же не исполнили его волю?

— Денег не было. Видите ли, сэр... болтать направо и налево я не собираюсь, но... даже за эту плиту с такой важной надписью не заплачено.

— А кто ее делал?

Могильщик назвал фамилию каменщика, проживавшего в Марлоте, и Клэр, покинув кладбище, зашел к нему. Убедившись, что сообщение соответствует действительности, он заплатил, что полагалось, а затем пошел отыскивать переселенцев.

Путь был длинный, но Клэр жаждал одиночества и не стал нанимать экипаж; не пошел он также и к станции окружной железной дороги, по которой мог добраться до цели. Впрочем, в Шестоне он вынужден был нанять лошадь, но дорога была плохая, и только к семи часам вечера приехал он в деревню, где жила Джоан; больше двадцати миль отделяло его теперь от Марлота.

Деревушка была маленькая, и он без труда нашел в стороне от главной улицы домик, окруженный садом, куда м-с Дарбейфилд въехала со своей старой громоздкой мебелью. Ясно было, что почему-то она не желала его видеть, и он чувствовал себя незваным гостем. Она сама вышла к двери, и лучи заходящего солнца осветили ее лицо.

Клэр встретился с ней впервые, но он слишком занят был своими мыслями и заметил только, что она все еще красива и одета прилично, как подобает одеваться почтенной вдове. Он принужден был сказать, что он — муж Тэсс, и объяснить, зачем сюда приехал. С этой задачей справился он довольно недовко.

— Я хочу увидеть ее сейчас же, — добавил он. — Вы обещали мне написать, но не исполнили обещания.

— Потому что она не вернулась домой, — ответила Джоан.

— Вы не знаете, хорошо ли ей живется?

— Не знаю. Но вам следовало бы знать это, сэр, — сказала она.

— Вы правы. Где она живет?

В продолжение этого разговора Джоан прижимала руку к щеке, — было ясно, что она смущена.

— Я... я не знаю, где она живет. Она была в... но...

— Где она была?

— Ну, теперь-то ее там нет.

Дав этот уклончивый ответ, она снова умолкла. Дети подошли к двери, и младший ребенок, дергая мать за юбку, спросил шепотом:

— Это тот самый джентльмен, который хочет жениться на Тэсс?

— Он на ней женился,— прошептала Джоан.— Ступайте в дом.

Клэр, видя, что она о чем-то умалчивает, спросил:

— Как вы думаете, Тэсс хотела бы, чтобы я ее отыскал? Если нет, то, конечно...

— Не думаю, чтобы она хотела.

— Вы уверены?

— Уверена, что не хочет.

Он повернулся, чтобы уйти, но вдруг вспомнил о нежном письме Тэсс.

— А я уверен, что хочет! — возбужденно воскликнул он. — Я ее знаю лучше, чем вы!

— Очень может быть, сэр, потому что я-то в сущности никогда хорошенько ее не знала.

— Прошу вас, скажите ее адрес, миссис Дарбейфилд, пожалуйста бедного, одинокого человека.

Снова мать начала смущенно тереть рукой щеку; наконец, видя, что он страдает, сказала тихо:

— Она в Сэндбоурне.

— А... но где именно? Говорят, Сэндбоурн разросся...

— Знаю только, что она в Сэндбоурне. Я сама никогда там не бывала.

Ясно было, что Джоан говорит правду, и больше он не настаивал.

— Не нуждаетесь ли вы в чем-нибудь? — ласково спросил он.

— Нет, сэр,— ответила она.— Мы теперь всем обеспечены.

Не заходя в дом, Клэр ушел. В трех милях отсюда была станция, и, расплатившись с возницей, он отправился туда пешком. Вскоре отошел последний поезд в Сэндбоурн, и с этим поездом уехал Клэр.

LV

В одиннадцать часов вечера, заняв номер в гостинице и немедленно по приезде послав отцу телеграмму с указанием адреса, он вышел пройтись по улицам Сэндбоурна. Было слишком поздно, чтобы заходить куда-нибудь и наводить справки, и он поневоле отложил это до утра. Но ему было не до сна.

Этот модный приморский курорт, с двумя вокзалами — восточным и западным, с его пристанями, сосновыми рощами, аллеями, садами казался Энджелу Клэру каким-то сказочным местом, возникшим внезапно по мановению волшебного жезла

и лишь слегка запыленным. С востока примыкала к нему гигантская краснобурая Эгдонская степь — эта древняя страна; и однако, именно здесь вырос город увеселений. На расстоянии миль от предместий Сэндбурна сама земля вещала о доисторических временах, каждый канал служил средством сообщения бриттам; ни одна глыба земли не была сдвинута со времен цезарей. Но внезапно, словно тыква пророка, вырос здесь экзотический город и заманил сюда Тэсс.

При свете фонарей бродил он по извилистым улицам нового мира, возникшего в мире старом, и видел меж верхушек деревьев высокие крыши на фоне звездного неба, трубы, бельведеры, башни фантастических вилл, которыми был застроен город. Здесь были только особняки; курорт, перенесенный на берег Ламанша с побережья Средиземного моря, ночью казался еще внушительнее, чем был в действительности.

Море было близко, но не вторгалось навязчиво, оно нашептывало что-то, — а он подумал, что шумят сосны; сосны шумели так же, как и море, — и этот шум принял он за плеск прибоя.

Где же могла приютиться Тэсс, крестьянка, молодая его жена, в этом богатом и фешенебельном городе? Чем больше он думал, тем сильнее удивлялся. Разве есть здесь коровы, которых она могла бы доить? Наше-то уж во всяком случае не было. Вернее всего, она работает прислугой в одном из этих больших домов. И он брел дальше, посматривая на освещенные окна спален; свет угасал в них, а он старался угадать, где окно ее комнаты.

Догадки ни к чему не привели, и после полуночи он вернулся в гостиницу и лег спать. Прежде чем погасить свет, он еще раз прочел страстное письмо Тэсс. Заснуть он, однако, не мог: быть так близко от нее и в то же время так далеко... Поминутно поднимал он штору, всматривался в дома напротив и спрашивал себя: не за этой ли стеной спит она сейчас?

В эту ночь он мог бы и не ложиться в постель. Встал он в семь часов и, выйдя на улицу, направился к главному почтамту. У двери он встретил смущенного на вид почтальона, отправлявшегося разносить утреннюю почту.

— Не знаете ли вы адреса миссис Клэр? — спросил Энджел. Почтальон покачал головой.

Вспомнив, что она, вероятно, живет под своей девичьей фамилией, Клэр добавил:

— Или мисс Дарбейфилд?

— Дарбейфилд?

И этой фамилии почтальон не слышал.

— Здесь, знаете ли, сэр, один приезжают, другие уезжают, — сказал он. — Не зная дома, никого не отыщешь.

В это время из почтамта вышел один из его товарищей, и Клэр повторил фамилию.

— Никаких Дарбейфилдов я не знаю, но в «Цапле» живет д'Эрбервилль,— ответил второй почтальон.

— Вот это мне и нужно! — воскликнул Клэр, радуясь, что она носит теперь неискаженную фамилию.— А что это за «Цапля»?

— Богатый пансион. Здесь только и есть, что пансион.

Расспросив, как найти пансион, Клэр ускорил шаги и подошел к дому одновременно с молочником. «Цапля» была самой обыкновенной виллой, но находилась на отдельном участке и скорее напоминала частный особняк, чем пансион, где сдаются комнаты. Клэр опасался, что бедная Тэсс нанялась сюда служанкой; в таком случае она выйдет через черный ход к молочнику. И он хотел было последовать за ним, потом нерешительно подошел к парадной двери позвонил.

Час был ранний, и дверь открыла сама хозяйка. Клэр осведомился, не здесь ли живет Тереза д'Эрбервилль, или Дарбейфилд.

— Миссис д'Эрбервилль?

— Да.

Значит, Тэсс считали здесь замужней женщиной, и он обрадовался этому, хотя она и не носила его фамилии.

— Будьте добры, скажите ей, что ее хочет видеть родственник.

— Рановато еще. А как доложить о вас, сэр?

— Скажите, что пришел Энджел.

— Минстер Энджел?

— Нет. Энджел. Это имя, а не фамилия. Она знает.

— Пойду посмотрю, проснулась ли она.

Его ввели в комнату. Это была столовая; сквозь прозрачные занавески он видел маленькую лужайку, рододендроны и кусты. Очевидно, Тэсс жилось не так плохо, как он опасался; у него мелькнула догадка, что она как-нибудь вытребовала и продала бриллианты. За это он ее не осуждал. Вскоре настроженный его слух уловил шаги — кто-то спускался по лестнице. Сердце его мучительно забилося, он едва мог стоять. «Боже мой, что она обо мне подумает? Я так изменился!» — прошептал он. Дверь распахнулась.

На пороге стояла Тэсс — совсем не такая, какую думал он ее увидеть. Впечатление было ошеломляющее. Она была одета так, что костюм подчеркивал природную ее красоту. Ее окутывал широкий серовато-белый кашемировый капот с вышивкой, выдержанной в полутраурных тонах; того же цвета были утренние туфли. У ворота капот был обшит пухом. Густые темно-

каштановые волосы — свою тяжелую косу, которую он так хорошо помнил, — она закрутила на затылке, но отдельные пряди падали ей на плечо, — очевидно, она спешила.

Он протянул к ней руки, но она не подошла к нему, она стояла в дверях, и руки его опустились. Он, похожий теперь на скелет, обтянутый желтой кожей, почувствовал контраст между собой и ею и решил, что внушает ей отвращение.

— Тэсси! — сказал он хрипло. — Простишь ли ты меня за то, что я уехал? Неужели ты не подойдешь ко мне? Почему ты так... изменилась?

— Слишком поздно! — проговорила она; голос ее резко прозвучал в комнате, глаза неестественно блестели.

— Я был несправедлив к тебе, я видел тебя не такой, какую ты была! — умолял он. — Теперь я тебя знаю, Тэсси, любимая!

— Слишком поздно! — повторила она, нетерпеливо отмахиваясь рукой, словно ее пытали и каждая минута казалась ей часом. — Не подходи ко мне, Энджел! Нет, нельзя! Не подходи!

— Неужели ты можешь меня разлюбить, жена моя, дорогая, потому что я так изменился после болезни? Нет, ты не была неостоянной... я нарочно за тобой приехал, теперь мои родители примут тебя с любовью!

— Да, да! Но говорю тебе — слишком поздно!

Казалось, ей снится страшный сон, когда человек пытается бежать и не может.

— Или ты ничего не знаешь? Но как же ты мог прийти сюда, если ты не знал?

— Я наводил справки и отыскал тебя.

— Я тебя ждала! Так ждала! — говорила она, и голос ее снова звучал, словно флейта, как в былые времена. — Но ты не возвращался. Я тебе написала, а ты не приехал! Он мне твердил, что ты никогда не вернешься, что я глупая женщина. Когда умер отец, он был очень добр ко мне, и к матери, и ко всем нам. Он...

— Я не понимаю.

— Он уговорил меня вернуться к нему.

Клэр посмотрел на нее пристально, потом, поняв смысл ее слов, поник, как пораженный громом, и опустил глаза; взгляд его упал на ее руки: эти руки, когда-то розовые, были теперь белые и очень нежные.

Она продолжала:

— Он там, наверно. Теперь я его ненавижу, потому что он мне солгал: сказал, что ты не вернешься, а ты вернулся! Это платье подарил мне он... Мне было все равно, что бы он ни де-

лал со мной! Но, прошу тебя, Энджел, уйди и никогда больше не приходи.

Они стояли неподвижно, в каком-то смятении, с тоской глядя друг на друга. Казалось, оба умоляли кого-то защитить их от действительности.

— Ах, это я виноват! — сказал Клэр.

Продолжать он не мог. Слова были так же бессильны, как и молчание. Но он смутно почувствовал то, что только впоследствии понял ясно: его Тэсс духовно как бы отделилась от тела, оно как бы не принадлежало ей, она позволила ему плыть, словно это был труп, по течению, независимо от ее воли.

Прошло несколько секунд, и он заметил, что Тэсс ушла.

Кровь отхлынула от его лица; казалось, оно еще больше осунулось, пока он стоял, сосредоточенно размышляя. Минуты через две он шел по улице, сам не зная, куда идет.

LVI

Миссис Брукс, хозяйка «Цапли», владевшая всей этой прекрасной мебелью, отнюдь не страдала чрезмерным любопытством. Вынужденная служить расчетливому демону барышней и убытков, она, бедняжка, слишком погрязла в материальных делах и могла интересоваться только карманами своих жильцов; любопытство бескорыстное было ей чуждо. Однако визит Энджела Клэра к ее состоятельным жильцам, супругам д'Эрбервиллям, каковыми она их считала, был настолько необычен, если принять во внимание ранний час и другие обстоятельства, что в ней пробудилось женское любопытство, которое давно было задумано, поскольку оно не могло служить интересам дела.

Тэсс разговаривала со своим мужем, оставаясь в дверях и не входя в столовую, а м-с Брукс, стоявшая за приоткрытой дверью своей собственной гостиной в конце коридора, слышала отрывки разговора, — если можно назвать разговором те слова, какими обменялись двое несчастных. Слышала она также, как Тэсс поднялась по лестнице, а Клэр ушел и захолопнулась за ним парадная дверь. Потом стукнула дверь наверху, и м-с Брукс поняла, что Тэсс вернулась к себе. Так как молодая леди еще не закончила своего туалета, м-с Брукс предполагала, что она выйдет не скоро.

Тихонько поднялась она по лестнице и остановилась у двери гостиной, которая соединялась двустворчатой дверью со смежной комнатой — спальней. Весь бельэтаж, где находились лучшие комнаты м-с Брукс, снимали д'Эрбервилли, внося плату еженедельно. В спальне было тихо, но из гостиной доносились какие-то звуки.

Сначала она расслышала только протяжный стон, словно кого-то пытали на колесе Иксиона¹.

— О-о-о!..

Молчанье, тяжелый вздох и снова:

— О-о-о!..

Хозяйка посмотрела в замочную скважину. Видна была только небольшая часть комнаты, угол стола, на котором уже приготовлен был завтрак, а рядом стул. Над сидением стула виднелась склоненная голова Тэсс, стоявшей на коленях; руки она заломила над головой, подол ее капота и вышитой ночной рубашки растилался по полу; на ковре видны были ее босые ноги, с которых упали туфли. И с ее уст срывался шепот, выражавший бесконечное отчаяние.

Из смежной спальни донесся голос мужчины:

— Что случилось?

Она не ответила, не прервала своего заунывного монолога, звучавшего, как похоронное пение. М-с Брукс могла расслышать лишь некоторые фразы:

— А потом мой милый муж вернулся ко мне... а я этого не знала... А ты был так жесток и все мне внушал... да, ты не переставал мне внушать! Мои сестры, братья, нищета матери — вот чем удалось тебе меня растрогать... и ты говорил, что мой муж никогда не вернется, никогда... Ты надо мной издевался, говорил, что я глупа, если все еще его жду... И, наконец, я тебе поверила и уступила!.. А он вернулся! Теперь он ушел. Снова ушел, и я потеряла его навеки... и теперь он не будет меня любить, он будет ненавидеть... Да, теперь я его потеряла, и опять из-за тебя!

Корчась на полу, она повернула лицо к двери, и м-с Брукс увидела, что оно искажено от боли; губы до крови закушены, глаза закрыты, и длинные ресницы, смоченные слезами, прилипли к щекам. Она продолжала:

— А он умирает... он похож на умирающего!.. И мой грех убьет его, а не меня!.. О, ты разбил мою жизнь... сделал меня своей жертвой, жалкой птицей в клетке!.. А мой муж никогда, никогда... О боже, я этого не вынесу! Не вынесу!

Мужчина что-то резко сказал, послышался шорох; она вскопчила. М-с Брукс, думая, что она выбежит из комнаты, поспешила спуститься вниз.

Однако ей незачем было спешить: дверь гостиной не распахнулась. Но м-с Брукс, считая небезопасным подслушивать на площадке лестницы, вернулась в свою комнату.

¹ Иксион обречен был Зевсом вечно крутить колесо, увитое змеями (греч. миф.).

Сверху не доносилось ни звука, хотя она напряженно прислушивалась, а потом пошла в кухню, где занялась прерванным завтраком. Войдя в гостиную первого этажа, она принялась за шитье, поджидая, когда позвонят жильцы: она хотела пойти сама на звонок и убрать со стола, надеясь, что ей удастся разузнать, в чем дело. Наверху поскрипывали половицы — кто-то ходил по комнате; потом, задевая за перила лестницы, зашуршало платье, открылась и захлопнулась парадная дверь, и показалась Тэсс, выходящая на улицу. Как и полагается богатой молодой леди, она была одета в костюм для прогулки, в котором приехала сюда, но шляпу с черными перьями закрыла вуалью.

Миссис Бруке не расслышала, обменялись ли жильцы бельэтажа какими-нибудь фразами перед уходом Тэсс. Быть может, они поссорились, а может быть, м-р д'Эрбервилль еще спал — он не имел обыкновения вставать рано.

Она удалилась в свою комнату в глубине дома и продолжала шить. Леди не возвращалась, а джентльмен не звонил. М-с Бруке размышляла, чем может быть вызвано такое промедление и какое отношение имеет ранний посетитель к парочке, занимавшей бельэтаж. Задумавшись, она откинулась на спинку стула.

Случайно подняв глаза, она увидела на белом потолке пятно, которого раньше никогда не замечала. Когда она только что обратила на него внимание, оно было не больше облатки, но, быстро разрастаясь, стало величиной с ладонь, и тогда она разглядела, что пятно это красное. Комната была длинная, и белый потолок с алым пятном посредине напоминал гигантского туза червей.

У м-с Бруке зародились странные опасения. Она влезла на стол и коснулась пальцами пятна на потолке. Оно было влажное; ей показалось, что это кровь.

Спрыгнув со стола, она поднялась наверх, намереваясь войти в спальню, находившуюся над ее комнатой и смежную с гостиной. Но, хотя нервы у нее были крепкие, она не могла заставить себя нажать дверную ручку. Она прислушалась. Мертвую тишину нарушало только мерное капанье: кап, кап, кап.

М-с Бруке поспешно спустилась вниз, открыла парадную дверь и выбежала на улицу. Мимо проходил человек, которого она знала, — рабочий, служащий в соседней вилле. Она попросила его войти в дом и вместе с ней подняться наверх: она боится, не случилось ли беды с одним из ее жильцов. Рабочий согласился и последовал за ней.

Она открыла дверь гостиной и, пропустив его вперед, вошла вслед за ним. В комнате никого не было; завтрак — кофе

ца, холодная ветчина — остался нетронутым; стол был накрыт так, как она сама его накрыла, не хватало только большого ножа. Она попросила рабочего пройти в соседнюю комнату.

Он открыл дверь, сделал два-три шага и тотчас же вернулся с помертвевшим лицом.

— О господи, джентльмен лежит в постели мертвый! Кажется, его ударили ножом... на полу лужа крови!

Подняли тревогу, и дом, еще недавно такой тихий, огласился шарканьем многочисленных ног; явился и врач. Рана была маленькая, но острие ножа задело сердце жертвы; убитый лежал на спине, бледный, окоченевший, — вряд ли он хоть раз пошевелинулся, после того как ему нанесен был удар. Четверть часа спустя весть о том, что приезжего джентльмена убили ножом в гостели, распространилась по всем улицам и дворам модного курорта.

LVII

Энджел Клэр шел, как автомат, обратно по тем же улицам и, вернувшись в гостиницу, сел завтракать, рассеянно глядя в пространство. Ел он и пил, не сознавая, что делает, затем вдруг потребовал счет; расплатившись, он взял свой саквояж — больше никаких вещей у него не было — и вышел.

В эту минуту ему подали телеграмму — несколько слов от материи: они обрадовались, узнав его адрес, и сообщают ему, что его брат Катберт сделал предложение мисс Мерси Чант, которое и было принято.

Клэр скромкал телеграмму и пошел на вокзал; здесь он узнал, что следующий поезд отходит не раньше, чем через час. Он сел, однако через четверть часа почувствовал, что ждать больше не может. Раздавленному, оглушенному, ему незачем было спешить, но он хотел скорей выбраться из города, где пережил такое испытание, и решил идти пешком до следующей станции, а там сесть в поезд.

Шел он по прямой дороге, которая спускалась в ложбину. Он уже дошел почти до конца ложбины и, поднимаясь по западному склону, приостановился, чтобы перевести дыхание, и зачем-то оглянулся. Почему он это сделал, он бы не мог объяснить, — словно что-то его подтолкнуло. Он видел пройденную им дорогу, ровную и прямую, как протянутая тесьма, и на этом белом пространстве появилось движущееся пятнышко.

Это был бегущий человек. Клэр ждал, смутно предчувствуя, что кто-то старается его догнать.

Вниз по склону бежала женщина, но он далек был от мысли, что его жена может за ним последовать; даже когда она

была совсем близко, он не узнал ее в этом новом костюме. Она подошла к нему вплотную, и тогда только он узнал Тэсс.

— Я видела, как ты отошел от вокзала... когда я подходила к нему... и всю дорогу я за тобой бежала!

Бледная, задыхающаяся, она дрожала всем телом, и он, не задав ей ни единого вопроса, продел ее руку под свою и повел дальше. Желая избежать встречи с прохожими, он свернул с дороги на тропинку под елями. Ветви стонали над ними, когда углубились они в чащу; здесь он остановился и посмотрел на нее вопросительно.

— Энджел,— начала она, словно только и ждала его взгляда,— знаешь, почему я за тобой побежала? Сказать тебе, что я его убила!

И жалкая улыбка появилась на ее лице.

— Что? — воскликнул он, думая, что она бредит.

— Я это сделала... не знаю, как,— продолжала она.— Все-таки я должна была это сделать ради тебя и ради самой себя, Энджел. Я давно боялась, еще в тот день, когда ударила его перчаткой по губам, что когда-нибудь убью его за то зло, какое он причинил мне в ранней юности.— мне, а значит, и тебе. Он стоял между нами и погубил нас, но теперь он уже не может нас обидеть. Я никогда не любила его, Энджел, так, как любила тебя. Ты это знаешь, да? Ты мне веришь? Ты ко мне не вернулся, и я принуждена была вернуться к нему. Зачем ты уехал, зачем, когда я тебя так любила? Я не могу понять, зачем ты это сделал? Я тебя не виню, но ты мне простишь, Энджел, мою вину перед тобой — теперь, когда я его убила? Я бежала за тобой и думала, что уж теперь-то ты меня наверно простишь, раз я это сделала. Меня словно осенило, что так я могу тебя вернуть. Больше я не могла жить без тебя; ты не знаешь, как невыносимо мне было сознавать, что ты меня не любишь! Скажи же мне, мой муж, мой любимый муж, скажи, что любишь меня теперь, когда я его убила!

— Я люблю тебя, Тэсс, да, люблю, как раньше! — сказал он, судорожно прижимая ее к себе.— Но что ты говоришь? Ты его убила?

— Да, убила... — прошептала она, словно сквозь сон.

— Убила? Он мертв?

— Да. Он слышал, как я тебя оплакивала, и стал надо мной издеваться и обозвал тебя гнусным именем, а тогда я это сделала. Сердце мое не вынесло. Он и раньше издевался надо мной, говоря о тебе. А потом я оделась и пошла искать тебя.

Наконец, Клэр почти поверил, что она если и не убила Алекка, то во всяком случае пыталась убить. К ужасу перед ее поступком примешивалось изумление: как сильна была ее лю-

бовь к нему и как необычайна, если она лишила ее морально-го инстинкта. Не отдавая себе отчета в серьезности своего поступка, она, казалось, была счастлива: прислонившись к его плечу, она плакала от радости, а он смотрел на нее и думал о том, что темная кровь д'Эрбервиллей внушила ей этот бред, если это было бредом. Потом у него мелькнула мысль, что это — фамильная традиция: карета и убийство, — ибо, как известно, д'Эрбервилли были повинны в таких деяниях. Насколько вообще он мог, находясь в таком смятении, мыслить разумно, он предположил, что в минуту безумного горя, о котором она говорила, рассудок ее помутился и она ринулась в эту пропасть.

Если она сказала правду — это было страшно; если бредила — печально. Но как бы то ни было, здесь стояла она, его покинутая жена, страстно любящая женщина, которая прильнула к нему, несколько не сомневаясь, что он будет ее защитником. Наконец, нежность одержала верх над всеми другими чувствами. Клэр бледными губами без конца целовал ее и, держа за руку, сказал:

— Я не покину тебя! Что бы ты ни сделала, любимая, я буду защищать тебя, пока хватит сил!

Они пошли дальше под сенью деревьев. Тэсс поминутно повертывала голову, чтобы взглянуть на него. Хотя он теперь худая и подурнел, она, очевидно, не находила в нем никаких недостатков. Как в старые времена, он оставался для нее совершенством. Все еще был он ее Антиномом, даже Аполлоном. Для нее, любящей, его изможденное лицо было прекрасно, как утро, прекрасно сегодня, как и в день первой их встречи, — ведь это было лицо единственного человека на земле, который любил ее чистой любовью и верил в ее чистоту.

Инстинктивно опасаясь чего-то, он не пошел, как намеревался раньше, на станцию, но углубился в лес, который тянулся на много миль. Обнявшись, шли они по сухому ковру из еловых игл, обнявшись сознанием, что наконец-то они вместе и никто не стоит между ними; о трупе они не вспоминали. Так прошли они несколько миль. Наконец, Тэсс, очнувшись, осмотрелась по сторонам и робко спросила:

— Мы идем куда-нибудь в определенное место?

— Не знаю, дорогая. А что?

— Не знаю.

— Мы можем пройти еще несколько миль, а когда стемнеет, поищем комнату в каком-нибудь уединенном коттедже. Ты не устала, Тэсс?

— О нет! Я могу идти без конца, когда ты обнимаешь меня.

Его план казался разумным. Они ускорили шаг и, избегая проезжих дорог, шли лесными тропинками, держа путь на се-

вер. Но и в течение всего этого дня они действовали необходимо: ни он, ни она не подумали о бегстве, о переодевании, о том, чтобы где-нибудь спрятаться. О будущем они не помышляли и были неосторожны, как дети.

К полудню они подошли к придорожной харчевне, и Тэсс хотела войти туда вместе с ним, чтобы поесть, но он убедил ее подождать его здесь, под деревьями; в этой местности лес чередовался с участками, заросшими вереском. Тэсс была одета по последней моде, модным был даже изящный зонтик с ручкой из слоновой кости; в этом глухом уголке, куда они забрели, никто не видывал такого зонтика, даже покрой ее платья мог привлечь всеобщее внимание в харчевне. Вскоре он вернулся с провизией по крайней мере на шесть человек и двумя бутылками вина: этого должно было им хватить на день, на два, если бы случилось что-нибудь непредвиденное.

Усевшись на сухих ветках, они принялись за еду. Был второй час, когда они завернули остатки провизии и пошли дальше.

— У меня хватит сил идти очень долго,— сказала она.

— Мы пойдем в глубь страны и скроемся там на время; вероятно, разыскивать нас будут ближе к побережью,— заметил Клэр.— Потом, когда о нас забудут, нам удастся добраться до какого-нибудь порта.

Она ничего не ответила и только обняла его крепко. Так пошли они в глубь страны. Хотя был май — английский май, по погоде стояла ясная и теплая. Они прошли еще несколько миль, и тропинка завела их в чашу Нового Леса, а к вечеру, повернув на проселочную дорогу, они увидели над красивыми воротами большую доску, на которой было написано белой краской: «Этот прекрасный дом сдается внаймы с мебелью»; далее следовали подробности, а за справками предлагалось обращаться в Лондонское агентство. Войдя в ворота, они увидели внушительного вида дом со службами, построенный в строгом стиле.

— Я этот дом знаю,— сказал Клэр.— Это усадьба Бремсхерст. Видишь, он заперт, и аллея заросла травой.

— Несколько окон открыто,— заметила Тэсс.

— Должно быть, проветривают комнаты.

— Весь дом пустой, а у нас нет пристанища!

— Ты начинаешь уставать, моя Тэсси. Мы скоро отдохнем. И, поцеловав ее скорбные губы, он повел ее дальше.

Он тоже чувствовал усталость, так как прошли они не меньше двадцати миль, и нужно было подумать об отдыхе. Издали посматривали они на уединенные коттеджи и маленькие харчевни и хотели было зайти туда, но мужество им изменило, и

они свернули в сторону. Они с трудом волочили ноги и, наконец, остановились.

— Не переночевать ли нам в лесу? — спросила она.

Но он считал, что было еще слишком холодно.

— Я думал об этом пустом доме, мимо которого мы прошли, — сказал он. — Вернемся туда.

Они повернули назад, но только через полчаса остановились у ворот. Он попросил ее подождать, а сам отправился на разведки.

Она уселась под кустом, а Клэр, крадучись, направился к дому. Он не возвращался довольно долго, и Тэсс была в тревоге, — не за себя она боялась, но за него. Расспросив какого-то мальчишка, Клэр узнал, что за домом присматривает старуха, которая приходит только в ясные дни открывать и закрывать окна, а живет она в соседней деревушке. И сегодня она придет на закате солнца, чтобы закрыть окна.

— Мы можем взлезть в одно из окон нижнего этажа и отдохнуть, — сказал он Тэсс.

Под его охраной она медленно пошла к дому; никто не мог их видеть: окна были закрыты ставнями и походили на глаза слепого. По лестнице поднялись они на крыльцо; одно окно около двери было открыто. Клэр взлез в него и втащил за собой Тэсс.

Все комнаты, кроме вестибюля, были погружены во мрак. Они поднялись на второй этаж; здесь также были закрыты ставни, — дом проветривали кое-как, во всяком случае сегодня, так как открыто было только окно в вестибюле и одно окно в верхнем этаже. Клэр отпер дверь большой комнаты, ощупью добрался до окна и приоткрыл ставни, так что образовалась щель шириной в два-три дюйма. Яркий солнечный луч проник в комнату, осветив тяжелую старомодную мебель, малиновые шелковые портьеры и гигантскую кровать под балдахинном; над ее изголовьем вырезаны были бегущие фигуры — во-видимому, бег Аталанты¹.

— Наконец-то мы отдохнем! — сказал Клэр, бросая на пол саквояж и сверток с провизией.

Они сидели, пританцовывая, поджидая старуху, которая должна была прийти закрыть окна. Из предосторожности они снова заложили болтом ставни и остались в темноте, опасаясь, как бы старуха случайно не заглянула в эту комнату. Пришла она между шестью и семью, но не заходила в то крыло дома, где они приоткрылись. Они слышали, как она закрыла окна, запер-

¹ Аталанта отличалась быстротой бега (греч. миф.)

ла двери и ушла. Тогда Клэр, снова приоткрыв ставни, впустил луч света, и они поужинали. Постепенно их окутывали тени ночи, свечей у них не было, чтобы разогнать мрак.

LVIII

Ночь была странно торжественная и тихая. После полуночи Тэсс шепотом рассказала ему, как он во сне переносил ее на руках через реку Фрум, подвергая опасности жизнь их обоих, как положил ее в каменную гробницу в разрушенном аббатстве. Только сейчас узнал он об этом.

— Почему ты не рассказала мне на следующий день! — воскликнул он. — Это избавило бы нас от многих недоразумений и печалей.

— Не думай о прошлом! — сказала она. — Я хочу думать только о настоящем. Кто знает, что будет завтра?

Но завтра, казалось, не сулило ничего дурного. Утро было сырое, туманное, и Клэр, зная, что старуха приходит отворять окна только в ясные дни, рискнул выйти из комнаты и осмотреть дом, пока Тэсс спит. Провизии в доме не оказалось, но вода была. Под покровом тумана Клэр покинул усадьбу и, дойдя до маленького городка, находившегося на расстоянии двух миль, купил в лавке чаю, хлеба и масла, а также маленький котелок и спиртовку, чтобы избежать дыма. Тэсс проснулась, когда он вернулся, и они принялись за принесенный им завтрак.

Им не хотелось выходить из дому; прошел день, ночь и еще два дня. Не заметили они, как промелькнула пять дней в этом полном уединении, и ни один человек не нарушал их покоя, — если это был покой. Единственным событием в их жизни была перемена погоды; общество людей заменяли им птицы в Новом Лесу. По молчаливому соглашению, они почти не говорили о месяцах, последовавших за днями их свадьбы. Это мрачное время словно провалилось в хаос, а над ним сомкнулось более отдаленное прошлое и настоящее. Когда он заговаривал о том, чтобы покинуть усадьбу и идти в Саутгемптон или Лондон, она отказывалась трогаться с места.

— Зачем нам обрывать эту жизнь, такую чудесную и радостную! — убеждала она. — Чему быть, того не миновать. Все беды подстерегают нас там, а здесь хорошо, — добавила она, заглядывая в щель ставней.

Он тоже посмотрел в щель. Она была права: здесь — любовь, близость друг к другу, забвение заблуждений; там — немолчаливая судьба.

— И знаешь, — сказала она, прижимаясь щекой к его лицу. — Я боюсь, что ты не всегда будешь думать обо мне так,

как думаешь теперь. Я не хочу пережить твою любовь. Да, не хочу. Лучше мне умереть, если настанет время, когда ты будешь меня презирать. И пусть я никогда не узнаю, что ты меня презираешь.

— Я никогда не буду тебя презирать.

— Я надеюсь на это. Но, вспоминая свою жизнь, я не верю, что может найтись хоть один человек, который рано или поздно не почувствует ко мне презрения... Какой я была злой, безумной! А ведь раньше я бы не обидела мухи или червяка; я часто плакала, глядя на птицу в клетке.

Они остались еще на сутки. Ночью пасмурное небо прояснилось, а наутро старуха рано проснулась в своем коттедже. Ослепительный солнечный свет подбодрил ее, и она решила немедленно пойти в усадьбу и хорошенько проветрить дом по случаю такой чудесной погоды. Не было шести часов, когда она открыла окна в нижнем этаже, а затем поднялась наверх, в спальню, и хотела было открыть дверь в комнату, где они спали. Вдруг ей почудилось, что она слышит чье-то дыхание. Была она в мягких туфлях и двигалась почти бесшумно; она хотела было уйти, потом предположив, что ошиблась, вернулась к двери и осторожно нажала ручку. Замок был в неисправности, но кто-то изнутри заставил дверь мебелью, и она могла приоткрыть ее только на один-два дюйма. Луч света, пробираясь в щель ставня, падал на лица мужчины и женщины, погруженных в глубокий сон; губы Тэсс, полураскрытые, как распускающийся цветок, касались щеки Клэра. Старуха была поражена певниным видом этой пары, а также элегантным платьем Тэсс, висевшим на спинке стула, шелковыми ее чулками, красивым зонтиком и другими изящными принадлежностями туалета, в котором она ушла, так как ничего другого у нее не было. В первый момент старуха была возмущена наглостью бродяг, а затем расчувствовалась, решив, что это сбежавшая влюбленная парочка благородного происхождения. Она закрыла дверь и удалилась так же тихо, как пришла, намереваясь рассказать соседям о странном открытии и попросить совета.

Минуту спустя после ее ухода проснулась Тэсс, затем Клэр. У обоих было смутное чувство, будто что-то потревожило их сон, и это неприятное чувство не рассеивалось, но укреплялось. Поспешно одевшись, Клэр внимательно осмотрел лужайку сквозь щель в ставне.

— Отправимся-ка в путь не мешкая, — сказал он. — День ясный. А мне все время чудится, словно кто-то есть в доме. Сегодня старуха во всяком случае придет.

Она нассивно подчинилась. Приведя комнату в порядок и захватив свои вещи, они потихоньку вышли. На опушке леса она оглянулась, чтобы в последний раз посмотреть на усадьбу.

— Прощай, счастливый дом! — сказала она. — все равно через несколько недель меня не будет в живых. Почему не остались мы там?

— Не говори этого, Тэсс. Скоро мы уйдем из этих мест. Будем, как и раньше, идти прямо на север. Никому не придет в голову разыскивать нас там. Если и будут нас искать, то только в уэссекских портах. А мы доберемся до какого-нибудь порта и уедем.

Уговорив ее принять этот план, он решил идти прямо на север. Длительный отдых в усадьбе восстановил их силы, и незадолго до полудня они подошли к Мелчестеру, городу с остроконечными башенками, лежавшему на их пути. Днем он решил отдохнуть в роще, а дальше идти уже под покровом ночи. В сумерках Клэр, как всегда, отправился покупать провизию, а затем они пошли дальше и около восьми часов перешли границу между Верхним и Средним Уэссексом.

Тэсс не впервые приходилось идти, минуя проезжие дороги, и она проявила такую же выносливость, как в былые времена. Им пришлось войти в древний городок Мелчестер, чтобы по городскому мосту перейти широкую реку, преграждавшую путь. В третьем часу ночи они шли по безлюдной улице, кое-где освещенной фонарями; минуя тротуары, они шли по мостовой, и шаги не нарушали тишины. Справа смутно вырисовывалось красное сооружение — собор, но сейчас они не могли его разглядеть. Выйдя из города, они прошли несколько миль по шоссе, которое увело их на открытую равнину.

Небо было пасмурное, но рассеянный свет месяца пробивался сквозь облака, помогая им ориентироваться. Вскоре месяц закатился, облака, казалось, нависли над самой головой, и стало темно, как в пещере. Однако они не сбились с дороги и старались идти по траве, чтобы не слышно было шагов; это не представляло затруднений, так как ни заборов, ни живой изгороди здесь не было, — не было ничего, кроме открытой безлюдной и черной равнины, над которой дул резкий ветер.

Так прошли они в темноте две-три мили, как вдруг Клэр увидел какое-то гигантское строение, поднимающееся среди равнины. Они едва на него не наткнулись.

— Что это за странное место? — воскликнул Энджел.

— Какой здесь гул! — сказала она. — Слушай!

Он прислушался. Ветер, гуляя над строением, гудел, и казалось — дрожит струна гигантской арфы. Больше ничего не было слышно. Вытянув руку, Клэр шагнул вперед и коснулся вертикальной поверхности стены. Можно было подумать, что стена сложена не из отдельных камней, но представляет одну сплошную каменную глыбу. Проведя по ней рукой, он убедил-

ся, что это колоссальная прямоугольная колонна; вытянув левую руку, он нащупал вторую такую же колонну. Где-то вверху, на фоне темного неба, смутно виднелось что-то черное — архитрав, соединяющий две колонны. Осторожно прошли они между ними, и эхо отвечало на их тихие шаги; но казалось им — они все еще находятся под открытым небом. Крыши над ними не было. Тэсс боязливо затаила дыхание, а Энджел с недоумением проговорил:

— Что это может быть?

Свернув в сторону, они наткнулись еще на одну колонну, похожую на башню, прямоугольную и суровую, как и первая. Казалось, не было здесь ничего, кроме колонн да просветов между ними и архитравов, соединяющих некоторые колонны.

— Настоящий храм ветров, — сказал он.

Следующая колонна высилась в стороне, другие лежали на земле, и были они так велики, что по ним мог проехать экипаж. Тэсс и Клэр убедились, что находятся в лесу из моголитов, возвышающихся среди покрытой травой равнины. Войдя в эту обитель ночи, они остановились.

— Это Стоунхенж! — воскликнул Клэр.

— Языческий храм?

— Да. Он древнее столетий. Древнее, чем д'Эрбервилли! Что же нам делать, дорогая? Пойдем дальше искать пристанища.

Но Тэсс, усталая, легла на продолговатую каменную плиту, защищенную от ветра колонной. Днем солнце нагрело камень, и теперь он был сухой и теплый, тогда как трава вокруг покрывалась росой, пропитавшей подол ее платья и ботинки.

— Я не хочу идти дальше, Энджел, — сказала она, протягивая к нему руку. — Нельзя ли остаться здесь?

— Боюсь, что нет. Днем это место можно увидеть за много миль, хотя сейчас оно и кажется уединенным.

— Я припоминаю, что один из родственников моей матери был здесь пастухом. А в Тэлботейсе ты меня называл язычницей. Значит, теперь я дома.

Он опустился подле нее на колени и коснулся губами ее губ.

— Спать хочется, дорогая? Мне кажется, ты лежишь на алтаре.

— Мне здесь очень нравится, — прошептала она. — Я была бесконечно счастлива, а здесь так торжественно и уединенно, и нет ничего, только небо над головой. Можно подумать, что, кроме нас двоих, никого в целом мире нет. И я бы хотела, чтобы только мы двое и были на свете, — мы и Лиза-Лу.

Клэр решил, что она может отдохнуть здесь до рассвета, и, прикрыв ее своим пальто, сел рядом с ней.

— Энджел, если что-нибудь случится со мной, ты ради меня позаботишься о Лизе-Лу? — спросила она после долгого молчания, когда они оба прислушивались к ветру, завывающему среди колонн.

— Да.

— Она такая добрая, наивная и чистая. О Энджел, я бы хотела, чтобы ты женился на ней, если лишишься меня, а это случится скоро. О, если бы ты женился!..

— Лишаясь тебя, я лишаюсь всего. И она — моя свояченица.

— Это ничего не значит, любимый. В Марлоте сплошь и рядом женятся на свояченицах. Лиза-Лу такая милая и кроткая, а какая она стала красивая! О, я бы не ревновала тебя к ней, когда мы будем духами! Ах, если бы ты воспитал, обучил ее, Энджел, и поднял до себя!.. В ней есть все, что было лучшего во мне, и нет моих недостатков; а если бы она стала твоей, было бы так, словно смерть нас не разлучила... Ну вот, теперь я тебе сказала. Больше я не буду говорить об этом.

Она умолкла, а он задумался. Далеко на северо-востоке он видел между колонн горизонтальную полосу. Черный облачный свод приподнимался, словно крышка горшка, пропуская у края земли свет загорающегося дня, и при этом свете начали вырисовываться темные монолиты и трилитоны¹.

— Здесь приносили жертвы богу? — спросила она.

— Нет, — сказал он.

— А кому?

— Я думаю, солнцу. Вон тот высокий камень стоит в стороне и обращен к востоку; из-за него скоро выглянет солнце.

— Помнишь, любимый, — сказала она, — пока мы не пожелались, ты никогда не хотел касаться моих верований? Но все-таки я знала твои мысли и думала так, как думал ты, — не потому, что у меня были какие-то убеждения, а только потому, что ты так думаешь. Скажи мне теперь, Энджел, как по-твоему, встретимся мы снова после смерти? Я хочу знать.

Он поцеловал ее, чтобы избежать ответа в такую минуту.

— О Энджел... боюсь, что это значит — нет! — воскликнула она, заглушив рыдание. — А я так хотела тебя увидеть, так хотела! Энджел, неужели даже ты и я не встретимся? А ведь мы так любим друг друга!

Подобно людям, более сильным, чем он, Клэр не ответил

¹ Трилитон (*греч.*) — сооружение, состоящее из двух гигантских неотделанных колонн из цельного камня, врытых в землю вертикально, на которые сверху укладывалась горизонтально третья колонна.

на роковой вопрос, заданный в роковую минуту. И снова они умолкли.

Минуты через две дыхание ее стало ровнее, пальцы, сжимавшие его руку, разжались, и она заснула. В бледном серебристом свете, разгорающемся на востоке, великая равнина казалась черной и словно приблизилась к ним; сосредоточенная, напряженная тишина окутывала необъятное пространство,— тишина, предшествующая рассвету. Восточные колонны с архитравами чернели на фоне светлого неба, дальше виднелся камень Солнца, очертаниями своими напоминающий огненный язык, а перед ним жертвенник. Ночной ветер стих, и застыла неподвижно вода, скопившаяся в выбоинах, напоминающих чаши. В то же время показалось на востоке какое-то пятнышко, словно движущаяся точка. Это была голова человека, шедшего по ложбине за камнем Солнца. Клэр пожалел, что они не ушли отсюда, но сейчас благоразумнее было остаться на месте. Человек направлялся к тем колоннам, за которыми они приютились.

Сзади послышался шум — шарканье ног. Оглянувшись, он увидел над поверженной колонной другого человека; не успел он опомниться, как справа, под трилитоном, появился еще один, а слева другой. Рассвет позволил Клэру разглядеть, что первый человек, шедший с запада, был высокого роста, и шел он, словно маршируя. Очевидно, они все явились сюда с определенной целью. Значит, Тэсс рассказала правду! Вскочив, он стал осматриваться, ища какое-нибудь оружие, камень... Мелькнула мысль о бегстве. Но тот, что был ближе всех, уже подошел к нему.

— Бесполезно, сэр,— сказал он.— Нас здесь шестнадцать человек на равнине, и вся округа поднята на ноги.

— Дайте ей самой проснуться! — шепотом умолял он обступивших его людей.

Только теперь увидели они, где она лежит, и не стали возражать; неподвижные, как колонны, они стояли и стерегли ее. Он подошел к каменной плите и, склонившись над Тэсс, взял ее маленькую руку; дыхание ее было короткое и слабое, как у ребенка. Светало. Все ждали. Фигуры людей были темные, а лица и руки казались посеребренными; блестяли серо-зеленые камни, но равнина все еще окутана была мраком. Вскочило солнце; луч упал на лицо спящей, коснулся ее век и разбудил ее.

— Что случилось, Энджел! — спросила она, приподымаясь.— Они пришли за мной?

— Да, любимая,— сказал он.— Пришли.

— Так и должно быть,— прошептала она.— Энджел, я почти рада... да, рада! Это счастье не могло быть долговечным. Слнш-

ком оно велико. Я была счастлива, а теперь, когда я умру, ты не будешь меня презирать.

Она встала, выпрямилась и шагнула вперед; никто не шел.

— Я готова,— спокойно сказала она.

LIX

Уинтончестер, красивый древний город, бывшая столица Уэссекса, расположен между холмом и ложбиной и купается в ярких и теплых утренних лучах июльского солнца. На домах из кирпича, черепицы и известняка почти высох покрывающий их мох, ручьи в долинах обмелели, а на Хай-стрит, от Западных ворот до средневекового креста и от средневекового креста до моста, лениво подметали мостовую, что обычно предшествует базарному дню.

Как известно каждому жителю Уинтончестера, у Западных ворот начинается длинная прямая дорога, поднимающаяся на протяжении миль в гору и постепенно уводящая от домов. По этой дороге шли из города два человека, шли быстро, словно не замечая трудного подъема, — но не избыток сил был тому причиной, а глубокая сосредоточенность. Вышли они на эту дорогу из узкой калитки в высокой стене. Казалось, они хотели уйти подальше от домов и людей, а потому-то и избрали этот путь. Хотя оба были молоды, но шли понурившись, а солнце безжалостно улыбалось, освещая скорбную пару.

Это были Энджел Клэр и высокая девушка в расцвете юности, полуробенек-полуженщина, живое подобие Тэсс, тоньше, чем она, но с такими же чудесными глазами,— Лиза-Лу, свояченица Клэра. Бледные их лица казались осунувшимися; они шли, держа за руки, в глубоком молчании, а склоненные их головы приводили на память картину Джотто «Два апостола».

Они почти достигли вершины Западного холма, когда на городских часах пробил восемь. Оба вздрогнули и, сделав еще несколько шагов, подошли к первому придорожному столбу, белевшему на зеленом фоне травы, так как здесь дорога не отделялась изгородью от поля. Они ступили на траву и, повинаясь непреодолимой силе, замедлили шаг, остановились у столба, повернулись и оцепенели в ожидании.

Вид с этой вершины открывался необозримый. Внизу, в долине, лежал город, который они только что покинули; отчетливо, как на изометрическом чертеже, вырисовывались более высокие здания: массивная башня собора с его нормандскими окнами, длинными боковыми приделами и нефом, шпили церкви св. Фомы, остроконечная башня колледжа, а правее — баш-

ня и крыша древнего странноприимного дома, где странник и по сей день может получить кусок хлеба и кружку эля. За городом поднимался куполообразный холм св. Екатерины, а бесконечная даль растворялась в ослепительном блеске солнца.

На фоне этого пейзажа и впереди других городских построек высилось большое кирпичное здание с плоской серой крышей и рядами низких, защищенных решетками окон, наводивших на мысль о заточении; своим казенным видом это строение резко выделялось на фоне причудливых линий готических зданий. С вершины холма дом был хорошо виден, но со стороны дороги его заслоняли тисовые деревья и вечнозеленые дубы. Калитка, из которой недавно вышли мужчина и девушка, находилась в стене этого здания. В центре здания поднималась уродливая восьмиугольная башня с плоской крышей, обращенная затененной стороной к холму. Если смотреть на нее отсюда, против солнца, она казалась единственным пятном на прекрасном облике города. И, однако, не его живописная красота, а именно это пятно притягивало взгляды двух путников.

К карнизу башни был прикреплен длинный шест. С него не спускали они глаз. Спустя несколько минут после того, как пробили часы, что-то медленно поползло вверх по шесту и развернулось, подхваченное ветром. Это был черный флаг.

«Правосудие» свершилось, и «глава бессмертных» (по Эсхилу) закончил игру свою с Тэсс. А рыцари и дамы из рода д'Эрбервиллей спали, ничего не ведая, в своих гробницах. Два молчаливых путника склонились до земли, словно в молитве, и долго оставались неподвижными. В полной тишине развевался флаг. Как только вернулись к ним силы, они выпрямились, снова взяли за руки и пошли дальше.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В конце прошлого века, в условиях политической реакции и кризиса буржуазной культуры, английский писатель Томас Гарди смело поднял голос в защиту гуманизма и правдивого идейного искусства. Он выступил как протестант и обличитель, возмущенный лицемерием и цинизмом морали угнетателей, жестокостью буржуазной цивилизации.

Деятельность Томаса Гарди-романиста относится к последней трети XIX века и совпадает с периодом перехода от домнополистического капитализма к империализму, когда Великобритания переживала глубокие потрясения. Столкнувшись с окрепшими конкурентами, английский капитализм стал терять свое монопольное положение на мировом рынке. Хозяйство и общественную жизнь Англии охватил кризис, обнаживший фальшь либеральной идеологии. В Англии нарастала политическая реакция, сопровождавшаяся резким упадком буржуазного искусства и литературы.

В борьбе с пестрыми декадентскими течениями росла литература, отражавшая условия жизни английских трудящихся. Недовольство и возмущение широких масс города и деревни, подъем рабочего движения в 80-е годы, распространение социалистических идей служили для этой литературы щедрой питательной почвой. В конце века появились примечательные произведения (Уильяма Морриса и других), в которых острая критика действительности сочеталась с призывом к коренному переустройству жизни. Правда, политическая реакция, коварная тактика правящих кругов, направленная на раскол революционных рядов, и сильное влияние оппортунизма внесли разброд в среду писателей. Но именно литература, связанная с народом, отставала и развивала лучшие традиции прошлого. Гарди принадлежал к числу прямых приемников «блестящей плеяды романистов Англии, которую возглавляли Диккенс и Теккерей.

Томас Гарди (1840—1928) родился в сельской местности, неподалеку от г. Дорчестера, графство Дорсетшир, на юго-западе Англии. Он вырос в провинции, жизнь которой изучил превосходно. Интерес к литературе проявился у него рано: он писал стихи, хотя и не предполагал стать поэтом. Отец будущего писателя — выходец из дворян, потомок старинного рода Гарди из Дорсета — был мелким подрядчиком по строительству. Он определил сына в ученики к местному архитектору, под руководством которого Гарди учился и работал в течение шести лет (1856—1862). Затем он поехал в Лондон, где продолжал образование у видного архитектора и совершенствовался в избранной профессии. Годы, проведенные в английской столице (1862—1867), оказали на Гарди заметное влияние. Противоречия и контрасты большого капиталистического города усилили в нем стремление к социальной справедливости и недовольство буржуазной действительностью, а изучение прогрессивной литературы развило свободомыслие и здоровый эстетический вкус.

Занятия архитектурой шли у Гарди успешно — один из его проектов получил признание архитектурной общественности. Однако литературное призвание побудило его изменить профессию. Вернувшись в родной Дорсетшир, Гарди вскоре оставляет архитектуру и становится профессиональным писателем.

Творчество Томаса Гарди многообразно по своим жанрам и формам. Он написал четырнадцать романов, более сорока рассказов, несколько сборников стихотворений и эпико-драматическую поэму «Династы». Самые значительные прозаические произведения Гарди, наиболее рельефно раскрывающие особенности его мировоззрения, художественного метода и мастерства, входят в серию «романов характеров и быта». Этот цикл произведений состоит из семи романов, содержащих правдивые картины жизни Англии прошлого века. Их действие разворачивается на юго-западе Англии, преимущественно в южном сельском графстве Дорсетшир.

«Романы характеров и быта» свидетельствуют о глубоком и постоянном интересе их автора к судьбам английской деревни и ее обитателей. Внимательное ознакомление с биографией и творчеством Гарди позволяет увидеть за этим интересом не только своеобразие жизненного опыта писателя, но и непосредственную зависимость его как мыслителя и художника от тех социально-экономических потрясений, которые определили дальнейшее развитие сельской Англии в последнюю треть XIX века.

Время действия «романов характеров и быта» — 30—80-е годы прошлого столетия. За эти десятилетия облик английской деревни разительно изменился. В 30-х годах в ней еще сохранялось мелкое крестьянство как особый социальный слой. На родине писателя многие обычаи и нравы «старой доброй Англии», любовно описанные им, держались сравнительно долго. Однако к концу века от прежней деревни почти не осталось и следа. Сельское население неуклонно сокращалось. Оседлые батраки, как с горечью отмечал Гарди, решительно «вытеснялись мигрирующими батраками».

Гарди пишет свои романы в период нарастающего аграрного кризиса, который повлек за собой обнищание и разорение сельских труженников, безработицу, обострение классовых противоречий и стачечную борьбу батрацкой массы. Размышляя над историей английской деревни, над трагедией английского крестьянства, экспропрированного помещиками и сельской буржуазией, Гарди с искренним сочувствием относится к жертвам капитализма, к простому народу, задавленному нуждой и обреченному на полуголодное существование.

Гарди называет свои романы уэссекскими. Уэссекс — древнее английское королевство, страна западных саксов. Уэссекс Гарди не только ясно очерченно место действия его произведений — это, прежде всего определенный уклад жизни, который разрушается и гибнет под влиянием развивающихся капиталистических отношений. Описывая сельскую и провинциальную Англию 30—80-х годов и происходящие в ней коренные перемены, писатель отмечает нарастание и обострение противоречий между городом и деревней. Эволюция его представлений об этом процессе обнаруживается не только в содержании, но и в форме его произведений и, в частности, в символике названий романов.

Первая книга серии «романов характеров и быта» называется «Под деревом зеленым» (1872). Название книги может служить ключом к пониманию существенных ее особенностей. Оно заимствовано из английской народной баллады, которую распевают в комедии Шекспира «Как вам это понравится» в Арденнском лесу — этой своеобразной шекспировской утопии.

В книге «Под деревом зеленым» Гарди изображает патриархальный мирок, тщательно изолированный от противоречий капиталистического общества. Но и в ней чувствуется острая наблюдательность, стремление к жизненной правде. Даже здесь, под кронами «зеленого дерева», происходят события, которые вскрывают иллюзорность нарисованной автором идиллии.

Следующий роман называется «Вдали от безумствующей толпы» (1874), что опять-таки символично. Название заимствовано из «Элегии на сельском кладбище» Томаса Грея, в которой английский поэт XVIII века воспевал жизнь патриархального крестьянства, противопоставляя ее капиталистическому городу. «Вдали от безумствующей толпы» — это, следовательно, вдали от капиталистической цивилизации и все под тем же «деревом зеленым».

В этом романе Гарди изобличает эгоизм и безнравственность, порожденные буржуазными общественными отношениями. Но выход он по-прежнему ищет в бегстве от современной ему действительности, лелея мечту о «старой веселой Англии».

«Возвращение на родину» (1878) — третий роман серии. В нем та же коллизия, что и в предшествующих произведениях. Но уже само место действия — Эдлонская степь, связанная с именем легендарного короля Уэссек-

са Лира,— придает произведению трагический колорит. Если «Под деревом зеленым» напоминает о веселых изгнанниках, нашедших безмятежный приют в Арденнском лесу, то Эгдонская степь — о старом бездомном Лире, застигнутом бурей.

Правда, «Возвращение на родину» завершается почти идиллией и «торжеством» патриархальности. Но в данном случае точно известно, что счастливая концовка была приписана в уступку редактору журнала, в котором печатался роман; в примечании Гарди предлагает своим читателям окончить его по собственному усмотрению.

В заглавии четвертого и последних романов серии исчезает символическое отражение коллизии — капиталистическая цивилизация против сельского патриархального уклада жизни. Гарди переходит к прямой и решительной защите простого человека, ставя его в центр внимания, и это выявляется не только в системе образов, в композиции, сюжете, в пейзажных картинах и деталях, но и в заглавиях: «Тэсс из рода д'Эрбервиллей. Чистая женщина, правдиво изображенная», «Джуд Незаметный».

Особенно осязаемые изменения происходят в способе построения системы характеров. В первом произведении серии не было ни трагического героя, ни трагической коллизии. В романе «Вдали от безумствующей толпы» трагический персонаж был второстепенным в группе основных персонажей; в романе «Возвращение на родину» трагический герой как бы выходит на авансцену, но еще не является главным персонажем. В «Мэре Кэстербриджа» трагический герой уже становится главным действующим лицом. Важные изменения в разработке системы характеров были обусловлены не только совершенствованием художественного мастерства писателя, но и более глубоким пониманием существа изображаемого им конфликта.

В ранних романах серии особое значение имеет массовый герой — группа простых сельских жителей. Они выступают в роли хранителей народных традиций, воплощают в себе нравственную пору, несут дух недовольства. В романе «Мэр Кэстербриджа» бывшие труженики мирных деревень испытали «тягу в город» и очутились в его тупоходах. Теперь главное в их настроении — возмущение и протест. Идиллических и пасторальных сцен, патриархального единодушия батраков и хозяев здесь нет и в помине, а социальные грани уже обозначены достаточно четко. В «Мэре Кэстербриджа» Гарди отказывается от тенденциозной защиты патриархальных «последних убежищ», сосредоточивая основное внимание на защите человека из народа, каким был его герой Майкл Хенчард.

Вслед за «Мэром», в 1887 году, появился роман «В лесу» («The Woodlanders»). Гарди начал писать его еще в 1875 году, вскоре после выхода в свет «Вдали от безумствующей толпы». Связанный замыслом с ранними произведениями, роман «В лесу» заметно отличается от них. Автор трезво оценивает положение в английской деревне, события и поступки героев получают более ясную социальную характеристику и реалистическую мотивировку. Действие романа развертывается во второй половине семидесятих годов, в глухой лесной деревушке, но и здесь, «за воротами мира», как пишет Гарди, полную победу торжествуют капиталистические отношения. Разорение и гибель «последнего иомена» Джильса Уинтерборна писатель ставит в прямую зависимость от действий местного лесоторговца Мэлбери и помещицы Чармонд, вдовы крупного торговца железом. Гарди проводит четкую социальную грань между простыми поселянами и хозяевами деревни Хинток, обличая их собственническую мораль.

Роман «В лесу» не лишен многих недостатков ранних произведений Гарди, но в нем отчетливо сказывается реалистическая тенденция. «В лесу» — произведение переходного периода. Это и элегическое расставание с прошлым и смелые поиски новых путей творчества.

С каждым новым романом серии взгляд писателя становится более трезвым и провинциальным, правда жизни выступает все отчетливее, полнее и неотразимее, протест нарастает, делается страстным и гневным, достигая своего апогея в лучших его произведениях — в «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1890) и «Джуде Незаметном» (1896).

Мужественные выступления романиста вызвали недовольство в реакционных кругах. Редакторы различных английских журналов единодушно отказались публиковать «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», и знаменитый писатель решил тогда во всеулышание сказать правду о «свободе» печати. В 1890 году в журнале «Нью ревью» Гарди опубликовал статью под знаменательным заголовком: «Честность в английской литературе». «Если писатель когда-нибудь и плачет,— заявил он,— то, вероятно, когда он впервые узнает, как дорого приходится расплачиваться за право писать на английском языке».

За то, что автор «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» и «Джуда Незаметного» отказался принять нормы «честности», которые обязывали его обманывать народ, он подвергся ожесточенной травле. Это было одной из главных причин, ренивших судьбу Гарди-романиста. «Джуд Незаметный» (1896) так и остался его последним романом.

* * *

В романе «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» Гарди рассказывает волнующую историю жизни батрачки Тэсс — светлой, обаятельной, чистой женщины, которую буржуазное общество с его лицемерной моралью обрекает на муки, толкает на преступление и, наконец, казнит.

«Почему,— спрашивает писатель,— случилось так, что эта прекрасная женская душа, чувствительная, как паутинка, и в сущности чистая, как снег, обречена была погнеться клеимо? Почему так часто верх берет грубая сила?..»

Последовательно, фаза за фазой, прослеживает Гарди события жизни своей героини и ее духовную эволюцию, с неотразимой логикой и художественной убедительностью выявляя причины, приведшие на виселицу честную, мужественную и самоотверженную труженицу.

Лишится и нужда гонят Тэсс из родного дома. Она становится жертвой беснуется богатого бездельника Алека д'Эрбервилля и мучительно переживает свое «падение». Ее скорбь усиливается внутренней безоружностью перед невежественным и ханжеским «общественным мнением», которое угрожает небесными и земными карами.

Но как только гнет нужды и предрассудков слабит, Тэсс оживает. В ней пробуждается нежное, светлое, возвышенное чувство. Перед читателем возникает поэтический образ деревенской девушки, доньлицы на молочной ферме Тэлботгейс, «Мрачные призраки», обступившие Тэсс и тяготившие ее душу, блекнут в сиянии ее любви к Энджелу Клэру. Однако «ангел» либеральной добродетели (Angel — Энджел, по-английски — ангел) встречает исповедь Тэсс с холодной жестокостью.

Энджел не похож на правоверных представителей своей среды с их мелким снобизмом и самодовольной приверженностью к установленному порядку вещей. Он выгодно оглядается от братьев Катберта и Феликса, отмеченных сатирической авторской характеристикой. Ему претит религиозная взвинченность и чопорная добродетель Мерси Чант, которую прочат ему в жены его родители. Энджел Клэр, по словам писателя, «человек с чистой совестью», с похвальным стремлением отстоять независимость своих убеждений. Однако его свободомыслие не глубоко и не прочно. Устремленность к возвышенному в нем рассудочна, а чувства скованы догмой. Он «раб условностей», и его отношение к Тэсс лишний раз свидетельствует о жалком бездушии и немощи либеральной порядочности, о мешанской ограниченности, свойственной тому самому классу, с которым он силится порвать.

Тэсс с горечью убеждается, что жестокое и лицемерное «общественное мнение» — не призрак, что оно существует не только в ее воображении и не только за пределами ее «светлого круга» на ферме Тэлботейс. Быстро блекнут радужные краски мимолетной идиллии, обнажая суровую действительность. Новые тяжкие испытания неумолимо обрушиваются на Тэсс. Типичность ее судьбы подчеркивается историей жизни ее подруг — батрачек Изз, Мэриэн и Рэтти. Лишняя, безработица приводят их всех на ферму Флинтком-Эш, а здесь их ждет изнуряющий и безысходный труд.

Для Гарди жизнь невысказана без труда, трудом определяется нравственный облик человека, труд — источник поэзии. Только среди тружеников находит он непосредственность человеческих отношений, простоту и возвышенность чувства, бескорыстие помыслов и поступков. Но он видит, как подневольный труд калечит и принижает человека. Молотилка на ферме Флинтком-Эш не облегчает тяжесть труда для Тэсс и ее товарок, а делает его еще более изнурительным и отупляющим. В этих условиях ломается жизнь милой и доброй Мэриэн, слабеет ее воля к сопротивлению невзгодам, единственную отраду она находит в вине. Но и в ней не угас дух товарищества. Она искренне сочувствует Тэсс и в тяжелую минуту оказывает ей поддержку.

Духовно и физически измученная, снова искушаемая тем, кто обрек ее на страдания, Тэсс становится к тому же и невольной причиной несчастья близких ей людей. Ради них она идет на жертву. Но она не может изменить себе, тому, что делает ее чистой женщиной, и в порыве возмущения и отчаяния убивает Алека д'Эрбервилля, видя в нем причину всех бедствий своей загубленной жизни. Ее порыв стихнет и слеп, но в нем сказывается острота и непримиримость социального конфликта.

Несмотря на страдания, пережитые, Тэсс, она, как молодой росток, тянется к свету, к радости и счастью — столько в ней, в этой простой женщине, жизненных сил, стойкости и жадной любви, готовой к любым испытаниям. Она пленяет цельностью своего характера, свежестью и прямоотой чувств, бескорыстием поступков.

В повествовании о Тэсс писатель раскрывает не только тему жизни простого человека в условиях капитализма, но и связанную с ней тему исторической судьбы английского крестьянства.

Дарбейфилды — могикане старой английской деревни. Они принадлежали к числу семей, которые, по словам Гарди, составляли в прошлом ее костяк. Их гонят из родного дома, и горестная история батрачки Тэсс — образный эпизод трагедии английского крестьянства.

Однако Джон Дарбейфилд не просто пожизненный арендатор, он — «сэр Джон» и исходит «по прямой линии от древней рыцарской семьи д'Эрбервиллей». А Тэсс не просто крестьянская дочь и батрачка, она — Тэсс из рода д'Эрбервиллей. «...Дарбейфилдов, — пишет Гарди, — бывших некогда д'Эрбервиллями, постигла та же участь, на которую, в бытность свою олимпийскими богами графства, обрекали они не раз, и довольно жестоко, таких же безземельных крестьян, какими стали теперь сами». Нельзя не видеть горькой иронии в той настоячивости, с какой писатель говорит о Тэсс — наследнице рыцарей-феодалов.

В сказании о Тэсс из рода д'Эрбервиллей Гарди дает своеобразное художественное раскрытие исторического факта: в процессе развития капиталистического общества совершалась беспощадная экспроприация сельских тружеников.

В «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» ненадолго вновь возникает островок мирной патриархальной жизни — мыза Тэлботейс. Несмотря на широкий круг тем, затронутых в романе, Гарди по-прежнему изображает замкнутый сельский мирок, стесненный пространством, откуда неотвратимо надвигаются чуждые и разрушительные силы.

Гарди хорошо понимает психологию сельского труженника, еще далекого от борьбы пролетариата или слабо связанного с ней, и убедительно показывает, что в его восприятии конкретные явления капиталистической действительности становятся проявлением чего-то непонятного и враждебного, каких-то коварных происков невидимого врага, приносящего несчастье. Но Гарди отчасти и сам оказывается в плену у подобного рода представлений. Даже в лучших его произведениях дают о себе знать ошибочные взгляды, мрачные, пессимистические настроения и некоторые антиреалистические тенденции. Гарди хочет говорить только правду о положении человека в буржуазном обществе, и он говорит о жестокости этого общества. Но Гарди выделяет лишь одну историческую коллизию—коллизию между деревней и капиталистической цивилизацией, и эта ограниченность лишает его ясной перспективы.

Врачим трагизмом отмечен и последний роман серни. Историею его героя, каменотеса Джуда Фаули, нередко считают «мужским вариантом» «Тэсе из рода д'Эрбервиллей». Джуд обречен на хождение по мукам в силу тех же причин, которые обрекли честную женщину окончить жизнь на виселице.

У деревенского мальчика Джуда появляется страстное желание «найти какое-нибудь место, которое он мог бы назвать прекрасным». Мечта Джуда постепенно воплощается в форму конкретного стремления— он мечтает попасть в «интеллектуальную и духовную жигниццу Англии»— Оксфорд, который в романе именуется Кристинистером. Здесь Джуд надеется найти достойное применение своим силам, однако его жизнь, по словам автора, оказывается «трагедией неосуществленных замыслов».

Джуд вскоре убеждается, что «интеллектуальная и духовная жигницца» предназначена только для представителей господствующих классов буржуазно-помещичьей Англии.

Джуд встречает смелую духом, честную и свободомыслящую Сью, в нем рождается любовь, которая «сильна, как смерть», но на пути этой любви одна за другой встают социальные преграды. На Джуда и Сью обрушиваются многочисленные беды. Их преследуют безработица, нужда и фаризейское «общественное мнение».

Сью начинает страдиться буржуазного «аз воздам», воспринимая социальную несправедливость в религиозно-мистическом освещении. Джуд становится свидетелем ее юродства, гибели ее некогда светлого и свободного сознания.

Обращение Сью на «путь истинный» изображается Гарди как преступление против человечности. Тем, что Сью принимает буржуазные и религиозные догмы за истину, она губит себя, уничтожает в себе человека, становится живым трупом. Джуд приходит к убеждению, что противоречие не в нем самом, а в окружающем его мире, что порочны не его мечты и стремления, а порочна социальная действительность, не дающая им возможности осуществиться.

Но Джуд, как и Сью, не знает выхода. Как и все предшествующие ему трагические герои Гарди, Джуд уходит из жизни не смиряясь, без христианского покаяния. Негодование позволяет ему сохранить достоинство, но жизнь сокрушает его и повергает в скорбное отчаяние.

Батрачка Тэсе и каменотес Джуд принесли с собой нечто новое в английской классической роман. Они утратили веру в христианские добродетели и отказались от сентиментального компромисса с буржуазной моралью. Дух протеста в них нарастает и крепнет, становится страстным и гневным.

С появлением «Джуда Незаметного» усиливается травля писателя. Он находится под постоянной угрозой судебного преследования. Его клеймят в печати, ему угрожают расправой в анонимках.

Гарди обращается к поэзии. «Быть может,— записывает он в дневнике,— я смогу в стихах полнее выразить мысли и чувства; проговореча-

ще косному, застывшему мнению, твердому, как скала, которое поддерживается людьми, вложившими в него капитал», И еще: «Если бы Галллей сказал стихами, что земля вертится, инквизиция, возможно, оставила бы его в покое».

В 1898 году выходят его «Уэссекские стихотворения». Уэссекскими назывались романы Гарди,— так же озаглавил он и свой первый поэтический сборник. Он стремится к безыскусственной правде и выразительности фольклора, пишет песни в духе народной поэзии. В его лирике звучит голос простого народа, он отчетливо слышен и в стихотворениях, обличающих несправедливые войны. В стихотворении «Человек, которого он убил» (1902), которое было откликом на захватническую войну Великобритании против южно-африканских бурских республик, солдат спрашивает себя, почему простые люди в солдатской форме убивают друг друга, почему он убил человека, который, верно, был таким же обездоленным, таким же безработным, как и он сам. «Да, непонятна мне война»,— заключает солдат свои размышления.

С 1903 по 1908 год одна за другой выходят в свет три части эпико-драматической поэмы «Династы», написанной белыми и рифмованными стихами в сочетании с прозаическими высказываниями действующих лиц и пространными ремарками самого автора. Это огромное по объему — девятнадцать актов и сто тридцать картин,— монументальное произведение. В нем идет речь о событиях наполеоновских войн, о трагедии простых людей, против которых замышляют коварные правители и на чьих костях создают себе мнимое величие, о крушении преступных претензий претендента на мировое господство. Повествование об исторических фактах сливается в драме с философскими и лирическими размышлениями. Хотя это произведение Гарди трудно для восприятия, проникнуто мрачным настроением и фаталистическими мотивами, в нем отчетливо выражена любовь к простым людям, гневное возмущение теми, кто несет им страдание и гибель, и вера в то, что «правители падут» и восторжествует справедливость.

Гарди был противник первой мировой войны, он не мирится с шовинистической пропагандой милитаристов и их литературной челяди. В стихотворении «Во времена истребления народов» (1915) он убедительно и проникновенно выражает мысль: любовь, как и жизнь, непобедима, народ и труд вечны, а династии и войны навсегда исчезнут с лица земли.

В 1919 году, участвуя в борьбе за мир и свободу, Гарди ставит наряду с Анатолем Франсом и Роменом Ролланом свою подпись под манифестом «Кларта» — международной группы писателей, созданной Анри Барбюсом.

«Пусть, наконец, будет правда, хотя б она вела к отчаянию»,— говорил автор «Тэсс» и «Джуда». Его пессимизм чужд нашему сознанию. Но правда, которая наполняет лучшие произведения Томаса Гарди, классика английского романа прошлого века, питает живую память о нем в наши дни.

Настоящий перевод романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» выполнен по изданию 1918 года, в которое включены все поправки и дополнения, внесенные в роман самим автором начиная с 5-го издания.

М. Урнов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>фаза первая.</i> Девушка	3
<i>фаза вторая.</i> Больше не девушка	66
<i>фаза третья.</i> Выздоровление	89
<i>фаза четвертая.</i> Последствия	134
<i>фаза пятая.</i> Женщина расплачивается	197
<i>фаза шестая.</i> Обращенный	263
<i>фаза седьмая.</i> Завершение	318
Послесловие. <i>М. Урнов</i>	345

ТОМАС ГАРДИ ТЭСС ИЗ РОДА Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ

Зав редакцией *Л. А. Авакимова*
Наблюдающая за выпуском *И. В. Касилова*
Художник *Н. Н. Пирогов*
Художественный редактор *М. Эргашева*
Технический редактор *В. В. Мещерякова*
Корректоры *О. Сучкова, Н. М. Полонская*

ИБ № 2074

Сдано в набор 28.05.93. Подписано к печати 03.08.93. Формат 60×84^{1/8}. Бумага типографская № 2. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 20,46. Усл. кр.-отг. 20,92. Уч.-изд. л. 23,9. Изд. № 28—93. Тираж. 100 000 экз. Заказ № 4344. Цена договорная.

Ташкентское издательско-полиграфическое объединение имени Иби Сины Государственного комитета по печати Республики Узбекистан.

Издательство имени Иби Сины, 700129, Ташкент, Навои, 30.

Типография № 1 Государственного комитета по печати Республики Узбекистан, 700002, Ташкент, ул. Сагбан, туп. 1, дом 2.